

Сравнительно-историческое исследование

**Проект «сиNус»
2019 г.**

Заритовский А. Н.

Иन्हроника цивилизаций. Книга вторая «Явление». Часть 1: Сравнительно-историческое исследование. – Проект «сиNус», 2019. – 278 с.

В первой части второй книги «Иन्हроники цивилизаций», продолжая опираться на введенный и обоснованный в первой книге совершенно новый так называемый инхронический подход, исследуются ключевые археологические культуры среднего и позднего бронзового века Евразии III-II тыс. до н.э. При этом основное внимание уделяется индоевропейским миграциям и оловянно-бронзовой торговле на континенте.

КНИГА ВТОРАЯ

ЯВЛЕНИЕ

Часть 1

Оглавление

3

Хронография №4. «Осевая» инхроника
(~3200 г. до н.э. – ~120 г. до н.э. ÷ ~220 г. н.э.)

Первый этюд: «Ось»	4
Второй этюд: «Аридные истоки ИндоЕвропы»	17
Третий этюд: «Аридная ИндоЕвропа»	48
Четвертый этюд: «Тропою мертвых... и живых»	89
Пятый этюд: «Переплетения дорог и судеб»	101
Шестой этюд: «Тохарский карамболь»	117
Седьмой этюд: «Битва за Север I: Сейма»	149
Восьмой этюд: «Битва за Север II: Бабино»	162
Девятый этюд: «Битва за Север III: Абашево»	172
Десятый этюд: «Битва за Север IV: Эрлитоу»	182
Одиннадцатый этюд: «Битва за Север V: Синташта»	196
Двенадцатый этюд: «Битва за Север VI: Третий ВОП»	209
Тринадцатый этюд: «Неоконченный полуфинал»	237
Заключение	251

258

Литература

270

References

ХРОНОГРАФИЯ №4

«Осевая» инхроника

(~3200 г. до н.э. – ~120 г. до н.э. ÷ ~220 г. н.э.)

ПЕРВЫЙ ЭТЮД: «Ось»

Как можно было заметить, до сих пор в первой книге “Ихроники цивилизаций” я тщательно избегал вопросов прародин языковых общностей и вообще каких бы то ни было связей археологических культур с историческими этносами: и в отношении семитов (почти), и в отношении шумеров^[1], а уж тем более касательно столь жаркой остродискуссионной темы, как прародина индоевропейцев и их миграции, поскольку отчасти разделяю радикальную точку зрения известного болгарского археолога Лолиты Николовой по поводу неправомерности привязки археологических контекстов и генетических данных к конкретным языковым сообществам^[2]. Но только отчасти... В конце концов, никто ведь не отменял метод прохождения по цепочке сменяющих друг друга археологических культур с выходом в конце цепочки на культуру, чья надежно подтверждаемая письменными источниками культурная, этническая и языковая атрибуция ни у кого не вызывает сомнений, который широко применяется в современной археологии и, думаю, будет применяться впредь. Иногда успешно, иногда не очень, а порою так и вовсе – в огороде бузина, а в Киеве дядька, в точности по Николовой. Дело не в самом методе, а в интерпретирующей мощи той модели, в рамках которой реализуется данный прием последовательной привязки археологических данных к надежным финальным историческим свидетельствам. И если в результате гипотеза этноязыковой атрибуции той или иной археологической культуры органически укладывается в данную интерпретирующую модель, являясь лишь еще одним *косвенным* свидетельством истинности заложенных в ее основу положений, которые в свою очередь базируются на совершенно иных концепциях (например, на лингвистических), по природе своей в корне отличающихся от применяемых в исследовании сменяющих друг друга археологических культур, то... почему бы и нет?

Да, конечно же, возможны случаи, когда смена археологической культуры, отнюдь не означает смену языка и/или населения, как при распро-

^[1] В связи с шумерами кажется интересной идея Джоан Оутс, обратившей внимание на имеющую место культурную непрерывность нижнемесопотамских археологических материалов от начала убейдского периода до появления шумерской цивилизации, которая считала, что никакие вторжения и миграции за это время в Нижнем Двуречье не наблюдаются, и что древнее убейдское население – это и есть шумеры клинописных текстов (J. Oates, “Ur and Eridu, the Prehistory”, Iraq, 22, 1960, pp. 32–50). И все-таки здесь тоже не все так гладко, как это выглядит чисто внешне в керамике, архитектуре и пр. Да, археологические контексты, может, и показывают культурную непрерывность, а как же тогда быть со сменой культурной, политической и экономической доминанты во взаимодействии общества Нижней Месопотамии с окружающими его социумами, которая отчетливо наблюдается в переходе от периода Убейд к периоду Урук во второй половине V тыс. до н.э. и далее в первой половине IV тыс. до н.э.? Разумеется, данный момент вполне можно объяснить сменой или коррекцией ответов, реализуемых нижнемесопотамским обществом, как это и было сделано мною в первом томе, и все-таки в убейдско-урукском переходе остается место также и для различных *этнических* коллизий, существенно не изменивших *археологическую* картину развития Нижней Месопотамии.

^[2] См. на сайте Генофонд.рф (http://генофонд.рф/?page_id=7492) перевод ее критической статьи (L. Nikolova “Paradigm as a Buried Method in the 21st Century (Pseudoscience in «Massive Migration from the Steppe was a Source for Indo-European Languages in Europe»)”, Publication of the International Institute of Anthropology, Salt Lake City: International Institute of Anthropology, 2015) в ответ на нашумевшую статью группы не менее известных генетиков и археологов по расселению индоевропейцев в Европе (W. Haak et al. “Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe”, Nature, 522, 2015, pp. 207–211).

странении каких-то существенных инноваций или при кардинальных сменах ответов общества на внешние воздействия (к примеру, климатические), пусть даже изменения эти сопровождаются столкновениями и разрушениями (распад балканских центров БКМП тому наглядный пример). Или, наоборот, в пределах одной археологической культуры могут происходить серьезные подвижки населения, практически никак не влияющие на ведущие культурные признаки, когда местное население вполне успешно, а главное, очень быстро, ассимилирует все пришлые элементы. Естественно, все это может происходить, но в общем и целом обычно неявно подразумевается некоторая корреляция между археологическими признаками сообщества и этнокультурным обликом составляющего его населения, в том числе и в отношении древних сообществ. И что самое интересное, чаще всего такие негласные предположения работают, а порою и находят себе подтверждения – со временем, по мере ввода в научный оборот новых археологических свидетельств.

С появлением же первых цивилизаций на планете, а особенно после последовавшего вскоре прохождения примерно в 3000 г. до н.э. инхроимпульса новой инхроники и начавшихся масштабных дальних миграций индоевропейских племен по всей Евразии, вопрос этнической и языковой принадлежности постоянно перемещающихся масс населения и связанных с ними археологических культур встает особенно остро. И без более или менее вразумительного ответа на него вряд ли можно будет пробиться к правильному пониманию происходивших в то время исторических процессов – даже с применением инхронического подхода.

Однако начнем мы, как водится, с самого главного: что, где, когда? Что составляло содержание новой инхроники, которую уже давно пора хоть как-то поименовать, пусть даже и раньше времени. Назовем ее “осевой” инхроникой... или прямо так, без кавычек – осевая инхроника, – почему столь странное название, узнаем чуть позже. Где, к какому сообществу прошел осевой инхроимпульс, а когда это случилось, мы выяснили еще в первой книге – в ~3000 г. до н.э... И для начала вспомним, что нам удалось узнать об осевой инхронике в этюдах предыдущей Хронографии №3.

Во-первых, что наряду с первыми миграционными ответами одним из самых первых осевых ответов был оловянно-бронзовый ответ. А это в свою очередь позволяет предположить, что новая осевая инхроника, как и аридная инхроника, каким-то образом имела отношение к развитию металлургических технологий в обществе.

Во-вторых, то ли проникновение осевой инхроники в Иран, то ли распространение осевого оловянно-бронзового ответа на восток, а может, и какие-то другие осевые ответы некоторых сообществ, синхронные продвижению оловянистой бронзы на восток, привели к краху восточной протоэламской торговой сети в 2900/2800 г. до н.э. Таким образом, можно ожидать, что либо сама осевая инхроника, либо же один из ответов на нее имели какое-то отношение также и к торговле.

В-третьих, в конце III тыс. до н.э. осевая инхроника проникает и в Китай, что нашло свое отражение во взлете здесь оловянно-бронзовых металлургических технологий. Однако стремительное развитие оловянно-бронзовой металлургии в это время странным образом затронуло лишь Северный Китай, а в Южном практически никак не проявилось. Тому мог способствовать ряд причин, не исключено, что действующих совместно: 1) возможно, южнокитайские сообщества имели самое что ни на есть прямое и непосредственное отношение к ведущему потоку осевой инхроники; 2) осе-

вая инхроника со своими ответами могла входить в конфликт с некоторыми аридными ответами южнокитайских сообществ, как это имело место в случае протоэламской восточной торговлей, что также препятствовало бы ее распространению в Южном Китае; 3) и, наконец, какие-то совершенно сторонние восточноазиатские, скорее всего, аридные по своему происхождению явления и обстоятельства могли не позволять южнокитайским сообществам своевременно и эффективно вырабатывать ответы на осевую инхронику, что в итоге тоже тормозило бы продвижение осевой инхроники на южнокитайских территориях; в роли такого тормозящего Южный Китай стороннего фактора могло бы успешно выступить зависимое инхроническое положение южнокитайских (и не только) культур от культуры хэнаньского луншаня на Средней Хуанхэ как движителя всего китайского социально-политического развития в аридной инхроне, о чем подробнее говорится в последнем этюде Хронографии №3.

В-четвертых, отмечено некое довольно-таки странное взаимодействие осевой инхроники с майкопской культурой, точнее, с майкопским торгово-металлургическим аридным ответом, поскольку где-то с того же саκραментального 3000 г. до н.э. майкопский ответ в восточноевропейских ямных сообществах и среди афанасьевцев Южной Сибири начинает стремительно уступать свое место такому же торгово-металлургическому нижне-сопотамскому аридному ответу, который в этих регионах возможно, уже сумел подстроиться под новую осевую инхронику. А сама весьма неординарная майкопская культура Северного Кавказа тотчас сходит на нет и исчезает с исторической сцены.

Как видим, осевая инхроника демонстрирует связи с оловом, торговлей, Южным Китаем и майкопской культурой. Про Майкоп – особый разговор, – и об этом мы поговорим в конце этюда, а вот на первых трех позициях стоит заострить наше внимание прямо сейчас.

И самый первый вопрос: при чем здесь Китай? Как было показано в конце первой книги, движение китайских сообществ к цивилизации началось с ~3500 г. до н.э., когда здесь впервые прорезаются следы быстрого социального усложнения общества, *опережающие* потребности настоящей неолитической действительности. Другими словами, появление самостоятельной восточноазиатской цивилизации, независимой от переднеазиатской, стало фатальным и неизбежным где-то в середине IV тыс. до н.э., когда в Китай проникла аридная инхроника, скорее всего, от афанасьевцев, и от одного из только-только формируемых китайских ответов на нее прошел внутренний инхроимпульс к процессу социально-политического развития местных сообществ. Инхроимпульс мог исходить только от экономических процессов существовавшего в Китае во второй половине II тыс. до н.э. первого китайского цивилизованного сообщества (т.е. государства) династии Шан и окружающей его пока что нецивилизованной торговой периферии, которым для успешного осуществления стоящих перед ними хозяйственных, экологических (точнее, гидрологических) и торговых задач уже требовалось существенно более сложно организованное иерархическое общество. Тогда как переднеазиатское движение к цивилизации началось на тысячу лет раньше, и когда во второй половине IV тыс. до н.э. в Китае только начались первые подвижки к цивилизации, на Ближнем Востоке уже появились развитые цивилизованные культуры – шумерская и египетская.

Таким образом, к ~3000 г. до н.э., когда прошел импульс осевой инхроники, переднеазиатская цивилизация уже существовала, и уже стало неизбежным появление восточноазиатской цивилизации во II тыс. до н.э. В

таким случае можно ожидать, что и возникновение торговых и культурных связей между двумя этими первыми очагами цивилизации стало с ~3000 г. до н.э. столь же неизбежным делом. А если учесть интенсивное взаимодействие осевых эффектов с торговыми аридными ответами (протоэламским и майкопским) и некую пока не совсем понятную роль Китая во всем этом, то можно предположить, что осевой инхроимпульс в ~3000 г. до н.э. пришел от процесса установления торговых и культурных связей между двумя цивилизациями. Если же взглянуть несколько шире, то получается, что ведущим процессом осевой инхроники может быть появление и развитие будущих мировых торговых путей. Мировых в том смысле, что в их установлении участвовало народонаселение множества самых разных обществ, этносов, стран и цивилизаций. Это же в свою очередь означает, что сети мировых торговых путей не принадлежали подсистемам и процессам социумов вышеуказанных стран, народов и цивилизаций, а являлись неотъемлемой частью социальной суперсистемы, обрамляющей их всех и другие социумы, пока не принявшие участия в установлении мировых торговых и иных связей, т.е. всего человечества как единой социальной системы.

При этом процесс зарождения сети мировых торговых сетей, скорее всего, был совершенно спонтанным процессом, не являясь, таким образом, каким-либо ответом на какую бы то ни было инхронику или другие вызовы, поскольку у нас на протяжении всей мировой истории не имеется ни единого примера формирования и реализации некоего ответа именно всем человечеством в целом^[3], а не какой-то его отдельной частью с последующим распространением ответа на остальные части, причем чаще всего далеко не на все. Даже самые первый верхнепалеолитический ответ на экологическую инхронику в виде универсальной адаптации в процессе расселения людей по планете сразу же распались на два существенно разных ответа – собирательский и охотничий – с последующим их дроблением по расселявшимся протоплеменам. И этой своей спонтанностью процесс формирования сети мировых торговых путей весьма сильно напоминал то, как формировалась надрегиональная сфера взаимодействия PPNB в Передней Азии десяти тысячелетней давности. При том что корни возникновения мировой торговой сети уходят во взаимодействие нижнемесопотамского и майкопского аридных торгово-металлургических ответов по построению двухполярной продовольственно(ремесленно)-металлургической(сырьевой) обменной сети и сферы культурного взаимодействия, предназначенной для обеспечения решения задач нижнемесопотамской крупномасштабной ирригации в конце аридной инхронизации. То есть во вполне себе планируемое (разумеется, условно говоря, планируемое) “ответное” взаимодействие обоих полюсов, чьи кооперация и противоборство в конце концов дотянулись аж до Средней Азии и Алтая, выйдя на границы восточноазиатской ойкумены. Что и способствовало проникновению аридной инхроники в Китай через афанасьевских посредников и началу там цивилизационного развития, создав тем самым все необходимые условия для установления в будущем стабильных устойчивых связей между переднеазиатской и восточноазиатской цивилизациями. Таким образом, мы видим, что именно предшествующее инхронико-историческое развитие в аридной инхронизации подготовило почву для прохождения инхроимпульса именно торговой природы от мирового спонтанного процесса возникновения взаимодействия между различными цивилизациями.

^[3] О вероятных причинах такого положения дел можно почитать в другой моей работе под названием “Ступени иерархии”.

Так что, ввиду того что ведущий процесс целиком и полностью принадлежал исключительно общечеловеческой социальной системе, можно смело отбросить первую причину (возможную принадлежность южнокитайских социумов ведущему потоку) того, почему осевая инхроника не проникла в Южный Китай, когда она проникала в Северный.

Конечно, еще требуются найти подтверждающие синхронизмы между ведущим и ведомыми социальными процессами, вычлнить синхронные взрывоподобные явления... Хотя на один такой взрыв мы уже указали в самом начале этюда – осевые индоевропейские расселения. Но уже сейчас можно выдвинуть осторожное предположение, что импульс осевой инхроники в ~3000 г. до н.э. пришел от всем известного события мирового торгового производственного процесса, а именно, от начала зарождения Великого Шелкового пути (ВШП) в конце II в. до н.э., т.е. от первой мировой торговой и культурной Оси, – хотя бы в качестве нулевой гипотезы, а там видно будет... Вот почему и сама инхроника названа осевой, плюс, конечно, реминисценции от Карла Ясперса, но об этом тоже не здесь и не сейчас. Но почему торговая ось между двумя цивилизациями – переднеазиатской и восточноазиатской – возникла так поздно, если обе они уже существовали с середины II тыс. до н.э.? С ответом на этот, казалось бы, простой вопрос мы будем разбираться во всех последующих этюдах данной хронографии...

И тогда следом второй вопрос: а при чем же здесь олово и оловянистая бронза? Взглянем на карту распределения месторождений олова по Евразии:

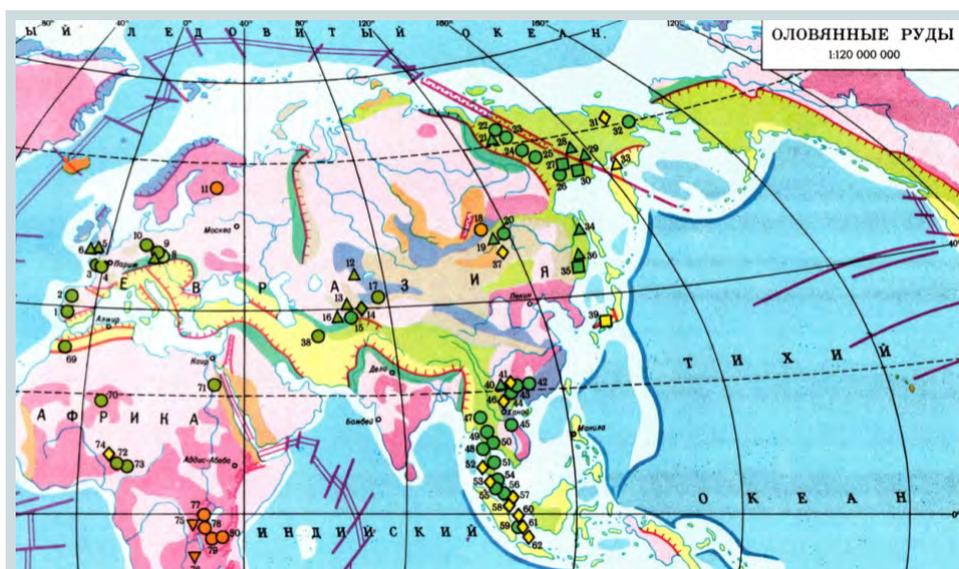

Рис. 4.1

Карта распределения месторождений олова по Евразии

(Фрагмент карты взят из С. Ф. Лугов "Оловянные руды" в Е. А. Козловский (ред.). "Горная энциклопедия", Том 3, М.: Советская энциклопедия, 1987, стр.565–567 с электронной версии энциклопедии по адресу <http://www.mining-enc.ru/o/olovyannye-rudy>)

Как видим, наиболее крупным оловодобывающим районом является регион Южного Китая – Юго-Восточной Азии, следом идет Якутия, выделяются также афгано-среднеазиатские и забайкальские месторождения. К последним, наверное, следовало бы добавить еще и олово Алтая, почему-то не отображенное на данной карте. Поэтому пока что обобщим эту оловянистую область под названием байкало-алтайские месторождения.

Что касается Передней Азии, то самые ранние достоверные свидетельства эксплуатации оловянных рудников в переднеазиатском регионе от-

носятся к началу оловодобычи на рудниках Центральной Анатолии (на данной карте не отмеченных, видимо, ввиду их незначительности) в 3240-3100 гг. до н.э.^[4], что довольно-таки синхронно началу протоэламской торговой экспансии в конце IV тыс. до н.э. по территории Ирана в восточном направлении^[5] – в основном в сторону Афганистана и Средней Азии. Но самое интересное, что то и другое началось еще до прохождения импульса осевой инхроники, а значит и до распространения оловянно-бронзового ответа на нее, и не исключено, что оба процесса (оловодобывающий анатолийский и торговый протоэламский) были связаны меж собой не только хронологически. Переход с мышьяковой бронзы на оловянную, похоже, был каким-то образом связан еще и с зарождением в Нижней Месопотамии переднеазиатской цивилизации где-то в это же время 3150/3100 г. до н.э. (начало периода Джемдет-Наср^[6], переходного к цивилизации). Можно сказать еще определеннее: именно оловянная специфика анатолийского металлургического события, скорее всего, была вызвана уже давно вызревавшей потребностью сиро-месопотамского мира в большем количестве металла (в данном случае бронзы) вообще и в качественном бронзовом литье в частности, что стимулировало расширение меднорудной базы за счет перехода к выплавке меди из окисленной руды кислых пород, а затем и из сульфидных руд. Однако новые руды плавилась при существенно более высокой температуре, добавляемый во время выплавки мышьяк начинал испаряться, и в результате, естественно, никакой качественной бронзы. Выход был найден как раз в оловянных лигатурах, которые добавлялись не на стадии выплавки из руды, а позже прямо в металл. Кроме того, выплавленная при более высоких температурах оловянная бронза обладала большей текучестью и позволяла осваивать более сложные литейные технологии, например, в области тонкостенного литья^[7].

И тогда велика вероятность того, что и развитие протоэламской торговли в восточном направлении также были вызваны растущими металлургическими потребностями в олове подошедшей вплотную к цивилизации шумерской Нижней Месопотамии. В таком случае синхронность всех трех событий, казалось бы, могла носить чисто причинно-следственный характер.

И все же для обычных причинных связей перечисленные даты (начало разработки оловянного рудника Кестел на склонах Тавра в южной части Центральной Анатолии, начало протоэламской восточной торговли и первые ростки переднеазиатской цивилизации в Нижней Месопотамии) хронологически уж слишком близко расположены друг к другу. К тому же появившиеся с начала периода Джемдет-Наср в 3150/3100 г. до н.э. явные признаки перехода к цивилизации – события, претендующего на роль общей для двух других событий причины, – просматриваются пусть и немного, но все-таки позже, как минимум, одного из этих событий, а именно – начала разработки рудника Кестел в ~3200 г. до н.э. Да, уже сформировавшиеся потребности нарождающейся переднеазиатской цивилизации в большем коли-

^[4] K. A. Yener et al. "New tin mines and production sites near Kultepe in Turkey: a third-millennium BC highland production model", *Antiquity*, 89 (345), 2015, pp. 596–612.

^[5] B. Helwing "The Iranian Plateau" in D. T. Potts (ed.) "A companion to the archaeology of the ancient Near East", Wiley-Blackwell, Chichester, 2012, pp. 501–511.

^[6] H. Crawford (ed.) "The Sumerian World", N.Y.: Routledge, 2013, p. XXIII, Table 0.2.

^[7] S. A. Grigoriev "Social Processes in Ancient Eurasia and Development of Types of Alloys in Metallurgical Production", *Archaeoastronomy and Ancient Technologies*, 5(2), 2017, pp. 17–41; С. А. Григорьев "Металлургическое производство в Северной Евразии в эпоху бронзы", Челябинск: Цицеро, 2013.

честве металла и в более продвинутых оловянно-бронзовых технологиях определили “оловянный” характере двух других явлений (анатолийского металлургического и протоэламского торгового), и тем не менее, судя по всему синхронность всех трех перечисленных событий имела причинно-инхроническую, а не обычную причинно-следственную природу. Но тогда синхронность всех трех событий должна была бы определяться привязкой к некоему событию в аридном ведущем демографическо-климатическом процессе в Сахаре.

И что самое примечательное, такое событие и впрямь имеется – это окончание исхода сахарских племен из Сахары в связи с растущей аридизацией климата, наблюдаемое на графике зависимости заселенности Сахары от времени, как окончание резкого спада численности населения Сахары в ~3200 г. до н.э. после завершения африканского гумидного периода^[8].

Как было предположено выше, протоэламиты своими иранскими торговыми городами и маршрутами, являвшимися такой же частью аридного нижнемесопотамского торгово-металлургического ответа, как и добыча олово на анатолийском руднике Кестел, наверняка, тоже продвигались к каким-то оловянно-рудным месторождениям. Учитывая же главные направления их восточной торговой экспансии, можно указать точнее – к афгано-среднеазиатским оловянным запасам. А осевая инхроника, сама “оловянная” по своей природе (исходя из осевого оловянно-бронзового ответа на нее, см. последний этюд Хронографии №3), почему-то вошла в противоречие с этими их восточными устремлениями, что в 2900/2800 г. до н.э. и привело к упадку протоэламских городов в Иране...

И мы уже имеем некоторые основания утверждать, что ожидаемая в будущем торговое взаимодействие между переднеазиатской и восточноазиатской цивилизацией каким-то загадочным образом связана с оловянными месторождениями и масштабной торговлей именно оловом, а осевой оловянно-бронзовый ответ (массовый переход с мышьяковой бронзы на оловянистую, по мере доступности тех или иных оловянных месторождений) являлся не чем иным как аридным нижнемесопотамским торгово-металлургическим ответом, приспособленным к “оловянной” реальности будущего взаимодействия двух цивилизаций. Что может означать лишь одно: ожидаемый маршрут будущей торговли между цивилизациями либо проходил вблизи достаточно мощных оловянных залежей (таких, которые могли бы перевесить перспективы разработки афгано-среднеазиатских рудников), либо данный оловоносный район был расположен близ территорий одной из цивилизаций или даже прямо на них. А поскольку ни на территориях самой Передней Азии, ни в достаточной близости от нее ничего подобного не наблюдается, остается Восточная Азия.

Вновь обратимся к карте на Рис. 4.1. Как видим из Передней Азии к главным евразийским оловодобывающим районам Якутии и Юго-Восточной Азии ведут два маршрута. Первый – почти по прямой через афгано-среднеазиатские месторождения к байкало-алтайским залежам и далее в Якутию. Второй – уже совсем по прямой из Нижней Месопотамии, южно-иранскими территориями (или по морю) до Северной Индии, а оттуда напрямиком в Южный Китай и к примыкающим к нему с юга месторождениям

^[8] K. Manning, A. Timpson “The demographic response to Holocene climate change in the Sahara”, *Quaternary Science Reviews*, 101, 2014, pp. 28–35, p. 30, Fig. 2. См. тот же график также и на Рис. 3.2 в первом томе “Инхроники цивилизаций”, а с ведущим сахарским процессом аридной инхроники можно подробнее ознакомиться в первом этюде Хронографии №3, где этот график как раз и приведен.

Юго-Восточной Азии. Якутию в первом маршруте, наверное, все же следует отбросить чисто по климатическим причинам, да и крюк к восточноазиатской цивилизации слишком большой... И сам по себе первый маршрут, если бы торговая связь между переднеазиатской и восточноазиатской цивилизациями и впрямь пролегла через Среднюю Азию, Алтай и Джунгарию, ни в коей мере не противоречил бы направлению распространения протоэламской экспансии. К тому же первый маршрут трансцивилизационной торговой магистрали уступал второму маршруту в плане его большей протяженности, а если отбросить труднодоступные якутские месторождения олова, то и по мощности оловянных запасов вдоль него. И эти критерии в случае спонтанного возникновения трансцивилизационной магистрали торговли оловом, а именно с таким случаем мы и имеем дело, играли бы решающую роль в выборе будущего маршрута движения олова от регионов его добычи к регионам производства оловянно-бронзовой продукции и далее к регионам потребления этой продукции.

В итоге приходим к выводу, что если самый первый вариант ВШП, который в таком случае точнее было бы называть ВОП (Великий Оловянный путь), и в самом деле имел какое-то отношение к олову и торговле им, то его главная магистральная трасса должна была вести из Шумера через Северную Индию напрямик в Южный Китай, и никак иначе.

Но ведь исторический ВШП проходил совсем другим маршрутом... Выходит, мы в чем-то ошиблись? Отнюдь. Все это означает лишь то, что вместе с инхронической информацией от будущего фатального события ведущего потока инхроимпульс нес в себе и наиболее вероятные на момент его приема контексты реализации данного фатального события в будущем, которые не являлись фатальными. Эти не фатальные сопутствующие контекстуальные моменты могут меняться в зависимости от ответов социума-приемника инхроимпульса, ответов других ведомых социумов, к которым инхроника попала по дрейфу, и вообще от реализации любых других процессов, влияющих на ведущий процесс, таких как, например, климатические и другие природные процессы. И в случае если со временем происходят какие-либо изменения в ведущем потоке, отражающиеся именно в этой переменной контекстуальной информации, то данные изменения тотчас становятся "известными" сразу всем ведомым социумам (разумеется, известными на уровне архетипической коллективной подсознательной психики) без какого-либо дрейфа нового контекста от социума к социуму. Дрейфовать могли только уже скорректированные ответы или новые, возникшие в ответ на изменения в ведущей инхронической информации. С подобными эффектами мы уже сталкивались в Хронографии №3, когда климатические пертурбации, начавшиеся с середины V тыс. до н.э., которые непосредственно влияли на не фатальные моменты ведущего сахарского процесса, вызвали серию почти одновременных коррекций аридных ответов различных ведомых социумом, вплоть до ускорения металлургического развития и начала процесса движения к цивилизованному обществу.

В рассматриваемом сейчас случае фатальным был лишь один момент – сам факт установления торговых связей между переднеазиатской и восточноазиатской цивилизациями. Все остальное: и маршрут главной магистрали ("Оси"), и стратегические товары, курсирующие по ней, и интенсивность культурных контактов, и даже само время возникновения связи, вполне могли варьироваться в зависимости от разворачивающихся ответов ведомых социумов и меняющихся внешних условий.

На дату ~3000 г. до н.э. прохождения осевого инхроимпульса будущая магистраль должна была проходить от Шумера через Северную Индию по прямой в Южный Китай и основным товаром на ней было бы южнокитайское и малазийское олово и, возможно, продовольствие (рис), надо думать, в обмен на месопотамскую ремесленную продукцию или на какие-то другие отличные от олова металлы как драгоценные, так и технологические. Что касается времени возникновения в реальности первой оловянной осевой магистрали, то имеются кое-какие намётки, что ее полная реализация от Шумера до Китая ожидалась прямо в конце аридной инхрозоны, т.е. в ~1000 г. до н.э., но все эти нюансы мы еще будем обсуждать...

Где и к какому сообществу мог пройти осевой инхроимпульс? К тем, кому событие-источник осевой инхроники непосредственно и достаточно сильно угрожало, так же, как и к тем, кому осевой инхроника открывала весьма радужные перспективы. В последнем случае, угроза состояла в том, что сообщество в итоге может оказаться не готовым вести себя соответствующим событию-источнику образом в далеком осевом инхроническом будущем, другими словами, положившись на указанные перспективы, и без того уже имеющиеся у него, может не успеть надлежащим образом подготовиться к событию-источнику. Что касается тех сообществ, которым осевая инхроника угрожала незначительно, или тех, которым не было никакой надобности каким-либо образом готовиться к наступлению события-источника (т.е. вырабатывать и реализовывать соответствующие ответы), поскольку будущие перспективы казались настолько уж радужными, что должны были как бы сами собой свалиться им на головы, то осевая инхроника, скорее всего, прошла бы мимо них, во всяком случае, на самых первых этапах прохождения инхроимпульса и распространения осевой инхроники. Похоже, что именно последний вариант мы и наблюдаем в Южном Китае, возможно, в сочетании с какими-то чисто восточноазиатскими раскладами и взаимодействиями местных аридных ответов – см. выше о возможной третьей причине отсутствия следов проникновения осевой инхроники в Южный Китай.

А вот на самой осевой магистрали ВОП в Северной Индии и на другом ее конце в Шумере осевые реакции не только видны, но местами и довольно сильно проявили себя, поскольку осевая магистраль самого первого варианта ВОП могла пройти каким-то другим путем – и минуя территории Северной Индии, и в обход Нижней Месопотамии, – в отличие от Южного Китая, “сидящего” на огромных оловянных запасах как своих, так и Юго-Восточной Азии. Южнокитайские социумы просто не брали в расчет другие оловянные месторождения, как маловероятные с позиций не фатальной контекстуальной осевой информации на момент первых этапов распространения осевой инхроники. А ведь зря не брали – вот именно что маловероятные, но только на первых этапах проникновения осевой инхроники...

Таким образом, осевая инхроника предстает пред нами, не столько как инхроника угроз, сколько как инхроника открывающихся возможностей. Однако и в данном случае сквозь радужную оболочку вновь проступает очередной угрожающий взор – угроза упустить открывающиеся возможности.

На магистрали ВОП наиболее сильно отреагировала Северо-Западная Индия, когда здесь в ~2600 г. до н.э. появляется хараппская цивилизация, которая без будущей оловянной Оси не имела никаких аридных предпосылок своего зарождения ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем: ни гидрологических – хотя ирригация в хараппском обществе и применялась,

но довольно ограниченная и мелкомасштабная^[9]; ни торговых – морская торговля Шумера со страной Мелухха (так шумеры называли хараппские территории) имела не те масштабы, чтобы Шумер мог стать для Хараппы таким торговым цивилизационным двигателем, так как осуществлялась в основном престижными товарами: сердолик, лазурит, экзотические животные, ювелирное серебро и золотой песок, чисто гипотетически предполагается еще и шумерский шерстяной текстиль и хараппская древесина, но тоже все больше не очень распространенных сортов на манер эбенового дерева. К тому же имеются письменные свидетельства о ввозе в Месопотамию плюс к перечисленным выше престижным экзотическим товарам еще и оловянной бронзы из Мелуххи, которая иногда так и называлась – “медью” Мелуххи^[10], а инициатором морской торговли между ними, похоже, являлась сама Хараппа, так что, в результате обе торговые стороны выступали в отношении друг друга равновеликими независимыми партнерами^[11]. Нет, только первый осевой ВОП мог придать смысл существованию цивилизации Хараппы, расположенной на перевалочной середине торговой магистрали, ожидающийся огромный торговый оборот которой потребовал бы организации хараппских народных масс в более сложное иерархическое сообщество и создал бы тем самым все необходимые условия для движения товаров по ВОП.

И все же ~2600 г. до н.э. – это слишком поздно для первичного приема инхроимпульса осевой инхроники. Все верно, и тем не менее такой вариант тоже мог иметь место, поскольку наблюдаются археологические следы движения Северо-Западной Индии к цивилизации еще в так называемом раннехараппском периоде, начавшемся в ~3200 г. до н.э., в котором (в рамках фазы Кот-Диджи) раскопаны поселения с цитаделью и собственно жилыми кварталами^[12], что свидетельствует о начале социального расслоения в раннехараппском обществе, которое в свою очередь может говорить о прохождении внутреннего социально-политического инхроимпульса в ~3200 г. до н.э. от одного из хараппских осевых ответов, скорее всего, от торгового ответа на осевую инхронику. Таким образом, и сам инхроимпульс осевой инхроники вполне мог пройти в том же ~3200 г. до н.э.

Шумер же прореагировал сравнительно более вяло. На самом раннем этапе проявился только осевой оловянно-бронзовый металлургический ответ, либо полученный по дрейфу, либо впервые выработанный здесь же в Нижней Месопотамии. Затем, по мере развития в Северо-Западной Индии цивилизации, начинают устанавливаться и эпизодические торговые связи с Хараппой в ее зрелой фазе^[13], возможно, прибегая к посредничеству третьих сторон. И только в последней трети III тыс. до н.э. возникает аккадская империя Саргонидов, имевшая не только аридные корни (согласованное использование крупных связанных ирригационных систем на базе экономического и политического единства страны – на манер Египта, см. пятый этюд Хронографии №3), но и вполне просматриваемое осевое происхождение, поскольку появление огромных империй на оконечностях осевой межциви-

^[9] J. R. McIntosh “The ancient Indus Valley: new perspectives”, Santa Barbara: ABC-CLIO, 2008, pp. 24, 109, 115-117.

^[10] Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов “Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры”, Тбилиси: Издательство Тбилисского университета, 1984, стр. 709.

^[11] J. R. McIntosh “The ancient Indus...”, p. 182-191.

^[12] J. R. McIntosh “The ancient Indus...”, p. 420 (Chronology), pp. 33-36, p. 75; Г. М. Бонгард-Левин “Древняя Индия. История и культура”, СПб.: Алетейя, 2001, стр. 30.

^[13] J. R. McIntosh “The ancient Indus...”, p. 182.

лизационной торговой магистрали характерно и для исторического ВШП времен его зарождения – это Римская империя на западной оконечности ВШП и Ханьская на восточной. Так что, не аридное это дело – многонациональные империи... Но по совокупной инхроэнергетике всех эффектов Шумер все-таки меньше подходит на роль получателя осевого инхроимпульса, чем Хараппа, – где империя, а где новая цивилизация, совершенно иной природы, чем ирригационные переднеазиатская и восточноазиатская цивилизации.

А теперь... Майкоп. Наибольшую и самую что ни на есть непосредственную угрозу (без каких бы там ни было упущенных или нереализованных возможностей) осевая инхроника несла как раз-таки майкопским сообществам с их амбициозными торговыми и геополитическими планами, поскольку Шумер, который согласно осевой инхронике должен был сосредоточить все восточноазиатское олово у себя после появления ВОП, в будущем становился оловянным монополистом всей Передней Азии и большей части Европы. Видимо, поддержка со стороны шумеров прямых морских контактов с Меллухой в первую очередь как раз и была предназначена для упрочнения аккадо-шумерской монополии в будущих поставках олова, так как в случае реализации сухопутного торгового пути по Южному Ирану иранское население имело бы все шансы перехватить поток олова из Индии и приспособить свою восточную торговлю к новой инхронической действительности.

Майкоп, таким образом, попадал в прямую зависимость от нижнемесопотамского центра циркумпонтийской торговой сферы взаимодействия, если хотел избежать отставания в металлургических технологиях, являвшихся одним из главных его козырей, если не самым главным. Ни о какой конкуренции с Шумером на равных, разумеется, уже не могло быть и речи... С Майкопом сыграло злую шутку его отличное с точки зрения аридной инхроники геополитическое местоположение между Восточной Европой и сиро-месопотамским миром, которое в осевой инхронике превращалось в никому не нужный медвежий угол между Черным и Каспийским морями, поскольку место второго полюса все больше и дальше разворачивающихся нижнемесопотамских торговых сетей через хараппского посредника прочно занимала восточноазиатская цивилизация. К тому же, как показывают оловянно-бронзовые реакции в других регионах (например, в Трое П^[14]), явно имели место ожидания, что продолжение ВОП из Нижней Месопотамии в Европу пройдет через Балканы.

В конце концов Майкоп – майкопский союз племен – распался, не сумев выработать достаточно эффективный ответ на осевую инхронику, а сама майкопская культура в ~3000 г. до н.э.^[15] исчезла, не сумев приспособить свои оригинальные аридные ответы к новой инхронической реальности. Однако, как увидим далее, одна часть майкопских племен тут же принялись формировать новые ответы и новые союзы, уже осевые, и вскоре вновь появляется на исторической арене, но уже в другом регионе и под совсем иным археологическим обликом. А другая их часть в это же время трансформировала и приспособлявала старые и даже очень старые ответы, такие как прежний нижнемесопотамский торгово-металлургический ответ...

^[14] С. А. Григорьев “Древние индоевропейцы”, Издание 2-е, доп., Челябинск: Цицеро, 2015, стр. 84.

^[15] С. Н. Корневский “ФЕНОМЕН БОЛЬШИХ МАЙКОПСКИХ КУРГАНОВ: СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВОЙ И КУЛЬТОВЫЙ АСПЕКТЫ СТРОИТЕЛЬСТВА”, КСИА, вып. 224, 2010, стр. 149–170, на стр. 151.

В итоге мы имеем двух кандидатов на роль приемника осевого инхроимпульса: Майкоп в ~3000 г. до н.э. и Хараппа в ~3200 г. до н.э. Первый был мотивирован много больше – речь шла о жизни и смерти самого майкопского сообщества и его геополитики, противостоящей нижнемесопотамскому центру. Зато вторая выступила на авансцену аж на 200 лет раньше, и это решает все, поскольку, приняв Майкоп за приемник первичного осевого инхроимпульса, мы никак и ничем не сможем объяснить феномен начавшегося с ~3200 г. до н.э. *опережающего* усложнения раннехараппского общества, в итоге приведшее его к статусу независимой цивилизации – то ли второй, то ли третьей в мире (но уж точно осевой, а не аридной)... в зависимости от точки зрения: хронологической или причинно-инхронической.

Итак, суммируем все, и для полной ясности еще раз пройдемся по схеме причин возникновения и проникновения осевой инхроники:

1) В ведущем сахарском потоке аридной инхроники в ~3200 г. до н.э. завершается резкий выплеск населения Сахары за пределы пустыни, нарастающей после завершения африканского гумидного периода.

2) Данное событие инициирует синхронные ему события в нескольких ведомых аридной инхроникой социумах, в частности: начало периода перехода к цивилизации Джемдет-Наср нижнемесопотамских сообществ в 3150/3100 г. до н.э.; начало торговой экспансии протоэламитов Юго-Западного Ирана на восточные иранские территории в конце IV тыс. до н.э. в направлении афгано-среднеазиатских месторождений олова; начало разработки оловянного рудника Кестел в Центральной Анатолии в ~3200 г. до н.э. Первое событие относится к синхронной реакции нижнемесопотамского аридного ирригационного ответа, а два вторых, торгово-оловянных – к синхронной реакции нижнемесопотамского торгово-металлургического аридного ответа, успевшего к тому времени распространиться от Балкан до Ирана, и от Леванта до Алтая, правда, в некоторых северных регионах подавленного и оттесненного наступлением чуть более позднего майкопского торгово-металлургического ответа, но от этого никуда не девшегося.

3) Зарождение переднеазиатской цивилизации стало неизбежным еще в середине V тыс. до н.э. Спустя еще тысячу с лишним лет, благодаря опережающему социально-политическому и экономическому развитию сиромесопотамского мира и соответствующему росту его потребностей в различном сырье и технологиях, в том числе и металлургических, данное сырье перерабатывающих в высококачественный продукт, ближе к концу урукского периода в 3200-3100 гг. до н.э. и началу следующего переходного к цивилизации периода Джемдет-Наср все острее и острее встает вопрос повышения количества и качества ремесленной продукции вообще, и металлургической в частности и особенно, чтобы шумерский торгово-производственный (т.е. металлообрабатывающий в терминах археометаллургии) центр циркумпонтийской металлургической провинции мог успешнее противостоять майкопской торгово-металлургической геополитике, все активнее конкурирующей с шумерским полюсом. И все эти неумолимо растущие потребности должны были учитываться аридными ответами нижнемесопотамского общества, в частности его торгово-металлургическим ответом. Результатом чего стало начало разработки анатолийского оловянного рудника Кестел, начавшаяся в ~3200 г. до н.э., и развертывание протоэламской восточной торговли в сторону афгано-среднеазиатских месторождений олова в конце IV тыс. до н.э., почти синхронно началу перехода к цивилизации в периоде Джемдет-Наср.

4) Ввиду нехватки оловянных месторождений на переднеазиатских территориях и вблизи них начавшийся переход на оловянные бронзовые технологии в Передней Азии инициировал прохождение нового инхроимпульса в ~3200 г. до н.э. от события-источника формирования будущих торговых и культурных связей между переднеазиатской и восточноазиатской цивилизациями в процессе развития мировых торговых путей. Появление этих устойчивых торгово-культурных связей стало фатальным с момента проникновения аридной инхроники на китайские территории в ~3500 г. до н.э., сделавшей таким же фатальным возникновение самой восточноазиатской цивилизации во II тыс. до н.э. К тому же прохождение инхроимпульса новой инхроники, названной нами осевой, от процесса формирования будущих мировых торговых путей было стимулировано еще одним фактором, чисто географическим – наиболее короткий путь из Восточной Азии в Переднюю Азию пролегал из Южного Китая через Северную Индию в Нижнюю Месопотамию, и при этом вблизи его южнокитайского конца залежали самый мощные в Евразии запасы олова.

5) Данный осевой инхроимпульс был принят сообществами долины Инда в Северо-Западной Индии (либо же соседними белуджистанскими общинами, затем и сразу мигрировавшим в долину Инда), как наиболее заинтересованными именно в таком маршруте основной мировой торговой магистрали (“Оси”), которые в то же время располагали всеми возможностями и ресурсами развертывания своей будущей торговли не только на запад и восток, но еще и на север в сторону Афганистана и Средней Азии. Из долины Инда новая осевая инхроника тут же начала распространяться на запад и в ~3000 г. до н.э. уже достигла майкопской культуры на Северном Кавказе и ямной в степях Восточной Европы. В Передней Азии одним из первых ответов на осевую инхронику также в ~3000 г. до н.э. стал *осевой* оловянно-бронзовый торгово-металлургический ответ, возникший на основе *аридного* нижнемесопотамского торгово-металлургического ответа, можно сказать, выросший из него. В самом же индском обществе прохождение осевого инхроимпульса вызвало быстрое движения к цивилизации, которое завершилось возникновением в этом регионе независимой цивилизации Хараппа в ~2600 г. до н.э.

Таким образом, после более детального рассмотрения процесса прохода и распространения осевой инхроники мы пришли к выводу, что осевой инхроимпульс прошел в ~3200 г. до н.э., а не в ~3000 г. до н.э., как предполагали ранее, опираясь только на западные осевые реакции. И прошел он к сообществам Северо-Западной Индии, т.е. достаточно далеко от Передней Азии (а тем более от Восточной Европы) на юго-востоке, отчего, собственно, осевые эффекты на западе и проявились только к ~3000 г. до н.э. И еще один интересный и поучительный нюанс: переход сиромесопотамского мира на более продвинутые оловянно-бронзовые технологии еще до появления осевой инхроники (как интенсификация нижнемесопотамского торгово-металлургического аридного ответа), собственно, и спровоцировал прохождение осевого инхроимпульса, что позволило шумерам добиться своих антимайкопских целей гораздо раньше, чем они сами ожидали, – одно лишь проникновение осевой инхроники на Северный Кавказ в ~3000 г. до н.э. привело к немедленному падению Майкопа

И вот только сейчас, после всего сказанного, показанного, намеченного и предположенного, мы, наконец-то, можем перейти к тому, с чего начали этот этюд – к индоевропейским расселениям, как аридным, так и осевым.

ВТОРОЙ ЭТЮД: «Аридные истоки ИндоЕвропы»

Обычно ту или иную модель расселения индоевропейцев с их прародины пытаются обосновывать различным сочетанием лингвистических, археологических, генетических и антропологических данных. Мы же пойдем несколько иным путем, интегрирующим множество установленных и более или менее обоснованно предполагаемых фактов, – т.е., не сильно углубляясь в дебри лингвистических и иных свидетельств, попробуем опереться на уже известные миграции как главный интегрирующий все и вся фактор. Причем оттолкнемся как от не вызывающих особых возражений со стороны специалистов миграций, так и от гипотетических, поддерживаемых только какой-то частью научного сообщества. Попробуем использовать еще и чисто гипотетические миграции, заподозренные, предположенные и предложенные в первом томе “Истории цивилизаций” на основании свидетельств, не имеющих прямого отношения к проблеме индоевропейских расселений.

Таких миграций было всего то ли четыре, то ли пять:

№1. Предположенная в первом томе “Истории цивилизаций” миграция в Северо-Западную Анатолию части северосирийского населения из региона пограничья северолевантийских культур с культурами степного населения Джезиры. Гипотеза призвана объяснить синхронное появление свидетельств эксплуатации молочного хозяйства (поло-возрастной состав стад, лепидные остатки на керамических сосудах) во второй половине VII тыс. до н.э. в предхалафском обществе и на поселениях Северо-Западной Анатолии. Такая “молочная” миграция могла состояться только в 6300–6200 гг. до н.э. (подробности и ссылки на источники см. в третьем этюде Хронографии №3)

№2. Миграция с территорий Передней Азии на Северный Кавказ и Среднюю Волгу, состоявшаяся во второй половине V тыс. до н.э., предположительно начавшаяся прямо с середины V тыс. до н.э. Основанием для выдвижения подобной гипотезы послужило как мало у кого вызывающее сомнения смешанное понтийско-каспийское и ближневосточное происхождение майкопской культуры, так и обнаружение довольно ощутимой ближневосточной генетической составляющей у населения хвалынской культуры на Средней Волге. Предполагаемые исходные территории, откуда могла состояться миграция, скорее всего, были расположены на северо-востоке Передней Азии, т.е. в Закавказье или в Восточной Анатолии с непосредственно прилегающими к ней с юга районами (подробности и ссылки на источники см. в шестом и седьмом этюдах Хронографии №3).

№3. а) Миграция племен ямной культуры на запад вплоть до Паннонской равнины в Центральной Европе, судя по археологическим данным состоявшаяся в 3000-2900 гг. до н.э. из ямного региона с границами на Северском Донце и Южном Урале (подробности и ссылки на источники см. в седьмом этюде Хронографии №3).

б) Стремительная массовая миграция ямных племен в ~2500 г. до н.э. из причерноморских степей в Южную Германию, где они вместе с местным населением приняли участие в формировании культуры шнуровой керамики (или иначе – боевых топоров). Причем ямный вклад в генофонд нового

шнурового сообщества по оценке авторов гипотезы составил ~73%^[1]. Некоторые исследователи выдвинули возражения против данной модели (в том числе см. и критическую статью Л. Николовой, о которой говорилось в начале первого этюда настоящей хронографии), чаще всего генетические, даже когда исходили они от археологов. Меня же больше всего удивил источник миграции, – причерноморские степи. Почему? Когда по археологическим свидетельствам предыдущей миграции №3а ямные племена впервые появляются в Болгарии, Румынии, Сербии и Венгрии еще с 3000-2900 гг. до н.э.^[2], и вполне могли в середине III тыс. до н.э. достаточно массово мигрировать, скажем, из той же Венгрии на север, где были культурно ассимилированы (аккультурированы) местным шнуровым населением (скорее всего, из-за смены ландшафта – степного на лесостепной и лесной), что позволило им весьма существенно нарастить свое ямное народонаселение с шнуровым культурным обликом в Южной Германии и в свою очередь генетически поглотить местных шнуровиков с некоторыми небольшими генетическими сдвигами итоговых гаплогрупп в пользу местного происхождения. Кстати, такая модель заодно объясняла бы малое количество ямных генов в Венгрии бронзового века, которые дрейфовали на север... В итоге обе миграции №3а и №3б можно рассматривать как одну миграцию ямного населения из исходного ямного ареала (Северский Донец – Южный Урал) на запад вплоть до Центральной и Северной Европы, начавшуюся 3000-2900 гг. до н.э., и протекавшую, по крайней мере, на протяжении всей первой половины III тыс. до н.э., если не дольше. А миграцию из Венгрии в Южную Германию можно рассматривать, всего лишь как один из эпизодов этой глобальной миграции №3.

№4. Гипотетическая миграция части переднеазиатского населения на восток – в Южную Сибирь и Центральную Азию, – состоявшаяся не позднее начала II тыс. до н.э. (и, скорее всего, не раньше примерно середины III тыс. до н.э.), призванную объяснить довольно ошутимое переднеазиатское влияние на археологический облик некоторых культур II тыс. до н.э. указанных регионов^[3].

По мере развертывания нашей культурно-инхронической модели индоевропейских расселений, кроме этих базовых миграций, будут привлекаться и другие, не столь масштабные, некоторые из них и вовсе региональные и такие же предполагаемые, изредка – уже признанные... Но прежде всего обратим внимание на еще одно масштабнейшее миграционное явление, которому целиком были посвящены несколько первых этюдов Хронографии №3, а именно – на неолитизацию Европы. Серии этих миграций, названные нами обсидиановыми и металлургическими, которые распространяли по Европе производящее хозяйство (земледелие и скотоводство) и навыки металлургии, легли в основу известной модели расселения индоевро-

[1] W. Haak et al. “Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe”, *Nature*, 522, 2015, pp. 207–211.

[2] A. Frînculeasa, B. Preda, V. Heyd “Pit-Graves, Yamnaya and Kurgans along the Lower Danube: Disentangling IVth and IIIrd Millennium BC Burial Customs, Equipment and Chronology”, *Praehistorische Zeitschrift*, 90(1–2), 2015, pp. 45–113, p.83- p.84.

[3] С. А. Григорьев “Древние индоевропейцы”, Издание 2-е, доп., Челябинск: Цицеро, 2015, стр. 198-247; А. А. Ковалев “Древнейшая миграция из Загроса в Китай и проблема прародины тохаров” в “Археолог: детектив и мыслитель. Сборник статей, посвященный 77-летию Л.С. Клейна”, СПб.: Издательство СПб. университета, 2004, стр. 249–292.

пейцев Колина Ренфрю^[4]. Согласно данной модели прародина, откуда начали расселяться индоевропейские племена, была расположена в Западной и Центральной Анатолии. Однако, несмотря на то, что генетические данные, казалось бы, целиком и полностью подтверждают миграционную модель К. Ренфрю, указывая на генетическое родство раннеолитического европейского населения и обитателей Малой Азии, на сегодняшний день победила другая точка зрения, связывающая неолитизацию Европы не с индоевропейцами, а с носителями языков, близких северокавказским, – хаттами и хурритами (наверное, точнее будет – протохаттами и протохурритами), – которые населяли Малую Азию и в историческое время (в III тыс. до н.э., а скорее всего, и того раньше). Однако и эти раннеолитические миграции из Анатолии в Европу мы также упускать из виду не будем, как и некоторые здравые моменты модели К. Ренфрю.

Ни секунды не сомневаюсь, что читающие эти строки хорошо знакомы со всеми моделями расселения индоевропейцев со своей прародины, заслуживающих хоть малую толику внимания: и с той же центрально-западно-анатолийской К. Ренфрю, археологическая конкретика которой нашла дополнительное обоснование в работах В. Сафронова, так что трудно судить, кто кого дополнил...; и с североевропейской, давно уже устаревшей, и тем не менее все еще имеющей своих сторонников; и с балканской И. Дьяконова, большинство постулатов и выводов которой вполне укладываются в рамки более широкой модели К. Ренфрю - В. Сафронова; и даже со среднеазиатской, в последнее время активно продвигаемой Л. Сверчковым. Не говоря уж о нынешних лидерах этой индоевропейской “гонки”: понтийско-каспийской степной модели М. Гимбутас и восточноанатолийской теории Т. Гамкрелидзе и Вяч. Иванова, с археологической точки зрения наиболее полно обоснованной С. Григорьевым. Поэтому не вижу особого смысла расписывать плюсы и минусы данных подходов к проблеме расположения индоевропейской прародины и вытекающих из этого расположения миграций индоевропейцев. И все-таки на одной из них нам придется остановиться – хотя бы для того чтобы объединить имеющийся материал по индоевропейской лингвистике с перечисленными выше и другими известными или предполагаемыми миграциями, и все это под эгидой и водительством инхронических воззрений и построений, что в русле настоящей работы, естественно, является самым важным.

Более проработанной выглядит модель Т. Гамкрелидзе и В. Иванова^[5], располагающая индоевропейскую прародину в восточноанатолийском – северосирийском – северомесопотамском регионе, причем проработанной как с лингвистических позиций, так и с археологических – благодаря фундаментальной работе С. Григорьева^[6]. Вот от нее мы и оттолкнемся, тем бо-

^[4] C. Renfrew “Archaeology and Language: The Puzzle of Indo-European Origins”, London: Jonathan Cape, 1987.

^[5] Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов “Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры”, Тбилиси: Издательство Тбилисского университета, 1984.

^[6] С. А. Григорьев “Древние индоевропейцы”. В самом же труде Т. Гамкрелидзе и В. Иванова археологический аспект зачастую основывается на довольно устаревших на сегодняшний день данных, из-за чего, собственно, хромают и плавают многие их хронологические привязки (например, отнесение периода существования халафской культуры к V-IV тыс. до н.э. – “Индоевропейский язык и индоевропейцы...”, стр. 891; правда, справедливости ради стоит отметить, что, к сожалению, и более поздняя работа С. Григорьева в отношении хронологии халафы и некоторых других культурных феноменов страдает тем же самым недостатком – в случае использования некалиброванных радиоуглеродных дат или устаревшей калибровочной кривой).

лее что данная миграционная модель местами очень даже неплохо сочетается с вычлененными еще в первом томе “Истории цивилизаций” миграциями – во всяком случае, лучше всех остальных моделей миграционной индоевропеистики. Но это совсем не означает, что мы будем вот так прямо-таки буквально следовать их миграционным выводам, даже С. Григорьев не всегда и не во всем с ними согласен. Скорее наоборот – многие элементы языкового и культурного взаимодействия, отмеченного авторами данной теории, вполне реализуемы также и на совершенно иных маршрутах миграций. Поэтому отталкиваться мы будем все больше и в первую очередь от локализации индоевропейской прародины на севере Передней Азии и обосновываемого авторами диалектного членения праиндоевропейского языка, а затем попробуем произвести синтез уже не двух, а трех моделей: К. Ренфрю, М. Гимбутас и Т. Гамкрелидзе - В. Иванова, при том что последняя модель сама по себе в какой-то мере уже соединяет в себе некоторые положения двух других моделей. И все это будем возводить на новом миграционно-историческом фундаменте...

Но для начала следует точнее определиться с исходными пространственно-временными характеристиками праиндоевропейской культурно-языковой общности. Если Т. Гамкрелидзе и В. Иванов в своем главном труде определяли период существования общеиндоевропейского единства как V-IV тыс. до н.э.^[7], то по мере накопления новых данных и повышения надежности и точности радиоуглеродного датирования эволюционировала и их точка зрения на хронологию существования праиндоевропейской языковой общности: в середине нулевых годов речь идет уже о V тыс. до н.э.^[8], а в последние годы за время начала распада праиндоевропейского единства принимается дата не позднее ~5000 лет до н.э.^[9], т.е. период существования праиндоевропейского языка отнесен к VI тыс. до н.э., а то и вовсе – в VII-VI тыс. до н.э.

Несколько стабильнее оказались их географические привязки индоевропейской прародины, осуществляемые по связям с соседними языковыми семьями и общностями северной Передней Азии (северокавказской, картвельской, семитской). Поскольку весь Ближний Восток и даже только его северная часть – это слишком неопределенно для привязки к конкретным культурам и миграциям, Т. Гамкрелидзе и В. Иванов сужают искомый регион, предлагая в качестве территории индоевропейской прародины восточноанатолийский – северосирийский – северомесопотамский ареал от Закавказья до Верхней Месопотамии^[10]. Но тем не менее и здесь авторы гипотезы восточноанатолийской прародины индоевропейцев в последнее время выдвигают некоторые уточнения своей первоначальной локализации прародины – более южной, чем им представлялось ранее, мотивируя этот свой шаг обнаружением предполагаемых заимствований из индоевропейских языков в шумерский^[11].

[7] Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов “Индоевропейский язык и индоевропейцы...”, стр. 887.

[8] В. В. Иванов “Двадцать лет спустя. О доводах в пользу расселения носителей индоевропейских языков из древнего Ближнего Востока” в Косарев М. Ф. и др. (ред.) “У истоков цивилизации. Сборник статей к 75-летию Виктора Ивановича Сарияниди”, М.: «Старый сад», 2004, стр. 41–67, на стр. 43.

[9] Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов “Индоевропейская прародина и расселение индоевропейцев: полвека исследований и обсуждений”, Вопросы языкового родства, 9, 2013, стр. 110–136, на стр. 116.

[10] Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов “Индоевропейский язык и индоевропейцы...”, стр. 890.

[11] Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов “Индоевропейская прародина...”, стр. 120, 129-130; В. В. Иванов “Двадцать лет спустя...”, стр. 48.

Можно еще принять во внимание и предположение Д. Оутс об идентичности убейдов и шумеров, и факт обнаружения многочисленных следов влияния самаррской культуры на убейдскую (см. во втором этюде Хронографии №3), т.е. на ту же шумерскую (по Д. Оутс), только в самой ранней ее фазе. И тогда, казалось бы, вполне можно было бы обойтись без экстравагантной гипотезы проникновения одного из индоевропейских племен так далеко на юг Месопотамии, а появление индоевропеизмов в шумерском языке легко объяснялось бы языковым взаимодействием прасамаррских (т.е. на самом деле протошумерских) и праиндоевропейских племен на территориях, близких к первоначально предложенной Т. Гамкрелидзе и В. Ивановым локализации индоевропейской прародины на северо-востоке Передней Азии. Однако, как увидим ниже, это и впрямь только “казалось бы”, а на самом деле этнокультурная обстановка в Передней Азии VII-VI тыс. до н.э. была несколько более сложной, чем “казалось бы”...

Вместе с тем ими проводятся еще и некоторые параллели между праиндоевропейской и халафской культурами, а последней – еще и с культурой Чатал Хююка VII тыс. до н.э. на юге Центральной Анатолии, которая и в модели К. Ренфрю позиционируется, как связанная с первичной праиндоевропейской прародиной. Плюс ко всему отмечается типологическое сходство расселения халафских племен с индоевропейскими миграциями^[12], что, надо полагать, должно было бы вести к далеко идущим выводам...

Выше уже говорилось об устаревших археологических основах некоторых аспектов миграционной модели Т. Гамкрелидзе и В. Иванова. И самый серьезный ее недочет заключается в том, что в модели никоим образом не учитывается революционное открытие ряда поселений докерамического неолита в Юго-Восточной Турции, раскопанных в 90-х и нулевых годах. Оно и понятно – данное открытие произошло после выхода их двухтомной монографии. Не понятно другое – почему в их статьях, вышедших после этого, в том числе и в 21 веке, докерамическому неолиту так и не было уделено заслуженного внимания? Ведь именно в этом докерамическом периоде (X-VIII тыс. до н.э.) закладывался базис ареального расположения основных ближневосточных культурно-языковых сообществ, на фоне которого в последующую аридную эпоху (с VII тыс. до н.э.) разворачивались сахарские миграции в Переднюю Азию и обратные миграции из нее, разносившие производящее хозяйство по Африке и Европе, в последней – плюс еще и металлургию. А без правильного понимания и представления исходного этнокультурного ареального распределения языковых семей (хотя бы какой-то их части, на худой конец хотя бы одной из них) в докерамическом периоде и их роли в историческом процессе последующих эпох возникают серьезные препоны в вычленении связей между данными сообществами, а главное, в определении направлений многих культурных заимствований, в том числе и языковых.

Начнем с того, что, как было показано в первом томе настоящего исследования (в Хронографии №2), большая и в каком-то смысле лучшая часть того региона, где Т. Гамкрелидзе и В. Иванов располагают индоевропейскую прародину, являлась частью некой другой обширной этнокультурной области, названной нами Коренной, которая охватывала территории Юго-Восточной Анатолии (т.е. юга Армянского нагорья) от среднего Евфрата до озера Ван, но это в узком смысле, а в более широком – и непосредственно прилегающие к данной территории земли: с юга – степные про-

^[12] Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов “Индоевропейский язык и индоевропейцы...”, стр. 891-892.

странства, а с юго-востока – часть Верхнего Загроса. И которая в более узком своем представлении на заре докерамического неолита выступила в роли колыбели производящего хозяйства Передней Азии...

Население Коренной Области или, как минимум, его весьма значительная часть, представляло собой смесь местных племен с не очень большой, но чрезвычайно активной и энергичной группой мигрантов из Восточной Азии, принесших в переднеазиатский регион неолитическую инхронику. И эту этнокультурную смесь, непропорциональную по численности и энергетике своих составляющих мы условно назвали анатолийцами. Именно анатолийцы в следующую аридную инхроническую эпоху осваивали Западную Анатолию и Юго-Восточную Европу, разнося по здешним землям навыки земледелия и скотоводства, а затем и металлургии. А поскольку мы уже знаем, что Европу, скорее всего, колонизировали племена протохаттов и/или протохурритов, до того успевшие обосноваться в Малой Азии, то естественно предположить, что и за условным этнонимом “анатолийцы” как обитатели Коренной Области тоже скрывались эти же протонародности, в крайнем случае, этнокультурная общность, откуда эти племена вышли, т.е. население, говорившее на северокавказских или близких к ним языках. Эту общность мы условимся далее называть прасеверокавказской. Мало того, данному тезису имеется еще одно более существенное подтверждение – из всех языков Передней Азии только в северокавказских языках наблюдаются возможные связи с сино-тибетскими языками (см. концовку четвертого этюда Хронографии №2), которые во всей Передней Азии могли быть свойственны только нашим гипотетическим “анатолийцам” как далеким потомкам восточноазиатских мигрантов.

Таким образом, с конца VIII тыс. до н.э. в миграционных процессах, подготавливающих дальнейшую колонизацию Европы переднеазиатским населением, мы наблюдаем распад прасеверокавказской общности, а исходным пунктом миграций северокавказских народов была горная часть Коренной Области от озера Ван на востоке (не исключено, что и до озера Урмия) и среднего Евфрата на западе. К концу же VII тыс. до н.э., за тысячу с лишним лет до срока, до которого по данным лингвистики просуществовал праиндоевропейская общность, носители прасеверокавказских языков занимали уже обширные территории от Балкан через всю Малую Азию до левых (т.е. восточных) притоков Тигра. При том что какую-то часть Коренной Области вполне могли занимать самаррские племена, язык которых тогда должен был самым кардинальным образом отличаться от прасеверокавказских языков, ежели исходить из предположения Д. Оутс о непрерывности этнокультурного развития Нижней Месопотамии и лингвистики шумерского языка, в таком случае принадлежащего группе самарро-убейдских языков. Однако в этом же случае, наверное, должны были бы наблюдаться и какие-то следы шумеро-северокавказского языкового взаимодействия? Возможность таких взаимодействий изучалась методами лексикостатистики, однако полученные результаты оказались весьма неоднозначными^[13].

[13] А. Kassian “Lexical Matches between Sumerian and Hurro-Urartian: Possible Historical Scenarios”, *Cuneiform Digital Library Journal*, 4, 2014, pp. 1–23. В данной работе статистическими методами исследуются связи между шумерским и хурритским языками на основе 65 пар слов по списку Сводеша (список наиболее устойчивых лексем языка) из того и другого языка, в результате обнаружено 6 совпадений плюс одно сомнительное. Для объяснения полученного результата привлекаются четыре гипотезы: 1) случайное совпадение; 2) заимствования; 3) генетическое родство; и 4) так называемый прерванный языковой сдвиг, когда один народ совершает переход на язык другого народа, однако последний вследствие той или иной причины внезапно исчезает, и переход первого народа на другой язык прерывается.

Если же тезис Д. Оутс не подтвердится, то шумерский язык вряд ли имеет какое-либо отношение к предполагаемому самарро-убейдскому, и его корни лучше поискать в каких-то других дальних даях, что, как правило, и делается, а самаррский и убейдский счесть такими же прасеверокавказскими языками по лингвистической классификации, каким являлись языки протохаттов, протохурритов и других обитателей Коренной Области. В противном случае придется признать, что совпадения в хуррито-шумерском списке Сводеша являются случайными, сколь бы маловероятным это не казалось. Тоже вариант, но... не очень.

Поэтому остановимся на взвешенном компромиссном варианте: прием северокавказскую языковую атрибуцию носителей самаррской и убейдской культур, а тезис Д. Оутс о культурной непрерывности археологии Нижнего Двуречья попробуем приспособить к этой пока что предполагаемой реальности, в то же время пытаюсь поддержать данную гипотезу другими фактами и соображениями.

Но вернемся к тому, с чего начали этот разговор. В культурном плане во второй половине VII тыс. до н.э. население Коренной Области представляла прото-хассунская культура, в последней трети VII тыс. до н.э. распавшаяся на хассунскую культуру Северо-Восточной Месопотамии и самаррскую культуру Центральной Месопотамии. В VI же тыс. до н.э. носители прасеверокавказских языков, прочно утвердившись на территориях от Дуная до Куры, т.е. заняв всю Юго-Восточную Европу и весь север Передней Азии, уже обладали развитой земледельческо-скотоводческой экономикой, осуществляя роль ведущих распространителей производящего хозяйства на севере, а на Балканах к тому же уверенным шагом подходили к рубежу освоения металлургии меди. В то же самое время самаррцы – такие же прасеверокавказцы, как и их родичи осваивающие Европу и север Передней Азии, обладавшие теми же самыми знаниями, умениями и технологиями как часть прасеверокавказской общности, и на их основе выработавшие свой собственный ирригационный аридный ответ, – осуществляли схожие функции на

ся. После анализа гипотез делается вывод, что случайное совпадение довольно-таки маловероятно (!), как и генетическое родство этих языков (что неудивительно). В отношении заимствований говорится, что они противоречат типологии языковых контактов, в том смысле что культурный словарь всегда заимствуется в первую очередь, тогда как базовая лексика обычно более устойчива к заимствованиям, в то время как в шумеро-хурритском языковом взаимодействии все обстоит прямо наоборот. Правда, при этом оговаривается, что данное правило будет соблюдено лишь в тех случаях, когда хорошо известна социолингвистическая история соответствующих народов и языков. Так и хочется сказать: вот именно! С другой стороны, можно ли ожидать, что автор статьи, лингвист, выбрал бы такое место, время и культурно-исторический фон, на котором пусть даже чисто гипотетически могли бы протекать изучаемые им языковые контакты, как тесное соседство на севере Плодородного Полумесяца в глубинах Армянского нагорья до начала самаррских миграций, развернувшихся в конце VII тыс. до н.э.? В итоге А. Касьян приходит к выводу, что самой привлекательной выглядит гипотеза миграции одного из хурритских племен в Нижнюю Месопотамию в куро-аракские времена (точнее, во второй половине IV тыс. до н.э., т.е. в самые ранние куро-аракские времена), и перехода этого куро-аракского племени, под которым понимается хурриты, на шумерский язык, при том что сами шумеры во время перехода по неизвестной причине куда-то исчезают, их место занимают новоприбывшие хурриты, в дальнейшем выступая в роли исторических шумеров, а языковой переход с хурритского на шумерский так и остается незавершенным (прерванный языковой сдвиг). Такая вот душераздирающая лингвистическая история... И что самое удивительное в главной своей части (за исключением хронологии), весьма близкая наиболее вероятному ходу событий, который мы подробнее обсудим ниже.

юге и востоке Передней Азии, а возможно, и в Африке^[14]. Однако забудем на время самаррцев, убейдов и шумерлв и обратимся к другим племенам с более вероятным прасеверокавказским происхождением, поскольку сейчас нас больше всего интересует север Передней Азии, где скорее всего по предположениям К. Ренфрю и Т. Гамкрелидзе - В. Иванова и располагалась первичная индоевропейская прародина. Вот только где именно?

В этой связи особый интерес вызывают две почти полностью синхронные культуры VI тыс. до н.э.: халафская на севере Сирии и шулавери-шомутепинская в Закавказье^[15], между которыми наблюдаются некоторые вполне определенные культурные корреляции, и для которых также допускается возможность их связи с прасеверокавказской общностью^[16], причем иногда в лице северомесопотамской хассунской (или прото-хассунской) культуры и даже центрально-анатолийской культуры Чатал Хююка^[17], несмотря на многие существенные отличия халафского развития от хассунской и центрально-анатолийской линий, что вполне объяснимо дивергенцией культурных процессов в племенах распавшейся прасеверокавказской общности, вызванной реализацией столь же существенно разных аридных ответов.

Наиболее приметная черта сходства между халафской и шулавери-шомутепинской культурами проявлена в архитектуре, а именно – в круглых в плане строениях, в частности в знаменитых халафских толосах, относительно которых до сих пор так и не сложилось общее мнение, являются ли они жилищами или это нежилые помещения на манер святилищ, каких-то хозяйственных построек и т.п.^[18] Не исключено что халафские толосы происходят из сиро-палестинского региона, где еще с самых ранних натуфийских времен наблюдаются традиции круглопланового строительства^[19]. Однако для шулавери-шомутепинской развитой земледельческой и скотоводческой культуры, несмотря на то что в Закавказье эта культура имеет явно пришлый характер, и появилась здесь, скорее всего, откуда-то с южных или юго-западных территорий, население которых издавна занималось как земледелием, так и скотоводством, такой генезис вряд ли был возможен. Тем более что ближайшим к ней в пространстве и во времени регионом, где в свое время также возводили круглоплановые постройки, располагался в верховьях Тигра – это так называемый “горизонт круглых домов” (Round House Horizon), период существования которого оценивается (в двух фазах)

^[14] О ближневосточных позднелитических культурах времен начала аридной инхрозоны, об их аридных ответах и миграциях их носителей, которые упоминаются здесь и далее, см. в первых этюдах Хронографии №3. Там же – ссылки на источники и литературу.

^[15] Хронологию шулавери-шомутепинской культуры по последним данным см. в Y. Nishiaki, F. Guliyev, S. Kadowaki “Chronological Contexts of the Earliest Pottery Neolithic in the South Caucasus: Radiocarbon Dates for Göytepe and Hacı Elamxanlı Tepe, Azerbaijan”, *American Journal of Archaeology*, 119(3), 2015, pp. 279–294, Table 1-5, Fig. 5; A. Sagona “The Archaeology of the Caucasus: From Earliest Settlements to the Iron Age”, Cambridge University Press, 2018, p. 84. Хронология же халафской культуры, как и причины и перипетии ее зарождения, были подробнейшим образом рассмотрены нами в третьем этюде Хронографии №3, там же – все ссылки на литературу.

^[16] С. А. Григорьев “Древние индоевропейцы”, стр. 339.

^[17] Н. Ф. Богословская “К проблеме сложения халафской культуры”, *Советская археология*, № 2, 1972, стр. 3–16.

^[18] Т. И. Корниенко “Первые храмы Месопотамии. Формирование традиции культового строительства на территории Месопотамии в дописьменную эпоху”, СПб.: Алетей, 2006, стр. 111-113.

^[19] A. N. Goring-Morris, A. Belfer-Cohen “Houses and Households: a Near Eastern Perspective” in D. Hofmann, J. Smyth (eds.) “Tracking the Neolithic House in Europe: Sedentism, Architecture and Practice”, 2013, pp. 19–44.

как 12750–11750–10750 тыс. лет назад^[20], и который своим культурным происхождением был связан не с Сиро-Палестиной, а с Тавро-Загросской культурной дугой^[21], т.е. с Коренной Областью. Кроме того, в хозяйстве шулавери-шомутепинского общества чрезвычайно большую роль играл обсидиан – до 80 и выше процентов всей каменной индустрии^[22]. Если взглянуть на карту месторождений обсидиана:

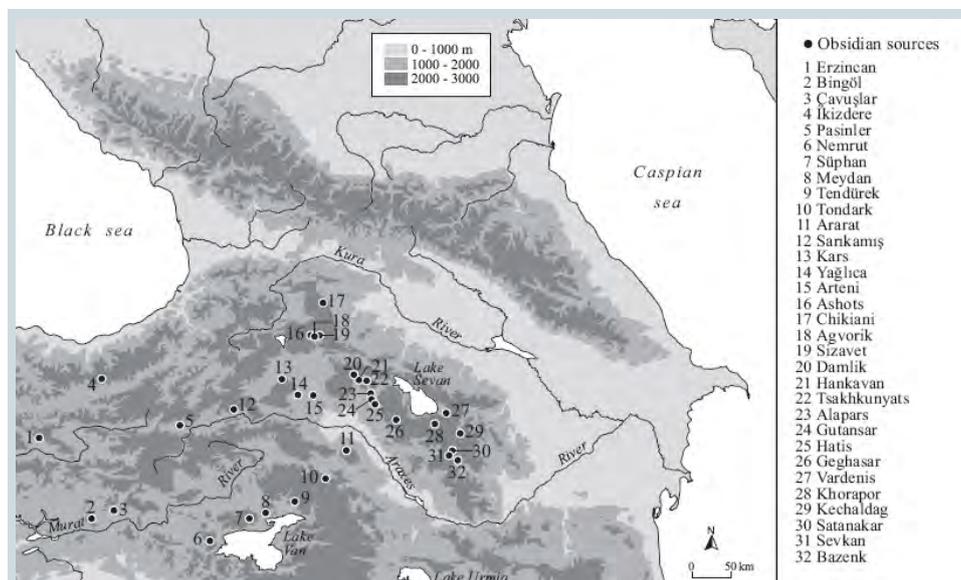

Рис. 4.2
Карта месторождений обсидиана в Закавказье и на прилегающих восточноанатолийских территориях
 (Карта взята из А. Sagona "The Archaeology of the Caucasus...", Figure 3.16)

и сравнить ее с картой шулавери-шомутепинских поселений:

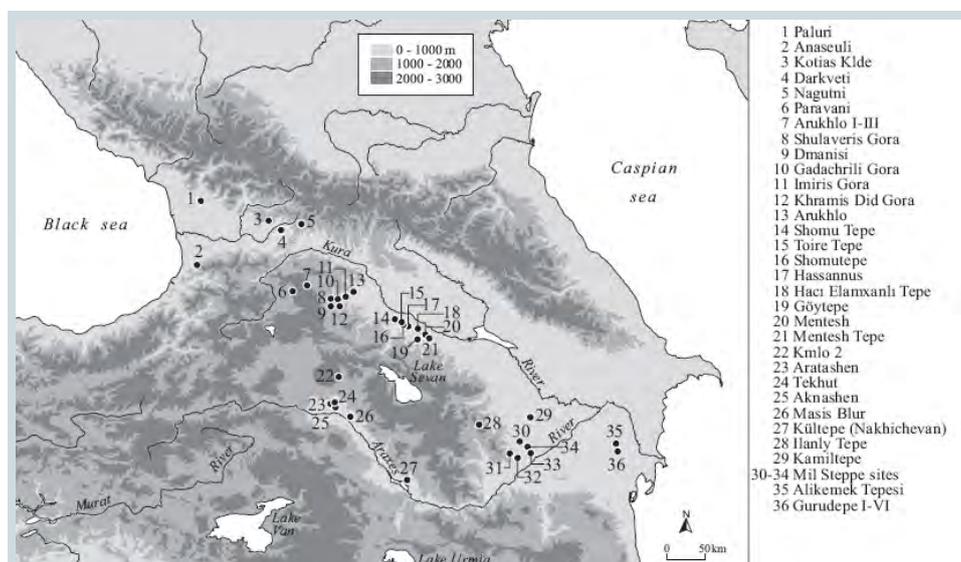

Рис. 4.3
Карта неолитических поселений шулавери-шомутепинской культуры Закавказья
 (Карта взята из А. Sagona "The Archaeology of the Caucasus...", Figure 3.1)

^[20] A. Belfer-Cohen, A. N. Goring-Morris "Becoming Farmers: The Inside Story", *Current Anthropology*, Volume 52(S4), 2011, pp. S209–S220, Table 1.

^[21] M. Rosenberg et al. "Hallan Çemi, pig husbandry, and post-Pleistocene adaptations along the Taurus-Zagros Arc (Turkey)", *Paléorient*, Vol. 24, №1, 1998, pp. 25–41;

^[22] A. Sagona "The Archaeology of the Caucasus...", p. 116.

то можно заметить, что а) число обсидиановых месторождений стабильно растёт от ближних к озеру Ван районов до хребта Малого Кавказа, в результате большая часть обсидиановых месторождений Закавказья и Восточной Анатолии оказывается сосредоточенной на Малом Кавказе, и б) поселения шулавери-шомутепинской культуры в основном расположены на северных склонах Малого Кавказа, и немного на южных его склонах.

Столь явная привязанность шулавери-шомутепинских племен к обсидиану позволяет предположить, что они прибыли в Закавказье из мест, также расположенных рядом с источниками обсидиана. И первым кандидатом на роль их бывшей родины является местность вблизи обсидиановых месторождений западнее озера Ван. Если же учесть и давние традиции производящего хозяйства в шулавери-шомутепинской среде, то наиболее вероятным таким местом является север Коренной Области. И прежде всего, район вблизи поселений Чайоню (Çayönu), Демиркёй (Demirköy) и Кёртик Тепе (Körtik Tepe) – самых северных наряду с Халлан Чеми (Hallan Cemi) поселений Коренной Области в верховьях Тигра времен докерамического неолита, – хозяйство обитателей которых неразрывными нитями издавна была связано как с добычей обсидиана (в основном из расположенных ближе других источников Bingöl и Nemrut Dağ^[23]), так и с навыками производящего хозяйства (см. шестой этюд Хронографии №2).

Можно было бы предположить и центрально-анатолийское происхождение шулавери-шомутепинских племен, переселившихся в Закавказье от каппадокийских источников обсидиана, если бы не один нюанс, отличающий шулавери-шомутепинцев от других современных им культурных общностей, и сближающий их с халафцами – те самые круглые строения, начисто отсутствующие в Центральной Анатолии во все времена и эпохи. В то время как указанный выше “горизонт круглых домов” в начале докерамического неолита располагался как раз на севере Коренной Области в верховьях Тигра и его притоков.

Но что самое примечательное, и халафская культура VI тыс. до н.э. Северной Сирии и Северного Ирака также показывает тяготение к тому же самому региону вблизи озера Ван, где в свое время (в XI-IX тыс. до н.э.) бытовал докерамический неолитический “горизонт круглых домов”. Если вернуться немного назад и еще раз взглянуть на карту распространения халафской культуры в первом томе настоящего исследования (Рис. 3.5 в третьем этюде Хронографии №3), то отчетливо виден халафский анклав вблизи восточного берега оз. Ван. И это не бездумный картографический изыск, попавший в серьезную статью из в общем-то популярного издания^[24], отнюдь – данный халафский “анклав” соответствует археологическим материалам, полученным с поселения Тилкитепе (Tilkitepe).

Мало того, археометрическое исследование глины, из которой была изготовлена халафская керамика на поселения Тилкитепе, показывает, что в

^[23] T. Carter “Networks and Neolithisation: sourcing obsidian from Körtik Tepe (SE Anatolia)”, *Journal of Archaeological Science*, 40, 2013, pp. 556–569, Table 1.

^[24] Из так называемого культурного атласа Месопотамии и Древнего Ближнего Востока (M. Roaf “Cultural Atlas of Mesopotamia and the Ancient Near East”, Oxford: Andromeda, 1996, p. 49), изданного в 1990 г. и перепечатанного без каких бы либо изменений в 1996, 1998, 2000, 2003, 2004, 2008 гг... возможно, и позже – во всяком случае, мне на глаза попался электронный экземпляр 2017 г., в котором Майкл Руаф попытался хотя бы бегло учесть открытия последних двадцати лет... на 6 страничках. Касательно интересующей нас карты распространения халафской культуры это вылилось в “устную” добавку на карту поселения Domuztepe...

данном случае мы имеем дело не с импортом с более южных территорий, как это можно было бы ожидать, а с продуктом местного производства^[25]. Хотя наличие еще и каких-то импортных халафских керамических изделий, разумеется, тоже нельзя исключать. Таким образом, Тилкитепе является самым северо-восточным районом, где *изготавливали* окрашенную керамическую посуду халафского стиля, а не только торговали ею. В отличие от случайных находок халафской керамики в Закавказье (на поселениях той же шулавери-шомутепинской культуры^[26]), скорее всего, попавшей туда по спорадическим торговым связям с сиро-месопотамскими землями^[27]. И никакой это не анклав, поскольку, кроме Тилкитепе на восточном берегу оз. Ван, западнее озера также имелись поселения с халафской керамикой, – на Мушской равнине^[28] и в долине верхнего Евфрата (например, Korucutere^[29]), – связанные с основной областью Халафы как раз-таки долиной верхнего Евфрата, и которые, как и Тилкитепе, можно с тем же правом отнести к халафской культурной общности.

В итоге мы видим тяготение двух синхронных культур VI тыс. до н.э. (халафской и шулавери-шомутепинской) к одному и тому же региону, очерченному озером Ван, верхним Евфратом в районе притока Евфрата древней Арацани (совр. Мурат) и верховьями восточных притоков Тигра. Региону, определенному выше, как север Коренной Области, включавшему в себя на крайнем севере основные обсидиановые месторождения вблизи оз. Ван и в бассейне Арацани, а на юге – главные поселения раннего докерамического неолита (Халлан Чеми, Чайоню, Демиркёй, Кёртик Тепе...), – который в свою очередь был связан с “горизонтом круглых домов” XI-IX тыс. до н.э. Нам еще не раз придется обращаться к данному региону, поэтому для удобства введем аббревиатуру СКО (Север Коренной Области). Столь большой хронологический разрыв (3-5 тыс. лет) между “горизонтом круглых домов” и круглоплановой архитектурой обоих *синхронных* друг другу культур в принципе не противоречит пока что довольно голословному предположению о генетической связи этих культур с указанным выше регионом СКО, т.е. мысли о происхождении как халафских, так и шулавери-шомутепинских племен, из данного региона.

Когда эти племена вышли с севера Коренной Области, и вышли ли одновременно, что может означать их обоюдное обращение к архитектурным традициям многотысячелетней давности, что стоит за ответами, осуществляемыми обоими обществами... – на все эти и другие нелегкие вопросы мы попробуем ответить ниже. Вот только для начала отметим, что начиная с ~6500 гг. к СКО непосредственно с юга примыкал ареал культуры Прото-Хассуна (см. Рис. 3.4 во втором этюде Хронографии №3), откуда, как мы выяснили в первом томе, осуществлялись поэтапные металлургические миграции, вызванные металлургическим ответом на аридную инхронику, в Центральную и Западную Анатолию и далее на Балканы. В то время как обсидиановые миграции переселенческо-обсидианового аридного ответа, одного из самых первых аридных ответов, начавшиеся с конца VIII тыс. до н.э.

[25] N. Çalışkan Kılıç, S. Kılıç, H. Çalışkan Akgül “An archaeometric study of provenance and firing technology of Halaf Pottery from Tilkitepe (Eastern Turkey)”, *Mediterranean Archaeology and Archaeometry*, Vol. 17, No 2, 2017, pp. 35–48.

[26] С. А. Григорьев “Древние индоевропейцы”, стр. 339.

[27] G. Palumbi “The Chalcolithic of Eastern Anatolia” in S. R. Steadman, G. McMahon (eds.) “The Oxford Handbook of Ancient Anatolia 10.000-323 B.C.E.”, Oxford University Press, 2011, pp. 205–226, p. 209.

[28] N. Çalışkan Kılıç et al. “An archaeometric study of provenance...”, p. 36.

[29] G. Palumbi “The Chalcolithic of Eastern...”, p. 209.

в том же западном направлении, скорее всего, исходили именно из региона СКО – как самого заинтересованного в обсидиановой торговле региона. И еще следует обратить внимание на отмеченное сходство некоторых элементов самаррской и халафской культур (как и в случае с культурой Убейда) – в частности, в стилях керамической посуды на ранних этапах переходного периода к Халафе (иначе – периода Прото-Халафы)^[30] и в погребальном обряде^[31], а также на возможную сопоставимость шулавери-шомутепинской керамики с прото-хассунской^[32].

Вспомним некоторые эпизоды, в основном миграционные, касающиеся переднеазиатской колонизации Европы, которые гораздо подробнее освещались в Хронографии №3 первого тома, и попробуем привязать их к развитию этнокультурной обстановки в Коренной Области и вокруг нее.

К концу VII тыс. до н.э., после того как с ~6700 г. до н.э. окончательно прекратились обсидиановые миграции, и в середине VII тыс. до н.э. их сменили металлургические, большие число обитателей Передней Азии оказалось перемещенным в Юго-Восточную Европу. Причем подавляющая часть этих мигрировавших на запад переднеазиатов происходила из Коренной Области, являвшейся главным двигателем торговли неолитической сферы взаимодействия PPNB в Передней Азии до VII тыс. до н.э., отчего население данного региона болезненнее других прореагировало на наступление новой – аридной – эпохи. В результате значительное количество социальной аридной инхроэнергетики вместе с самыми сильными инхрониками переселенческо-обсидианового и металлургического аридных ответов было выброшено за пределы Коренной Области и даже за пределы Передней Азии.

По наблюдающимся с точки зрения некоторых лингвистов связям северокавказских языков с сино-тибетской языковой семьей (см. выше) можно заключить, что в те времена Коренную Область заселяли племена, принадлежащие прасеверокавказской общности. Что в общем-то ни в коей мере не противоречит выводам большинства археологов и генетиков о хаттохурритской принадлежности переднеазиатских племен, заселявших Европу в VII тыс. до н.э., и в то же время являющимися основными обитателями Малой Азии до II тыс. до н.э. Скорее всего, это были хаттские (точнее, протохаттские) и близкие им племена, в историческое время проживавшие в Центральной Анатолии и, возможно, западнее, в то время как хурритские племена в основном обосновались в ее восточной части. Таким образом, в процессах колонизации Европы VII тыс. до н.э. протохаттскими племенами мы воочию наблюдаем начавшийся в Коренной Области распад прасеверокавказской общности, продолжившийся и в последующие тысячелетия.

А теперь по порядку.

Обсидиановые миграции конца VIII - начала VII тыс. до н.э. переселенческо-обсидианового аридного ответа по смещению обсидианово-продовольственной сферы взаимодействия PPNB дальше на запад (с обсидиановым полюсом близ месторождений в Центральной Анатолии и продовольственным на Балканах) перебросили довольно крупные массы обсидианово активного населения из Коренной Области в Центральную и даже в Западную Анатолию. Надо полагать, основной контингент мигрантов соста-

^[30] W. Cruells “The Proto-Halaf: Origins, definition, regional framework and chronology” in J. M. Córdoba et al. (eds.) “Proceedings of the 5th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East (Madrid, 3–8 April 2006 (Vol. III)”, Madrid, 2008, pp. 671–689.

^[31] С. А. Григорьев “Древние индоевропейцы”, стр. 58.

^[32] Там же, стр. 339, 340 (культура Телья Сотто иначе еще называется прото-хассунской).

вили обитатели обсидианового севера Коренной Области (СКО). И тем не менее с окончанием данных миграций в ~6700 г. до н.э., а то и раньше еще во время их прохождения в первой трети VII тыс. до н.э., по всей Коренной Области, а не только на ее севере, устанавливается новая так называемая пред-прото-хассунская культура (Pre-Proto-Hassuna). При этом два поселения данной культуры как бы маркируют такое ее распространение – по всей Коренной Области: Salat Cami Yanı – на севере, в верховьях Тигра; и Tell Seker al-Aheimar – на юге, в долине Хабура, одного из главных притоков Евфрата^[33]. Другими словами, по мере постепенного вычленения из прасеверокавказской общности племен, мигрировавших на запад, в Коренной Области формируется новая этнокультурная общность Пред-Прото-Хассуны.

Принадлежали ли обсидиановые мигранты протохаттским племенам? Трудно сказать, так как вскоре после окончания обсидиановых миграций начинается новая волна металлургических миграций, возможно, с несколько иным этническим составом мигрантов, которые начали вытеснять переселившееся раньше родственное им прасеверокавказское обсидиановое население Центральной Анатолии еще дальше на запад – в Западную Анатолию и на Балканы, а затем и сами ринулись по их следам в эти же западные регионы. Поэтому, больше похоже на правду, что протохаттами были эти последние металлургические мигранты из Коренной Области, которые в Европе положили основу металлургическому винчианскому кругу культур, вскоре образовавшими Балкано-Карпатскую металлургическую провинцию. А обсидиановые мигранты первой волны, в таком случае, были также неким прасеверокавказским по происхождению народом, вышедшим в свое время из СКО, и в скором времени ассимилированным пришедшими следом протохаттами при их обоюдном смешивании с местными балканскими мезолитическими общинами охотников-собираателей.

Итак, по завершении в ~6700 г. до н.э. обсидиановых миграций в Коренной Области окончательно оформляется пред-прото-хассунское этнокультурное пространство как новый вариант прасеверокавказской общности, только без “обсидиановых” племен, позднее растворившихся в протохаттах в Малой Азии и на Балканах. С этого же времени ~6700 г. до н.э. в данном пред-прото-хассунском сообществе начинается формирование металлургического аридного ответа, которое завершается в ~6500 г. до н.э. новым выбросом мигрантов – металлургов-протохаттов – в западном направлении. Скорее всего, протохаттов, так как после ~6000 г. до н.э. завершения металлургических миграций и до III тыс. до н.э., когда по историческим свидетельствам Центральную Анатолию населяли хаттские племена, никаких перемещений крупных масс населения в Центральную Анатолию не отмечено.

Следующим этапом распада прасеверокавказской общности стало вычленение из нее хассунских и самаррских ветвей, начавшийся, скорее всего, в ~6500 г. до н.э., что наблюдается в появлении в это время протохассунской культуры, обособившейся на южной окраине Коренной Области, откуда, видимо, вскоре и пошла следующая волна миграций на запад – уже не обсидиановых, а металлургических.

А на обсидиановом севере, в СКО, который к тому времени в инхроэнергетическом плане был в значительной степени обескровлен предыду-

^[33] Y. Nishiaki, M. Le Mièrre “The oldest pottery Neolithic of Upper Mesopotamia: New evidence from Tell Seker al-Aheimar, the Khabur, northeast Syria”, *Paléorient*, Vol. 31, №2, 2005, pp. 55–68; Y. Miyake “Excavations at Salat Cami Yanı 2004-2006. A Pottery Neolithic Sites in the Turkish Tigris Valley” in P. Matthiae et al. (eds.) “Proceedings of the 6th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East”, Volume 2, Wiesbaden, 2010, pp. 417–429.

щей обсидиановой волной переселения на запад, только-только начинался новый подъем аридной инхроники, правда, под совсем другими знаменами. Поскольку юг Коренной Области был занят металлургически наиболее активными прото-хассунскими племенами, которые, как мы предположили выше, скорее всего, по языку и культуре принадлежали протохаттской общности, то в ~6500 г. до н.э. начала миграции южных прото-хассунских (протохаттских) племен на запад только в СКО, и только там, могли начаться процессы формирования совершенно нового ответа на аридную инхронику, отличного от всех других аридных ответов, – ирригационного аридного ответа. Процесс завершился к ~6300 г. до н.э., что привело к инхроническому и этнокультурному выделению из обсидианового населения СКО прасеверокавказской общности новых весьма инхроэнергичных активных племен. А поскольку во всей дальнейшей исторической перспективе переднеазиатского региона в основном только носители самаррской культуры, и особенно ее убейдской ветви, показали себя наиболее последовательными проводниками идей искусственной ирригации в жизнь, то мы можем с полным правом предположить, что в 6500-6300 гг. до н.э. из общей прасеверокавказской обсидианово ориентированной массы обитателей СКО вычленились именно самые первые прото-самаррские племена.

Таким образом, в ~6300 г. до н.э. произошел распад прасеверокавказской общности Коренной Области на прото-хассунское население юга и прото-самаррское севера. Но и это еще не все – на севере, в СКО, еще оставалось и обсидианово ориентированное население, в свое время не принявшее переселенческо-обсидианового аридного ответа, и оставшееся в родных обсидиановых местах верхнего Тигра и оз. Ван, никак не отреагировавшее на формирование следующего металлургического аридного ответа – собственно, до выделения прото-самаррцев они-то и составляли пред-прото-хассунское население СКО. И надо полагать, что и после зарождения ирригационного аридного ответа довольно-таки большая часть населения СКО проявила столь же скептическое отношение и к нему, как и ко всем предыдущим аридным ответам, требующим переселения в дальние и очень дальние земли. Ирригационный же ответ не просто требовал, а настоятельно влек своих адептов к дальним южным засушливым территориям, где этот аридный ответ только и мог бы проявить себя во всю свою красу и силу...

Все это говорит о некоторой слабости позиций аридной инхроники в СКО по сравнению с другими переднеазиатскими регионами, что в свою очередь свидетельствует о силе в этом районе Коренной Области предыдущей неолитической инхроники, чья инхроза завершалась только в ~4000 г. до н.э. И это не так уж и удивительно, если вспомнить, что основную массу населения СКО составляли прямые потомки неолитических мигрантов из Восточной Азии, правда, уже сильно метисированные, но все-таки. Поэтому вряд ли первые прото-самаррские племена зародившиеся здесь незадолго до ~6300 г. до н.э. были такими уж и многочисленными, однако свое малое количество они с лихвой компенсировали высоким качеством – высокой аридной инхроэнергетикой своего неординарно агрессивного ответа, влекшего их не от будущих аридных опасностей и угроз, как все предыдущие аридные ответы, а им навстречу. И в том же ~6300 г. до н.э., как только был сформирован ирригационный ответ, все прото-самаррские племена как один (или это и было-то всего одно племя?) снялись с давным-давно насиженных мест и по долине Евфрата устремились на юг...

Следует ли говорить, что за время миграций прото-хассунских (протохаттских) племен в дальние западные края возникший на юге металлурги-

ческий ответ наверняка успел проникнуть и к аридно активным соседям с севера – к прото-самаррцам? Собственно говоря, именно это проникновение в самом начале металлургических миграций, скорее всего, и инициировало формирование ирригационного ответа в СКО... А в ~6300 г. до н.э. после завершения своего формирования такой же ответный дрейфовый вояж прямо на юг, в Прото-Хассуну, совершил и ирригационный ответ, поскольку оба аридных ответа были комплементарны друг другу, дополняли один другого и стимулировали взаимное развитие. Разница лишь в том, что у прото-хассунцев на переднем плане был металлургический ответ, а позаимствованный ирригационный в своей самой простой землеобрабатывающей форме пребывал в его тени и все больше в сфере мотивации, а у прото-самаррцев дело обстояло прямо наоборот и не столь контрастно. Что наравне с другими причинами и определило разнонаправленность экспансионистских устремлений этих двух этнокультурных общностей: прото-хассунцев – на север, запад и северо-запад, по северу Передней Азии и в Европу, а прото-самаррцев – на юг, восток, юго-восток и юго-запад, в Центральную и Нижнюю Месопотамию, в Иран и в Африку. “Свободным” миграционным направлением относительно Коренной Области оставался только северо-восток...

И что же стало с основным населением севера Коренной Области (СКО), по-прежнему все так же обсидианово ориентированным, после исхода отсюда прото-самаррцев? Если исходить из появления спустя всего 300 лет в довольно близком Закавказье так же сильно обсидианово ориентированного такого же земледельческо-скотоводческого населения шулаверипшомутепинской культуры, к тому же судя по всему прибывшего сюда от ванских источников обсидиана, то и эта инертная этнокультурная составляющая Коренной Области, наконец-то, тоже решилась на миграцию по оставшемуся незанятым северо-восточному “коридору”, правда, на очень короткую дистанцию сравнительно с переселениями других народов, также вышедших из прасеврокавказской общности. Но что же подтолкнуло этих крайне консервативно настроенных сторонников обсидиановой каменной индустрии, в свое время отказавшихся даже от смещения обсидиановой сферы взаимодействия “немного” на запад?

Ответ на поверхности – зарождение аридного ирригационного ответа в их “застойной” пред-прото-хассунской среде, в свою очередь спровоцированное дрейфом металлургического аридного ответа с прото-хассунского юга. Непонятно только одно – каким образом? Выше уже говорилось об особо сильных позициях неолитической инхроники среди населения СКО. Сосредоточение же аридной инхроэнергетики среди носителей формируемого здесь же ирригационного ответа, высасывающее все аридные инхронические силы к будущим прото-самаррцам, еще более увеличило дисбаланс инхроник среди обсидианового населения, катастрофически уменьшая аридную инхроэнергетику и соответственно столь же сильно увеличивая инхроэнергетику неолитическую, все еще остающейся актуальной до ~4000 г. до н.э., и к тому же до конца не востребованной из-за краха сферы взаимодействия PPNB. Вот этот всплеск и без того сильной неолитической инхроники и подтолкнул обсидиановое население СКО к реализации варианта сугубо неолитического обсидианового ответа в виде переселения в северо-восточном направлении (подальше от направлений аридных миграций) в близкое и такое же обсидиановое Закавказье, сравнительно более безопасное в плане как неолитических, так и аридных миграционных угроз, где бывшие обитатели СКО появляются уже в качестве носителей шулавери-

шомутепинской культуры. О достаточно сильной и устойчивой неолитической направленности шулавери-шомутепинских племен говорит и тот факт, что виноград, судя по всему, впервые был одомашнен имен в их среде, и, соответственно, здесь же, в Закавказье, было получено первое вино^[34].

В то же время этот же неолитический всплеск мог быть также и истинной причиной возврата к древней круглоплановой архитектуре “горизонта круглых домов” в их среде, когда они оказались в Закавказье. Но в чем же смысл такого возврата? Рост неолитической инхрэнергетики неизбежно повышал и активность неолитических ответов – земледелия и скотоводства, наравне с тем же обсидиановым ответом. Можно предположить, что резкая активизация неолитических ответов при отсутствии каких-либо синхронных причинных факторов (событий) в ведущем неолитическом демографическо-гидрологическом процессе в Восточной Азии могла затронуть какие-то пласты глубинной коллективной (архетипической) психики обитателей СКО, в том числе и пласты, в свое время сформированные процессами первоначального проникновения этих ответов к населению Передней Азии, которые, как мы предположили ранее (см. последний этюд Хронографии №2), были неразрывно связаны с проводимыми в храме Гёбекли Тепе (возможно, и в каких-то других еще не раскопанных храмах) церемониями и ритуалами. А храм Гёбекли Тепе, как мы помним, также был исполнен в круглоплановой манере “горизонта круглых домов”, причем в те же самые времена XI–IX тыс. до н.э. Как тут не вспомнить еще и о винограде и первом вине в шулавери-шомутепинской среде и первом пиве церемониальных застолий Гёбекли Тепе... И что-то могло отозваться, приняв столь часто встречающуюся форму общественных императивов как “возврат к истокам”. Во всяком случае, выглядит правдоподобнее, чем попытки объяснить возврат к круглоплановой архитектуре какими-то социально-хозяйственными и демографическими причинами, которыми зачастую объясняют обратный переход от круглоплановой архитектуры к прямоугольной, совершенный в период PPNB, как переход от больших полигамных семей к меньшим моногамным семьям^[35]. И что же тогда получается в нашем случае – возврат к более первобытным формам организации семей в столь развитых обществах как шулавери-шомутепинское, а тем более халафское? Как-то слабо верится...

Кстати, о Халафе. Возводя Халафу к прото-самаррским племенам (что мы сделаем чуть ниже), мы неизбежно приходим к выводу, что всплеск неолитической инхроники в СКО проник также и в здешнюю прото-самаррскую среду редких сторонников ирригационного аридного ответа. Иначе трудно будет объяснить халафскую круглоплановую архитектуру, синхронную такой же шулавери-шомутепинской. Такое возможно, если противодействующий всплеск неолитической инхроэнергетики начался сразу же после проникновения в СКО прото-хассунского аридного металлургического ответа с юга одновременно с началом формирования ирригационного аридного ответа в СКО. Тогда формируемое прото-самаррское сообщество поднималось не только на непрерывно нарастающей в их среде аридной инхроэнергетике, но и на растущей по всему СКО, и среди нарождающихся прото-самаррцев в том числе, неолитической инхроэнергетике.

Таким образом, получившееся в результате прото-самаррское общество обладало как сильной аридной инхроэнергетикой, так и столь же сильной неолитической инхроэнергетикой, в будущих шулавери-шомутепинских

[34] A. Sagona “The Archaeology of the Caucasus...”, pp. 124-125.

[35] P. Bikoullis “Neolithic Houses and Households in Central Anatolia in multi-regional perspective”, vis-à-vis: Explorations in Anthropology, Vol. 12, No. 1, 2013, pp. 31–53.

племенах (т.е. остальное обсидиановое население СКО) преобладала опять-таки сильная неолитическая инхроника, но на фоне очень слабой аридной инхроники, и, наконец, в южном прото-хассунском обществе – сильная аридная инхроника на фоне уже ослабевшей к концу инхрозоны неолитической инхроники. То есть только в прото-самаррском обществе рост аридной инхроники ни в коей мере не мешал росту неолитической инхроники, и наоборот. Что легко объясняется самой природой прото-самаррского ирригационного аридного ответа, одновременно являвшимся ответом и на неолитическую инхронику как всего лишь одна из частных форм земледельческого неолитического ответа – то, чем ни в коей мере не обладал металлургический чисто аридный ответ. Зато тем же новым неолитическим качеством обладал еще и самый первый аридный ответ – переселенческо-обсидиановый ответ по смещению продовольственного полюса обсидианово-продовольственной сферы взаимодействия в Европу, – что и стало источником распространения производящего хозяйства на Балканах в среде первых здешних неолитических культур: Старчево-Криш, Караново и других.

Что касается слабой аридной компоненты в шулавери-шомутепинском обществе, то, возможно, она проявилась в некоторой сопоставимости шулавери-шомутепинской и прото-хассунской керамических традиций^[36]. Здесь, по-видимому, речь идет о возможном заимствовании обсидиановым населением СКО некоторых гончарных традиций и технологий (а конкретнее – конструкции печи для качественного обжига керамики) из арсенала прото-хассунского металлургического аридного ответа, который в то время как раз пребывал в стадии пиротехнологического экспериментирования с печами и материалами. И если это и в самом деле так, то такая “прото-хассунская” керамика была бы, пожалуй, единственным аридным элементом в культурно-инхроническом облике шулавери-шомутепинского общества.

В первом томе говорилось о вычлениении самаррской культуры, как и хассунской культуры, из Прото-Хассуны. Теперь после более детального рассмотрения мы видим, что дело обстояло несколько сложнее, чем казалось ранее. И тем не менее инициатором выделения прото-самаррских племен из общей массы прасеверокавказского населения севера Коренной Области (СКО) и в самом деле стало проникновение сюда металлургического ответа с прото-хассунского юга. Так что, прямой причиной возникновения Самарры, наряду с климатическими причинами, которые также обсуждались в первом томе, все-таки была именно Прото-Хассуна с ее металлургами-протохаттами. В конце концов, если бы не дрейф металлургического аридного ответа с юга, обсидиановое крайне неолитически настроенное население СКО могло бы попросту не обратить ни малейшего внимания на пертурбации климатического события 8.2 ка (тыс. лет назад – см. в третьем этюде Хронографии №3)...

Итак, в ~6300 г. до н.э. завершения формирования ирригационного ответа прото-самаррские племена ринулись по долине верхнего Евфрата на юг, а прото-шулавери-шомутепинские племена примерно в это же время принялись не спеша смещаться по обсидиановым месторождениям на северо-восток в сторону Закавказья...

Выйдя на средний Евфрат, прото-самаррцы не могли не столкнуться здесь со степным населением Джезиры, в среде которых уже 400 с лишним лет шел длительный коэволюционный процесс формирования еще одного

^[36] С. А. Григорьев “Древние индоевропейцы”, стр. 339.

аридного ответа, а именно – молочного (см. третий этюд Хронографии №3). Часть прото-самаррцев (не очень большая группа), приняв и этот более простой и близкий им аридный ответ, а главное, ранний ответ, не требующий никаких социальных и технологических усложнений и ухищрений, оседает в здешних степях, смешивается с местным населением, довольно быстро перенимая у него антилактозную генетику, и в свою очередь передавая ему вместе с ирригационным и металлургическим ответами некоторые свои самарро-хассунские (в керамике – чисто металлургические дела сплетенные еще и с кухонно-керамическим ответом) и прасеверокавказские СКО (круглоплановая архитектура и антропоморфная пластика) культурно-инхронические особенности, чем форсирует окончание формирования молочного ответа и переход к его реализации в 6300-6200 г. до н.э. Участие в данном форсировании соседнего северолевантийского населения, такого же изначально лактозно непереносимого, как и прото-самаррцы, мы обсудим в следующем этюде, как и участие северных левантийцев в формировании, реализации и распространении сырно-молочного ответа, а также вариации в трактовке этого участия, вызванные предположенной на этих страницах локализацией зарождения самаррской культуры в СКО и, как увидим ниже, выводимой из нее и других свидетельств более точной локализации индоевропейской прародины.

Остальные прото-самаррские племена продолжили движение вдоль Евфрата на юго-восток. Большая их часть осела в Центральной Месопотамии, положив начало собственно оригинальной многоплановой самаррской культуре, а несколько племен прошли еще дальше в Нижнюю Месопотамию, где стали известны археологам под именем убейдов.

Теперь, возвращаясь к гипотезе А. Касьяна о незавершенном лингвистическом сдвиге при взаимодействии хурритского и шумерского языков в ее связке с продемонстрированной выше возможностью вычленения прото-самаррских племен из прасеверокавказской общности в Коренной Области, мы уже имеем некоторые основания декларировать хурритскую (точнее, протохурритскую) языковую принадлежность прото-самаррских племен в целом, и убейдов в частности. Что касается гипотезы Д. Оутс о культурной непрерывности в Нижней Месопотамии, то данный тезис может сохранить свою силу при условии очень быстрой культурной ассимиляции прибывших сюда же гораздо позже шумеров местными убейдами, уже давно ставшими аборигенами Нижней Месопотамии. Такое возможно при условии успешной *инхронической* аккумуляции, доходящей до полной (за исключением языкового аспекта) культурной ассимиляции, т.е. при дрейфе инхроник и ответов – в данном случае при дрейфе аридной инхроники и ответов на нее от убейдов протохурритского языкового происхождения к только-только прибывшим в Нижнюю Месопотамию шумерам с одновременным заимствованием от последних шумерского языка.

В результате шумеры как этнос и культура могли поглотиться убейдской средой практически за несколько поколений, успев только передать убейдам свой язык, и то не до конца – тот самый незавершенный лингвистический сдвиг. И произошло это, скорее всего, не в ранние куро-аракские времена второй половины IV тыс. до н.э., а на тысячу лет раньше – во второй половине V тыс. до н.э., когда убейдская культура сменилась культурой Урука. И если здесь и можно говорить о какой-то культурной непрерывности археологического материала, то навряд ли то же самое можно сказать относительно этнических стереотипов поведения, этнокультурной ментальности в периоды Убеида и Урука, методов, которыми создавалась и распро-

странялась нижнемесопотамская торговая сеть в эти два смежных периода, – это небо и земля! Так что к убейдам от шумеров перешел не только шумерский язык, но еще что-то, что совершенно неуловимо непосредственным археологическим материалом, а только его совокупным осмыслением. Другими словами, дома, посуда и прочая утварь убейдов, может, практически и не изменилась после поглощения пришлых шумеров, показывая только эволюционное развитие, а вот их этнокультурное поведение должно было измениться разительно и скачком – как и язык.

Ранее данную смену культур мы объясняли исключительно коррекцией аридных ответов в это время, вызванную эпохальными климатическим коллизиями планетарного масштаба (см. пятый этюд Хронографии №3). Теперь же склонны приплюсовать сюда и этнокультурные особенности шумеров, которые прибыли в Нижнюю Месопотамию во второй половине V тыс. до н.э., может, и правда откуда-то с Дильмуна-Бахрейна, а скорее всего, из Аравии через Бахрейн, вытесненные отсюда напиравшими сахарскими племенами, или даже напрямиком из той же Сахары. В любом случае, это уже были племена ведущего сахарского демографического потока, и убейдам с их аридными ответами удалось худо-бедно управиться с этим самым первым нашествием из Аравии-Сахары. Скорее, худо, если учесть языковую ассимиляцию их самих, и малозаметные поначалу этнокультурные сдвиги, все более и более проявляющие себя по мере развития урукского общества. А дальше ведь, со следующими волнами пришельцев сахарского происхождения, дела обстояли еще хуже... Как видим, даже в общем и целом успешный ответ на инхронику может не всегда и/или не в полном объеме справляться с поставленными перед ним задачами.

По поводу же языковой атрибуции шулавери-шомутепинских племен можно сказать только то, что по языку они должны были быть близки к своим прото-самаррским соседям по СКО, т.е. к протохурритам, а следовательно, и к хурритам. Исходя из чего можно предположить, что именно шулавери-шомутепинских племена составили костяк будущей восточнокавказской (нахско-дагестанской) языковой семьи.

В ареале Прото-Хассуны также наблюдаются изменения после формирования в ~6300 г. до н.э. ирригационного ответа на соседнем севере и его дрейфа на юг – по мере миграций металлургов-протохаттов идет спад аридной инхроники, а с проникновением ирригационного ответа начинается еще и формирование хассунской культуры (архаическая Хассуна^[37]), еще более отвлекающее аридную инхронику на себя, что в результате ведет к полному исходу протохаттских племен на запад, прекращению металлургических миграций из этого региона в ~6000 г. до н.э. и установлению собственно хассунской культуры, которую, впрочем, иногда называют Хассуна/Самарра. Надо сказать, что в целом и общем ирригационный ответ ослаблял аридную инхронику здесь по той причине, что вторую волну массовых миграций, уже ирригационных, этот регион не выдержал бы, а перспектив серьезного масштабного ирригационного развития на данном этапе в данной местности практически не было. Таким образом, Хассуна – это общность с не очень-то сильной как аридной, так и неолитической инхроникой, и тем не менее, судя по оригинальной технологически продвинутой керами-

[37] J. Bernbeck, O. P. Nieuwenhuysе “Established paradigms, current disputes and emerging themes: the state of research on the Late Neolithic in Upper Mesopotamia” in O. P. Nieuwenhuysе et al. (eds.) “Interpreting the Late Neolithic of Upper Mesopotamia”, Publications on Archaeology of the Leiden Museum of Archaeology, Turnhout (Belgium): Brepols, 2013, pp. 17–37.

ке, уровень аридной инхроэнергетики в ней, пусть и не столь высокий, превалировал над уровнем неолитической инхроэнергетики.

По аналогии с ситуацией в СКО и шулавери-шомутепинскими племенами можно предположить, что и племена хассунской культуры, оставшиеся в Северном Ираке послу ухода протохаттов, вполне могли представлять собой пока еще нерасчлененную западнокавказскую (абхазо-адыгскую) языковую общность. Хотя справедливости ради заметим, что в принципе положить начало западнокавказской языковой семье могла бы, конечно, и какая-нибудь блуждающая по Малой Азии протохаттская группа металлургов-мигрантов, случайно проникшая на Кавказ по берегу Черного моря.

Мы так подробно остановились на распаде прасеверокавказской языковой общности только с одной целью – показать насколько широко к моменту распада праиндоевропейской общности в ~5000 г. до н.э. расселились прасеверокавказские племена по всему северу Передней Азии (да и по югу тоже – самаррцы с убейдами) и даже в большей части Юго-Восточной Европы. Казалось бы, в таких условиях любые лингвистические схождения между северокавказскими и индоевропейским языками малоинформативны, не позволяя существенно сузить район поиска индоевропейской прародины. И тем не менее нам удалось немного локализовать район наибольшей концентрации носителей прасеверокавказского языка до начала керамического неолита в ~7000 г. до н.э. и производных от него протоязыков, возникших после данного рубежа, – это Коренная Область между Верхним Евфратом и оз. Ван на севере, ограниченная с юга территориями по верховьям Хабура (левого притока Евфрата) и среднему течению Тигра. При большом количестве схождений в индоевропейских и северокавказских языках^[37] (причем на уровне праиндоевропейского, причем все больше культурная лексика, причем в качестве заимствующего выступал праиндоевропейский) с достаточно большой долей уверенности можно утверждать, что индоевропейская прародина должна была с севера ли, с юга ли, с запада или востока, но граничить с Коренной Областью.

Привязки к прародинам картвельской и семитской языковых семей могла бы еще более уточнить регион обитания праиндоевропейских племен, однако местонахождение прародины картвельских языков слишком уж неопределенно, и археологические методы практически мало чем могут помочь в деле ее локализации^[38]. А без археологической основы даже инхронический подход бессилён что-либо сделать, поэтому остаются только семиты...

В этом плане с точки зрения наших инхронических поисков наиболее вероятного местоположения прародины семитов и возможного распространения их языков и народов по Передней Азии в столь ранний период от начала аридной инхрозоны (в конце VIII тыс. до н.э.) до конца неолитической инхрозоны (в ~4000 г. до н.э.) кое-что, наверное, сможет рассказать распределение находок самой ранней переднеазиатской керамики. В данном случае я исхожу из афразийского языкового происхождения семитских народов на африканском континенте, вычленения прасемитской общности из афразийской в достаточно ранние времена в VIII тыс. до н.э. и проникновения в конце VIII тыс. до н.э. некоторых прасемитских племен с уже начавшемся складываться неким протосемитским диалектом в Переднюю Азию в результате миграции из Африки. Появление в это время керамической посуды

^[37] С. А. Старостин “Индоевропейско-северокавказские изоглоссы” в С. А. Старостин “Труды по языкознанию”, М.: Языки славянской культуры, 2007, стр. 312–358.

^[38] С. А. Григорьев “Древние индоевропейцы”, стр. 340-341.

в переднеазиатском регионе, при том что ближайшие “керамические” области были расположены в Африке, и та важная роль какую во все последующие времена играли семиты на Ближнем Востоке, с довольно ранних времен плотно взаимодействуя со многими существовавшими (как и существующими поныне) и гипотетическими переднеазиатскими народами и языками, и столь же огромная роль керамики в развитии и становлении ближневосточных обществ, позволяют нам счесть достаточно высоковероятным сделанное выше допущение о тождественности производителей самой ранней керамики в Передней Азии и первой прибывшей из Африки этнокультурной и языковой общностью носителей некоего протосемитского языка. Настолько вероятной, чтобы положить данное допущение в основу дальнейших наших рассуждений и модельных конструкций и попытаться найти дополнительные факты, подтверждающие наше нулевое допущение.

Таким образом, предлагаемая гипотеза противопоставляется распространенным лингвистическим моделям исхода части носителей афразийских

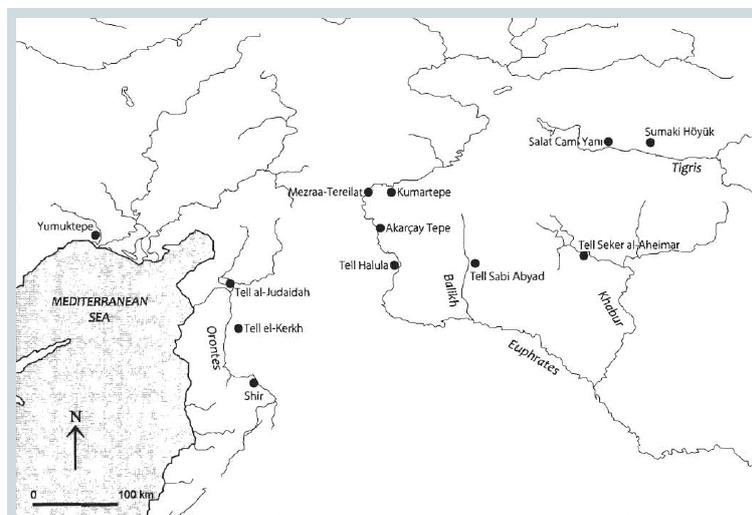

Рис. 4.4

Местоположение археологических участков с самой ранней в Передней Азии керамической посудой

(Карта взята из статьи Т. Odaka “Neolithic pottery in the northern Levant and its relations to the east” in Y. Nishiaki, K. Kashima, M. Verhoeven (eds.) “Neolithic Archaeology in the Khabur Valley, Upper Mesopotamia and Beyond”, Berlin: ex oriente, 2013, pp. 205–217, Fig. 3)

языков из Африки в Сирийскую степь и/или на Аравийский полуостров^[39], где и складывается семитская языковая семья, в том пункте, что семитская общность складывается еще в Африке, а не в переднеазиатской аридной зоне (Сирия и Аравия). И первые семитские (уже протосемитские или еще прасемитские – но ни в коем случае не афразийские!) мигранты, соответственно, прибыва-

ют не просто в Сирию-Аравию, а в зону естественного орошения Плодородного Полумесяца на севере Передней Азии, где в это время, в ~7000 г. до н.э., появляется самая первая переднеазиатская керамическая посуда, т.е. в Северный Левант. Но и Аравию забывать окончательно тоже не стоит – как увидим, там есть свои привязки и завязки, правда, не совсем и не только прасемитские, а... Короче, увидим.

В то же время наше нулевое допущение противостоит и получившей некоторую популярность в последние десятилетия гипотезе переднеазиатского происхождения семитов^[40] или даже всех афразийцев – желательного в

^[39] См., например, в И. М. Дьяконов “Языки древней Передней Азии”, М.: «Наука», 1967, стр. 181-182.

^[40] A. Kitchen et al. “Bayesian phylogenetic analysis of Semitic languages identifies an Early Bronze Age origin of Semitic in the Near East”, Proceedings of the Royal Society B, 276, 2009, pp. 2703–2710, Figure 1.

Леванте, желательна в Южном, желательна с привязкой к Натуфу – куда ж без него...^[41]

На Рис. 4.4 изображена карта поселений, где обнаружена самая ранняя в Передней Азии керамика. И мы видим здесь некоторые уже знакомые нам названия, связанные с Коренной Областью, – Salat Cami Yanı и Tell Seker al-Aheimar. В нашей же модели Коренную Область в то время населяли прасеверокавказские племена, которые никак не могли оказаться выходцами из Африки, ставшими самыми первыми гончарами Передней Азии, поскольку частично были потомками совсем другой намного более ранней волны мигрантов из Восточной Азии (так называемыми “анатолийцами”), неолитический ответ которых производящим хозяйством в свое время был противопоставлен неолитическому же рыбно-промысловому ответу и связанной с этим ответом самой первой керамической посуде в мире (см. Хронографию №2 в первой книге).

Поэтому, похоже на то, что, керамика в самые ранние времена уже переднеазиатского керамического неолита попадала в Коренную Область по обменным каналам. Тем более что имеется мнение, что распространенная в Северной Месопотамии одна из разновидностей чуть позднее появившейся керамики с минеральным наполнителем (DFBW – Dark-Faced Burnished Ware), скорее всего, имела неместное происхождение, представляя собой импорт из какого-то другого пока что неизвестного, надо полагать, более западного переднеазиатского региона^[42].

На этой же карте мы видим некоторую концентрацию поселений с самой ранней керамикой на среднем Евфрате. И, казалось бы, откуда-то отсюда и должна была распространиться первая керамика как на восток в Коренную Область, так и на запад в Северный Левант и Киликию. Однако, как говорилось в первых этюдах Хронографии №3, ранняя качественная керамическая посуда с наполнением глиняной массы минеральным отощителем с ~6700 г. до н.э. на среднем Евфрате полностью сменяется грубой некачественной керамикой с растительным отощителем, при том что на востоке в Северной Месопотамии в это же время минеральная глиняная посуда, в том числе и DFBW, окончательно не исчезает, а только оттесняется с первых позиций растительной керамикой. Таким образом, регион среднего Евфрата тоже никак не мог быть центром производства керамических изделий DFBW, а значит, скорее всего, и самой ранней минеральной керамики.

В то время как в Северном Леванте изначально (с начала керамического неолита Передней Азии в ~7000 г. до н.э.) производилась как качественная минеральная керамика (изделия типа Kerkh и DFBW), так и грубая керамическая посуда, а с ~6700 г. до н.э. только уменьшается доля изделий Kerkh и растёт доля DFBW.

Все эти переключения качества керамики с минеральной на грубую растительную и обратно в Хронографии №3 объяснялись тем, что с ~6700 г. до н.э. поднялась новая волна формирования ответов на аридную инхронику – металлургического в Северной Месопотамии (точнее, в Коренной Области) и молочного в степях Джебзире на среднем Евфрате – в дополнение (или в замещение) к уже реализуемым переселенческо-обсидиановому и кухонно-керамическому, отвлекшие на себя ту или иную часть (в зависимости от региона и ответа) аридной инхроэнергетики. В результате всего этого реали-

^[41] A. Militarev “Proto-Afrasian Lexicon Confirming West Asian Homeland: Pastoralism”, Вопросы языкового родства, 1, 2009, pp. 95–106.

^[42] Y. Nishiaki, M. Le Mièrre “The oldest pottery Neolithic of Upper Mesopotamia...”, pp. 61, 64, со ссылками на первоисточники.

зации новых аридных ответов прекратили обмен местных продуктов на дорогостоящий импорт качественной минеральной керамики, заменив ее не очень-то умело сделанной на скорую руку собственной керамической посудой. И только в Северном Леванте начисто отсутствуют следы какого-либо ответа “второй очереди” – здесь вплоть до конца VII тыс. до н.э. царил и правил бал только кухонно-керамический ответ. В той же Хронографии №3 в качестве причины отличного от востока положения дел с аридными ответами в Северном Леванте выдвигались благоприятные ландшафтно-климатические условия в лесистой зоне Восточного Средиземноморья. Но только ли климат и леса? А главное, столько ли? А что если индифферентное отношение северных левантийцев к аридной инхронике объясняется какими-то их культурно-инхроническими особенностями? Например, такое было бы возможно, если бы именно в Северном Леванте поселились добравшиеся сюда в конце VIII тыс. до н.э. из Сахары несколько небольших бродячих групп охотников-собирателей, еще в Африке освоившие производство керамики, о чем подробнее говорилось в начале Хронографии №3. Как часть ведущего сахарского демографического-климатического потока они и впрямь в первое время были бы недоступны для проникновения аридной инхроники и ответов на нее, в то время как кухонно-керамический аридный ответ в Северном Леванте осуществляло бы только немногочисленное местное население – грубой некачественной керамикой. То есть качественная минеральная керамика Северного Леванта – это не кухонно-керамический аридный ответ, а продолжение и развитие *неолитических* хартумских керамических традиций Африки в Передней Азии как одного из неолитических ответов (а именно, рыбо-промыслового неолитического ответа), который так же как и производящий ответ в Передней Азии в свое время попал на африканский континент из Восточной Азии.

С другой стороны, в первом томе приводились примеры, когда часть населения, принадлежащая ведущему демографическому потоку, переселившись и в результате отколовшись от ведущего потока, со временем становилась способна к приему по дрейфу соответствующей инхроники, связанной с данным ведущим потоком, и ответов на нее. И тем не менее африканские гончары в Северном Леванте почему-то почти целую тысячу лет начисто игнорировали аридную инхроническую ауру вокруг них... Может, именно в этом игнорирующем тормозящем моменте как раз и сказались чересчур благоприятные условия Восточного Средиземноморья? Тем более что и в самой Северной Африке в VIII-VII тыс. до н.э. всю нарастал наиболее благоприятнейший климат Зеленой Сахары...

Мало того, позиции неолитической инхроники среди африканских гончаров, по всей видимости, были еще и довольно сильными. В противном случае трудно было бы представить причины, загнавшие эти группы африканских гончаров так далеко от их родины – аж на самый север Плодородного Полумесяца – не иначе как под действием одного из специфических переселенческих неолитических ответов. Может, просто ближе к горам Тавра, Армянского нагорья и Кавказа? Ведь и сторонники производящего неолитического ответа в свое время выбрали именно эти высокие горы в Коренной Области, плюс обсидиан, разумеется. Как тут на фоне неолитического гидрографического подтекста не вспомнить про библейский Арарат... Но это так – к слову.

И только когда у границы VII-VI тыс. до н.э. неолитическая инхроника, приближаясь к концу своей инхрозоны, стала несколько сдавать позиции, аридная инхроника поначалу вместе с самаррской, а затем и халафской,

керамикой и соответствующими аридными ответами постепенно стала проникать и в хартумо-левантийскую среду первых переднеазиатских гончаров африканского происхождения... На мой взгляд вполне приемлемое предположение, к тому же многое объясняющее.

Тогда в свете всего вышесказанного можно прийти к выводу, что первоисточником керамической посуды DFBW, экспортирующей ее на восток в первой половине VII тыс. до н.э., а в некоторые регионы и того позже, скорее всего, являлась именно область Северного Леванта, что, кстати, уже отмечалось и в других работах^[43]. А это уже серьезная заявка на роль первоисточника и всей самой ранней в Передней Азии качественной минеральной керамики в целом, появившейся на севере Плодородного Полумесяца в начале керамического неолита в ~7000 г. до н.э., и оттуда поставлявшейся в остальные раннекерамические регионы. В то время как грубая керамическая посуда с растительным отощением глиняной массы и на западе и на востоке производилась на местах еще не очень опытным в керамических делах переднеазиатским населением, к тому же на востоке уже приступившим к формированию новых аридных ответов...

Заметим еще, что границу между двумя этими регионами со столь разным раннекерамическим поведением – Северным Левантом и переднеазиатскими территориями восточнее него – некоторые исследователи видят где-то между степной сирийской речкой Куэйке (Qoueiq), на которой расположен современный Алеппо, и Евфратом^[44].

Таким образом, исходя из сделанного несколькими страницами ранее нулевого допущения идентичности прибывших в Переднюю Азию из Африки в ~7000 г. до н.э.^[45] первых гончаров и носителей одного из самых ранних проникших в Переднюю Азию семитских протоязыков, мы приходим к выводу, что первые языковые и иные контакты семитов с переднеазиатским населением могли состояться в Северном Леванте очень рано – вблизи границы VIII-VII тыс. до н.э. И похоже, что протосемитские племена поселились здесь в основном на равнине Амуқ (Amuq) и в долине Оронта. Между тем как в случае подъема вод Средиземного моря это были самые затопляемые в округе территории, и такой выбор выглядит более чем странным с точки зрения неолитической мотивации, которую выше мы приписали протосемитским керамическим выходцам из Африки. С другой стороны, можно вспомнить, что и первые неолитические мигранты в Восточной Азии – адепты лососево-промыслового неолитического ответа, – точно так же прежде всего кинулись осваивать весьма часто затопляемое русло Амура далеко на севере. Что, кстати, очень даже можно понять – если оставить в стороне самого лосося, то вблизи как среднего, так и нижнего Амура, вполне хватает сравнительно высоких гор, в которых всегда можно было бы укрыться в случае катастрофического наводнения. Что ж тогда говорить о местности рядом с вершинами хребта Джебел-Ансария, Аманских гор на границе с Киликией и уж тем более Тавра... Данную этнокультурную общность пер-

^[43] Например, в М. Özdoğan "Earliest Use of Pottery in Anatolia" in D. Gheorghiu (ed.) "Early Farmers, Late Foragers, and Ceramic Traditions: On the Beginning of Pottery in the Near East and Europe", Cambridge Scholars Publishing, 2009, pp. 22–43, p.29-p.30 или в Н. Tekin "New discoveries concerning the relationship between the upper Tigris region and Syro-Cilicia in the Late Neolithic", *Anatolian Studies*, 57, 2007, pp. 161–169.

^[44] Т. Odaka "Neolithic pottery in the northern Levant...", p. 212.

^[45] Даже чуть раньше – в самом конце VIII тыс. до н.э., если судить по некоторым аридным инхроническим признакам распада сферы взаимодействия и культурной надрегиональной общности PPNB: социальные волнения в Чайоню, возникновение поселения Чатал Хююк в Центральной Анатолии...

вых переднеазиатских гончаров мы и далее продолжим называть протосемитской, подразумевая под этим, что прибывшие из Африки гончары являлись носителями одного из самых первых семитских протоязыков-диалектов, то ли известного нам, то ли вымершего – с этим мы попробуем определиться в самом конце этюда.

Наличие большого количества схождения между индоевропейскими и семитскими языками^[46], в том числе на уровне пра- и протоязыков, подразумевает тесное соседство носителей этих языковых семей в некоем переднеазиатском регионе. Что касается прасеверокавказской этнокультурной и языковой общности, то в одной из своих недавних статей Т. Гамкрелидзе и В. Иванов так прямо и пишут относительно праиндоевропейско-прасеверокавказского языкового взаимодействия: "...в любом случае факт заимствования несомненен и однозначно определяет вероятное местоположение индоевропейской прародины рядом с прасеверокавказской"^[47].

Наблюдаются также и языковые связи между семитскими и северокавказскими языками^[48].

^[46] Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов "Индоевропейский язык и индоевропейцы...", стр. 871-876.

^[47] Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов "Индоевропейская прародина...", стр. 118.

^[48] А. Ю. Милитарев, С. А. Старостин "Общая афразийско-северокавказская культурная лексика" в С. А. Старостин "Труды по...", стр. 256–264. В этой статье приводятся схождения между северокавказскими и всеми афразийским языками, а не только одними лишь семитскими языками, откуда авторы приходят к выводу о расположении прародины афразийских языков не в Африке, а в Передней Азии. И все же, на мой взгляд, более обоснованным с самых разных точек зрения выглядит предположение о том, что афразийско-северокавказские языковые связи возникли в результате неолитизации Африки носителями одного из диалектов прасеверокавказского языка после ~6000 г. до н.э., как это чуть раньше происходило и в Юго-Восточной Европе. Только Европу в последней металлургической фазе ее колонизации осваивали в основном протохаттские племена прото-хассунского происхождения, а Африку – маленькие мобильные протохурритские самаррские группы, возможно, все больше со стороны Средиземного моря (см. в первом и третьем этюде Хронографии №3 с учетом сделанных в этом этюде поправок на локализацию самаррской прародины в СКО). Небольшое же схождение некоторых афразийских языков с западнокавказскими языками, родственными протохаттскому, если только это не ошибка обработки статистических данных, вполне объяснимо тем, что в VI тыс. до н.э. протохурритский язык самаррских мигрантов еще не слишком далеко отошел от прасеверокавказского единства, и имел множество общих лексем с протохаттским, которые впоследствии исчезли в восточнокавказских языках. Отсутствие же общих лексем у древнеегипетского языка с северокавказскими, судя по всему, немного удивило самих авторов данной статьи. Но и сей казус можно объяснить сложившейся к ~6000 г. до н.э. демографической ситуацией в Северной Африке, когда предыдущий рост голоценового увлажнения привел к расцвету Зеленой Сахары, ее быстрому заселению и, соответственно, к депопуляции долины Нила с его все еще малопредсказуемыми нерегулярными разливами. То есть на момент начала неолитизации Африки протохурритоязычным населением самаррского культурного происхождения их миграционная волна вошла в языковое взаимодействие с населением густонаселенной Сахары и редконаселенной в то время поймой Нила, в более или менее равной степени передавая северокавказские лексемы обитателям обоих африканских регионов. Однако в густонаселенной Сахаре, естественно, не все языковые общности успели непосредственно провзаимодействовать с не столь уж и многочисленными пришлыми протохурритами, пока те окончательно не растворились в их толще. Затем в ходе исхода населения из Сахары под воздействием растущей засухи, начавшегося вскоре после прохождения пика Зеленой Сахары в ~4500 г. до н.э., египетская часть поймы Нила была заново перезаселена именно этими афразийскими племенами из сахарской глубинки, так и не вошедшими в языковое взаимодействие с носителями протохурритского (во многом все еще почти прасеверокавказского) языка. И только здесь, в долине Нила, эти глубинные сахарские племена хамитской языковой принадлежности оказались способными перенять аридную инхронику и самаррские ответы на нее от редкого местного населения в результате возникшей у хамитов тревоги по поводу нарастания следующей волны миграций из быстро усыхающей Сахары в уже благодатную

Таким образом, поскольку выше мы выяснили наиболее вероятное местоположение первого самого раннего проникновения семитских племен на переднеазиатские территории в Северном Леванте, как и северокавказской прародины в Коренной Области, то логично было бы предположить, что индоевропейская прародина располагалась где-то между ними, во всяком случае, так, чтобы граничить и с протосемитами и с северокавказской прародиной одновременно. Один из возможных вариантов такой геолингвистической ситуации отображен на Рис. 4.5, и, похоже, что это наиболее вероятный вариант при заданном вышеописанным образом положении северокавказской прародины и первой протосемитской области в Передней Азии. Отметим только, что принадлежность отображенных на данной карте поселений хронологически более поздним пластам времени, вызвана тем, что в следующем этюде планируется использовать эту же карту для привязки самых первых – аридных – индоевропейских миграций к индоевропейской прародине. И добавим, что картвельская прародина в принципе могла с севера прилегать как к индоевропейской, так и к северокавказской прародине.

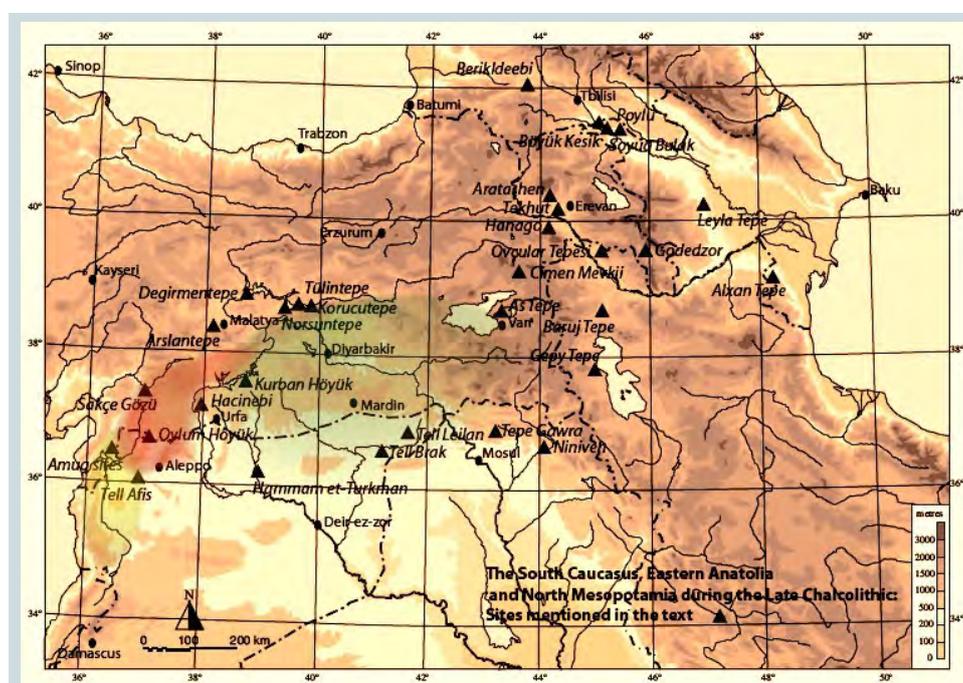

Рис. 4.5

Карта позднехалколитических поселений северо-востока Передней Азии в 4500-3500 гг. до н.э. с нанесенными на нее предполагаемыми областями местоположения некоторых языковых общностей до 4500 г. до н.э., а именно – в VII-VI тыс. до н.э.

Зеленоватым цветом отмечена прасеверокавказская общность в Коренной Области. Красноватым – праиндоевропейская между Киликией и средне-верхним Евфратом. Желтоватым – местоположение протосемитских племен первых переднеазиатских гончаров в Северном Леванте.

(Карта поселений и ландшафта взята из статьи С. Marro "Where did Late Chalcolithic Chaff-Faced Ware originate? Cultural Dynamics in Anatolia and Transcaucasia at the Dawn of Urban Civilization (ca 4500-3500 BC)", *Paléorient*, 36.2, 2010, pp. 35-55, Fig. 1)

И какую бы выдающую роль в развитии человечества еще на заре зарождения производящего хозяйства Передней Азии ни сыграли прасеверокавказцы, в первом томе условно названные мною "анатолийцами", по по-

к тому времени долину Нила. А вот прасеверокавказские языковое влияние на местных нильских обитателей прошло мимо хамитов ввиду крайней малочисленности первых.

воду которых у С. Григорьева даже вырвалось: “В этой связи поражает уровень производящего хозяйства, реконструируемый по прасеверокавказскому языку, который имел разветвленную земледельческую и скотоводческую терминологию. Накануне своего распада прасеверокавказцы были знакомы с металлом, выращивали различные виды злаков, были знакомы с пахотными орудиями, стадо их состояло из крупного рогатого скота, овец, коз, свиней и лошади...”^[49], тем не менее сейчас нас прежде всего интересуют исторические судьбы совсем другого этнокультурного сообщества – праиндоевропейской общности.

В связи с чем еще раз про... шумеро-индоевропейские языковые связи, которые в одной из недавних статей подвели Т. Гамкрелидзе и В. Иванова^[50] к мысли о более южном расположении индоевропейской прародины, чем они предлагали ранее в своей знаменитой двухтомной монографии. А почему, собственно, более южном расположении, а не, скажем, более западном? Тем более что для последнего случая, возможно, уже имеется и готовый механизм, который мог бы обеспечить заимствование лексики одного (или даже нескольких) из довольно ранних праиндоевропейских диалектов в шумерский – это массовая миграция самаррских протохурритоязычных племен с севера Коренной Области (СКО) вдоль Евфрата (а может, сплав и по самому Евфрату) в основном в Центральную Месопотамию, а некоторые из самаррских племен (убейды) прошли еще дальше на юг, в Нижнюю Месопотамию. И под воздействием самаррского ирригационного аридного ответа одно из индоевропейских племен (или даже какая-то небольшая группа из разных племен – точно так же формировалась и высокоинхроничная са-

^[49] С. А. Григорьев “Древние индоевропейцы”, стр. 339-340. И пусть даже лошадь, может быть, была одомашнена много позже в Ботае, Северный Казахстан, а для пахотных орудий все-таки немного рановато, все эти частности не столь важны, когда заданы общая доминанта и глобальный вектор развития. Мало того, о прасеверокавказцах я бы еще добавил от себя: те, кого ближневосточное население, особенно индоевропейское, еще со времен храма Гёбекли Тепе и последующего PPNB называли то титанами (греки), то асурами-ахурами – детьми богинь Дити и Дану (индоиранцы), то асами во главе с Одином-Вотаном (германцы), то племенами богини Дану (кельты), или ассоциировали с богом Усиром-Осирисом (египтяне), а потом их самих и их богинь побеждали осевые боги Грозы или аридно-осевые Песчаной Бури и превращали в злокозненных капризных демонов и хтонических чудищ, или просто убивали... Впрочем не всегда – Ахура Мазда иранских зороастрийцев сохранил свою силу и выжил, а сын Исиды и Осириса Гор в итоге победил Сета. Надо полагать, что в честь этих же анатолийских прасеверокавказцев одно из пришлых семитских племен назвало своего племенного бога Ашшуром, а много позже по нему и столицу своего государства, расположенную вблизи бывших прото-хассунских и хассунских, земель. А еще их почитали и боялись одновременно – из-за ледящего душу страха пред сокрытыми ликами их богинь, страха, который всегда и везде шел рука об руку с их же спасительной религией, так много дающей и еще больше забирающей: бойтесь данайцев, дары приносящих... Но обо всем этом – не здесь и не сейчас, и вообще не в настоящем исследовании, может, в каком-то его весьма специфическом продолжении-приложении. Сейчас же лишь короткий заключающий данный пассаж тезис: собственно, это обитатели Коренной Области наиболее вероятной северокавказской языковой принадлежности, став в докерамическом неолите начинателями производящего хозяйства в Передней Азии, в следующей аридной эпохе своим невероятным инхроническим накалом привели мир к цивилизации, однако в очень скором времени и сами сошли на нет в ее новых осевых культурно-инхронических тенетах – уже для малоазийских индоевропейцев-хеттов II тыс. до н.э. северокавказцы-хатты стали почти что легендой. Что ж тогда говорить о дошумерских самаррцах и убейдах? Разве что, вспомнить еще и побасенки про прикованного к Кавказу Прометея – тоже ведь титаном был, между прочим, имя которого означает Думающий Прежде, то есть Предвидящий, то есть сильный инхроник в нашем понимании, от которого все остальное ближневосточное население получило в свое время как неолитическую, так и аридную инхронику...

^[50] Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов “Индоевропейская прародина...”, стр. 120, 129-130; В. В. Иванов “Двадцать лет спустя...”, стр. 48.

маррская общность...), оказавшись на пути этого потока, запросто могло отколоться от общего праиндоевропейского массива, последовать вслед за самаррцами-убейдами или даже вместе с ними, дойти до Нижней Месопотамии и там сохраниться до прибытия туда же шумеров, скорее всего, во второй половине V тыс. до н.э. В сложившейся на севере Передней Азии с конца VII тыс. до н.э. конкретных миграционных и инхронических условиях событие не просто возможное, а более чем вероятное...

Кстати, о сложившейся ситуации, только теперь на другом конце Передней Азии. Нет, не в Нижней Месопотамии, а еще южнее – в Аравии, а до этого – в Африке. Мы оставили прасемитское население, выделившееся предположительно до конца VIII тыс. до н.э. из афразийской общности, где-то в Африке. Правда, прасемитским его уже можно было называть только с некоторой натяжкой, поскольку из него уже вычленились оказавшиеся в Северном Леванте племена первых переднеазиатских гончаров со своим известным/неизвестным протосемитским языком-диалектом. Причины распада афразийской общности за неимением места мы обсуждать не будем, как и то был ли это и в самом деле распад или только прасемитские племена откололись, и одно из них почему-то добралось аж до Северного Леванта. Возможно, здесь свою роль сыграло упомянутое в первом томе климатическое событие похолодания-засухи 9.2 ka^[51], повлиявшее на некоторые неолитические ответы сахарского населения. Например, какой-нибудь причинно-инхронический эффект на манер “саечка за испуг” (см. третий этюд Хронографии №3), вызвавший взлет неолитической инхроники, направивший часть афразийцев (прасемитов – самых сильных неолитических инхроников при таком раскладе) к ближайшим высоким горам, а именно – к Эфиопскому нагорью вблизи пролива Баб-эль-Мандаб, отделявшего Африку от Аравийского полуострова... Не знаю... – все это требует отдельного исследования.

Между тем, имеются еще одно интересное лингвистическое наблюдение, касающиеся уже семито-индоевропейского языкового взаимодействия: обнаруживается довольно много общих корней между семитскими и индоевропейскими языками, которые А. Долгопольский включил в свой Ностратический Словарь^[52], подразумевая тем самым их общий ностратический генезис, при том что многие из этих корней отсутствуют во всех остальных афразийских языках. Мало того, достаточно значимое их число не наблюдаются также и в других ностратических языках, таких как: дравидские, картвельские, уральские и алтайские, что явно свидетельствует об имеющемся заимствовании из индоевропейских языков в семитские, но ни в коем случае не о ностратическом происхождении этих семито-индоевропейских сходжений и не об обратном направлении заимствования, т.е. из семитских языков в индоевропейские^[53].

Данная ситуация не могла возникнуть при обычном соседстве прасемитской и праиндоевропейской общностей – иначе наблюдалось бы по крайней мере сравнимое количество таких же заимствований из семитских языков в индоевропейские, что не отмечено. Сам С. Старостин объясняет

^[51] C. Bonsall et al. “Holocene climate change and prehistoric settlement in the lower Danube valley”, *Quaternary International*, vol. 378, 2015, pp. 14–21; D. Fleitmann et al. “Evidence for a widespread climatic anomaly at around 9.2 ka before present”, *Paleoceanography*, 23, Issue 1, 2008, doi:10.1029/2007PA001519.

^[52] A. Dolgopolsky “Nostratic Dictionary” Third Edition, Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, 2012.

^[53] С. А. Старостин “Indo-European glottochronology and homeland” в С. А. Старостин “Труды по...”, стр. 821–826.

возникшую языковую ситуацию тем, что какая-то индоевропейская группа могла отколоться от общеиндоевропейского массива, расположенного на севере Плодородного Полумесяца, уйти далеко на юг и там столкнуться с семитским населением, которое со временем ассимилирует этих индоевропейцев, что призвано объяснить отсутствие обратных заимствований из семитских языков в индоевропейские языки.

До боли знакомая картина, не правда ли? Именно таким же механизмом выше мы объясняли возникновение шумеро-индоевропейских языковых связей, причем даже исходный район миграции индоевропейцев на юг (в нашем случае в Нижнюю Месопотамию) вместе с самарро-убейдским потоком практически совпадает. Но откуда в Нижней Месопотамии могли взяться семиты в конце VII тыс. до н.э.? Правда, сам С. Старостин предпочитает другую дату – начало V тыс. до н.э... А может, и впрямь контакт состоялся в V тыс. до н.э.? И почему обязательно Нижняя Месопотамия, а не, скажем, Аравийский полуостров?

Да, индоевропейцы прибыли в Нижнюю Месопотамию вместе с убейдами именно в конце VII тыс. до н.э., а точнее, в ~6300 г. до н.э. И какая-то их часть вполне могла проследовать еще дальше на юг и оказаться в Аравии – на западном берегу Персидского залива или в Центральной Аравии, может, в Южной – в данном случае это не столь уж и важно. А важно то, что в это время в Аравии они вряд ли могли встретиться с какими бы то ни было семитскими племенами. И тогда получается, что семиты прибыли в Аравию позже индоевропейцев, встретились с ними... ну, и дальше – см. выше по тексту. И почти прав С. Старостин в своем предположении наиболее вероятного времени такого контакта – это вторая половина V тыс. до н.э., когда с середины этого тысячелетия начинается новый климатический период – так называемый Среднеголоценовый Климатический Переход (Middle Holocene Climatic Transition, сокр. МНСТ^[54], см. в первом этюде Хронографии №3), – оказывается пройденным пик благоприятных условий Зеленой Сахары, и сахарские племена устремляются кто куда: кто на запад, кто на север... Самые восточные из них наверняка переправились на Аравийский полуостров, особенно те из них, которые уже давно проживали вблизи Эфиопского нагорья и пролива Баб-эль-Мандаб, и в Аравии встретили индоевропейцев. Между прочим, как раз этот же период второй половины V тыс. до н.э. по нашему предположению, сделанному чуть выше, является наиболее вероятным временем, когда шумеры были вытеснены сахарскими мигрантами на Бахрейн, а оттуда в Нижнюю Месопотамию. Сахарскими мигрантами... В складывающейся ситуации, скорее всего, это были те же самые условные прасемитские племена, которые довольно быстро ассимилировали прибывших ранее в Аравию с севера индоевропейцев, т.е. прасемитская общность, около двух-трех тысячелетий развивавшаяся в северной Африке без протосемитской составляющей самых ранних североафриканских гончаров...

А что сами племена гончаров с их первым отколовшимся от прасемитской общности протосемитским языком-диалектом, которых мы оставили на берегах Оронта? И главное, что это был за язык? Возможно, неизвестный нам, сгинувший в последующих семитских волнах заселения Передней Азии. Но, может, очень даже известный какой-нибудь древний семитский язык... Я намекаю на эблаитский – язык мощного семитского государства

^[54] N. Brooks “Beyond collapse: climate change and causality during the Middle Holocene Climatic Transition, 6400-5000 years before present”, *Geografisk Tidsskrift – Danish Journal of Geography*, 112 (2), 2013, pp. 93–104.

Эбла, существовавшего в III тыс. до н.э. в том же Северном Леванте, или на северо-западе Сирии по современным привязкам. От Эблы остались не только раскопанные живописные развалины городов, но и множество глиняных табличек с клинописными текстами. По поводу классификации языка, на котором написаны эти таблички, лингвисты до сих пор не могут прийти к единому мнению: часть считает его восточnoseмитским, родственным аккадскому, а другая часть – принадлежащим западносемитским языкам. И все из-за того что в эблаитском языке имеются как аккадские элементы (кое-кто даже относит эблаитский к диалектам аккадского), так и западносемитские. По наиболее распространенной точке зрения эблаитский язык считается родственным аккадскому восточnoseмитским языком, подвергшимся сильному влиянию более поздних западносемитских языков^[55].

Однако имеется еще одно мнение о принадлежности эблаитского языка, по которому западносемитские вариации в эблаитском следует рассматривать, как сохранившиеся от прасемитского языка^[56]. Что само по себе в принципе может свидетельствовать о его глубокой древности... С другой стороны, тексты из Эблы свидетельствуют о крепких, и, возможно, довольно давних связях эблаитского населения с индоевропейцами, а некоторые исследователи так вообще считают, что среди языков, распространенных в Эбле, были и индоевропейские языки^[57].

И еще одно: я проверил первые 20 семито-индоевропейских корней из списка С. Старостина по ностратическому словарю А. Долгопольского – ни один из этих корней не встречается в эблаитском языке (во всяком случае, по Долгопольскому). Тенденция довольно очевидная, поэтому рискну предположить, что и с остальными корнями из списка С. Старостина будет наблюдаться та же самая картина, однако для ее полноты и корректности, разумеется, требуются дополнительные исследования. И даже если обнаружится небольшое количество подобных корней, употребляемых и в эблаитском языке, то это как раз-таки легко объяснимо поздним западносемитским влиянием. В таком случае всю восточnoseмитскую группу языков можно ограничить одним лишь аккадским и производными от него языками, а эблаитский следует выделить в отдельную независимую группу (северосемитскую?) на уровне восточnoseмитской и западносемитской языковых групп, причем как самую древнюю семитскую языковую группу.

Но тогда, если намеченная тенденция все-таки подтвердится, получается, что носители эблаитского языка никоим образом не могли принять участие в ассимиляции того индоевропейского племени (племен), от которого эти корни перешли ко всем остальным семитам, т.е. по нашей модели они не присутствовали в Аравии на момент прасемито-индоевропейского контакта в V тыс. до н.э. И где же они тогда были, если не в Северном Леванте, куда двумя-тремя тысячелетиями ранее прибыли гончары из Африки, и где в III тыс. до н.э. было создано их государство Эбла?

Итак, оттолкнувшись от отождествления прибывших из Африки в Северный Левант первых переднеазиатских гончаров с общностью носителей самого первого протосемитского языка-диалекта, на роль которого с полным правом может претендовать эблаитский (протоэблаитский?) язык, и

^[55] A. D. Rubin “The Subgrouping of the Semitic Languages”, *Language and Linguistics Compass*, 2/1, 2008, pp. 61–84.

^[56] Там же, p. 63; J. Huehnergard “Proto-Semitic and Proto-Akkadian” in G. Deutscher, N. J. C. Kouwenberg “The Akkadian language in its Semitic context”, Leiden: Nederlands Instituut voor het Nabije Oosten, 2006, pp. 1–18, p. 4.

^[57] В. В. Иванов “Двадцать лет спустя...”, стр. 46.

расположения прасеверокавказской общности в Коренной Области, вытекающего по цепочке выводов, констатаций и гипотез из наличия языковых связей между северокавказскими и сино-тибетскими языками (о языковых связях см. концовку четвертого этюда Хронографии №2, а по остальным силлогизмам – всю Хронографию №2), нам удалось существенно сузить локализацию индоевропейской прародины до конкретной области между Киликией и средне-верхним Евфратом, ограниченной с севера хребтом Восточного Тавра, а с юга – сирийскими степями, т.е. до южных предгорий Восточного Тавра между Киликией и Евфратом.

Я полностью отдаю себе отчет в том, насколько гипотетично приведенное выше построение, но когда пазл сходится или, по крайней мере, начинает сходиться, и уже видны общие контуры всей картины, то это само по себе говорит о многом и прежде всего о том, что мы на верном пути. Имея же под собой даже столь зыбкую почву – в виде ауры примыкающих друг к другу свидетельств самого разного толка и достоверности, – уже можно смело переходить к собственно индоевропейским миграциям, в надежде расширением области взаимоувязанных фактов и гипотез еще четче обозначить искомую единственно верную картину, и тем самым разом подтвердить все лежащие в ее основе предположения, мнения, допущения... И это не пустой звук, не просто так для красного словца, это – метод, немного схожий с практикой следователей-криминалистов, которым большое количество взаимосвязанных косвенных улик порой могут заменить прямые доказательства. И совсем другое дело – суд, где буква закона той же порой спокойненько так подавляет правду жизни... Здесь важны не только и даже не столько сами по себе факты, явления и процессы, между которыми намечается связь, – мало ли что можно связать друг с другом при желании и буйной фантазии... – главное внимательно следить и правильно оценивать, что именно с чем, в результате чего, и каким образом увязывается в нечто цельное непротиворечивое жизнеспособное... т.е. в нечто правдоподобное, и как все это в целом вписывается во всемирно-исторический процесс и соотносится с ним.

ТРЕТИЙ ЭТЮД: «Аридная ИндоЕвропа»

Начнем с того, что немного скорректируем нашу модельную схему, связанную с молочным аридным ответом степного населения Джебзир, и особенно с переходом данного ответа в его сырно-молочную фазу, учитывая при этом произведенное в предыдущем этюде уточнение этнокультурной и инхронической обстановки в самом Северном Леванте и на прилегающих к нему с востока территориях.

В первую очередь отметим, что, как частично видно на Рис. 4.5, кроме северных левантийцев, в 6300–6200 гг. до н.э. в данном регионе наблюдаются и другие народы, не обладающие генетически обусловленной лактозной переносимостью – это достаточно давно проживающие здесь праиндоевропейцы, а также самаррцы весьма вероятной протохурритской этнической принадлежности, именно в это время мигрировавшие из северных районов Коренной Области вдоль Евфрата на юго-восток. Ни те ни другие не могли ни остаться в стороне от столь необычного аридного ответа, ни пройти мимо него.

Причем индоевропейское население проживало как раз в северной части пограничной зоны между Джебзирой и Левантом, а самаррцев, как было сказано, степной молочный ответ запросто мог разделить на две части (довольно часто встречающийся случай разделения по уровню инхроники): меньшую, не столь сильно затронутую самарским ирригационным ответом, которой новый аридный ответ буквально больше пришелся по вкусу, и большую – сильных ирригационных инхроников. Таким образом, данная фильтрация и последующая в Центральной Месопотамии, вновь расколовшая общий самаррский поток надвое, т.е. на собственно самаррское население Центральной Месопотамии и убейдов Нижней Месопотамии, способствовала тому, чтобы в Нижнюю Месопотамию в конце концов попало в ирригационном плане инхронически наиболее активное население, что надолго определило судьбу этого региона, и не только его.

Надо полагать, что первыми все-таки подключились к реализации молочного ответа степняков не северолевантийцы, а поселившиеся прямо среди степного населения Джебзир точно так же, как и левантийцы, плохо переносящие лактозу самаррцы – как более опытные в делах формирования и преобразования аридных ответов люди, к тому же находившиеся ближе всех остальных к степнякам, можно сказать, в теснейшем контакте (в том числе и генетическом) с ними. Итогом такого их подключения и стало появление высокотемпературной обработки молока с конечным продуктом в виде сыров и масел с гораздо меньшим содержанием лактозы, т.е. сырно-молочная фаза молочного ответа или просто сырно-молочный ответ, понимая по этим всего лишь разновидность молочного ответа. При этом самаррцы воспользовались производимой по соседству на западе, в Северном Леванте, качественной керамикой DFBW, пригодной для высокотемпературной обработки пищевых продуктов. Впрочем, и сами самаррцы вполне владели различными высокотемпературными технологиями, в том числе и пребывающими пока что в зачаточном состоянии керамическими новшествами, связанными с усовершенствованием печей, – владели, как исполнители фонового в их среде металлургического ответа, в свое время полученного по дрейфу от прото-хассунцев в Коренной Области. Однако предпочли, как и до того в случае с металлургическим и ирригационными ответами, пока что не отвлекать на керамическое производство слишком много аридной инхро-

энергетики от стремительно развивающегося в их среде нового для них сырно-молочного ответа, и временно обойтись импортом керамической посуды с соседнего “исконно” керамического Северного Леванта. Когда же в ~6000 г. до н.э. в развитие данной тенденции начала поступать и более качественная самаррская посуда от их родичей в Центральной Месопотамии, то, по всей видимости, именно этот момент стал основным причинным фактором новой активизации ирригационного ответа в уже смешанной самарро-степной среде Джебзирь. Наряду с этим фактором другой причиной нового взлета ирригационного ответа в степях Джебзирь могло стать и некоторое ослабление со временем инхроэнергетики самого сырно-молочного ответа ввиду его слишком успешной реализации, а проще говоря, из-за эффекта начавшегося привыкания к данному ответу при кажущемся отсутствии сколь-либо вразумительного его продолжения и развития. Еще проще – сырно-молочный ответ постепенно становился элементом быта и не более того.

В результате нового подъема ирригационной инхроэнергетики от самарро-степного сообщества отделяется некоторая не очень большая ирригационно активная его часть, судя по лингвистическим данным по своему составу все больше чисто самаррская, т.е. протохурритская, и направляется на юг в Африку (возможно, по морю), где на первых этапах распространяет не столько аридную инхронику и ответы на нее, которые население Сахарь так просто не восприняло бы, а неолитический производящий ответ – в основном скотоводство, но в подходящих местах (в основном в долине Нила) также и земледелие, где вместе с земледелием уже внедрялась и аридная инхроника с ирригационным ответом на нее. Другими словами, начался новый виток “неолитизации” Африки, которая благодаря рыбо-промысловому неолитическому ответу уже давно пребывала в лоне неолита, – на сей раз “неолитизировали” переднеазиатским производящим ответом.

Отток довольно существенной части ирригационной инхроэнергетики в ~6000 г. до н.э. вновь вернул пальму первенства сырно-молочному ответу в степях Джебзирь, за чем последовало формирование торговой модификации сырно-молочного ответа (торговый сырно-молочный ответ) и стремительный переход к обществу Халафы в 6000–5900 гг. до н.э.

Немного настораживает почти синхронное появление молочного и сырно-молочного ответа. В первом томе это объяснялось обычным причинным воздействием – выработанный степняками молочный ответ спровоцировал быстрое формирование сырно-молочного ответа среди северолевантйского населения. Но тогда мы еще не могли учесть возможные самаррские миграции в полном объеме. С другой стороны, самаррцы еще более усугубляют синхронность наблюдаемых процессов – одновременно с началом реализации молочного и сырно-молочного ответов в регионе появляются самаррские мигранты. Мало того, выясняется, что куда более вероятен вариант, в котором сырно-молочный ответ сформировали не северолевантйцы, а оставшиеся в степях Джебзирь самаррские мигранты. Исходя из всего этого цепочку причинных связей, породившую столь сильные синхронизмы, следует немного подкорректировать, и сейчас она выглядит следующим образом.

Проход в общем и целом не очень-то многочисленных самаррцев по степным территориям среднего течения Евфрата при всем при том мог оказывать весьма заметное давление на и без того скудные степные пищевые ресурсы, в частности на пастбища – ведь самаррцы переселялись не просто так налегке, как мобильные военные отряды, они шли всем народом, со всем

своим скарбом, хозяйством, в том числе и со своими стадами. В такой ситуации ресурсное давление должно было подталкивать степняков к более интенсивному использованию некоторых доступных им пищевых ресурсов, на тот момент используемых недостаточно эффективно. Например, к более интенсивному потреблению молока, благо молочный ответ, формируемый в среде степняков около 400 лет, уже давно пребывал в стадии завершения своего полного оформления – просто до появления самаррцев молоко овец и коз потребляли далеко не все и достаточно редко, при том что антилактозными генами обладала уже подавляющая часть степного населения. В терминах ответов это означает форсирование перехода молочного ответа из фазы формирования в фазу реализации с массовым и частым потреблением молока. Возможно, какую-то роль сыграл и дрейфовавший от самаррцев к степнякам диковинный в ту пору ирригационный ответ, хотя бы тем что отнимал аридную инхроэнергетику у их молочного ответа. А фаза реализации, как правило, требует меньше инхроэнергетики, чем фаза формирования, тем более в случае молочного ответа, реализуемого при минимуме усилий – подоил и пей, – в то время как процесс формирования сопровождался постоянными рискованными пробами и серьезными генетическими перестройками.

В результате мы имеем появление самаррцев на среднем Евфрате в ~6300 г. до н.э. и переход молочного ответа в стадию реализации у здешних степняков с почти одновременным быстрым формированием сырно-молочного ответа у местных (уже!) самаррцев со столь же скорым переходом к его реализации в период 6300–6200 гг. до н.э., что глазами археологов видится как зарождение культуры Пред-Халафы в регионе и ее быстрое распространение на соседние территории. На самом же деле распространялся сырно-молочный ответ самарро-степного населения на ближайшие лактозу не переносящие сообщества...

И как же могли поспособствовать или воспрепятствовать всем этим процессам или воспользоваться ими индоевропейцы, находившиеся почти что в самом их эпицентре, во всяком случае, в непосредственной близости от разворачивающегося халафского центра на среднем Евфрате? Вернемся к списку индоевропейских миграций в начале предыдущего этюда, и обратим внимание на первую из них – миграцию №1: миграцию в Северо-Западную Анатолию обитателей пограничья Северного Леванта и степей Джебзире в 6300–6200 гг. до н.э. под влиянием только что сформированного сырно-молочного аридного ответа. В первом томе было предположено, что основной костяк мигрантов составили северолевантийцы, поскольку их соседи антилактозные степняки Джебзире не испытывали никакой нужды в побочных молочных продуктах, кроме как кисломолочных, во всяком случае, в те ранние пред-халафские времена они искренне считали, что не испытывают.

После выводов, сделанных в предыдущем этюде, этнокультурное поле данного пограничного региона несколько расширилось, включив в себя самаррцев-протохурритов и праиндоевропейцев. Так что северолевантийское население пограничья в то время было, мягко говоря, не столь уж и однородным, состоя, как минимум, из двух интересующих нас сейчас компонентов: вышедших их Африки примерно за тысячу лет до того семитов-гончаров, скорее всего, протоэблаитов и соседствующих с ними праиндоевропейцев. Однако у эблаитов не хватило бы ни мотивации, ни аридной инхроэнергетики (как у выходцев из Сахары) для подобных деяний. Остаются индоевропейцы...

Что касается самаррцев Джебзир, то у них, как и у остальных самаррцев, создателей ирригационного аридного ответа, даже при фоновом характере их варианта данного ответа, в отличие от других самаррцев на первых порах подавленного... нет, скорее, все же просто несколько отесненного сырно-молочным, а чуть позже и кухонно-керамическим, комплементарным сырно-молочному, ответами, должна была начисто отсутствовать мотивации углубления в зону дождевого земледелия, т.е. в любом северном направлении, в том числе и на северо-запад в направлении малоазиатской Троады. Чего опять-таки не скажешь про индоевропейцев... С другой стороны, само такое северо-западное направление миграции в сторону Европы свидетельствует о сильном влиянии металлургической Прото-Хассуны.

Вся карта позднейших индоевропейских расселений в пределах аридной инхрзоны говорит о том, что землеобрабатывающе-ирригационный ответ в их обществах ни разу не вышел за пределы своих простых землеобрабатывающих форм в их связке с металлургическим ответом, что также говорит о прото-хассунском происхождении землеобрабатывающе-ирригационного или уже просто землеобрабатывающего ответа у индоевропейцев. А прото-хассунское происхождение землеобрабатывающе-ирригационного ответа в свою очередь свидетельствует о прохождении прото-хассунских металлургических миграций по территории индоевропейской прародины еще до начала самаррских миграций. Иначе говоря, у праиндоевропейцев уже был свой полученный из Прото-Хассуны вариант землеобрабатывающе-ирригационного ответа в виде обычного землеобрабатывающего аридного ответа (т.е. только интенсификация вспашки) на фоне главного металлургического ответа, который и воспрепятствовал дрейфу к ним аналогичного ответа от самаррских ирригаторов. Приношу свои извинения читателю за столь дикое словосочетание как “землеобрабатывающе-ирригационный ответ” – просто не нашел лучшего термина для передачи масштабируемости данного ответа от просто углубленной обработки земли при вспашке до рытья многокилометровых оросительных каналов.

Таким образом, из кандидатов на участие в сырно-молочной миграции в 6300–6200 гг. до н.э. в качестве ее ведущего участника у нас отпали антилактозные степняки Джебзир, вышедшие из Африки семитские гончары (возможно, эблаиты) и самаррцы-ирригаторы. То есть из всех вышеперечисленных этнокультурных сообществ только индоевропейское население джебзиро-левантийского пограничья и могло-то массово и всерьез участвовать в переселении в Северо-Западную Анатолию, спровоцированного всплеском аридной инхроники у носителей только что сформированного сырно-молочного ответа, составив его основной костяк – как общество, заинтересованное в малолактозных продуктах сырно-молочного ответа, к тому же не имеющее никаких ярко выраженных ирригационных наклонностей, зато обладающее весьма высоким уровнем аридной инхроэнергетики.

Да, среди участников этой миграции, наверняка, встречались и степняки, изредка даже самаррцы и семиты-гончары, но основную массу все-таки составили достаточно сильно замотивированные индоевропейцы, язык которых мы вслед за большинством лингвистов, утверждающих, что первыми от праиндоевропейской общности откололись представители анатолийской группы индоевропейских языков, можем с полным правом отнести к данной языковой группе. Правда, дата миграции (6300–6200 гг. до н.э.) на тысячу с лишним лет древнее начала распада праиндоевропейской общности (~5000 г. до н.э.), однако точность глоттохронологических датировок не

настолько высока, чтобы можно было считаться с подобными расхождениями.

В пользу того, что с территорий по среднему Евфрату в это время мигрировали именно индоевропейцы говорят и свидетельства ведущей роли крупного рогатого скота (коров) в молочном хозяйстве населения Северо-Западной Анатолии^[1], куда переселилась большая часть участников данной сырно-молочной миграции, в соотношении этих свидетельств с особым положением коровы также и в молочном хозяйстве праиндоевропейцев по имеющимся лингвистическим данным^[2] – в отличие от степного населения Джебзир, чье молочное хозяйство в знойных степях Северной Месопотамии зиждилось на мелком рогатом скоте (овцы, козы)^[3].

Не исключено, что часть мигрантов не остановилась в Северо-Западной Анатолии, а прошла еще дальше на Балканы – этим в рамках нашей миграционной модели можно было бы объяснить возможный южноанатолийский (лувийский) догреческий языковой субстрат в Греции^[4]. Хотя в данном случае более правдоподобной выглядит гипотеза языкового влияния хаттов^[5] северокавказской языковой принадлежности, проникших на Балканы со второй – металлургической – миграционной волной неолитизации Балкан, поднявшейся во второй половине VII тыс. до н.э., т.е. в какой-то мере синхронной сырно-молочной миграции индоевропейцев анатолийской языковой группы, при том что хеттский и лувийский языки сами подверглись сильнейшему хаттскому влиянию, отчего и возникает иллюзия догреческого лувийского или хеттского субстрата на юге Балканского полуострова. В любом случае, данная сырно-молочная миграция индоевропейского населения с территорий между Северным Левантом и средним Евфратом частично перекликается с миграционной моделью К. Ренфрю - В. Сафронова.

После прекращения металлургических миграций и их сырно-молочных ответвлений, а также процессов аридной неолитизации Африки, с начала VI тыс. до н.э. и вплоть до V тыс. до н.э. никакие другие масштабные миграции в Передней Азии не наблюдаются. С середины же V тыс. до н.э. начинает нарастать новая волна миграционных процессов, отмеченная ими как миграция №2 в списке основополагающих миграций в начале предыдущего этюда – это миграция части ближневосточного населения на Северный Кавказ и Среднюю Волгу. В связи с чем хотелось бы отметить языковую принадлежность племен ямного ареала Северного Причерноморья и Приволжья в модели Т. Гамкрелидзе и В. Иванова к так называемой “древнеевропейской” общности индоевропейцев, включающей в себя кельто-италийскую и германо-балто-славянские языковые диалектные группы, для

^[1] R. P. Evershed et al. “Earliest date for milk use in the Near East and southeastern Europe linked to cattle herding”, *Nature*, Vol. 455, 2008, pp. 528–531, p. 530.

^[2] Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов “Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры”, Тбилиси: Издательство Тбилисского университета, 1984, стр. 567-571.

^[3] A. Russell “Retracing the Steppes: a Zooarchaeological Analysis of Changing Subsistence Patterns in the Late Neolithic at Tell Sabi Abyad, Northern Syria, c. 6900 to 5900 BC”, PhD thesis, Leiden University, Leiden, 2010, pp. 119, 270-274.

^[4] Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов “Индоевропейская прародина и расселение индоевропейцев: полвека исследований и обсуждений”, *Вопросы языкового родства*, 9, 2013, стр. 110–136, на стр. 114-115.

^[5] Ю. В. Откупщиков “Догреческий субстрат. У истоков европейской цивилизации”, Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1988, стр. 13-20.

которых понтийско-каспийские степи стали вторичной прародиной^[6]. С чем я целиком и полностью согласен, и чему имеется еще одно косвенное подтверждение в виде миграции №3 нашего списка миграций, которая наиболее естественным и правдоподобным образом объясняется именно при “древне-европейской” языковой атрибуции ее участников, и следы которой легли в основу миграционной модели М. Гимбутас. Зато категорически не согласен с миграционными маршрутами “древнеевропейских” племен по Т. Гамкрелидзе - В. Иванову, а также с их утверждением, что широкие миграции в рамках другой общности – греко-армяно-арийского языкового единства – начались после распада общности еще на индоевропейской прародине^[7]. Из этого последнего несогласия следует и несколько иной порядок выделения исторических языков данной общности после ее отделения от общеиндоевропейского массива посредством миграции – порядок, который тем не менее совпадает с предложенным Т. Гамкрелидзе и В. Ивановым порядком вычленения исторических диалектов еще в рамках общеиндоевропейского единства^[8]. Таким образом, главное отличие предлагаемой на этих страницах миграционной схемы от наметившегося на индоевропейской прародине еще до исхода “древнеевропейцев” расхождения диалектов греко-армяно-арийской общности по Т. Гамкрелидзе - В. Иванову заключено в утверждении, что данное расхождение продолжилось и завершилось уже за пределами прародины на новом месте обитания после миграции *всех* без исключения еще окончательно не разделившихся греко-армяно-арийских племен с прародины. Просто такой подход лучше поддерживается археологическим контекстом в рамках выбранной здесь модели интерпретации археологического и лингвистического материалов.

Но это совсем уж отдельный разговор, к которому мы приступим только в конце этюда, так как прежде чем заняться исследованием всех этих непростых миграционных вопросов необходимо несколько прояснить культурно-инхроническую обстановку во второй половине V тыс. до н.э. на прилегающих к Восточной Европе с юга переднеазиатских территориях: в Закавказье и Восточной Анатолии, которая ранее уже освещалась нами в шестом этюде Хронографии №3. Таким образом, как было сказано в предыдущем этюде, мы только оттолкнемся от лингвистическо-миграционной модели Т. Гамкрелидзе - В. Иванова, чтобы затем прийти к другой несколько отличной в деталях модели расселения индоевропейских племен, основанной преимущественно на современном археологическом материале и наиболее вероятных миграциях, им поддерживаемых, да еще на некоторых генетических свидетельствах.

В начале IV тыс. до н.э. почти на всем пространстве северо-востока Передней Азии от Северного Леванта до Закавказья вновь повсеместно ухудшается качество производимой керамической посуды – на всех этих территориях довольно-таки одновременно вдруг начинают производить грубую керамику с растительным наполнителем и неравномерным обжигом, так называемая Chaff-Faced Ware (CFW), которая сменяет здесь более качественную убейдскую посуду или посуду близкую DFBW^[9]. В Хронографии

[6] Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов “Индоевропейский язык и индоевропейцы...”, стр. 947-949.

[7] Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов “Индоевропейский язык и индоевропейцы...”, стр. 898-899.

[8] Там же, Схема 3 на стр. 415.

[9] С. Marro “Where did Late Chalcolithic Chaff-Faced Ware originate? Cultural Dynamics in Anatolia and Transcaucasia at the Dawn of Urban Civilization (ca 4500-3500 BC)”, Paléorient, 36.2, 2010, pp. 35-55.

№3 сей неожиданный феномен мы объяснили распространением среди населения этих территорий нижнемесопотамского торгово-металлургического аридного ответа, который посредством существенного увеличения миграционных процессов в регионе стал подавлять кухонно-керамический ответ, таким способом оттягивая его инхроэнергетику на себя, поскольку во времена постоянных переселений и миграций в поисках различных природных металлургических и иных ресурсов керамическая посуда то и дело разбивалась, что, собственно, и стало причиной столь небрежного отношения к ее изготовлению при нескончаемых длинных переходах и переездах. Особенно последнее – похоже на то, что именно в этот период первой половины IV тыс. до н.э. как раз совершался переход на гужевой транспорт^[10], и в еще несовершенных ранних повозках и телегах, запряженных, скорее всего, волами (быками или буйволами), на первых порах довольно сильно трясло, в результате чего хрупкая керамика разбивалась гораздо чаще, чем при ее переносе на плечах или на вьючных животных.

Керамика CFW появляется почти одновременно в самом начале IV тыс. до н.э. в разных концах указанного региона – на поселении Ойлум Хююк (Oylum Höyük) у турецко-сирийской границы вблизи Алеппо, на поселении Арслантепе (уровень VII) в бассейне верхнего Евфрата и в рамках лейлатепинской культуры в Закавказье^[11]. Однако самая ранняя керамика CFW обнаружена в Нахичеванской области Закавказья в материалах с поселения Овчулар Тепеси (Ovçular Tepesi), датируемых 4350-4000 гг. до н.э.^[12], культуру которого Катарина Марро, производившая здесь раскопки и автор вышеприведенной статьи, предварительно да еще под знаком вопроса квалифицировала как пред-лейлатепинскую (Pre-Leyla Tere). Позже в другой своей статье она уже утверждала, что на поселении Овчулар нашлись следы и куро-араксской культуры (см. в шестом этюде Хронографии №3)...

Казалось бы, все ясно – именно отсюда, из Закавказья, CFW керамика распространилась на юго-запад вплоть до западных берегов Евфрата и равнины Амук. С другой стороны, на юго-западных территориях CFW керамика раскопана на больших многослойных поселениях (теллях), в то время как в Закавказье и на Армянском нагорье – все больше на одноуровневых памятниках, более похожих на временные лагеря, чем на долговременные оседлые поселения^[13]. Получается, что миграционные процессы в горных районах Восточной Анатолии и Закавказья носили более бурный и постоянный характер, чем периодически повторяющиеся разовые миграции в юго-западных областях. А это в свою очередь уже косвенно свидетельствует в пользу того, что исходным пунктом миграций, скорее всего, был именно

^[10] D. W. Anthony, D. Ringe “The Indo-European Homeland from Linguistic and Archaeological Perspectives”, *Annual Review of Linguistics*, 1, 2015, pp. 199–219, p.201-p.206. Имеется также мнение, что первый колесный транспорт появился во второй половине IV тыс. до н.э. (В. А. Новоженев “Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии”, М.: Таус, 2012, стр. 156; И. В. Чечушков “Распространение колесного транспорта в свете данных радиоуглеродной хронологии” в А. В. Епимахов (ред.) “Таинство этнической истории древнейших кочевников степной Евразии”, Алматы: Научно-реставрационная лаборатория «Остров Крым», 2014, стр. 274–283), однако в данной гипотезе, на мой взгляд, слишком большой упор делается на неоспоримом приоритете нижнемесопотамских свидетельств, к тому же используются устаревшие майкопские датировки.

^[11] C. Marro “Where did Late Chalcolithic...”, Table 1, Fig. 1. Карту поселений на Fig. 1 можно посмотреть и на Рис. 4.5 в предыдущем этюде. О начале уровня VII Арслантепе в 3900 г. до н.э. см. в М. Frangipane “Fourth millennium Arslantepe: the development of a centralised society without urbanisation”, *ORIGINI*, XXXIV, 2012, pp. 19–40, p. 20.

^[12] C. Marro “Where did Late Chalcolithic...”, p. 42.

^[13] C. Marro “Where did Late Chalcolithic...”, p.51-p.52.

юго-запад Восточной Анатолии, а конечным (или промежуточным конечным) – достигнутые по Армянскому нагорью закавказские территории, которые достаточно долгое время изучались и осваивались в поисках подходящего места поселения, наиболее полно отвечающего реализуемому сообществом ответу. Если же такового не обнаруживалось, то,.. возможно, миграция продолжалась еще дальше – за Кавказский хребет.

Сама К. Марро объясняет столь сильное различие в организации поселений в двух этих полярных регионах взаимодействием двух разных дополняющих друг друга социально-экономических систем – оседлого более земледельчески ориентированного населения равнин и *сезонно* мобильных скотоводов нагорий, – отрицая, таким образом, наличие глобальных массовых миграций населения на большие расстояния в Восточной Анатолии того времени. И тогда распространение CFW керамики лишь маркирует распространение данной модели экономического поведения. Интерпретация обычная, тривиальная и где-то даже банальная, столь же часто применяемая, как и прямые климатические интерпретации. Так и хочется спросить: а для чего же тогда и *локально* подвижным кочевниками и оседлым земледельцам надо было так серьезно ронять качество керамической посуды, отказываясь от всех предыдущих керамических наработок, хотя бы от той же керамики убейдского типа и DFBW?

Более того, как установили генетики^[14], примерно в это же время, лет на 100-200 раньше поселения Овчулар Тепеси, т.е. примерно с середины V тыс. до н.э., начинается массовая миграция ближневосточного населения в область Средней Волги, судя по всему продолжавшаяся всю вторую половину того же тысячелетия, т.е. вплоть до распространения керамики CFW по Восточной Анатолии. Данная миграция внесла весьма заметный ближневосточный вклад в генетику и культуру местного поволжского населения, заложив тем самым основу для формирования ямной культуры в начале IV тыс. до н.э., и, как мы выяснили чуть выше, по Т. Гамкрелидзе - В. Иванову осуществлялась она племенами “древнеевропейской” общности. Таким образом, керамики CFW и в самом деле маркирует некий процесс, только распространения не диморфной социально-экономической системы, а так называемого нижнемесопотамского торгово-металлургического аридного ответа и процесса его реализации (см. Хроногафию №3). Не исключено, что нижнемесопотамский торгово-металлургический ответ в своем восточноанатолийском варианте и впрямь имел какое-то отношение к экономическому взаимодействию земледельцев и скотоводов, но вот сама керамика CFW – это все-таки достаточно явное и очевидное следствие постмиграционных процессов роста подвижности части населения Восточной Анатолии, которая наблюдается на протяжении всей первой половины IV тыс. до н.э., после прохождения во второй половине V тыс. до н.э. глобальной массовой миграции индоевропейских племен из Восточной Анатолии в Закавказье, на Северный Кавказ и в степи Восточной Европы. Именно индоевропейских, потому что “древнеевропейская” языковая атрибуция ямных племен выглядит наиболее убедительной, естественной и правдоподобной во всех моделях миграционной индоевропеистики, а генетики сказали свое веское слово по поводу региона, откуда эти племена прибыли, – из Передней Азии. Нет, какую-то долю мигрантов, наверное, составили и вовлеченные в миграционный процесс соседние с ними по прародине северокавказцы, но основная

^[14] I. Mathieson et al. “Genome-wide patterns of selection in 230 ancient Eurasians”, Nature, 528(7583), 2015, pp. 499–503, Supplementary Information section 2, paragraph “Transformations of steppe populations”.

их часть все же состояла из индоевропейцев, и “древнеевропейская” языковая атрибуция ямных племен – это пусть и первая и очень важная, но тем не менее только небольшая часть аргументации в пользу данного тезиса.

Итак... Направление глобальной миграции из Передней Азии в Поволжье в какой-то мере предполагает такое же направление миграции и в самой Передней Азии, т.е. с юго-западных территорий, расположенных от равнины Амук до Арслантепе, в северо-восточном направлении к Закавказью. Не обязательно, но... предполагает. А область от Амук до Арслантепе – это, собственно, и есть территория индоевропейской прародины в нашей культурно-инхронической модели переднеазиатских миграций времен позднего неолита - позднего халколита (см. карту на Рис. 4.5).

В Хронографии №3 много говорилось о том, как нижнемесопотамский торгово-металлургический ответ был сформирован в ~4500 г. до н.э. и примерно в это же время посредством миграций и дрейфа достиг Верхней Месопотамии, Кавказа, Приволжья, понтийско-каспийских степей, Триполья и даже Северных Балкан. Столь стремительное распространение за 50-100 лет, а то и быстрее (т.е. на протяжении одного-нескольких поколений), данного аридного ответа по такой огромной территории объяснялось его попаданием за Кавказским хребтом в торгово-обменные сети Балкано-Карпатской металлургической провинции (БКМП). При том что до Кавказа, как мы только что видели, ответ распространялся миграциями, в конечном счете приведшими к появлению сферы керамики CFW на территориях между степями Джезиры и Кавказским хребтом. И первой ласточкой данного глобального миграционного процесса, охватившего сразу и переднеазиатские земли и самые восточные области БКМП, стала миграция “древнеевропейских” племен через Кавказ на Среднюю Волгу в том же ~4500 г. до н.э., как только в Верхнюю Месопотамию дрейфовал торгово-металлургический аридный ответ, который был сформирован в Нижней Месопотамии.

Из Нижней Месопотамии в Верхнюю торгово-металлургический ответ тоже мог попасть чрезвычайно быстро, точно так же, как и при его распространении по БКМП, т.е. по торгово-обменным сетям, в данном случае убейдским. Однако и из Верхней Месопотамии на Среднюю Волгу, если исходить из местных приволжских культурных реакций и генетики, ответ должен был попасть столь же быстро, чуть ли не с той же скоростью (менее чем за 50 лет), при том что на этом участке распространиться он мог исключительно миграциями – индоевропейских “древнеевропейских” племен. Отметим, что такие маршруты миграции как через Среднюю Азию, предложенный Т. Гамкрелидзе и В. Ивановым, мы даже рассматривать не будем, поскольку все языковые и культурные взаимодействия “древнеевропейцев” со среднеазиатским населением, которыми они (и С. Григорьев вслед за ними) обосновывают среднеазиатскую маршрутизацию “древнеевропейской” миграции, легко сводятся к такому же взаимодействию ямных племен (т.е. тех же самых “древнеевропейцев”) с тем же самым среднеазиатским регионом из своего “ямного” ареала на Средней Волге и Южном Приуралье по мере роста торгово-обменных и поисково-разведочных (металлургических и иных природных ресурсов) контактов со Средней Азией – вспомним хотя бы возведенное на границе IV-III тыс. до н.э. святилище у реки Зеравшан под Самаркандом смешанного местно-ямно-афанасьевского типа^[15]. А такие культурные феномены, как Бактрийско-Маргианский археологический ком-

^[15] Н. А. Аванесова “Святилище ранних номадов Зеравшана” в Н. Ф. Степанова (ред.) “Афанасьевский сборник 2”, Барнаул: Азбука, 2012, стр. 8–27.

плекс, как увидим в следующих этюдах, вообще относится к совершенно другой культурно-инхронической эпохе – не аридной, а осевой.

Но даже при миграции “древнеевропейцев” через Кавказ все равно как-то чересчур уж быстро – от Евфрата до Волги практически за несколько десятков лет... И здесь явно просматривается некая целеустремленность, иначе вообще трудно было бы объяснить столь быстрое перемещение в общем-то немалых масс населения на такое большое расстояние. Причем, похоже, устремление не в какой-то определенный регион, а в регион, обладавший каким-то вполне определенным набором признаков – например: степь, большая река (Волга) рядом с обширной горной системой (Урал), подразумевавшей наличие поблизости богатых минеральных и металлургических ресурсов, и все это явно по аналогии с ландшафтом, откуда “древнеевропейцы” вышли: соседние степи Джебзир, Евфрат и предгорья Восточного Тавра, что в свою очередь позволяет выдвинуть предположение о проживании “древнеевропейских” племен на крайнем юго-востоке индоевропейской прародины, где сходятся степи с предгорьями вблизи западного берега Евфрата.

И если с горами и их минерало-металлургическими ресурсами в контексте нижнемесопотамского торгово-металлургического ответа в общем и целом все понятно, то при чем здесь степь? Или крупная полноводная река? Об ирригационных гидроресурсах так далеко на севере и речи быть не может, к тому же все индоевропейские аридные миграции, протекавшие в период 4500-3000 гг. до н.э., велись под эгидой торгово-металлургического, а не ирригационного ответа, отчего и были направлены в основном на север. Ну, а степь? В голову приходят только какие-то транспортные ассоциации, особенно на фоне скорого появления колесного транспорта... Так, может быть, и поиски большой полноводной река тоже как-то были связаны именно с ее транспортными, а не какими-то иными, возможностями? Ведь не зря же Т. Гамкрелидзе и В. Иванов и в своем главном труде, и в более поздних статьях не раз делали упор на водном транспорте, освоенном праиндоевропейцами еще на стадии, близкой к распаду праязыка по лингвистическим данным^[16]... Если это и в самом деле так, то можно наметить вполне реальный маршрут миграции в “древнеевропейцев” в ~4500 г. до н.э.

В попытке обогнуть Восточный Тавр с юго-востока индоевропейской прародины они поначалу, скорее всего, двинулись бы прямо на восток, а не на север, т.е. по южным предгорьям Восточного Тавра, являвшихся частью Плодородного Полумесяца, а не по северным его склонам, как это сделают несколько позже северные диалектные группы индоевропейцев. О том же говорят и разновидности CFW керамики, различающейся к северу от хребта Восточного Тавра и к югу от него – на севере наибольшее распространение получила керамика CFW типа Амур F, в то время как по южным предгорьям Тавра в основном распространилась керамика типа Хачинеби (Hachinebi) A/B1^[17]. Но до Тепе Гавра (см. на Рис. 4.5) они явно не дошли (здесь CFW керамика не получила столь широкого распространения, как в других местах предгорий Восточного Тавра) – могли свернуть по ущельям верхнего Тигра и его притоков на север, северо-восток – в направлении к оз. Ван, – чтобы исследовать северно-восточный судоходный потенциал здешнего, по все видимости, не очень-то судоходного горного региона. Так или иначе но в своем устремлении на северо-восток “древнеевропейцы” в любом случае

^[16] Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов “Индоевропейский язык и индоевропейцы...”, стр. 674-675; Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов “Индоевропейская прародина...”, стр. 129.

^[17] С. Marro “Where did Late Chalcolithic...”, p.37-p.39.

наткнулись бы на реку Арацани и по ее ущелью достигли бы района верхний Аракса, откуда уже этой реке спустились бы напрямиком к Каспию.

И здесь перед ними, наконец-то, открылись прекрасные возможности в полную силу использовать все имеющиеся у них судостроительные навыки, скорее всего, позаимствованные у тех же самаррцев-протохурритов, которые в свое время неподалеку от них осваивали речное судоходство по Евфрату, а затем здесь же готовились к морским вояжам из соседнего Северного Леванта, приведшим к неолитизации средиземноморского побережья Северной Африки (одна из гипотез), а в Египте со временем – и к его крайней ирригационной “аридизации”, как в Нижней Месопотамии. Таким образом, достигнув Каспийского моря в поиске подходящих ландшафтно-ресурсных условий, до Средней Волги “древнеевропейцы” уже могли добраться водным путем. Возможно, частично водным, частично сухопутным – через Дербентский проход, вдоль каспийского берега, затем вверх по правому берегу Волги.

Итак, с минерально-металлургическими горными ресурсами на Урале и транспортной водной артерией Волги, усиленной акваторией Каспийского моря, мы худо-бедно разобрались. Но степи? Выше мы предположили, что и здесь каким-то образом была задействована транспортная мотивация. И тогда следующий вопрос: откуда в индоевропейской среде вообще мог зародиться такой сугубо транспортный подход к реализации только-только проникшего к ним нижнемесопотамского торгово-металлургического ответа? Вспомним, что не так уж и давно, всего какую-то пару тысячелетий назад, во всяком случае на коллективной памяти поколений индоевропейцев, вблизи их земель и даже через их исконные территории, проходила масштабная самаррская миграция, направленная, кстати, в ту же самую Нижнюю Месопотамию. А до того через эти же территории мигрировали далеко-далеко на северо-запад другие их тоже северокавказские по языку соседи – протохассунские по происхождению будущие протохаттские кузнецы-литейщики Северных Балкан. Таким образом, индоевропейская прародина изначально располагалась на перекрестке самых разных миграционных и торгово-обменных маршрутов восток-запад и север-юг, что и могло привести к появлению здесь чисто транспортного взгляда на проблему реализации нижнемесопотамского торгово-металлургического ответа.

Однако что в принципе могли знать индоевропейцы тех времен (середина V тыс. до н.э.) об окружающих их регионах, особенно дальних северных? Вряд ли они имели хоть малейшее представление о существовании такого феномена как Балкано-Карпатская металлургическая провинция, и тем более о том, что БКМП к тому времени своими торгово-обменными сетями уже дотягивалась до Волги и Предкавказья. Зато вполне могли догадываться о существовании далеко на северо-западе (т.е. уже в Европе) мощного и развитого металлургического производства – хотя бы по прошлым металлургическим миграциям протохаттов в данном направлении, а еще больше по случайно достигавшим и их краев балканских медных артефактов. Могли знать и о существовании огромных степных пространств за Кавказским хребтом – хотя бы от соседних северокавказских обитателей Коренной Области, поддерживавших связи со своими сородичами закавказской шулавери-шомутепинской культуры и их потомками. Чуть забегаая вперед (подробнее ниже – схема на Рис 4.6 и окружающий ее текст в сочетании с картой на Рис 4.5 из предыдущего этюда) скажу: после отселения в Троаду индоевропейских племен анатолийской языковой принадлежности их территории на границе со степями Джебзир, а то и в самих степях, заняли с од-

ной стороны (северо-западной) кельто-италики, а с другой (северной) - германо-балто-славяне. И в таком вот полустепном-полугорном ландшафте на протяжении почти что двух тысяч лет формировался языковой “древнеевропейский” союз этих племен... Так что, “древнеевропейцы”, исходя лишь из собственного степного джезирского опыта, могли в полной мере оценить транспортный потенциал лежащих на севере бескрайних евразийских степей, особенно в приложении данного потенциала к реализации нижнемесопотамского торгово-металлургического ответа. Оценить и тотчас устремиться ему навстречу, как только нижнемесопотамский ответ попал в их среду. Не случаен был и выбор начального маршрута – по степям-предгорьям южных склонов Восточного Тавра, где по мере движения оседали какие-то их отдельные группы, чтобы в будущем перехватить нижнемесопотамские закупки минеральных, металлургических, древесных и иных ресурсов у обитателей Коренной Области северокавказской языковой принадлежности, к коим, собственно, в первую очередь (как к родственным племенам для таких же “северокавказцев” убейдов) и был обращен нижнемесопотамский торгово-металлургический ответ в его верхнемесопотамском исполнении.

Таким образом, “древнеевропейцы” целенаправленно двигались от степей Джезиры к евразийским степям, вооруженные только нижнемесопотамским торгово-металлургическим ответом и специфическим чисто коммуникационно-транспортным взглядом на возможное сочетание данного ответа со степными просторами – возможно, на основе водного транспорта. Другими словами, “древнеевропейские” племена ответили на проникновение к ним нового для того времени нижнемесопотамского торгово-металлургического ответа одним лишь тут же сформированным переселенческим ответом, призванным увеличить их коммуникационно-транспортные возможности по подключению самых разных еще не освоенных переднеазиатским человеком территорий к реализации нижнемесопотамского ответа. И хотя в ~4500 г. до н.э. “древнеевропейцы” перемещались все больше пешком и водными путями нет ничего удивительного в том, что они устремлено и целенаправленно прошли свой миграционный маршрут от Евфрата до Средней Волги всего за несколько десятков лет.

Сама же миграция “древних европейцев” напоминает в общем и целом довольно рядовое для социальной инхроники явление – миграционный выплеск наиболее сильных ранних инхроников данного конкретного ответа, который часто наблюдается или в самом начале проникновения новых ответов и инхроник, или же по окончании формирования своего собственного ответа при переходе к его реализации. В данном случае наблюдается именно первый случай – резкий миграционный выброс как реакция на дрейф нижнемесопотамского торгово-металлургического ответа.

На страницах нескольких последних этюдов Хронографии №3 было показано, как итогом данной миграции после всех культурных пертурбаций Поволжья второй половины V тыс. до н.э. стало появление на границе V и IV тыс. до н.э. так называемой ямной культуры в регионе Средней Волги и Южного Приуралья – в самой середине западноевразийской степной зоны. Дальнейшая экспансия ямных племен в “доосеое” время (до ~3000 г. до н.э.) в Южную Сибирь (афанасьевцы) и Среднюю Азию (святилище на реке Зеравшан) говорит о первоначально повышенном интересе “древнеевропейцев” именно к восточной части евразийских земель. И только с получением осевой инхроники их устремления переключаются и на запад, в Европу...

И кажется более вероятным, что нижнемесопотамский ответ в ~4500 г. до н.э. проник в западную балканскую часть Балкано-Карпатской металлургической провинции не со стороны пред-майкопского Кавказа, а с самой восточной части БКМП на Средней Волге, чем и мог быть вызван последовавший вскоре на Балканах подъем металлургического производства Гумельницы-Варны. Надо полагать, что и сформированный на 300 лет позже следующий торгово-металлургический ответ – майкопский, – о котором мы еще поговорим, точно таким же образом и по тому же маршруту в ~4200 г. до н.э. попадает на Балканы через Среднюю Волгу, что в итоге и приводит к распаду БКМП. И тогда в свете всего вышесказанного чуть более понятным и оправданным становится также и поведение некоторых кланов балканских металлургов, после распада провинции мигрировавших именно на Среднюю Волгу (см. шестой и седьмой этюды Хронографии №3), а не на Северный Кавказ, как это можно было ожидать, если бы источник дрейфа майкопского торгово-металлургического ответа на Балканы был связан непосредственно с самим Майкопом.

Однако вернемся к индоевропейской прародине. С произошедшим еще раньше в 6300–6200 гг. до н.э. отделением племен анатолийской языковой принадлежности оставшаяся на прародине индоевропейская общность по Т. Гамкрелидзе и В. Иванову подразделяется на три большие диалектные группы^[18]:

- 1) греко-армяно-арийскую;
- 2) тохаро-итало-кельтскую;
- 3) германо-балто-славянскую.

На Рис. 4.6 1) приведена условная пространственная модель соотношения перечисленных диалектных групп вместе с анатолийской группой по Т. Гамкрелидзе - В. Иванову, при том что показанные на ней диалекты относятся к разным хронологическим срезам. Таким образом, данная схема интегрирует “хронологическую последовательность структурных преобразований, наслаивающихся друг на друга и приводящих к постепенному дроблению во времени и пространстве индоевропейской общности на определенные диалектные группы”^[19].

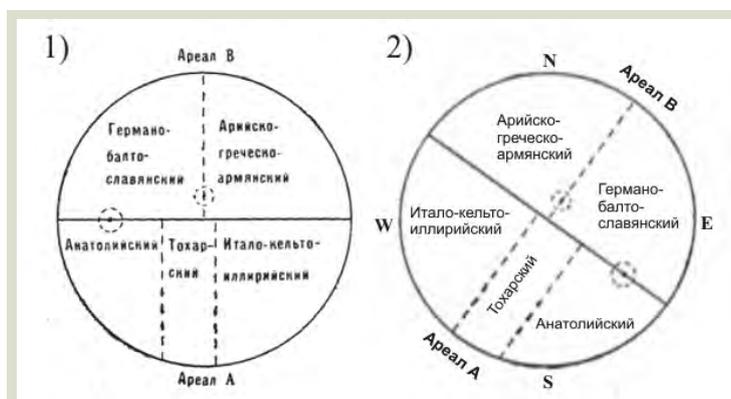

Рис. 4.6

Пространственная модель соотношения диалектных групп в пределах общиндоевропейской языковой общности

- 1) по Т. Гамкрелидзе - В. Иванову (“Индоевропейский язык и индоевропейцы...”, стр. 398, Схема 1);
- 2) эта же схема, только отраженная по горизонтали, повернутая на ~45° по часовой стрелке и привязанная к сторонам света.

В то время как на Рис. 4.6 2) над этой же обобщенной пространственной схемой проведены две преобразующие операции, которые никоим образом не затрагивают языковое взаимодействие диалектных групп, демонстрируемое данной схемой, – она зеркально отражена по горизонтали и затем повернута примерно на 45° по часовой

^[18] Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов “Индоевропейский язык и индоевропейцы...”, стр. 376, Схема 2 на стр. 399, стр. 420-421, Схема 3 на стр. 415.

^[19] Там же, стр. 397.

стрелке. Подобным образом схема привязывается к сторонам света, чтобы, пользуясь картой на Рис. 4.5 из предыдущего этюда, от условного пространственного соотношения диалектных групп можно было бы перейти к ее возможной географической интерпретации.

После выделения из общего праиндоевропейского единства и миграции на северо-запад Малой Азии анатолийских племен, проживавших на самом юге и юго-востоке прародины, где они больше остальных индоевропейцев взаимодействовали со степным "молочным" неиндоевропейским населением, их территории по Т. Гамкрелидзе - В. Иванову должны были занять соседние итало-кельтские племена, плюс иллирийские, если судить по схеме на Рис. 4.6 1), ну, и тохарские, разумеется, но о тохарах мы поговорим отдельно и особо. В результате весь Ареал А оказался занят тохаро-итало-кельтской общностью^[20], племена которой со временем начали входить в тесное взаимодействие с выделявшимися на востоке индоевропейской прародины вдоль среднего течения Евфрата германо-балто-славянскими племенами. Эти интенсивные языковые контакты продолжались без малого две тысячи лет – с 6300-6200 гг. до н.э. исхода анатолийцев с прародины до ~4500 г. до н.э. исхода "древнеевропейцев". И именно в это время складывался "древнеевропейский" культурно-языковой союз, а не во время сравнительно гораздо более скоротечных миграций. Союзу же и образованию на его основе новой общности, по всей видимости, способствовали схожие ландшафтно-климатические условия по правому берегу среднего Евфрата на востоке и юго-востоке прародины (см. Рис 4.5).

После же миграции в ~4500 г. до н.э. этой общности кельто-италиков (и иллирийцев?) и германо-балто-славян оставшиеся на юге и юго-западе прародины племена, менее затронутые "древнеевропейской" культурной консолидацией, еще более обострившейся с дрейфом нижнемесопотамского торгово-металлургического ответа, позже стали называться тохарами. А проживающие на самых северных и северо-восточных гористых территориях прародины племена к тому времени сложились в греко-армяно-арийскую общность, которая территориально, скорее всего, уже не соприкасалась с проживавшими на самом юго-западе прародины тохарами.

И все-таки одного того, что эти переднеазиатские по происхождению пред-ямные племена, с нижнемесопотамским торгово-металлургическим ответом проникшие в Приволжье в ~4500 г. до н.э., скорее всего, были "древнеевропейцами", отнюдь недостаточно для индоевропейской языковой атрибуции второго потока мигрантов из Передней Азии, которые в итоге осели на Кавказе (Северном и Южном) – ведь при интенсивно идущем на северо-востоке Передней Азии дрейфе различных ответов и их вариантов в миграцию могли быть вовлечены самые разные этнокультурные сообщества, в том числе и северокавказской языковой принадлежности, к тому времени уже проживающие в самых разных уголках региона, а не только в бывшей Коренной Области.

Но в том-то и дело, что не только ямные "древнеевропейцы"... Распад CFW керамики на два наиболее распространенных ее подтипа – Амур F к северу от хребта Восточного Тавра и Хачинеби A/B1 к югу от него – и схождение этих в принципе расходящихся ветвей (хотя местами они переплетались) в Северо-Западной Сирии и в Закавказье подразумевает расположение источника данной керамики либо на юго-западном "керамическом" плесе исследуемого нами переднеазиатского региона, либо на северо-

^[20] Там же, Схема 2 на стр. 399.

восточном, хотя К. Марро и предпочитает искать источник CFW керамики где-то между ними к северу от Таврского хребта. И вот тут довольно очевидная связь этой керамики с миграциями в сочетании с малым количеством долговременных поселений, на которых она обнаружена, в Закавказье, и, наоборот, находками керамики CFW в основном на раскопках многослойных теллей в районе Северо-Западной Сирии и прилегающих к ней по южным склонам Тавра анатолийских территорий, подразумевает более вероятное местонахождение источника как миграций, так и керамики, именно в данном сирийско-анатолийском регионе. В то же время по нашим предположениям, основанным на совершенно ином подходе и материале – все больше лингвистическом, – как раз здесь располагалась индоевропейская прародина, откуда некогда вышли пред-ямные “древнеевропейцы”, чтобы затем пройти по южным склонам Восточного Тавра до Тигра, оставив здесь следы своего пребывания в виде последующего расцвета керамики CFW второго типа (Хачинеби A/B1), и далее по долинам притоков верхнего Тигра, рек Арацани и Аракса к Каспию – наиболее оптимальный маршрут для “древних европейцев” с их возможным пристрастием к горам, степям и большим полноводным рекам...

И только теперь мы имеем некоторые основания связать первый тип CFW керамики (Амук F), распространившийся на севере Восточной Анатолии и в Закавказье, с еще одним миграционным потоком индоевропейцев, вышедших с их прародины на 200 лет позже “древнеевропейцев” в ~4300 г. до н.э., чтобы чуть позже заложить основы майкопской культуры на Северном Кавказе и круга аффилированных с ней культур в Закавказье. Попробуем связать и посмотрим, что из этого получится.

Наглядной иллюстрацией начала миграции данной ветви индоевропейцев может послужить основание к северу от индоевропейской прародины, но в непосредственной близости от нее (на северных склонах Восточного Тавра, уже за его хребтом) поселения Арслантепе, игравшего весьма заметную роль в регионе во все последующие тысячелетия, самый нижний уровень VIII которого датируется ~4300 г. до н.э., практически одновременно с появлением поселения Овчулар Тепеси в закавказской Нахичевани^[21]. CFW керамика типа Амук F появляется в Арслантепе не с момента возникновения поселения, а несколько позже – в начале IV тыс. до н.э.^[22], т.е. вскоре после 4000 г. до н.э., – что вполне естественно, если рассматривать данное поселение, как плацдарм для движения к Кавказу, поскольку мигранты, переходившие на более удобную в пути посуду CFW, тут же покидали Арслантепе, унося ее на северо-восток в создаваемые на пути в Закавказье временные лагерные стоянки.

Одной из причин основания главной перевалочной базы для мигрантов именно здесь, вблизи долины верхнего Евфрата сразу за Восточным Тавром, могло стать нахождение здесь же поблизости (чуть севернее по Евфрату) главных месторождений меди в Восточной Анатолии (см. Рис. 3.11 в первом томе). Таким образом, Арслантепе выступал для индоевропейцев не только в качестве опорного пункта мигрантов, отправляющихся на северо-восток, но и как плацдарм освоения местных восточноанатолийских медно-рудных месторождений, уже выплавленную медь с которых до того они

^[21] C. Marro “Where did Late Chalcolithic...”, Table 1; F. Balossi-Restelli “The beginning of the Late Chalcolithic occupation at Arslantepe” in C. Marro (ed.) “AFTER THE UBAID: INTERPRETING CHANGE FROM THE CAUCASUS TO MESOPOTAMIA AT THE DAWN OF URBAN CIVILIZATION (4500-3500 BC)”, Paris, 2012, pp. 235–259, p. 236, Table 1.

^[22] C. Marro “Where did Late Chalcolithic...”, p. 36.

могли получать из расположенного рядом с Арслантепе поселения времен Позднего Убеида – Дегирментепе (Değirmentepe)^[23], от обитателей которого вероятного протохаттского происхождения, обладавших давними и развитыми металлургическими традициями, индоевропейцы, скорее всего, и позаимствовали некоторые более продвинутые для того времени металлургические и рудодобывающие технологии. И что самое интересное, жители Дегирментепе покидают свое поселение в ~4200 г. до н.э.^[24], вскоре после появления рядом с ними опорного плацдарма индоевропейцев в Арслантепе. В первом томе было предположено, что население Дегирментепе было вытеснено с насиженных мест новыми сравнительно недавно появившимися металлургическими мигрантами. Теперь мы можем сказать более определенно – индоевропейскими металлургическими мигрантами с недавно проникшим к ним нижнемесопотамским торгово-металлургическим ответом. Трудно сказать, что стало с предположительно хаттскими обитателями Дегирментепе – они могли присоединиться к индоевропейским мигрантам и вместе с ними отправиться на Кавказ, а могли попросту не принять происходившие в индоевропейской среде реакции на нижнемесопотамский ответ и отселиться куда-нибудь в другое место, не очень далеко от привычных им меднорудных месторождений Восточной Анатолии.

В любом случае данная коллизия к северу от индоевропейской прародины, причем довольно близко от нее, синхронная самым ранним следам CFW керамики в Закавказье, говорит о том, что в миграции, в конечном счете приведшей к появлению майкопской культуры на Северном Кавказе, приняли самое активное и непосредственное участие северные индоевропейские группы, а именно – племена греко-армяно-арийской языковой общности, если судить по схеме на Рис. 4.6 2) и карте на Рис. 4.5. Собственно, к тому времени на прародине оставались только эти племена на севере и тохары на юге – уже слабо взаимодействовавшие между собой, не имевшие общей границы и прямых языковых контактов. К тому же тохары, как увидим далее, покинут прародину значительно позже – в III тыс. до н.э., уже в следующую инхроническую эпоху.

Что мы имеем в итоге? После исхода “древнеевропейцев” с прародины, т.е. примерно с той же середины V тыс. до н.э. (~4500 г. до н.э.), у их оставшихся на местах более северных индоевропейских сородичей, обладавших к тому же и более развитым металлургическим производством, по всей видимости, пошел процесс формирования некоего нового своего собственного аридного ответа – как чисто местная локальная реакция на дрейф нижнемесопотамского торгово-металлургического ответа. Результатом чего со временем стало зарождение колесного транспорта, ранние экземпляры которого, еще не очень удобные и надежные, но уже востребованные ростом миграционных процессов, появляются в северной части Восточной Анатолии и Закавказье в первой половине следующего IV тыс. до н.э., о чем может свидетельствовать и распространение здесь в это время быстро изготавливаемой грубой CFW керамики типа Амука Ф. Однако широкое применение по Месопотамии да и всей Передней Азии те повозки и телеги, но уже куда более совершенные, нашли только во второй половине этого тысячелетия, т.е.

^[23] B. Gurdil “Exploring Social Organizational Aspects of the Ubaid Communities: A Case Study of Değirmentepe in Eastern Turkey” in R. A. Carter, G. Philip (eds.) “Beyond the Ubaid: Transformation and Integration in the Late Prehistoric Societies of the Middle East”, Chicago: Oriental Institute of the University of Chicago, 2010, pp. 361–375.

^[24] H. Özbal, A. Adriaens, B. Earl “Hacınebi metal production and exchange”, *Paléorient*, 25/1, 2000, pp. 57–65, p. 59.

с ~3500 г. до н.э. Так и назовем данный ответ северных индоевропейцев – колесно-транспортным.

Таким образом, остававшееся после исхода анатолийцев все еще единое индоевропейское сообщество в ~4500-4300 гг. до н.э. распалось на три стремительно расходящиеся культурно-языковые группы: “древнеевропейцев” (кельто-италиков и германо-балто-славян), которые в самом скором времени оказываются далеко на Средней Волге, где спустя еще около 500 лет появляется их новая ямная культура; греко-армяно-ариев в северо-восточных горных землях по средне-верхнему Евфрату, которые с ~4300 г. до н.э. начинают движение в сторону Кавказа, осваивая по пути северные восточноанатолийские территории; и тохаров на юго-западной окраине индоевропейской прародины, граничившей с горами Северного Леванта. В результате с ~4300 г. до н.э. одни лишь тохары из всех индоевропейцев остаются на прародине примерно до середины III тыс. до н.э., где и сталкиваются с осевой инхроникой... Поэтому принятая во многих лингвистических моделях точка зрения, что тохары вторыми после анатолийской группы откалываются от праиндоевропейского сообщества и отправляются в какие-то дальние странствия, не совсем верна, точнее, совсем не верна, и все обстояло с точностью до наоборот – это все остальные индоевропейцы отправляются кто куда, оседая кто где, но не слишком далеко друг от друга, так, что во многих регионах со временем им удается наладить и продолжить контакты друг с другом, в том числе и языковые. В то время как оставшиеся в языковом одиночестве между Киликией, Северным Левантом и Евфратом тохары уже с ~4500 г. до н.э. исхода соединявших северо-восток и юго-запад прародины “древнеевропейцев”, разом целиком и полностью выпадают из этого расплзающегося в северо-восточном направлении индоевропейского языкового поля. Но тогда согласно всем нашим инхроническим воззрениям получается, что тохары были самыми слабыми аридными инхрониками или, как минимум, недостаточно сильными приверженцами как нижнемесопотамского, так и “родного” индоевропейского колесно-транспортного ответа, чтобы ради этих ответов решиться на дальние миграции. И такой их недостаток решительный аридный настрой оказался самой что ни на есть благодатной пашней для взращивания ростков пришедшей вдруг и неожиданно со стороны осевой инхроники...

Итак, греко-армяно-арии и ~4300 г. до н.э., если отталкиваться от раскопанных Катариной Марро материалов Овчулар Тепеси и синхронного им основания горнодобывающего плацдарма и главной перевалочной базы мигрантов в Арслантепе. Это наиболее вероятное время завершения формирования колесно-транспортного ответа в среде североиндоевропейских племен (т.е. племен севера индоевропейской прародины), и начала его практической реализации посредством миграций в северо-восточном направлении – к богатому минерально-металлургическими ресурсами Кавказу. В предыдущей хронографии на основе различных культурных реакций в разных регионах, среди которых главной и определяющей был упадок Балкано-Карпатской металлургической провинции (БКМП), мы пришли к выводу, что чуть позже, а точнее, в ~4200 г. до н.э. было завершено формирование еще одного ответа – майкопского торгово-металлургического, – скорее всего, в Закавказье, где скапливались ближневосточные мигранты, которые спустя еще около 200 лет создадут на Северном Кавказе самобытную майкопскую культуру, по имени которой как главного игрока на геополитическом поле его реализации назван и сам ответ. И в этой связи хотелось бы чуть подробнее разобраться с мотивационной сферой греко-армяно-ариев

при выработке как колесно-транспортного, так и майкопского, ответов, и во всем том, что за ними могло стоять, – чего они добивались, к чему были устремлены?

Если исходить из металлургического горняцкого назначения поселения Арслантепе в районе восточноанатолийских месторождений меди и первоначальной направленности миграции в Закавказье, т.е. к другим возможным близкорасположенным меднорудным источникам, то напрашивается мысль, что греко-армяно-арийские индоевропейские племена планировали взять под свой контроль все месторождения меди на северо-востоке Передней Азии от верхнего Евфрата до Кавказа. Что с позиций нижнемесопотамского торгово-металлургического ответа и предстоящего небывалого роста торговли металлами с Нижней Месопотамией выглядит вполне логично и оправдано. Нет, это еще не противостояние нуждающейся в металлах Нижней Месопотамии, это, скорее, желание занять более богатую и разнообразную ресурсную нишу, особенно, если учесть возможное в будущем быстрое истощение восточноанатолийских запасов меди. Именно данный мотивационный момент, скорее всего, и стал источником колесно-транспортного ответа, чье первоначальное назначение виделось в скорой доставке больших объемов меди и других металлов из отдаленных горнодобывающих районов в металлообрабатывающие центры Сиро-Месопотамии. И когда в ~4300 г. до н.э. появились первые еще достаточно неуклюжие и плохо управляемые телеги-повозки, северные индоевропейцы тотчас ринулись к более удаленным от прародины источникам меди, т.е. в Закавказье.

Думается, что в составе мигрантов были не только представители греко-армяно-арийской диалектной общности, но и носители других индоевропейских диалектов, в большинстве своем вскоре сгинувших в водовороте языков и культур Циркумпонтийской металлургической провинции. Не все из них исчезли окончательно и бесповоротно, некоторые языки и народы оставили достаточно четкий след в истории, чтобы мы сегодня могли знать об их существовании, но недостаточно текстов, эпиграфики, топонимов, других идентифицирующих маркеров, чтобы современные лингвисты могли точно определить место этих языков в индоевропейской языковой общности (например, фракийцы, фригийцы, возможно, пеласги, и прочие лелегикарийцы), огульно относя большую их часть к совершенно неопределенной и разнородной так называемой палеобалканской языковой группе.

В результате выходцы с севера индоевропейской прародины, оседая здесь и там по пути к Кавказскому хребту, заселили всю северную часть Восточной Анатолии и Закавказье от верхнего Евфрата до Аракса и Куры. При этом до самого Закавказья добрались лишь те их группы, которые сегодня известны лингвистам, как племена греко-армяно-арийской общности, а отставшие “палеобалканцы” расселились по территориям от верхнего Евфрата до озер Ван, Урмия и истоков Аракса. И те и другие иногда оседали земледельческо-скотоводческими общинами на достаточно долгие времена как, скажем, в Лейла Тепе или даже в том же Овчулар Тепеси, но чаще переходили от одной временной стоянки к другой, перегоняя свои стада и отары с одних пастбищ на другие, двигаясь при этом то в одном направлении, то в совершенно другом, а потом и в прямо противоположном.

Подобным поведением решались сразу две задачи: во-первых, не истощались постоянно сменяемые пастбища, и во-вторых, данные подвижные группы в своих вместительных крытых повозках, выполняющих еще и функции жилища, могли перемещать довольно большое количество самых разных товаров, передавая их от одной группы другой, а потом возвращаясь

обратно или совсем в другое место, а их прежнее местообитание занимала какая-нибудь следующая подвижная колесная группа, причем занимала непременно даже при хаотичном характере их перемещений, если только имелось достаточное количество данных мобильных групп. В таких скотоводческо-транспортных условиях товары могли параллельно и одновременно перемещаться в самых разных направлениях, однако при некоторой вытянутости освоенного греко-армяно-ариями и “палеобалканцами” региона с юго-запада на северо-восток основной поток товаров двигался бы все больше в этих двух противоположных направлениях – чисто по геометрическим и статистическим соображениям. Кроме того, со временем, причем довольно скоро, в такой сугубо стохастической логистической системе неизбежно должны были возникнуть островки порядка – устойчивые товарные потоки, определяемые географической конфигурацией постоянных источников спроса и предложения. И тогда как бы сами собой стали бы возникать ситуации, когда мобильные колесные группы обменивались транспортируемыми ими товарами не в результате случайных встреч, а во вполне определенных пунктах, где как раз и возникали бы те самые кратковременные лагерные стоянки, некоторые из которых со временем превращались бы в долговременные поселения.

В принципе здесь ничего такого уж особенного нет – схожим образом в древности возникали многие торговые пути. Разница лишь в том, что все процессы самоорганизации, ведущие к возникновению колесно-транспортного коридора севернее Восточного Тавра, протекали чрезвычайно быстро, по той простой причине что колесный транспорт изначально был нацелен на мобильные группы пасущих свой скот полукочевый люд, реализующий такие вот гибкие транспортные системы, которые могли бы максимально быстро приспосабливаться к решению самых разных логистических транспортных задач. Мало того, в лагерях-стоянках (или на поселениях) одна группа могла передать другой группе свои товары, просто оставив их в лагере, после чего та другая группа, достигнув данного лагеря, забирала оставленную для нее товарную партию, а взамен оставляла свой товар – по уже устоявшимся договорным эквивалентам... Правда, столь интенсивная коллективная мобильность явно носила сезонный характер – т.е. во все времена года, кроме зимы, а зимний период пересиживали в постоянных сравнительно более оседлых земледельческих поселениях или на своих лагерных стоянках, где заранее запасали корм для скота.

Все это немного напоминает диморфную социально-экономической систему взаимодействия более земледельческого и более скотоводческого населения К. Марро, только назначение системы совершенно другое – не взаимный обмен земледельческими и скотоводческими товарами, а движение *любых* товаров, и, как увидим далее, прежде всего природно-ресурсных и ремесленных, в юго-западном и северо-восточном направлениях. И тогда систему эту можно с полным правом поименовать колесно-транспортным коридором, который, таким образом, возник в ~4000 г. до н.э. как внешний результат реализации колесно-транспортного ответа индоевропейскими племенами греко-армяно-ариев и “палеобалканцев”. Одним же из внешних проявлений данного транспортного феномена как раз и была CFW керамика, повсеместно распространившаяся по всей территории коридора от Арслантепе до Лейла Тепе в первой половине IV тыс. до н.э. А появившаяся южнее Восточного Тавра CFW керамика типа Хачинеби А/В1 отражала то обстоятельство, что отставшие от основного потока и осевшие здесь “древнеевропейцы” довольно быстро переняли колесный транспорт у своих северных

индоевропейских сородичей, вот только задачу они ставили перед собой не-много другую – транспортировка северных горных ресурсов на южном уже месопотамском участке, т.е. от Восточного Тавра напрямиком в Нижнюю Месопотамию.

И кажется, что в реализации североиндоевропейского колесно-транспортного ответа и близко нет ни малейшего следа противостояния Нижней Месопотамии в целом и ее нижнемесопотамскому торгово-металлургическому ответу в частности. Наоборот, наблюдаемая картина больше соответствует усилиям по быстрому и эффективному сосредоточению добываемых природных ресурсов из разных концов региона в будущих обрабатывающих центрах и транспортных узлах, чтобы в случае необходимости приступить к их скорой доставке в Нижнюю Месопотамию. Во всяком случае, возникшую к ~4000 г. до н.э. систему колесно-транспортного коридора, можно интерпретировать и в таком ключе, и для иных противоборствующих Нижней Месопотамией трактовок вроде бы нет никаких оснований. Однако все это – не более чем видимость, поверхностный взгляд. Попробуем копнуть чуть глубже, дабы разобраться в том, что на самом деле скрывается за этой на скорую руку наброшенной благостной картинкой.

Да, с начала формирования транспортного ответа в ~4500 г. до н.э. и на момент первых попыток его реализации в ~4300 г. до н.э. в Закавказье, если судить по CFW керамике с Овчулар Тепеси, скорее всего, все именно так и обстояло – никаких попыток “бодаться” с нижнемесопотамцами. Но все изменилось сразу, вдруг и в одночасье вскоре после ~4300 г. до н.э., когда первые разведочные группы северных индоевропейцев в поисках все новых и новых металлургических ресурсов перевалили за Кавказский хребет и оказались на Северном Кавказе или иначе в Предкавказье, где, можно сказать, нос к носу столкнулись с периферией Балкано-Карпатской металлургической провинции (БКМП) – с ее металлопродукцией, со степными ското-водами, эту продукцию доставляющими, с совсем иными производственными и культурными традициями, отличными от тех, к которым индоевропейцы привыкли в Передней Азии. Греко-армяно-ариям не понадобилось много времени, чтобы понять какие радужные геополитические горизонты открывает перед ними эта неожиданная встреча – спустя всего какую-то сотню лет, уже в ~4200 г. до н.э., они завершают формирование своего собственного торгово-металлургического ответа (как некоего варианта нижнемесопотамского ответа, существенно расширенного и дополненного колесно-транспортным ответом и несколько отличной геополитической ориентацией), который в первом томе настоящего исследования был назван майкопским, и приступают к его реализации. Но и для БКМП встреча с индоевропейцами на Кавказе не прошла бесследно – новый майкопский торгово-металлургический ответ тут же начинает распространяться по торговым путям из Предкавказья на север, а оттуда – и на запад, завоеывая по пути преданных сторонников и ярых его противников, держащих сторону прежнего нижнемесопотамского торгово-металлургического ответа.

На севере предьямные племена без особых возражений и разногласий принимают майкопский ответ, лишь немного приспособив майкопский ответ к своей “древнеевропейской” специфической ориентацией на освоение евразийских степей, и в ~4000 г. до н.э. на Средней Волге и Южном Урале возникает ямная культура синхронно с появлением в это же время майкопской культуры на Северном Кавказе. Надо полагать, что столь безоговорочному приятию ямниками майкопского ответа в немалой степени поспособствовал колесно-транспортный ответ, вошедший в него составной частью.

На Балканах же, наоборот, все складывалось куда как сложнее, что в итоге и привело к развалу БКМП (см. шестой и отчасти седьмой этюды Хронографии №3).

В первом томе мы выяснили, что суть майкопского ответа заключалось в создании не однополюсной торговой сети, как это подразумевалось нижнемесопотамским ответом с единственным полюсом в Нижней Месопотамии, а двухполярной, в которой вторым полюсом, преимущественно металлургическим, выступает майкопское общество, а также то, что подобный взгляд мог появиться на свет божий только после столкновения предмайкопцев с торгово-обменной сетью БКМП и ее главным металлургическим и горнодобывающим центром на Северных Балканах. Майкопское сообщество сразу почувствовало свое преимущественное положение на Кавказе между двумя уже готовыми давно и успешно функционирующими торговыми сетями – БКМП и нижнемесопотамской, на момент начала формирования майкопского ответа в ~4300 г. до н.э. во многом все еще убейдской. И вот только тогда, с зарождения майкопского торгово-металлургического ответа, и начинает расти его сопротивление своему нижнемесопотамскому предшественнику, постепенно перерастая в противостояние двух этих ответов, а вместе с ними и двух сообществ – индоевропейского и нижнемесопотамского – по всему северу Передней Азии, что не могло не сказаться на функционировании индоевропейского колесно-транспортного коридора к северу от Восточного Тавра.

В первую очередь майкопцы отказываются от разработки собственных источников меди на Северном Кавказе и ориентируют восточноанатолийско-закавказский транспортный коридор на поставку восточноанатолийской меди из района Арслантепе на Северный Кавказ. Этим шагом решается сразу две задачи: 1) восточноанатолийская медь отсекается от Нижней Месопотамии, при том что все медные поставки на юг в Нижнюю Месопотамию, в том числе и ожидающиеся с Урала, где осели союзные майкопцам ямники-“древнеевропейцы”, и даже с Балкан, сосредотачиваются в руках майкопского сообщества; и 2) северокавказские месторождения меди остаются нетронутыми в качестве глубокого стратегического резерва майкопцев, и этот резерв со временем, как увидим ниже, им и в самом деле пригодится.

Уже давно идет дискуссия об источниках меди искусно изготовленных майкопских металлургических артефактов, в огромном количестве обнаруженных в больших майкопских курганах, при том что на самих майкопских поселениях наблюдается намного меньшее их число, и нет никаких свидетельств разработки кавказских меднорудных месторождений того времени и выплавки металла из руды: шлаков, печей, тиглей и других следов горнометаллургического производства. Не встречаются среди материалов поселений, впрочем, как и в курганных погребениях, и литейные формы, в которые можно было бы отлить многочисленные бронзовые изделия из майкопских курганов^[25]. Все это позволило нашему известному специалисту по археометаллургии Е. Н. Черных уже давно выдвинуть идею, которой он придерживается и в недавних своих работах, что металл поступал к майкопцам с территорий южнее Кавказского хребта^[26]. С другой стороны не так

^[25] Е. Н. Черных "Степной пояс Евразии: Феномен кочевых культур", М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009, стр. 210.

^[26] Там же, стр. 211.

давно была проведена работа^[27] по определению источников меди майкопских курганов, в ходе которой были обнаружены примеси окислов урана в майкопских изделиях из мышьяковой и мышьяково-никелевой бронзы, что характерно именно для месторождений арсенидов, арсенатов никеля и самородного мышьяка Северо-Западного Кавказа, где расположено большинство памятников майкопской культуры, и может служить индикатором северокавказского происхождения майкопского металла. Кроме того, дополнительный анализ микроструктуры изделий из майкопской бронзы и микропримесей в них также позволяет говорить об их резком отличии от синхронного металла Закавказья, Анатолии и Ирана.

Казалось бы, неразрешимое противоречие – никаких следов местного горнометаллургического производства на памятниках майкопской культуры, при том что должны были использоваться сугубо местные металлургические ресурсы северокавказского происхождения в процессе изготовления майкопских бронзовых изделий... Загадка. Однако данное противоречие можно существенно сгладить, во всяком случае, разнести во времени некоторые наблюдаемые факты и категорические утверждения по их поводу, если принять во внимание, что материалы, исследуемые на главный признак северокавказского происхождения майкопского металла – окислы урана, – были получены из курганов, в большинстве своем относящихся ко второй половине IV тыс. до н.э.^[28] То же самое можно сказать и про анализ микропримесей, в котором “за основу изучения химического состава микроэлементов в майкопском металле мы выбрали наиболее солидные выборки подвергнутых спектральному анализу находок из памятников новосвободненского и долинского локальных вариантов (115 новосвободненских и 106 долинских изделий)”^[29]. При том что новосвободненский и долинский варианты майкопской культуры также существовали во второй половине IV тыс. до н.э. (всех вариантов майкопской культуры мы коснемся чуть ниже).

Таким образом, на сегодняшний день вполне определенно можно говорить о местной северокавказском происхождении майкопской бронзы только применительно ко второй половине IV тыс. до н.э. Что касается первой половины IV тыс. до н.э., то здесь как раз-таки возможен предлагаемый Е. Н. Черных вариант использования носителями раннемайкопской культуры в основном металла южного происхождения (не исключено, что уже тогда с небольшими добавками собственного северокавказского металлургического сырья), особенно, если учесть, что именно к первой половине IV тыс. до н.э. относится широкое распространение CFW керамики на севере Передней Азии, а также появление колесного транспорта. И тогда все это вместе косвенно свидетельствует об активации описанного выше восточно-анатолийско-закавказского транспортного коридора от верхнего Евфрата до Кавказа, ориентированного майкопцами на поставку восточноанатолийской и закавказской меди на Северный Кавказ. О причинах толкнувших майкопцев и их индоевропейских союзников на севере Передней Азии на подобный шаг также уже было сказано выше. Надо полагать, что южная медь и сопровождающие ее другие металлургические ресурсы шли на Северный Кавказ в обмен на не очень большое количество высококачественных майкопских

^[27] Н. В. Рындина, И. Г. Равич "О металлопроизводстве майкопских племен Северного Кавказа (по данным химико-технологических исследований)", Вестник археологии, антропологии и этнографии, №2(17), 2012, стр. 4–20.

^[28] Там же, Рис. 2.

^[29] Там же, стр. 14.

бронзовых изделий, постепенно оседавших на территориях от Закавказья (больше всего) до Арслантепе.

Однако во второй половине IV тыс. до н.э. все резко обрывается и транспортный коридор перестает функционировать, что вынуждает майкопцев целиком и полностью перейти к разработке собственных месторождений меди, мышьяка и никеля – сей тезис в его металлургической части довольно убедительно доказывается вышеуказанной работой Н. В. Рындиной и И. Г. Равич. Что же касается отсутствия малейших следов горнометаллургического производства на Северном Кавказе, в том числе и в позднемайкопское время, при наличии несомненных результатов этой деятельности в виде изделий из майкопской бронзы, то данная нестыковка может означать лишь одно – рудники и металлургические центры майкопской культуры все еще остаются не найденными и не раскопанными. Иного разрешения этой дилеммы просто не существует...

Но все-таки почему? Почему в середине IV тыс. до н.э. транспортный коридор прекращает свое существование? Чтобы ответ на этот вопрос полностью вписался в общую картину, давайте еще раз обсудим некоторые аспекты взаимоотношения языков, общностей и культур – прежде всего возможного греко-армяно-арийского происхождения.

На Кавказе греко-армяно-арийская общность довольно быстро распадается на две части: майкопскую на Северном Кавказе и лейлатепинскую на Южном (т.е. в Закавказье). И причиной такого ускоренного расхождения, по всей видимости, был сравнительно более труднопроходимый Кавказский хребет. Кстати, ранний этап совместной северо-южно-кавказской общности уже получил у некоторых археологов отдельное наименование – майкопско-лейлатепинская мегаобщность^[30], в которой согласно предполагаемой нами ее греко-армяно-арийской атрибуции и схеме членения диалектов по Т. Гамкрелидзе - В. Иванову^[31] одной этнокультурной составляющей должны были бы соответствовать греческие племена, а другой – армяно-арийские. Но что чему соответствовало? О лейлатепинской культуре и ее соотношении с майкопской культурой уже мельком упоминалось в шестом этюде Хронографии №3, теперь же более внимательно присмотримся к тому, что в принципе могло стоять за Лейла Тепе.

Имеется мнение, что майкопская культура возникла в результате миграции части лейлатепинских племен на север. Чему противопоставляются некоторые отличия в архитектуре, погребальном обряде и металлокомплек-

^[30] С. Н. Корневский “Проблемные ситуации «пост-убейдского периода» в Предкавказье (4500—3500 лет до н.э.)”, *Stratum plus*, №2, 2016, стр. 37–62, на стр. 56.

^[31] Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов “Индоевропейский язык и индоевропейцы...”, Схема 3 на стр. 415. Это схема вычленения диалектов в рамках общеиндоевропейского единства еще на индоевропейской прародине до начала широкомасштабных миграций с нее. В нашей же модели, наоборот, племена греко-армяно-арийской общности, еще не распавшейся, но в которой уже шли процессы вычленения отдельных диалектов, вначале миграцией отделяются от общеиндоевропейского массива, и только после этого на новом месте обитания под действием ряда факторов, в том числе и ландшафтно-географических, процессы распада в ней ускоряются, что в итоге приводит к выделению из общности в разное время исторических языков, среди которых первым был греческий, точно так же как он был первым вычленившимся диалектом общности еще на прародине по Схеме 3. В другом месте этого же труда (стр. 898-900) Т. Гамкрелидзе и В. Иванов уже утверждают нечто другое: что от греко-армяно-арийской общности первой посредством миграции с прародины отделяются носители арийских (т.е. индо-иранских) языков. Такой разнобой вызван предполагаемым ими взаимодействием отдельной греко-армянской общности с тохарами и “древнеевропейцами” еще на прародине в отсутствии ариев, по поводу чего будет сказано пара слов ближе к концу этюда.

се обеих культур, а также такие утверждения применительно к керамике как то, что “большую сложность в сопоставлении керамики лейлатепинской культуры с майкопской представляет отсутствие общей типологии посуды лейлатепинской культуры и изучения состава ее формовочных масс”, правда, тут же следом утверждается, что “керамический набор галюгаевско-серегинского [раннемайкопского] варианта посуды близок к керамическому комплексу лейлатепинской культуры, но не тождественен ему”^[32]. А почему, собственно, должен быть тождественным? Даже если оставить в стороне повышенную культурную пластичность под действием роста инхроэнергетики, из-за чего некоторые ближневосточные тенденции могли лучше сохраняться в одной части сообщества (да хотя бы те же самые майкопские артефакты, характерные для Тепе Гавра) и хуже в другой (лейлатепинской) ее части, не будем забывать, что в майкопском культурогенезе, помимо переднеазиатской составляющей, активное участие приняло местное предкавказское население вероятного понтийско-каспийского степного происхождения.

Поэтому, да – Майкоп, скорее всего, произошел из Лейла Тепе, но не майкопская культура от лейлатепинской. Просто и та и другая культура произросли из одного и того же корешка, который К. Марро в цитируемой выше статье очень неуверенно назвала пред-лейлатепинской (Pre-Leyla Tere) культурой, увиденной ею в материалах нахичеванского поселения Овчулар Тепеси, датированного 4350-4000 гг. до н.э. Продолжение раскопок позволило ей обнаружить на поселении еще и керамику раннего куро-араксского типа^[33] (с чем некоторые исследователи не согласились), датированную 4300-4100 гг. до н.э. (см. шестой этюд Хронографии №3). Куро-араксский след в Овчулар Тепеси, наверное, все-таки следует понимать, как пред-куро-араксскую керамику, а вот 4350-4300 гг. до н.э. – это и в самом деле любопытно как время, еще более близкое дате основания Арслантепе (~4300 гг. до н.э.) на противоположном конце рассматриваемого нами региона северо-востока Передней Азии...

Что касается пред-лейлатепинской культуры, возможно, представленной артефактами с поселения Овчулар Тепеси, в том числе и самой ранней керамикой CFW, то она-то как раз и могла бы послужить наилучшим внешним отражением греко-армяно-арийского языкового единства. При этом сосуществование ранней CFW керамики с пред-куро-араксской керамикой логичнее объяснить не присутствием двух разных этнических групп на одном поселении, как это предлагает К. Марро, а еще не устоявшимися процессами формирования транспортного коридора, в которых миграционно-кочевый и более оседлый земледельческо-скотоводческий образы жизни еще не отделились друг от друга, чтобы составить диморфную сбалансированную социально-экономическую систему по транспортировке товаров. А то, что в более оседлый земледельческо-скотоводческий компоненте просматривается именно куро-араксская специфика, говорит как раз о том, что обитатели Овчулар Тепеси принадлежали этнокультурной общности, из которой впоследствии в будущем выделятся куро-араксские племена, которые как увидим ниже, также могли принадлежать греко-армяно-арийскому единству. Так что, в Овчулар Тепеси мы наблюдаем самый первый еще не совсем определившийся куро-араксский росток, отчего и возник спор среди археологов. То есть в каком-то смысле и в самом деле две этнически отли-

^[32] С. Н. Корневский “Проблемные ситуации «пост-убейдского периода»...”, стр. 48.

^[33] С. Marro, V. Bakhshaliyev, R. Berthon “On the Genesis of the Kura-Araxes phenomenon: New evidence from Nakhchivan (Azerbaijan)”, *Paleorient*, 40.2, 2014, pp. 131–154.

чающиеся группировки, только разнесенные не в пространстве одного поселения, а как бы во времени, другими словами – связанные генетически.

Таким образом, в ~4300 г. до н.э. вблизи самого начала майкопских миграций мы видим греко-армяно-арийскую общность раскинутой в ее самых разных быстро меняющихся керамических обликах от Арслантепе на верхнем Евфрате до Овчулар Тепеси в Закавказье, и лишь один из этих ликов – закавказский – принадлежит CFW керамике, что в свою очередь свидетельствует о большей интенсивности миграционных процессов на северо-востоке, чем на юго-западе. Но столь “растянутое” положение греко-армяно-арийского единства продолжалось недолго – уже в ~4000 г. до н.э. мы наблюдаем эту же этнокультурную общность сосредоточенной в двух разных ареалах майкопской и лейлатепинской культур, т.е. разбитой на две части Кавказским хребтом (в данном случае уже, действительно, разбитой – в пространстве), а ее место в Восточной Анатолии занимают идущие следом другие индоевропейские племена севера прародины предполагаемой палеобалканской языковой принадлежности.

И все это индоевропейское благолепие вдруг разом претерпевает кардинальные изменения в середине IV тыс. до н.э... Памятники лейлатепинской культуры по радиоуглеродной хронологии в основном относятся к первой половине IV тыс. до н.э.^[34], возникнув синхронно с майкопской и ямной культурами в ~4000 г. до н.э., и исчезнув примерно в 3500 г. до н.э., тогда как майкопская культура сошла со сцены в ~3000 г. до н.э., а ямная – вообще в III тыс. до н.э. Но исчезновение майкопской и ямной культур – это все последствия проникновения осевой инхроники в Восточную Европу, а вот лейлатепинская коллизия ~3500 г. до н.э. – это еще дела сугубо аридные, которые сейчас нас интересуют прежде всего. В том же ~3500 г. до н.э. в Закавказье появляется куро-араксская культура. И еще около середины IV тыс. до н.э. начинается урукская экспансия на северо-восточные территории Передней Азии, и в скором времени (в 3400 г. до н.э. – начало так называемого “Дворцового периода” VIA) в Арслантепе, на противоположно конце колесно-транспортного коридора, появляется дворцовый комплекс, в котором в своих “дворцах” жила и трудилась на управленческом поприще элита явно не местного происхождения^[35]...

Кстати, о колесно-транспортном коридоре, который также прекратил свое существование в районе ~3500 г. до н.э., о чем свидетельствует исчезновение CFW керамики в это время. Думается, пора бы уже прояснить все картину в целом, и понять, как и почему столь уникальное для того времени образование как колесно-транспортный скотоводческий коридор, успешно функционировавший на протяжении пятисот лет, вдруг кануло в небытие.

Вот только, уж коли речь зашла о распаде колесно-транспортного коридора, следует обратить внимание прямо сейчас еще и на то, что период вскоре после исчезновения коридора в ~3500 г. до н.э., пожалуй, является самым подходящим моментом для миграции многочисленных индоевропейских палеобалканских групп из восточноанатолийской части коридора, в которой они проживали до того, по маршруту, предложенному Т. Гамкрелидзе и В. Ивановым для миграции греческих племен, на запад в Эгейду, где они задолго до греков благополучно расселяются по обеим сторонам Эгей-

^[34] С. Н. Корневский “Рождение кургана (погребальные памятники энеолитического времени Предкавказья и Волго-Донского междуречья)”, М.: «ТАУС», 2012, стр. 102-103, Таблицы 5.3 и 5.4 на стр. 104-105.

^[35] M. Frangipane “Fourth millennium Arslantepe: the development of a centralised society without urbanisation”, *ORIGINI*, XXXIV, 2012, pp. 19–40, p.27-p.33.

ского моря – на Балканах и западной окраине Малой Азии. Может быть, за исключением фригийцев, но к ним мы еще вернемся. Да и остальные палеобалканцы явно не все дружно ринулись на запад: наверняка, какие-то группы остались на местах, какие-то – отправились в других направлениях, где потом сгнули в водоворотах истории... Ведь процесс их расселения вряд ли мог носить целенаправленный характер, поскольку явление-то – чисто распадное: и распад самого колесно-транспортного коридора по, как увидим ниже, совершенно внешним причинам, и как результат данного распада резкий спад инхроники у племен, которые в нем проживали, что само по себе вызывало нарастание нецеленаправленных распадных процессов внутри социумов.

И еще пара предварительных штрихов.

По керамике выделяются четыре варианта майкопской культуры: гаюгаевско-серегинский (собственно раннемайкопский), псекупский, новосвободненский и долинский. Хронологически памятники первых двух вариантов сосредоточены в основном в первой половине IV тыс. до н.э., вместе с тем некоторые памятники псекупского варианта в Западном Предкавказье существуют до финала майкопской культуры на границе IV-III тыс. до н.э., в то время как памятники двух последних вариантов (новосвободненский и долинский) относятся ко второй половине IV тыс. до н.э. Применительно к новосвободненским материалам это касается лишь второго пласта погребений могильника Клады, т.е. новосвободненских памятников как таковых^[36]. И все-таки, похоже на то, что новосвободненские памятники стоят чуть более обособленно от всех остальных вариантов майкопской культуры, из-за чего, собственно, майкопская культура и заслужила у археологов наименование майкопско-новосвободненской общности (МНО). Некоторые исследователи даже выделяют расположенные в сравнительно небольшом ареале новосвободненские памятники в отдельную культуру, отличную от майкопской^[37]. И хотя аргументы А. Резепкина были подвергнуты критике за чрезмерный упор на аспекты, нехарактерные для майкопской культуры^[38], тем не менее несколько более выделенное положение новосвободненского варианта в МНО явно имеет место.

И возможные западные влияния, как это предлагает А. Резепкина, выводя новосвободненский вариант (или отдельную культуру по А. Резепкину) из североευропейской культуры воронковидных кубков, тут, скорее всего, совершенно ни при чем. Даже набившее оскомину утверждение некоторых наших видных ученых о западноевропейских корнях мегалитической традиции ни в коей мере не учитывает тот факт, что первые в мире мегалиты появились в Передней Азии – это храмовый комплекс Гёбекли Тепе с самым ранними сооружениями, возведенными 11.5 тыс. лет назад, о котором так много говорилось в первом томе, – а также роль переднеазиатских народов в неолитизации Европы от Балкан до Испании. Не будем забывать и о том, что Гёбекли Тепе появляется одновременно с началом докерамического неолита в Передней Азии, а проводимые в нем пиршества-службы, как было показано в шестом этюде Хронографии №2, в немалой степени способствовали зарождению переднеазиатского производящего хозяйства – главного стержня неолитической эпохи на западе Евразии. Тогда как, связь европей-

^[36] С. Н. Корневский “Проблемные ситуации «пост-убейдского периода»...”, на стр. 48-50.

^[37] А. Д. Резепкин “Новосвободненская культура (на основе материалов могильника Клады)”, СПб.: Нестор-История, 2012.

^[38] А. Sagona “The Archaeology of the Caucasus: From Earliest Settlements to the Iron Age”, Cambridge University Press, 2018, p. 148.

ской мегалитики с древним храмом Гёбекли Тепе самым наглядным образом просматривается в архитектуре и архетипических решениях таких сооружений как всем известный британский Стоунхендж. Так что, мегалитическая форма выражения некоторых аспектов коллективных бессознательных содержаний вполне может быть связана с какими-то нюансами развития и распространения производящего хозяйства – земледелия и скотоводства, – т.е. неолитического по происхождению феномена, в случае Европы и халколитической Передней Азии, преломленных через призму таких чисто аридных явлений, как, например, металлургия. Но мы отвлеклись...

Так вот... Зато вполне определенные элементы куро-араксской культуры во всех поздних (второй половине IV тыс. до н.э.) вариантах майкопской культуры, особенно в отношении керамики, и в самом деле наблюдаются^[39]. И хотя С. Корневский считает, что наибольшему куро-араксскому влиянию подвергся долинский вариант МНО^[40], некоторая общая отстраненность новосвободненского варианта от остальных разновидностей МНО (прежде всего это касается новосвободненских каменных гробниц) склоняет к мысли, что куро-аракское влияние на два эти позднемайкопских варианта могло реализовываться весьма отличными друг от друга путями и способами, поскольку новосвободненская погребальная мегалитика также находит свои соответствия в куро-аракском погребальном обряде – в первую очередь это цисты Куро-Аракса, но встречаются и подковообразные гробницы^[41], как и в новосвободненском варианте МНО по классификации А. Резепкина^[42]. И что самое интересное, в курганах пред-куро-араксской лейлатепинской культуры первой половины IV тыс. до н.э. тоже обнаружены как подковообразные гробницы (Союгбулаг), так и каменные цисты – например, квадратная каменная гробница размером 4.5 x 4.5 м с толщиной стен 1 м в кургане Кавтисхеви^[43].

Конечно, все вышеуказанные синхронизмы середины IV тыс. до н.э. можно было бы объяснить только инхронической синхронностью с ведущими аридным потоком, если бы не одно “но” – почти все они даже на первый взгляд выглядят довольно сильно увязанными друг с другом чисто причинным образом: в ~3500 г. до н.э. исчезает лейлатепинская культура и тут же почти что на ее месте, во всяком случае достаточно близко и рядом, зарождается куро-аракское сообщество, в это же время, судя по исчезновению CFW керамики, перестает функционировать колесно-транспортный коридор севернее Восточного Тавра, и майкопцы переходят на собственные северокавказские ресурсы (в этой причинной связке мы уже разобрались)... И лишь одно событие выглядит выпадающим из этой причинной цепи – начало урукской экспансии в той же середине IV тыс. до н.э. или даже несколько раньше по некоторым хронологическим шкалам (см. Таблицу 3.1 в пятом этюде Хронографии №3). Так, может, и это событие не выпадает во-

^[39] A. Courcier "Ancient Metallurgy in the Caucasus From the Sixth to the Third Millennium BCE" in B. W. Roberts, C. P. Thornton (eds.) "Archaeometallurgy in Global Perspective: Methods and Syntheses", Springer Science, N. Y., 2014, pp. 579–664, p. 604, p. 610. Следует подчеркнуть, что в данной работе автор детально не вычленяет все вариации майкопской культуры (майкопско-новосвободненской общности – МНО), а лишь делит ее на раннюю майкопскую фазу в первой половине IV тыс. до н.э. и новосвободненскую во второй.

^[40] С. Н. Корневский “Феномен больших майкопских курганов: социально-трудовой и культовый аспекты строительства”, КСИА, вып. 224, 2010, стр. 149–170, на стр. 151.

^[41] A. Sagona “The Archaeology of the Caucasus...”, p. 244, p. 246.

^[42] А. Д. Резепкин “Типология мегалитических гробниц Западного Кавказа”, Вопросы археологии Адыгеи, Майкоп, 1988, стр. 156—161.

^[43] A. Sagona “The Archaeology of the Caucasus...”, pp. 200-201.

все, а лежит в корне всех одновременных ему и/или чуть более поздних других событий на северо-востоке Передней Азии и в Предкавказье?

И тогда сразу возникает вопрос: а что могло бы быть первопричиной самой урукской экспансии в смысловом поле всех происходивших в первой половине IV тыс. до н.э. на северо-востоке Передней Азии процессов? Вопрос почти что риторический в свете всех проведенных в данном этюде модельных построений, и тем не менее в первом томе мы ответили на него достаточно осторожно, сдержанно и максимально обобщенно, приведя в качестве причинного мотива желание урукцев военно-политическими методами ускорить медленные экономические процессы по формированию новой торгово-сетевой сферы взаимодействия с нижнемесопотамским торгово-металлургическим ответом в качестве ее главного движителя. И что же так мешало планам урукцев, непомерно замедляя и без того неспешные процессы формирования торговой сети? Повторяю, вопрос риторический, поскольку мы уже знаем (как минимум, пока что предполагаем – в рамках нашего культурно-инхронического моделирования), что в первой половине IV тыс. до н.э. наиболее значимым и заметным явлением в Восточной Анатолии, куда был направлен главный удар урукской экспансии, мог быть только колесно-транспортный коридор по доставке восточноанатолийской меди на Кавказ, одним своим существованием направленный против Нижней Месопотамии и ее торгово-металлургического ответа.

Теперь мы готовы выстроить всю причинно-следственную цепочку, связывающие ряд событий и явлений в Месопотамии, Восточной Анатолии и на Кавказе в нечто цельное и жизнеспособное:

1. Появление в начале IV тыс. до н.э. колесно-транспортного коридора на территориях севернее Восточного Тавра ведет к оттоку значительного количества металлургических ресурсов Восточной Анатолии на Северный Кавказ. И это не случайное спонтанное явление, а целенаправленный акт майкопского сообщества по ущемлению растущих гегемонистских амбиций Нижней Месопотамии, и, соответственно, по укреплению своих собственных геополитических позиций в складывающейся торгово-производственной сети от Балкан и Урала до Месопотамии, которую с легкой руки Е. Черных принято называть Циркумпонтийской металлургической провинцией.

2. В середине IV тыс. до н.э. или немного раньше, когда до нижнемесопотамских сообществ, наконец, доходят (“доходят” в плане неосознанного коллективного осмысления цельного комплекса некоторых по отдельности вполне осознаваемых явлений и тенденций, вредоносных для реализации нижнемесопотамского торгово-металлургического ответа) масштабы ущерба, который колесно-транспортный коридор может нанести их геополитическим позициям в складывающейся сфере взаимодействия, из Нижней Месопотамии, в качестве ответной реакция на все это, начинает разворачиваться урукская экспансия, направленная в основном в Восточную Анатолию, а заодно и в Верхнюю Месопотамию и в Иран.

3. Развитие урукской экспансии в очень скором времени приводит к довольно существенным и зачастую насильственным изменениям торгово-производственных связей в Верхней Месопотамии и по всей Восточной Анатолии, что не могло не отразиться на функционировании транспортного коридора, который столь же быстро разрушается в ~3500 г. до н.э.

4. Майкоп во второй половине IV тыс. до н.э. отвечает на распад колесно-транспортного коридора некой коррекцией майкопского торгово-металлургического ответа, что, как одно из внешних ее проявлений, судя по всему, и наблюдается в своего рода культурной экспансии на запад, в процессе которой отдельные подвижные группы связанного с майкопской культурой населения расселяются в Северном Причерноморье аж до междуречья Нижнего Днепра и Южного Буга (см карту на Рис.4.7) – во всяком случае, имеется такое мнение по поводу культурной идентификации некоторых причерноморских памятников^[44]. Исходя из металлургической подоплеки большинства протекавших в ту пору процессов в Передней Азии и Восточной Европе, следует полагать, что продвижение майкопских групп шло в сторону Балкано-Карпатья, чтобы в итоге металлургические ресурсы данного региона вкупе с сырьем союзных Майкопу ямников на Южном Урале и собственными северокавказскими резервами, в сумме огромные по своим общим запасам от Балкан и Карпат до Урала и Кавказа, противопоставить перешедшим к тому времени под контроль Урука восточноанатолийским рудникам.

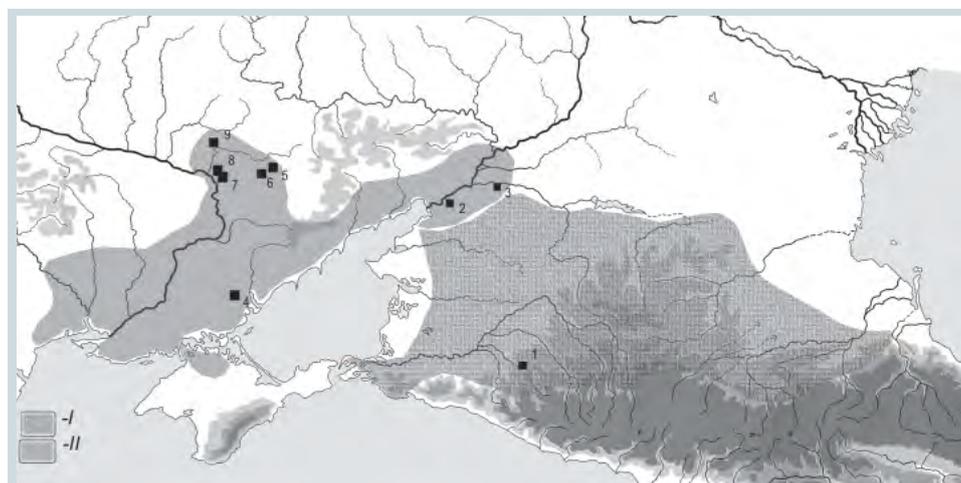

Рис. 4.7

Ареал майкопской культуры во второй половине IV тыс. до н.э.

I – основная территория майкопской культуры.

II – территория распространения майкопской культуры на запад (погребений группы III-C).

(Карта взята из В. А. Трифонов "Западные пределы распространения...", Рис. 4)

5. В Закавказье коррекция майкопского ответа выливается в синхронную реакцию – в ~3500 г. до н.э. исчезает лейлатепинская культура и в том же регионе вместо нее тут же появляется куро-араксская культура. Данную метаморфозу можно объяснить двояко:

- 1) либо лейлатепинская сообщество, как и майкопское, переходит к реализации обновленного майкопского ответа, что в таких случаях неизбежно вызывает некие культурные сдвиги, причем иногда довольно значительные;
- 2) либо же лейлатепинские племена мигрируют куда-то, возможно, даже очень далеко и уже там, реализуя какие-то новые или просто другие ответы, претерпевает столь существенную культурную ломку, что связь этой новой культуры с лейлатепинской становится неясной.

^[44] В. А. Трифонов "Западные пределы распространения майкопской культуры", Известия Самарского научного центра Российской академии наук, т. 16, №3, 2014, стр. 276–284.

пинской ускользает из поля зрения археологов, а тем временем какие-то другие племена, занявшие их места на Южном Кавказе, реализуют здесь новый майкопский ответ, что внешне выглядит, как внезапное появление куро-араксской культуры.

Однако возможна и еще одна компромиссная объединяющая оба варианта версия – после дрейфа скорректированного майкопского ответа на Лейла Тепе часть лейлатепинских племен и впрямь мигрирует, но не куда-то далеко-далеко, а на Северо-Западный Кавказ, и там под сильнейшем майкопским влиянием возникает новосвободненский вариант МНО. Оставшаяся же в Закавказье часть лейлатепинцев переходит к своей разновидности реализации скорректированного майкопского ответа, внешне проявленной, как начавшая развиваться в их среде куро-араксская культура. В рамках данной версии находят свое

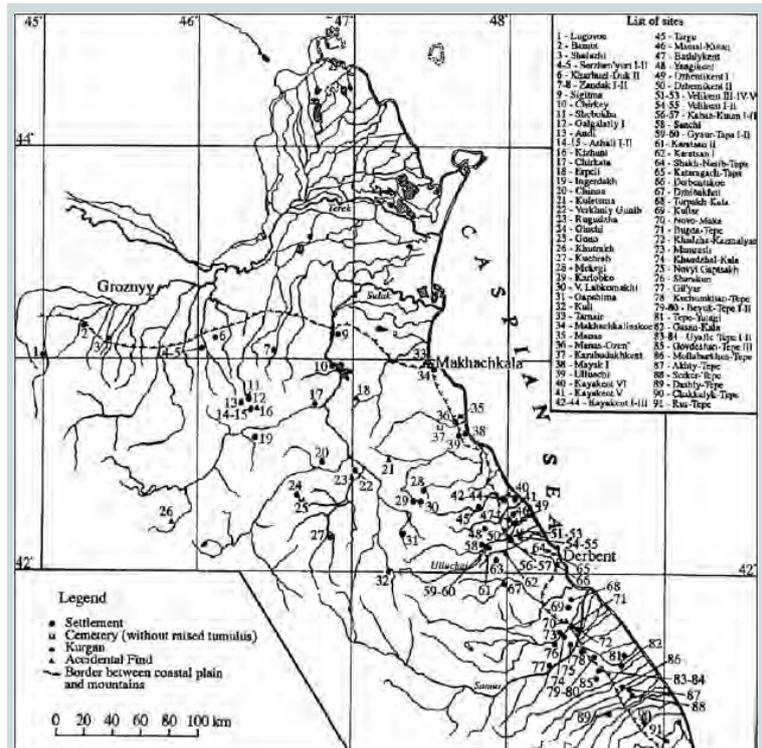

Рис. 4.8
Ареал распространения великентского варианта куро-араксской культуры во второй половине IV тыс. до н.э. – III тыс. до н.э.
 (Карта взята из P. Kohl "The Making of Bronze...", Figure 3.21)

объяснение как повышенная обособленность новосвободненского варианта МНО от всех прочих ее вариантов, так и сходство мегалитики новосвободненского погребального обряда с аналогичными явлениями в Лейла Тепе и в параллельно развившимся на базе оставшихся в Закавказье лейлатепинцев Куро-Араксе. Более понятной становится также и большее влияние Куро-Аракса на долинский вариант МНО, чем на новосвобод-

ненский, поскольку лейлатепинские племена мигрируют на Северный Кавказ еще до зарождения Куро-Аракса, а элементы схожести с куро-араксской культурой возникают у них всего лишь в результате параллельности реализации скорректированного майкопского ответа, которая несколько отличалась на севере и на юге, так как лейлатепинцы на Северном Кавказе реализовали майкопский подвариант нового майкопского ответа (что, собственно, и позволяет говорить о вхождении в МНО этнически отличного от майкопцев нового на Северном Кавказе новосвободненского варианта), а оставшиеся в Закавказье лейлатепинцы – куро-араксский подвариант того же самого ответа. В то время как носители долинского варианта МНО на Центральном Кавказе, непосредственно гранича с носителями великентской вариации куро-араксской культуры, которая во второй половине IV тыс. до н.э. через Дербентский проход распространяется и на восточную часть Се-

верного Кавказа^[45], имели возможность перенимать некоторые важные элементы куро-араксской культуры непосредственно от соседних куро-араксских племен^[46], расселившихся на Северном Кавказе до р. Сулак в Дагестане и верховьев р. Сунжа в Северной Осетии (см. карту на Рис. 4.8 и сравните ее с картой майкопского ареала на Рис. 4.7), а вместе с этими элементами и некоторые моменты чисто куро-араксского подхода к реализации обновленного майкопского ответа. А куро-араксинцы Великента в свою очередь перенимали элементы как культуры, так и ответа (что в общем-то взаимосвязано – первое является внешним отражением второго с некоторыми сугубо этническими вариациями, вызванными предыдущим генезисом этноса), от майкопских долинцев... Чего не происходило у отделившихся от куро-араксского массива лейлатепинцев-новосвободненцев, зато здесь играли свою роль моменты общего с Куро-Араксом культурного происхождения от Лейла Тепе.

И если нам в общих чертах понятны обрисованные выше мотивации, цели и задачи майкопской реализации нового майкопского ответа, то этого нельзя сказать о Куро-Араксе. Что могло стоять за куро-араксской культурой?

Во-первых, ясно, что с распадом колесно-транспортного коридора прекращаются *постоянные массовые* миграции населения на сравнительно небольшие расстояния, что проявилось в переходе с грубой быстро изготавливаемой керамикой CFW на высококачественную знаменитую куро-араксскую керамику, а это в свою очередь означает, что только-только появившиеся куро-араксские племена переходят к более оседлому образу жизни.

Во-вторых, в самом скором времени после этого возникает непосредственный контакт массива куро-араксских племен Закавказья с майкопскими племенами Северного Кавказа через великентский вариант Куро-Аракса и долинский вариант Майкопа – того самого Майкопа, который в результате миграции в ~3500 г. до н.э. части лейлатепинских племен в район Северо-Западного Кавказа на тот момент уже выступает, как майкопско-новосвободненская общность (МНО).

В-третьих, самим майкопцам от Южного Буга (см. Рис. 4.7) до Карпат было уже рукой подать.

В-четвертых, если взглянуть на карту распространения куро-араксской культуры на Рис. 3.10 в шестом этюде Хронографии №3, то видно, что в 3300-3100 гг. до н.э. куро-араксские племена синхронно с освоением юго-востока Северного Кавказа продвигаются и в сторону оз. Урмия, откуда между Армянским и Иранскими нагорьями открывался сравнительно широкий проход прямо в Центральную Месопотамию (см. карту на Рис. 4.5 в предыдущем этюде).

Все вместе это очень похоже на подготовку разных участков доставки северокавказского, карпатского, а в будущем, надо полагать, и уральского, металла в Центральную Месопотамию, где этот товар немедленно попадал в сферу действия урукской торговой сети, и уже по ней транспортировался бы в Нижнюю Месопотамию. И еще большой вопрос, попал ли бы этот металл к шумерам в виде слитков для дальнейшей металлургической обработки или как уже готовые бронзовые изделия. Непомерный рост ме-

^[45] P. Kohl “The Making of Bronze Age Eurasia”, Cambridge University Press, 2007, pp. 102-113.

^[46] A. Sagona “The Archaeology of the Caucasus...”, pp. 218-219.

таллообработки на майкопском Северном Кавказе склоняет, скорее, ко второму варианту, что находится в полном соответствии с майкопским ответом как в его прежнем виде, призванном всего лишь развивать мышьяково-бронзовое производство в Западной Евразии (при неоспоримом первенстве в этом нелегком деле Майкопа, разумеется), так и в новой скорректированной форме, подразумевающей сосредоточение всех западноевразийских металлургических ресурсов на Северном Кавказе.

Таким образом, все что делали сами майкопцы и их северные, западные и южные союзники во второй половине IV тыс. до н.э. сводится к *подготовке* торговой агрессии готовой металлургической продукции с Северного Кавказа, поддержанного ресурсами Карпат и Урала, в шумерскую Нижнюю Месопотамию, которая обходила бы урукскую экспансию в Верхней Месопотамии с востока, и полностью подавляла бы ее металлургический аспект объемами металла и качеством металлообработки, при том что главные горнодобывающие и металлообрабатывающие центры этой ответной торгово-металлургической экспансии оставались бы вне досягаемости нижнемесопотамского населения (урукских шумеров), как в свое время это было в БКМП.

Роль же куро-аракских племен и их расселения во второй половине IV тыс. до н.э. точно так же заключалась всего лишь в *подготовке* решения конкретной задачи по транспортировке на своем участке северокавказской металлопродукции в Центральную Месопотамию и ответного потока шумерских товаров на Северный Кавказ. Причем, исходя из предыдущего опыта закавказского населения, можно с достаточно высокой вероятностью предположить, что транспортировка эта осуществлялась бы способами и методами предыдущего колесно-транспортного коридора, создавая, таким образом, новый транспортный коридор Северный Кавказ – Центральная Месопотамия. Причем коридора, скорее всего, менее насыщенного ранними случайными миграционными блужданиями – ввиду изначально большей организованности процесса уже существующим к тому времени скорректированным майкопским ответом, чего не было с прежним колесно-транспортным коридором севернее Восточного Тавра, когда майкопский ответ был сформирован на сто лет позже возникновения коридора. И еще можно ожидать, что подготовка к созданию нового транспортного коридора осуществлялась не только в плане занятия отдельных стратегически важных областей, но также усовершенствованием гужевых колесно-транспортных средств, в том числе и на предмет их несколько большей маневренности (пусть даже пока что в отсутствии поворотного устройства), чтобы легче было объезжать препятствия и быстро прокладывать удобный маршрут по пересеченной местности, что существенно уменьшило бы тряску при постоянных переездах – например, какие-то элементы упряжи, позволявшие раздельно регулировать силу тяги правого и левого вола (быка) в парной упряжке. Все это сейчас говорить к тому, что в случае реализации нового транспортного коридора и соответствующего роста миграционной активности населения в нем на небольшие расстояния вряд ли вновь наблюдался бы переход на скорodelьную грубую керамику.

В 3200/3000 г. до н.э. (по разным хронологическим шкалам) урукская экспансия терпит крах, и трудно сказать, какую роль в этом сыграли скорректированный майкопский ответ и новый колесно-транспортный коридор, возможно, к тому времени уже только-только начавший функционировать. Но в том, что и новый коридор и ответ в целом повлияли и весьма значительно на прохождение урукской экспансии, вряд ли можно сомневаться.

Причем должны были влиять еще на стадии подготовки к транспортировке дополнительного металла с Балкан и Урала на Северный Кавказ и готовых металлоизделий с Северного Кавказа в Месопотамию, которая даже в процессе своей подготовки могла начать существенно менять аридное будущее всего сиро-месопотамского мира, поскольку урукцы мало что могли противопоставить тому готовому пролиться на них с севера металлургическому потоку, масштабы которого лучше всего характеризуются общей массой бронзовых изделий, раскопанных в майкопских курганах. И Урук, скорее всего, принял новый ответ Майкопа и его союзников, как данность.

Зато за них попытались ответить обитатели дальних окраин сиро-месопотамского мира, изначально не поддерживавшие майкопский ответ, такие как, например, жители Дегирментепе, возможно, еще в ~4200 г. до н.э. (см. выше) перебравшиеся в Центральную Анатолию. И ответили они началом перехода на оловянную бронзу, которая могла изменить всю структуру циркумпонтийской сферы металлургического взаимодействия, причем изменить не в пользу Майкопа, так как в досягаемости его обновленного торгово-металлургического ответа не было легкоразрабатываемых месторождений олова. Конечно, свою немалую роль в реакции “оловянной” периферии на новый майкопский ответ сыграл и рост потребностей Сиро-Месопотамии в высококачественной металлургической продукции, но сугубо оловянная специфика данной реакции указывает, что ведущим мотивом все-таки было противостояние назревающей майкопской металлургической гегемонии, т.е. против того, против чего в свое время была направлена и урукская экспансия.

Их ответ Майкопу заключался в начале разработки оловянных рудников Центральной Анатолии в ~3200 г. до н.э., а также началом в то же самое время торговой экспансии протоэламитов Юго-Западного Ирана преимущественно в северо-восточном направлении, скорее всего, к афганским и среднеазиатским месторождениям олова, как было показано в первом этюде настоящей хронографии. Что вкупе со многими другими процессами в итоге вызвало прохождении инхроимпульса новой осевой инхроники в ~3200 г. до н.э., но не в Переднюю Азию, как можно было бы ожидать, а в Северно-Западную Индию. В результате чего всему громадьи майкопских планов не суждено было сбыться, поскольку осевая инхроника уже в ~3000 г. до н.э. проникает в Переднюю Азию и Восточную Европу и в той или иной мере ломает большинство здешних аридных планов и ответов. Мало того, под действием осевой инхроники прерывается начавшееся цивилизационное развитие на Северном Кавказе, исчезает само майкопское сообщество и распадается весь майкопский мир, к тому времени раскинувшийся от Днепра и Урала до Аракса. Проникшие на Енисей, Алтай, в Казахстан и Среднюю Азию ямные племена выпали из этого мира несколько раньше, поскольку развивались под действием прежнего майкопского или даже нижнемесопотамского ответов, приспособленных к их сугубо восточным нуждам, для которых и названия “майкопский” или “нижнемесопотамский”, наверное, уже не очень-то подходили. И тем не менее связь с Северным Кавказом и Нижней Месопотамией еще слабо пульсировала в архетипических глубинах коллективного бессознательного этих зачастую смешанных ямно-афансьевских сообществ и в любой подходящий момент могла вырваться наружу и даже дрейфом передаться другим социумам.

Но тогда получается, что в корне всей причинной цепочки, приведшей к прохождению осевого инхроимпульса лежит майкопский торгово-металлургический ответ, сформированный индоевропейскими сообщества-

ми, некогда проживавшими на небольшой территории между Верхней Месопотамией и Северным Левантом. И в самом деле: сформированный индоевропейцами майкопский ответ, ассимилировав их прежний колесно-транспортный ответ, противопоставил себя торгово-металлургическому ответу нижнемесопотамцев, чем и вызвал ответную урукскую экспансию, которая привела к коррекции транспортных магистралей майкопского ответа, что в свою очередь отозвалось крахом урукской экспансии и активизацией северо-западных и юго-восточных окраин сиро-месопотамского мира с целью перехода на оловянную бронзу. И все это накладывается на ускоренное цивилизационное развитие Нижней Месопотамии и продвижение ямно-афансьевских племен к границам Восточной Азии, ведущее к зарождению и здесь движения к цивилизации. В результате где-то совсем в другом месте, а именно – в Северо-Западной Индии, – в ~3200 г. до н.э. проходит инхроимпульс осевой инхроники, который спустя еще двести лет разрушает с таким трудом созданный индоевропейцами майкопский аридный мир. Чудны дела твои, Господи...

Нет, и в самом деле данная причинная цепочка более всего похожа на какую-то системную реакцию всего человечества, во всяком случае, проживающей в Евразии его части. А сам откорректированный новый майкопский ответ с его частично уже реализуемыми и только планируемыми колесно-транспортными коридорами – разве это не прообраз будущего ВШП? Пусть самый ранний, самый черновой вариант, призванный связать пока еще только формируемую майкопскую цивилизацию с переднеазиатской цивилизацией шумеров и египтян... Видимо, в том-то все и дело, что эта торговая транспортная магистраль связала бы уже не два, а целых три, очень близко расположенных друг к другу цивилизационных центра, которые в будущем неминуемо слились бы в одну единую цивилизацию – переднеазиатскую, – и никакой самостоятельной независимой от нее майкопской цивилизации все равно не возникло бы, что нанесло бы непоправимый вред будущему цивилизационному развитию всего человечества, снижая уровень разнообразия составляющих его структур. На что человечество как уже достаточно сложная система на некотором этапе развития майкопского сообщества системно отреагировало запуском приведенной выше причинной цепочки (а конкретнее одного из ее звеньев – странной и необычной для того времени урукской военно-политической и культурно-экономической экспансии), в итоге ведущей к прохождению осевого инхроимпульса в поддержку развития цивилизации на Дальнем Востоке, а не на Северном Кавказе, инхроимпульса, идущего от возникновения в будущем совсем другой транспортной магистрали, которая связала бы восточноазиатскую цивилизацию с переднеазиатской.

Так что же получается – уже со столь раннего времени конца IV тыс. до н.э. человечество заявило себя как система? Почему бы и нет, учитывая насквозь инхронический характер его элементов и подсистем, в которых системные реакции еще вроде бы несуществующей системы могут возникать раньше системных связей, формирующих систему как таковую (имеется в виду ВШП). В данном случае все это заварилось и протекало в рамках трех пока еще только формируемых инхронических подсистем человечества: переднеазиатской цивилизации и вначале индоевропейской майкопской цивилизации, которая затем в конце ряда причинно связанных процессов уступила свое место восточноазиатской цивилизации, поскольку движение к цивилизации – это уже в принципе непрерываемый фатальный процесс, и он так или иначе должен завершиться тем или иным результатом, с некоторого

этапа расцениваемого, как фатальное событие, которое само по себе или неизбежно порождаемое им некое дочернее событие может стать источником нового инхроимпульса, например, от возникновения осевой торговой магистрали (“транспортного коридора”, “ВОП” или “ВШП”) между двумя цивилизациями. И в этом смысле Майкоп можно отнести именно к разряду цивилизаций, и это ни в коей мере не протоцивилизация, так же неизбежно не способная пересечь цивилизационный барьер ввиду нехватки ресурсов или проблем с демографией или даже масштабных будущих задач. А восточно-азиатская цивилизация выступила в роли его неизбежного фатального следа... Но не только она – в итоге к концу аридной инхрозоны (~1000 г. до н.э.) прежний исчезнувший Майкоп четвертого тысячелетия до нашей эры порождает несколько независимых культурно-генетически связанных с ним цивилизаций (кратко см. в первом томе, более подробно – в следующих этюдах данной хронографии или уже в следующем томе).

Из приведенного выше примера становится ясным насколько важным для человечества – еще не системы, скорее, таксона – являлось внутривидовое разнообразие, причем не только и не столько на уровне индивидуумов, его составляющих, сколько на уровне динамических социальных систем, которые мы привыкли называть этносами и суперэтносами-цивилизациями. И не только биологическое разнообразие, в том числе расовое, но и культурное – прежде всего.

Выше мы видели, что сообщество греко-армяно-арийского языкового единства вначале была разделена Кавказским хребтом на две близкие друг другу этнокультурные общности в конце V тыс. до н.э., затем в середине IV тыс. до н.э. одна из этих общностей – лейлатепинская в Закавказье – еще раз разделилось на оставшиеся в Закавказье куро-аракские племена и племена, перебравшиеся на Северный Кавказ, где под отчетливо выраженным культурным воздействием Майкопа составили его новосвободненский вариант, превратив, таким образом, майкопское сообщество в майкопско-новосвободненскую общность.

По выбранной нами схеме выделения языков из греко-армяно-арийской общности, когда первыми от нее отделяются греческие племена, а затем распадается армяно-арийское единство, которую сами Т. Гамкрелидзе и В. Иванов предложили для вычленения диалектов из общеиндоевропейского единства еще на прародине, получается, что собственно майкопские племена были греческими по языку, лейлатепинской культуре соответствует армяно-арийская общность, а майкопские новосвободненские племена составили арии – индоиранцы. Из чего следует, что языком куро-аракского населения был “протоармянский”.

Слово “протоармянский” взято в кавычки, потому что большая вариабельность куро-аракской культуры, при одновременной достаточно высокой стандартизации некоторых культурных и технологических решений в ней, как бы подразумевает некоторую полиэтничность состава ее носителей. Такая ситуация могла возникнуть, когда с проникновением осевой инхроники в ~3000 г. до н.э. носители первоначальной куро-аракской культуры (т.е., собственно, протоармяне) кардинально поменяли свои прежние аридные планы и ответы (см. в следующем этюде) и из Закавказья и прилегающих к нему с юга земель расселились от Ирана до Палестины по довольно обширному пространству, значительная часть которого состояла как раз из территорий прежнего первого колесно-транспортного коридора севернее Восточного Тавра, где проживали остатки тех самых палеобалканских народов, не покинувшие обжитые места после распада этого транспортного ко-

ридора в ~3500 г. до н.э. Таким образом, с ~3000 г. до н.э. культурный облик куро-араксской этнокультурной общности вместе с протоармянами определяли уже и оставшиеся в первом транспортном коридоре палеобалканцы, близкие протоармянам по духу и исторической судьбе.

Судя по некоторым лингвистическим, этнокультурным и географическим фактам и наблюдениям, несколько иначе могла сложиться судьба фригийцев, о сходство которых с армянами было сломано так много копий... На сегодняшний день мало кто оспаривает особую близость как фригийского, так и армянского, языков к греческому языку. Что касается Т. Гамкрелидзе и В. Иванова, то они в свое время ограничились указанием, что по ряду признаков фригийский язык “обнаруживает структурные черты, сближающие его с диалектами греко-армяно-арийского ареала”^[47]. За прошедшие после выхода их работы 35 лет в изучении фригийского языка произошло не так уж и много подвижек, но кое-какое продвижение все же имеется^[48]. Например, не так давно вышла работа, в которой положение фригийского в структуре индоевропейских языков фиксируется несколько более определенно, правда, опять-таки с оговорками – как язык, “в некотором смысле” промежуточный между греческим и армянским^[49]. А ведь есть еще и загадочный народ мушков, которых периодически связывали то с протоармянами, то с фригийцами, а то и с теми и с другими, и даже с западногрузинскими мосхами^[50]...

При этом наблюдающиеся сугубо греко-армянские языковые связи (т.е. без арийских параллелей) в виде общих структурных и лексических изоглосс^[51] могли сложиться во время контакта куро-араксских племен великентского варианта с майкопскими долинцами на Северном Кавказе во второй половине IV тыс. до н.э., когда между двумя этими группами шел интенсивный взаимный культурный обмен. Заметим, что великентского вариант довольно сильно отличается от всех других вариаций куро-араксской культуры, настолько, что некоторые ученые чуть ли не отказываются включать этот вариант в Куро-Аракс^[52]. И тем не менее данный вариант куро-араксской культуры, который с некоторых позиций можно рассматривать и как самостоятельную культуру, подвергнувшуюся серьезному влиянию Куро-Аракса с одной стороны, и Майкопа совместно с местными сообществами Северо-Восточного Кавказа с другой, вполне могла послужить тем самым каналом, по которому во второй половине IV тыс. до н.э. осуществлялись двустороннее языковое взаимодействие между греческим и армянскими языками в отсутствие ариев. А если учесть еще и приведенную выше осторожную гипотезу о промежуточном положении фригийского языка между греческим и армянским, то невольно напрашивается мысль о фригийской этнокультурной атрибуции Великента как некоего протоармянского ответвления или даже отдельного этноса, начавшего вычлняться еще на индоевропейской прародине, и завершившего данный процесс нахождением своей

^[47] Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов “Индоевропейский язык и индоевропейцы...”, стр. 910.

^[48] С историей вопроса и некоторыми подходами к его разрешению можно ознакомиться в R. Woodhouse “An overview of research on Phrygian from the nineteenth century to the present day”, *Studia Linguistica*, vol. 126, 2009, pp. 167–188.

^[49] C. de Lamberterie “Grec, phrygien, arménien: des anciens aux modernes”, *Journal des savants*, 2013, n° 1, pp. 3–69, p. 52.

^[50] Б. М. Бонгард-Левин (ред.) “История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации”, Часть вторая “Передняя Азия. Египет”, М.: Наука, 1988, стр. 106.

^[51] Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов “Индоевропейский язык и индоевропейцы...”, стр. 899.

^[52] P. Kohl “The Making of Bronze...”, p. 103.

географической ниши на новом месте обитания точно между протогреками Майкопа и протоармянами Куро-Аракса^[53].

И вообще во второй половине IV тыс. да н.э. возникает достаточно уникальная этническая ситуация для всего майкопского мира, который непрерывным индоевропейским ареалом протянулся от Закавказья до понтийско-каспийских степей, доходя до Южного Урала. И в этом ареале индоевропейские протонароды и этнокультурные общности имели возможность вступать в самые разные культурно-языковые контакты, почти так же как на индоевропейской прародине, только не столь интенсивные, разумеется. Здесь присутствовали все, за исключением анатолийской группы и тохаров, оставшихся на юге прародины: и еще не разделившиеся этносы “древнеевропейских” общностей (кельто-италийской и германо-балто-славянской) на севере ареала, и народы уже распавшейся греко-армяно-арийской общности в центре и на юге. Поэтому некоторые лингвистические эффекты, которые традиционно принято считать возникшими еще на прародине, вполне могли зародиться несколько позже в этом огромном индоевропейском котле, можно сказать, на “вторичной” прародине всех индоевропейцев, кроме тохаров и анатолийцев, который выше мы поименовали “майкопским миром”, протянувшимся с юга на север цепочкой культур от Куро-Аракса до ямных племен.

Что же касается предполагаемого взаимодействия отдельной греко-армянской общности с тохарами и “древнеевропейцами” еще на прародине в отсутствие индоиранцев^[54], то на мой взгляд приведенных примеров явно недостаточно, тем более когда индоиранская основа *mās-* (“месяц”) весьма близка к аналогам в других индоевропейских языках.

Кстати, об индоиранцах... О том, что мигрировавшие на Северный Кавказ в ~3500 г. до н.э. бывшие лейлатепинцы, которые под влиянием здешних майкопских племен составили новый новосвободненский вариант МНО, принадлежали именно арийской ветви греко-армяно-арийской общности свидетельствуют и некоторые черты более поздних арийских (иранских и индоарийской) культур в быту и ритуалах новосвободненцев^[55]. Преобладание именно индоарийских культурных следов над иранскими не должно смущать – по всей видимости, данное обстоятельство вызвано тем, что общеарийское культурное наследие по каким-то причинам^[56] лучше сохранилось в индоарийской среде, чем у иранцев.

^[53] Не будем забывать про приставку “прото”, так как во второй половине IV тыс. да н.э. вряд ли можно говорить собственно об армянах, греках, фригийцах и других индоевропейских народах последующих исторических эпох. И если где-то эта приставка все же пропущена, всегда имейте ее в виду для времен ранее II тыс. да н.э., а для некоторых этносов и того позже.

^[54] Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов “Индоевропейский язык и индоевропейцы...”, стр. 899.

^[55] Л. С. Клейн “Древние миграции и происхождение индоевропейских народов”, рукопись неизданной книги: СПб., 2007, Глава IV «Проблема грекоарийского единства», Раздел 6 «Неожиданные параллели индоариям и грекам».

^[56] Причины эти могли заключаться в разных условиях перехода к цивилизации и ее дальнейшей судьбе у иранцев и индоариев: у первых данный переход в Средней Азии и Восточном Иране сопровождался кардинальной религиозной реформой Заратустры, по сути, ломкой всех устоявшихся мировоззренческих императивов и представлений, а вторые в более полном объеме смогли сохранить символы, иконографию, мифы и даже некоторые ритуалы своей древней ведийской религии при плавном эволюционном замещении ее намного более сложной индуистской идеологией к тому времени уже успевшего сложиться развитого цивилизованного общества. К тому же иранская цивилизация со временем была поглощена переднеазиатской цивилизацией в лице ислама, а индоарийская живет и здравствует и поныне. Что касается нецивилизованных иранских народов евразийских степей и гор Гиндукуша, то в условиях многочисленных миграций и сторонних культурных влияний при от-

Но и это еще не все. Слабовыраженные индоиранские следы, зачастую сливающиеся с общеиндоевропейской или греко-армяно-арийской культурной аурой, сами по себе мало о чем говорят – не более чем на уровне спорадических культурных флуктуаций и столь же произвольных их трактовок. Куда более интересный, а главное более значимый, результат можно получить, если проследить цепочку культур, порожденных новосвободненским сообществом, об этнокультурной атрибуции которых уже можно говорить несколько более определенно, во всяком случае, ближе к концу цепочки.

И в этом ракурсе прежде всего привлекает внимание так называемая новотиторовская культура, существовавшая примерно в 3300-2800 гг. до н.э. (2700-2200 гг. до н.э. по традиционной хронологии и в системе конвенционных радиоуглеродных дат^[57]) на границе степи и Северного Кавказа, чье появление некоторые исследователи связывают с новосвободненским фактором, причем не просто с культурным влиянием соседей с юга, а с расселением новосвободненских племен в Северо-Восточном Приазовье, где они становятся “основным субстратом новотиторовской культуры”^[58].

Александр Гей, наш главный знаток новотиторовской культуры, в своем фундаментальном труде на данную тему тоже много говорит о близости новосвободненского и новотиторовского сообществ, которая выражается в преемственности многих культурных традиций второго от первого, разумеется, при определенном, а местами и весьма значительном, влиянии ямного населения^[59]. А еще он пишет о так называемой “чистой степной новосвободненской культуре”, чьи памятники “составляют компактное, четко ограниченное культурное образование, резко отличное от упоминавшегося классического Майкопа, но вступающее с ним во взаимодействие, что приводит в дальнейшем к сложению синкретических майкопско-новосвободненских памятников”^[60]. В нашей трактовке это означает, что лейлатепинские племена, мигрировав в середине IV тыс. до н.э. из Закавказья на Северный Кавказ, осели не в будущем новосвободненском ареале на Кубани, а расселились в степях севернее него. И только возникшее их взаимодействие с Майкопом со временем приводит к появлению новосвободненского варианта и самой МНО. Как мы видели, разделенные Кавказским хребтом Лейла Тепе и Майкоп составляли мегаобщность (в терминологии С. Н. Кореневского). Оказавшись же рядом на Северном Кавказе они уже объединяются в общность – майкопско-новосвободненскую общность, опять-таки раздельную по этническому признаку (наличие “чистой степной новосвободненской культуры”), но уже сливающуюся по многим культурным показателям (новосвободненский вариант МНО).

В описанном выше процессе распространения майкопской культуры на запад (см. Рис. 4.7), отраженном погребениями группы Ш-С, также просматриваются новосвободненские истоки МНО в этом регионе (междуречье Днепра и Южного Буга) – в виде широко известных новосвободненских кубков, т.е. небольших плоскодонных обычно чернолощеных сосудов с

сутствии письменности они могли попросту утратить многое из того, чем обладали их общешарийские предки.

^[57] А. Н. Гей “Новотитаровская культура (предварительная характеристика)”, Советская археология, №1, 1991, стр. 54–71, на стр. 67.

^[58] А. В. Кияшко “Культурогенез на востоке катакомбного мира”, Волгоград, 2002, стр. 17.

^[59] А. Н. Гей “Новотиторовская культура”, М.: ТОО «Старый сад», 2000.

^[60] Там же, стр. 194.

горшковидным туловом и расширяющимся горлом. Приведу цитату целиком:

“...Территориально и количественно «кубки» лучше всего представлены в западном ареале майкопской культуры, особенно в пределах распространения памятников новосвободненского типа.

К северу от предгорий Западного Кавказа цепочка из погребений с кубками тянется через степное Прикубанье (Новокорсунская, к.2, п.18; Заветинская, к.1, п.1) на Нижний Дон и в северное Приазовье, т.е. туда, где кубки вместе с бронзовыми дуговидными булавками-подвесками и керамикой с пролощенным орнаментом составляют часть инвентаря той самой группы III-C, которая сохранила признаки майкопского погребального обряда”^[61].

При том что А. Гей вообще прямо говорит о нижнемихайловско-новосвободненской среде в Северном Причерноморье, определяемой им как степные группы новосвободненской культурной принадлежности^[62], – да, та самая “чисто степная новосвободненская культура”.

Сам собой напрашивается вывод, что экспансию Майкопа во второй половине IV тыс. до н.э. на запад и на север большей частью осуществляли именно новосвободненские, т.е. те же самые лейлатепинские по происхождению (в нашей модели), племена.

В свете всего вышесказанного представляется более вероятным, что коррекция майкопского торгово-металлургического аридного ответа, осуществленная в середине IV тыс. до н.э. после начала урукской экспансии, была произведена в рамках закавказской лейлатепинской культуры, а не майкопскими племенами Северного Кавказа, как мы предполагали ранее. Тогда и распространение данной коррекции к югу и северу от Кавказского хребта тоже будет выглядеть более естественным – у оставшимся на месте лейлатепинцев скорректированный ответ приобретает форму Куро-Аракса, продвигавшего транспортные магистрали данного ответа на юге, в Передней Азии, а мигрировавшие на север лейлатепинцы – будущие новосвободненцы – передают его посредством дрейфа майкопским племенам, способствуя тем самым возникновению майкопско-новосвободненской общности, которая в лице новосвободненских (бывших лейлатепинских) племен занималась прокладыванием тех же самых магистралей, но уже в понтийско-каспийских степях Восточной Европы. Кстати, выросшую непосредственно из новосвободненского корня новотиторовскую культуру все называют еще и “культурой повозок” – из-за большого числа этих транспортных средств, найденных в новотиторовских погребальных комплексах^[63]. А наблюдающееся появление новотиторовского сообщества в ~3300 г. до н.э. синхронно с активизацией расселения куро-аракских племен и их переходом за Аракс в обход Верхней Месопотамии (см. карту на Рис. 3.10 в первом томе) накануне прекращения урукской экспансии в ~3200 г. до н.э. (по одной из хронологий, которую данное наблюдение как раз-таки и подтверждает) говорит о том, что в новотиторовской культуре мы, похоже, наблюдаем не что иное, как одно из проявлений интенсификации процесса подготовки и реализации нового индоевропейского меридионального колесно-транспортного коридора Восточная Европа - Центральная Месопотамия, который спустя какую-то сотню лет начисто сломает экспансию Урука, а, возможно, к тому же еще и

^[61] В. А. Грифонов "Западные пределы распространения...", стр. 282.

^[62] А. Н. Гей "Новотиторовская культура", стр. 169-170, 189-192.

^[63] Там же, стр. 175-192.

даст дополнительный толчок более стремительному переходу нижнемесопотамского шумерского общества к цивилизации.

Итак, мы уже имеем первые звенья цепочки культур и их вариаций: предполагаемый нашей моделью переход от лейлатепинской культуры к новосвободненской культурной вариации, затем хорошо подержанный археологическим материалом переход от новосвободненского варианта МНО к новотиторовской культуре, происходивший под достаточно заметным ямным влиянием... А новотиторовские и аналогичные им другие степные истоки знаменитой катакомбной культуры в каком-то смысле уже стали общим местом в археологии бронзового века Восточной Европы^[64]. Между тем как в отношении катакомбной культуры многие исследователи уже в той или иной форме предлагают ее арийское происхождение. Так, Л. С. Клейн считает катакомбников индоариями^[65]. И. В. Пьянков при всем его уважении к Е. Е. Кузминой и ее главному тезису об индоиранской атрибуции довольно поздней андроновской культуры осторожно утверждает, что “гораздо лучше удовлетворяет всем известным данным отождествление людей комплекса культур катакомбной общности с носителями разных диалектов индоиранской речи первой волны”^[66]. Да и сама Е. Е. Кузмина иногда вынуждена была признавать, что “если обратиться к спекулятивным построениям, то только создатели степных культур полтавкинской и катакомбной могут рассматриваться как возможные пре-прото-индоиранцы”^[67].

С. А. Григорьев также связывает культуры катакомбной общности с индоариями, причем корни катакомбного обряда ищутся им в Юго-Восточном Прикаспии, где дальними предтечами катакомбных конструкций могли бы выступить захоронения в виде ям с боковым входом, появившиеся здесь еще на рубеже V/IV тыс. до н.э.^[68]. Маршрут же миграции таков: Юго-Восточный Прикаспий, Восточное Средиземноморье, Кавказ, степи Восточной Европы. Скажем так – немного петляющий маршрут... Про индоарийскую культуру и ее вероятную большую близость общеарийскому единству, чем у культур иранских народов, уже было сказано выше. Сейчас же хочу лишь отметить, что в некоторых ситуациях, наверное, все-таки не стоит вот так напрямую соединять рядом независимых миграций очаги распространения некоего культурного феномена, в нашем случае катакомбного погребального обряда. Здесь много важнее проследить культурно-исторические корни появления катакомбного обряда в разных уголках западной Евразии в самые разные времена, а затем попробовать выработать единый подход к зарождению и протеканию данного этнокультурного процесса в различных культурных и природных средах в разные исторические эпохи. При этом миграции ни в коей мере не исключаются – просто они становятся понятными и прозрачными в своей мотивационной основе.

^[64] А. Н. Гей “Спорные вопросы и перспективы изучения катакомбной культурно-исторической общности”, КСИА, вып. 225, 2011, стр. 3–10, на стр. 4.

^[65] Л. С. Клейн “Время кентавров: степная прародина греков и Ариев”. СПб.: Евразия, 2010 стр. 163–222.

^[66] И. В. Пьянков “К вопросу об этнической ситуации в степях Евразии в бронзовом и раннежелезном веках” в сборнике В. И. Молодин, А. В. Епимахов (ред.). “Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях. Сборник памяти Елены Ефимовны Кузьминой”. Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2014, стр. 147–151, в комментарии на стр. 147.

^[67] Е. Е. Кузьмина “Арии – путь на юг”, М.: Летний сад, 2008, стр. 128.

^[68] С. А. Григорьев “Древние индоевропейцы”, Издание 2-е, доп., Челябинск: Цицеро, 2015, стр. 401–405.

В связи с чем обращает на себя внимание одна весьма интересная и, на мой взгляд, в перспективе вполне плодотворная идея, во всяком случае, обладающая неплохим интерпретирующим потенциалом, которую А. Н. Гей выдвинул на рубеже прошлого и нынешнего веков. В ней зарождение катакомбного обряда в степном Приазовье и Причерноморье выводится из новотиторского захоронения в виде ассиметричной ямы с уступами (протокатакомбы), копирующей форму повозки-жилища, в которой усопший в полуогнутом положении возницы покидает мир живых^[69]. А. В. Кияшко тоже поддержал данную концепцию, правда, с некоторыми существенными оговорками^[70].

Как сами понимаете, такой подход представляет для нас особый интерес с точки зрения довольно сильного колесно-транспортного уклона в реализации торгово-металлургических аридных ответов, отчетливо наблюдаемого в новотиторской культуре и предполагаемого в ее новосвободненской предшественнице, а также в Куро-Араксе. Однако имеется одна нестыковка – новосвободненская транспортная ориентация через новотиторские сообщества в конце концов проросла в погребальном обряде катакомбников, а в куро-араксской культуре ничего подобного даже близко нет. Да и сама новосвободненская культурная вариация тоже. Так почему же при всем тяготении ее носителей к степным колесно-транспортным коридорам и магистралям катакомбный обряд так и не смог пробить себе дорогу еще в МНО? Недостаточное развитие колесно-транспортных средств отбрасываем сразу, поскольку в куро-араксских сообществах конца IV и III тыс. до н.э. наверняка ведь уже имелись достаточно прогрессивные для того времени повозки-жилища местных скотоводов, а катакомб как не было, так и нет. Несколько большая оседлость новосвободненского населения и куро-араксинцев, чем новотиторцев и катакомбников? Может быть... Но это так – навскидку, здесь требуется более углубленное изучение вопроса, чем мы и займемся в следующем этюде. Тем более что с момента проникновения осевой инхроники в Переднюю Азию и Восточную Европу в ~3000 г. до н.э. многие подспудно протекающие в этих регионах ответные реакции на аридные инхронические угрозы, как прямые, так и опосредованные, претерпели кардинальную ломку.

Но перед тем как окончательно перейти к осевой эпохе, с головой окунуться в осевые явления и закономерности, зафиксируем уже наметившуюся этническую атрибуцию рассматриваемых культур. Если согласиться с протоарийской принадлежностью новосвободненских племен, то из весьма вероятной греко-армяно-арийской языковой принадлежности предлейлатепинской культуры, представленной синкретическими материалами нахичеванского поселения Овчулар Тепеси, с необходимостью вытекает, что Лейла Тепе соответствует армяно-арийской общности, Майкоп – протогрекам, а Куро-Аракс – протоармянам, точнее, армяно-фригийцам. Да и Майкоп, скорее всего, тоже не чисто греческого происхождения, а с какими-то этническими примесями, возможно, палеобалканскими (фракийскими и/или македонскими) или даже просто индоевропейскими из исчезнувших этносов.

^[69] А. Н. Гей “Новотиторская культура”, стр. 119-125.

^[70] А. В. Кияшко “Культурогенез на востоке...”, стр. 70-71.

ЧЕТВЕРТЫЙ ЭТЮД: «Тропю мертвых... и живых»

Наиболее заметными явлениями, вызванными проникновением осевой инхроники в Предкавказье и Восточную Европу, стали исчезновение майкопской культуры с последовавшим распадом всего майкопского мира в ~3000 г. до н.э. и зарождение самых первых ранних культур катакомбного круга в Прикубанье или на Нижнем Дону в ~2800 г. до н.э.^[1]

О причинах падения майкопского общества говорилось в первом этюде настоящей хронографии. Если вкратце, то появившаяся с осевой инхроникой у шумеров Нижней Месопотамии возможность “оседлать” в будущем мощный поток восточноазиатского олова начисто нивелировала все транспортные и торгово-производственные преимущества Майкопа в деле поставок на юг меди и изделий из мышьяковой бронзы: во-первых, тем, что стимулировался массовый переход на новые технологии металлургии бронзы, в которых Майкоп не был силен и неизбежно выступил бы уже не в роли лидера, а как отстающая перенимающая сторона; во-вторых, при этом Шумер становился неоспоримым монополистом, снабжающим стратегически важным оловом всю Переднюю Азию и Европу, получая тем самым массу возможностей контролировать оловянно-бронзовую металлургию и даже управлять ею в этих регионах.

В результате протогреческая часть майкопско-новосвободненской общности (МНО), т.е. собственно майкопские племена, в ~3000 г. до н.э. (время исчезновения майкопской культуры) переселяется с Северного Кавказа на север Балканского полуострова в район Дунайского бассейна, реализуя тем самым какой-то новый уже осевой ответ. Переселение протогреков именно в Подунавье основывается на двух соображениях. Во-первых, как раз сюда была направлена миграция ямных племен сразу после получения осевой инхроники, начавшаяся в ~3000 г. до н.э. и, возможно, продолжавшаяся аж до середины III тыс. до н.э., если не дальше (см. миграцию №3 в списке базовых миграций во втором этюде настоящей хронографии). И майкопские протогреки с большой долей вероятности могли присоединиться к ямному потоку, а главное, к ямному ответу – тому самому новому осевому, – особенно после того как с проникновением осевой инхроники в майкопскую среду они разом потеряли все свои геополитические преимущества. Во-вторых же, по наиболее распространенному мнению именно отсюда, с Северных Балкан, спустя около тысячи лет ахейские греки начнут завоевывать Грецию, а возможно, и некоторые районы по Эгейскому побережью Западной Анатолии^[2].

^[1] См. критический обзор современных радиоуглеродных датировок катакомбных культур в Э. Кайзер “Проблемы абсолютного датирования катакомбной культуры Северного Причерноморья”, КСИА, вып. 225, 2011, стр. 15–27, на стр. 24.

^[2] Расселение ахейцев по Греции обычно связывают с распространением здесь так называемой минийской керамики. Что касается минийской керамики в Западной Анатолии, то там она появляется несколько позже, чем в Греции, затрагивая в основном небольшие прибрежные зоны Северо-Западной Анатолии. Последовавший затем спустя несколько веков взлет “серой” керамики, которую некоторые исследователи также считают минийской, и ее распространение не только в прибрежных, но и во внутренних континентальных районах Западной Анатолии, другие исследователи, тем не менее, относят к чисто местным анатолийским явлениям, никак не связанным с распространением минийской керамики в Греции (см. P. Pavúk, “Minyan or not? The second millennium Grey Ware in western Anatolia and its relation to Mainland Greece” in A. Philippa-Touchais, G. Touchais, S. Voutsaki, J. Wright (eds.) “MESOHELLADIKA. The Greek Mainland in the Middle Bronze Age”, BULLETIN DE CORRESPONDANCE HELLENIQUE, Supplément 52, 2010, pp. 931–943), а значит и с ахейскими

И если ямные мигранты на Северных Балканах и в Центральной Европе достаточно четко вычлняются из окружающих местных культур, то, несмотря на примерно одинаковый уровень осевую инхроэнергетики ямных и майкопских племен и связанный с ним уровень их культурной пластичности, этого не скажешь о майкопцах, будущих покорителей Греции, археологические следы которых теряются среди прочих курганных *неямных* культур Северных Балкан III тыс. до н.э. Что, впрочем, не так уж и удивительно – при той же культурной гибкости, что и у ямников, с наступлением осевых времен и крушением всех грандиозных майкопских планов и ответов протогрекам пришлось пережить гораздо больший культурный шок – с большей высоты больнее падать... – что при переходе к осевой инхронической эпохе неизбежно должно было привести к много большим культурным переменам в их среде, чем у ямных племен.

С. Григорьев также придерживается точки зрения, что ахейцы проникли в Грецию с Северных Балкан (точнее, из Карпато-Дунайского бассейна), однако вслед за Т. Гамкрелидзе и В. Ивановым считает, что на Северные Балканы греки попали из Малой Азии и уже потом приступили к завоеванию Греции с севера. Еще один петляющий маршрут... Правда, С. Григорьев тут же признает, что в принципе могли быть задействованы оба маршрута: один – из Восточной Анатолии через Кавказ и Северное Причерноморье в Карпато-Дунайский регион и далее в Грецию, а другой – из той же Восточной Анатолии в Западную, оттуда на Северные Балканы (в Трансильванию), ну, и обратно... в Грецию^[3]. И при этом вполне справедливо замечает: "...проблема появления греков на Балканах является, пожалуй, наиболее сложной среди проблем миграций индоевропейских народов"^[4]. И правда, проблема сложная и неоднозначная, тем более когда анатолийские археологические следы миграции греков с востока на запад (например, распространение каппадокийской посуды) с тем же успехом, но с большим пониманием сути происходящих процессов, можно объяснить несколькими волнами внутрианатолийских переселений некоторых палеобалканских народов, начавшихся еще в ~3500 г. до н.э. с распадом первого транспортного коридора, обостренных дрейфом осевой инхроники в ~3000 г. до н.э., и, видимо, продолжившихся в тисках осевых метаморфоз аж до 2200-2000 гг. до н.э. (про эти метаморфозы см. в следующих этюдах), т.е. практически до конца куро-араксской культуры. Чему косвенным свидетельством может выступить исчезновение великентской вариации Куро-Аракса на кавказско-прикаспийских территориях в ~2000 г. до н.э.^[5], которое в рамках нашей инхронической модели наиболее убедительно объясняется переселением фригийцев от Каспия в более западные восточноанатолийские земли Армянского нагорья, где спустя более полутысячи лет они оказываются на границе расширяющейся Хеттской империи. И ~2000 г. до н.э. – пожалуй, самое подходящее время для такого переселения с позиций вышеуказанных осевых метаморфоз 2200-2000 гг. до н.э.

расселениями. Согласно данной гипотезе проникновение ахейцев в Западную Анатолию на этапе их расселения по Греции, скорее всего, ограничилось небольшими прибрежными территориями Северо-Западной Анатолии.

^[3] С. А. Григорьев "Древние индоевропейцы", Издание 2-е, доп., Челябинск: Цицеро, 2015, стр. 414-415, 417-419.

^[4] Там же, стр. 417.

^[5] Само поселение Великент просуществовало до 1900 г. до н.э., а часть Каспийской равнины, простирающейся на юг от Великента до северного Азербайджана, в значительной степени была оставлена в конце III-начале II тыс. до н.э. (P. Kohl "The Making of Bronze Age Eurasia", Cambridge University Press, 2007, p. 105, p. 112).

Что же касается столкновения лицом к лицу с хеттами, то об этом говорят сами хеттские тексты, в которых рассказывается о выступлении хеттского царя Арнуванды I (скорее всего, где-то в начале XIV в. до н.э. – письменные источники, а особенно их интерпретации, весьма противоречивы) против некоего Миты из города Паххува^[6]. В то время как истории известны цари Фригии с таким именем (на греческий лад – Мидас, да-да, тот самый, мифический...), правившие в конце VIII - первой трети VII вв. до н.э., – видимо, имя Мита было довольно распространенным в роду фригийских царей, а до того, наверное, все-таки вождей. Получается, что уже с ~1400 г. до н.э., если не раньше, фригийцы вполне могли обретаться на восточных границах Хеттской империи...

Ну, а все утверждения греческих авторов, помещавших фригийцев в Европе (то ли во Фракии, то ли в Македонии) – не более как следствие того, что греки не имели ни малейшего представления о происходящем на восточной окраине Хеттской империи времен переселения так называемых “народов моря” (Троянской войны в греческом мифологизированном представлении), при том что были прекрасно осведомлены о происходившем на ее западе. И, разумеется, включили поселившихся в центре разгромленной Хатти фригийцев, которые нанесли с востока свой смертельный удар по империи, уже ослабленной наступлением “народов моря” на западе, в число последних. Что впрочем не так уж и удивительно – немалую часть “народов моря” составляли как раз-таки в большей или меньшей степени родственные фригийцам палеобалканские народы Балкан и Западной Анатолии (иллийцы, пеласги, фракийцы...). Но хватит уже о фригийцах.

Куда более интересен чрезвычайно быстро сформированный ответ ямных племен на осевую инхронику, к которому, скорее всего, присоединились и майкопские греки. О том, что этот новый осевой ответ был сформирован именно в ямной, а не в майкопской, среде, говорит и более массовый характер переселения ямников на запад, и указанный выше культурный шок майкопцев, который не позволил бы им так быстро сформировать ответ на новую инхронику. Чтобы понять суть ямного осевого ответа, следует вспомнить, куда была направлена миграция ямных племен (“древнеевропейцев”) в первой половине III тыс. до н.э. – в Подунавье и далее в Центральную Европу, – а затем еще раз взглянуть на карту с Рис. 4.1 в первом этюде. И мы увидим, что ямные племена двигались прямо к центрально-европейским месторождениям олова и осели в непосредственной близости от них. С учетом оловянной подоплеки осевой инхроники данное “совпадение” может означать только одно – часть ямного населения Подонья, Поволжья и Южного Урала, не желая целиком и полностью зависеть от будущей оловянной манны небесной с юга – из Месопотамии, – озаботилась обеспечении нужд своей оловянно-бронзовой металлургии не только в весьма отдаленном будущем, но уже и в настоящем и в самом ближайшем будущем, чтобы не теряя темпа, и не отставая от Передней Азии, заранее освоить и развить соответствующие литейные и металлообрабатывающие технологии. Тем более что о центрально-европейских источниках олова хвалынские предки ямников, возможно, знали еще со времен Балкано-Карпатской металлургической провинции, восточную окраину которой они как раз и составляли, а мигрировавшие на Среднюю Волгу в конце V тыс. до н.э. кланы северобалканских металлургов (см. в первом томе) помогли освежить эту коллективную память.

^[6] T. Bryce “The Kingdom of the Hittites”, Oxford University Press, 2005, p. 143.

Но что интересно – в таком решении ямников-мигрантов вновь просматривается идея противостояния Сиро-Месопотамии и ее варианту осевого оловянного ответа. И это при том что после падения майкопского мира по всем признакам в среде и ямников и майкопцев, в том числе и у мигрировавших на запад, восторжествовал нижнемесопотамский торгово-металлургический *аридный* ответ. Столь двойственная позиция несколько сглаживается, если предположить, что ямные мигранты на запад, признавая в целом наступившее металлургическое лидерство Месопотамии, тем не менее стремились сохранить некоторую независимость своего собственного оловянно-бронзового производства, а со временем даже начать конкурировать с Передней Азией в деле поставок новой металлургической продукции. В сущности, прежняя майкопская идея-фикс... К такому ответу ямных “древнеевропейцев” майкопские греки ну никак не могли не присоединиться.

Совершенно иной стратегии придерживались оставшиеся за Днпром, надо полагать, менее инхроничные ямники и майкопские арииносвободненцы, что вылилось в появление в Северо-Восточном Приазовье культур катакомбного круга и их широкое распространение по степной и лесостепной зоне Восточной Европы, чьи носители осуществляли совсем другой оловянный осевой ответ, идущий вразрез с ответом мигрировавших в Подунавье и Центральную Европу “древнеевропейцев” и греков.

Чтобы разобраться с осевым ответом катакомбников, нам следует для начала попробовать приблизиться к пониманию того, что могло стоять за их

Рис. 4.9

Типичная для степной катакомбной общности форма погребального сооружения

(По Е. Н. Черных "Культуры номадов в мегаструктуре Евразийского мира", Том 1, М.: Языки славянской культуры, 2013, стр. 202, Рис. 11.11)

погребальным обрядом захоронения покойников в так называемых катакомбах – погребальных сооружениях в виде входного вертикального колодца и хода, ведущего от него в собственно погребальную камеру (см. Рис. 4.9) или же просто стенки, отделявшей камеру от входного колодца, – т.е. понять символику данного необычного для Восточной Европы обряда в культурно-исторических терминах происходивших там и тогда инхронических процессов.

“Там и тогда” – это очень важно, поскольку одни и те же внешне схожие культурные явления в разные исторические эпохи и/или в различных местах в своем символическом выражении вполне могут означать совершенно несовпадающие друг с другом вещи, у которых разве

что только некоторые незначительные элементы слабо коррелируют друг с другом. Так, например, за круглоплановой архитектурой “горизонта круглых домов” XI-IX тыс. до н.э. на верхнем Тигре и круглыми строениями халафской и шулавери-шомутепинской культур VI тыс. до н.э., наверняка, ведь скрывались совсем разные социально-инхронические явления и процессы. И тем не менее способность различных сообществ, порою проживающих на значительном расстоянии друг от друга да еще в разные эпохи,

одной и той же внешней символикой отражать совершенно несхожие или просто не очень близкие по внутреннему смыслу социально-инхронические процессы может быть вызвана некими довольно-таки давними переплетениями исторических судеб данных сообществ и даже крупных этнических систем.

Поэтому в первую очередь взглянем на самые ранние прообразы катакомбного погребального обряда, возможно, связанные с расселением индоевропейцев. По С. Григорьеву – это рубеж V/IV тыс. до н.э., т.е. ~4000 г. до н.э., в Юго-Восточном Прикаспии, где самые ранние прообразы катакомб представляют собой одиночные или коллективные захоронения просто в полуподземных ямах-склепах с боковым входом^[7]. Со временем эти полуподземные ямы-склепы начинают все больше заглублять в землю, и первые захоронения, которые с большой натяжкой можно назвать “протокатакомбами”, появляются аж в начале II тыс. до н.э. и выглядят как подземные камеры с одними-двумя скелетами, вход в которые заложен камнями и кирпичами. И только с середины II тыс. до н.э. захоронения совершаются уже в настоящих катакомбах^[8]. В то время как полномасштабные классические катакомбные культуры понтийско-каспийских степей и лесостепей, местами на севере доходивших до границы с лесной зоной, сходят со сцены еще в конце III тыс. до н.э., задолго до того как в Юго-Восточном Прикаспии появляются первые так называемые “протокатакомбы”. Вот вам и самый ранний вариант...

И тем не менее в Средней Азии имеется катакомбная культура, начало которой около середины III тыс. до н.э. более или менее синхронно катакомбным памятникам понтийско-каспийских степей – это так называемая культура Заманбаба в низовьях Зеравшана (Бухарская область) в Узбекистане^[9]. По приводимым Ю. Г. Кутимовым данным в качестве наиболее вероятных истоков заманбабинской культуры следует рассматривать степные позднеямные влияния в сочетании с импульсами от южных земледельческих культур Северного Афганистана и Восточного Ирана, в частности с поселения Шахр-и-Сохтэ в иранском Систане, где катакомбные захоронения появляются примерно с 2750 г. до н.э., т.е. уже совершенно синхронно со степным раннекатакомбным периодом Приазовья, и имеют при этом местные иранские корни, вырастая из ямных погребений начала осевой эпохи. Столь высокая синхронность лучше всего свидетельствует о независимом друг от друга *одновременном* появлении катакомбного погребального обряда в понтийско-каспийских степях и в восточноиранских торгово-земледельческих сообществах. А это в свою очередь говорит, что в данном случае мы имеем дело не с прямыми миграциями катакомбного населения, а с распространением осевой инхроники и последующим формированием на местах некоего ответа на нее, каким-то образом связанного с катакомбным обрядом. Разница лишь в том, что в степях катакомбы появляются внезапно, а в Восточном Иране плавно эволюционируют от ямных захоронений к катакомбным, и

^[7] С. А. Григорьев "Древние индоевропейцы", стр. 401-405.

^[8] И. Н. Хлопин “Могильник Пархай II (некоторые итоги исследования)”, Советская археология, 1989, № 3, стр. 113–130, на стр. 126-127. И хотя современные калиброванные радиоуглеродные датировки удревяют данные даты (см. в Ю. Г. Кутимов “Происхождение и пути распространения катакомбного обряда погребения в Средней Азии (по материалам могильников бронзового века)”, кандидатская диссертация, Санкт-Петербург, 2009, стр. 17-22), суть дела от этого не меняется – катакомбные памятники Юго-Восточного Прикаспия, т.е. Юго-Западного Туркменистана, все равно по древности значительно уступают раннекатакомбными памятниками понтийско-каспийских степей.

^[9] Ю. Г. Кутимов “Происхождение и пути распространения катакомбного...”, стр. 57-71.

тем не менее в обоих регионах катакомбы появляются одновременно. Такое возможно, если только оба культурных потока синхронизировались неким событием ведущего потока осевой инхроники.

Правда, без миграций тоже не обошлось – на это указывают контр-агенты, распространявшие осевую инхронику по Средней Азии: степные позднемые племена с севера и население Северного Афганистана с юга. И сходятся они где-то в середине III тыс. до н.э. у озера Заманбаба в Узбекистане, где в это время появляется свой собственный осевой ответ того же типа, точно так же внешне проявленный в катакомбных погребениях...

Хотя самый ранний катакомбный обряд, наверное, все-таки зафиксирован на поселениях халафской культуры^[10], о чем также упоминает С. Григорьев^[11]. Кстати, “Н. Я. Мерперт и Р. М. Мунчаев связывают их [катакомб] появление «с традиционной для халафской культуры формой круглого в плане жилища, иногда с купольным перекрытием»”^[12]. Интересно...

Что могло связывать аридный ответ, реализуемый с Халафой, с осевым ответом катакомбных культур Восточной Европы? Ничего, кроме как особого упора на торговлю, в голову не приходит: сырно-молочными продуктами в халафских сообществах (см. третий этюд Хронографии №3) и металлами у европейских носителей катакомбного обряда, поскольку, как мы уже имели кое-какую возможность убедиться, и как увидим далее, большинство осевых ответов так или иначе оказываются привязанными к металлургии и торговле либо металлургическим сырьем, либо же металлургической продукцией, что не так уж и удивительно для торгово-металлургической в своей основе осевой инхроники. И еще одним общим моментом является наиболее вероятное индоевропейское происхождение предков катакомбников в самом непосредственном тесном соседстве на индоевропейской прародине с халафскими племенами, частично северокавказскими по языку – то самое переплетение исторических судеб.

А теперь вспомним оригинальную гипотезу, которую предложил А. Н. Гей (см. в предыдущем этюде), где зарождение катакомбного обряда в степном Приазовье сводилось к ступенчатой форме погребений новотиторовской культуры, копирующей форму повозки-жилища, – подобная “повозка” вполне могла бы выступить в роли прообраза степных катакомб, т.е. как протокатакомба. При такой интерпретации новотиторовских погребений в рамках нашей инхронической модели не составит труда догадаться, что именно вылилось в погребения в форме повозок, какой именно социально-культурный феномен скрывался за новотиторовским погребальным обрядом. Новотиторовская “культура повозок” существовала в последней трети IV тыс. до н.э. - начале III тыс. до н.э., т.е. во времена, когда в понтийско-каспийских степях шел интенсивный процесс создания устойчивых транспортных магистралей, названных в предыдущем этюде колесно-транспортными коридорами кочующих скотоводов, и последовавшего с ~3000 г. до н.э. разрушения осевой инхроникой этих во многом еще только “проектируемых” коридоров. И самое вероятное, что могло отражать новотиторовское погребение в виде повозки, – так это местный *локальный* колесно-транспортный коридор от Нижнего Дона до Нижней Кубани, который обслуживался бы новотиторовскими скотоводческими племенами. Такой же локальный, каким в свое время было звено первого колесно-транспортного

^[10] Е. В. Антонова “Обряды и верования первобытных земледельцев Востока”, М.: Наука, 1990, стр. 78-79.

^[11] С. А. Григорьев “Древние индоевропейцы”, стр. 402.

^[12] Е. В. Антонова “Обряды и верования...”, стр. 82.

коридора от Евфрата до Аракса, обслуживаемое палеобалканцами. А к Нижнему Подонью товары (в основном тоже металлургические – сырье, лигатуры, продукция и т.п.) со временем стекались бы по цепи других локальных колесно-транспортных коридоров как с Балкано-Карпатского региона на западе, так и из ядра ямного региона на Средней Волге и Южном Урале на востоке. Ямники к тому же могли бы частично использовать и воднотранспортный коридор Волга-Дон...

Однако вся эта планируемая колесно-транспортная идиллия, уже успевшая перерасти в идеологию (да-да, в полноценная идеологию со всеми своим обрядами, ритуалами, архитектурными особенностями и элементами дизайна, легендами и сказаниями и пр.) рушится почти что в одночасье в ~3000 г. до н.э. И вскоре где-то между Кубанью и Нижним Доном возникают самые первые катакомбные сообщества...

Итак, если новотиторовский погребальный обряд символически отображал новотиторовский же колесно-транспортный скотоводческий коридор между Доном и Кубанью в чисто аридные времена, то можно ожидать, что и катакомбный погребальный обряд, зародившийся здесь вскоре после дрейфа осевой инхроники, точно так же должен был отражать какие-то новые осевые в своей основе, а значит, инхронические, социально-экономические реалии, жизненно важные для обитателей понтийско-каспийских степей, особенно в центральной части этой степной зоны, т.е. в Приазовье. Только вот какие именно реалии?

Основное отличие катакомбы от новотиторовского погребения, как и от курганного и ямного тоже, да и от просто подбойных захоронений, – это отделение входа в погребальное сооружения от камеры с захоронением, “которая конструктивно и, вероятно, семантически обособлена от входного колодца”^[13]. И такая сугубо семантическая, т.е. символическая, обособленность погребальной камеры от входной шахты, как бы подразумевает серьезный водораздел между миром живых и миром мертвых, но только ли это? Почему предыдущие восточноевропейские погребальные обряды так явно и со столь недвусмысленным упором не акцентировали сию довольно-таки очевидную и где-то даже банальную истину? А ведь наиболее существенным после смерти разделением миров, т.е. после разделения во времени, является разделение в пространстве... Если же вспомним еще, что самым общим знаменателем катакомбных погребений Халафы и обитателей понтийско-каспийских степей могла быть торговля, то становится понятным, что речь, скорее всего, идет о *дальней* торговле – о дальних торговых связях, в своих халафских VI тыс. до н.э. и понтийско-каспийских III тыс. до н.э. масштабах, разумеется. Другими словами, имеется в виду *глобальные* торговые связи, в отличие от новотиторовской *местной локальной* колесно-транспортной магистрали. И такой глобальной торговой артерией у понтийско-каспийских катакомбников, вне всякого сомнения реализовывавших какой-то свой особый осевой ответ, мог быть только самый первый будущий ВОП (Великий Оловянный путь, а самый первый, потому что будет и второй и третий... но не этом этюде) из Юго-Восточной Азии через Северную Индию в Месопотамию (см. в первом этюде), который мог быть продолжен из Месопотамию через Кавказ в Восточную Европу. Таким образом, совершая свой неординарный в степях погребальный обряд, катакомбники вполне осознанно представляли себе, что снаряжают умершего родича в дальние странствия, в очень дальнюю дорогу, что для тех времен в принципе мало

^[13] А. В. Кияшко, Е. П. Сухорукова “О волго-донском варианте полтавкинской культуры”, КСИА, вып. 225, 2011, стр. 54–69, на стр. 65.

чем отличалось от смерти, в коллективном же подсознании – “подключали” его к глобальной торговой магистрали ВОП.

Но не только это. Поскольку мир мертвых неразрывно связан с миром предков, то ассоциативные представления катакомбников о дальних торговых связях могли отражать еще и тот факт, что данные глобальные магистрали соединяли территорию их нынешнего проживания с землями предков. А поскольку катакомбники в рамках нашего моделирования, скорее всего, являлись ариями по этнической принадлежности, бывшими лейлатепинцами армяно-арийской общности, прибывшими в понтийско-каспийские степи из Закавказья, то и “дальняя дорога”, в которую катакомбники снаряжали своих умерших родичей, надо полагать, оловянными торговыми путями, должна была вести в Закавказье. Не исключено, что какую-то свою роль играла и индоевропейская прародина, расположенная не так далеко от Закавказья...

И точно так же как осевой ответ мигрировавших на запад ямников-“древнеевропейцев” с примкнувшими к ним майкопскими греками опирался на центрально-европейские источники олова, ответ катакомбников привязан был к восточноазиатскому олову, которое со временем с довольно большой вероятностью могло бы начать поступать из Месопотамии по продолжению ВОП в понтийско-каспийские степи. Таким образом, ни о каком противоборстве с южным Сиро-Месопотамским миром, ни о каком конкурирующем противостоянии ему применительно к осевому оловянному ответу катакомбников говорить не приходится. Напротив, все надежды и чаяния носителей катакомбного круга были неразрывно связаны с Передней Азией и будущим ВОП (см. Рис. 4.10 в следующем этюде). Откуда и сильные кавказские и переднеазиатские влияния на катакомбников, поддерживаемые и развиваемые ими самими с целью увеличить вышеозначенную вероятность.

Металлургическое производство в катакомбных сообществах получило большее развитие и было более разнообразным, чем у ямников, хотя бы тем, что базировалось оно не на чистой меди, а на мышьяковой бронзе (~95%), завозимой из Закавказья или даже из Анатолии, что показывает спектральный анализ ее химического состава^[14]. При том что отсутствует какая-либо информация о плавке руды – на сегодняшний день не известно ни одного образца шлака в среде культур катакомбного круга^[15].

Все это свидетельствует о том, что основной упор в катакомбных сообществах делался не на собственном независимом металлургическом производстве, как это было у майкопцев на Северном Кавказе или у ямных и майкопских осевых мигрантов на западе, а ставилась прямо противоположная задача – максимально развивать металлургический оборот с Кавказом и Передней Азией, получая оттуда металл, готовые изделия, технологии, формы и стили... Таким образом, мы видим, что основным приоритетом культур катакомбного круга было установление дальних торговых связей с Передней Азией, особенно в области металлургии с целью получения как готовых изделий, так и сырья и технологий. А учитывая возможную символику ВОП и вариантов его продолжения на север в коллективном бессознательном катакомбников, уже можно говорить о нацеленности этих приоритетов

^[14] Е. Н. Черных "Степной пояс Евразии: Феномен кочевых культур", М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009, стр. 227; Е. Н. Черных "Культуры кочевников в мегаструктуре Евразийского мира", Том 1, М.: Языки славянской культуры, 2013, стр. 203.

^[15] С. А. Григорьев "Металлургическое производство в Северной Евразии в эпоху бронзы", Челябинск: Цицеро, 2013, стр. 98. В то же время С. А. Григорьев не исключает возможности выплавки руды для катакомбников на Северном Кавказе (там же, стр. 99).

именно на Месопотамию, особенно на Нижнюю шумерскую, являющуюся самой западной оконечностью будущего ВОП.

Ладно, допустим. Допустим, катакомбники все-таки добились своего и в свое время, между прочим, в очень не скорое время, дождались желанного оловянного потока с юга. И что? Неужели катакомбные сообщества планировали использовать оловянную бронзу только для нужд собственного хозяйства? Тогда они просто-напросто стали бы этакой гигантской пробкой, перекрывающей продолжение ВОП далее в Восточную и Северную Европу. Но это невозможно, несерьезно, немыслимо, да и никому не нужно. Следовательно, все свои осевые инхронические ожидания и переживания катакомбники связывали не просто с продолжением ВОП в их земли, а с транзитом дефицитного олова через эти земли. А это уже совсем другие суммы и профиты, другая геополитика...

Логично было бы предположить, что катакомбный оловянный транзит прежде всего оказался бы направлен к уральским меднорудным месторождениям. Однако здесь имеются кое-какие иные указатели – несмотря на то что по числу поселений катакомбная общность заметно превосходила ямную с ее единичными поселениями, большая их часть располагалась в северных регионах катакомбного ареала^[16], т.е. вблизи границы с лесостепной и лесной зонами. Не исключаю, что это могло быть вызвано какими-то климатическими или экологическими причинами. И все же в рамках нашей инхронической модели куда более осмысленным выглядит предположение, что локализация катакомбных поселений преимущественно на севере ареала указывает, куда был бы направлен оловянно-бронзовый транзит с юга и продукция собственного оловянно-бронзового производства, – не только, а может даже и не столько, на Урал, но и на всю лесную зону севера Восточной Европы от Урала до Балтики. При такой концентрации поселений на севере катакомбного ареала восточные и северо-восточные направления оловянного транзита, кажутся, маловероятными или, как минимум, несущественными, потому что при наличии богатого медью Урала как основного потребителя олова поселения неминуемо сконцентрировались бы на восточной окраине катакомбного ареала.

В то же время существенно более эгалитарный характер катакомбных захоронений по сравнению с ямными^[17], говорит о том, что никаких развивающих общество масштабных торговых или иных задач катакомбные сообщества перед собой даже не ставили, в том числе и задачу регулярного масштабного транзита восточноазиатского олова или переднеазиатской оловянной бронзы за пределы катакомбного мира, который неизбежно усложнял бы иерархическую структуру катакомбного общества задолго до появления самого транзита – то самое упреждающее цивилизационное развитие, о котором так много говорилось в первом томе.

Это кажущееся противоречие легко снимается, если мы вспомним, что этническую основу катакомбников составляли арии – бывшие степняки-новотиторовцы, новосвободненцы Майкопа, мигрировавшая на север часть лейлатепинских племен,.. чье движение к цивилизации, своей самобытной степной цивилизации, началось задолго до появления осевой инхроники еще в IV тыс. до н.э. в пределах цивилизационного развития всего майкопского мира, к тому же со значительным скачком в данном движении после миграции ариев из Закавказья на Северный Кавказ. Другими словами цивилизационное развитие ариев зародилось и до поры до времени определялось чисто

^[16] Е. Н. Черных "Культуры номадов...", стр. 202.

^[17] Е. Н. Черных "Степной пояс Евразии...", стр. 227.

аридными причинами, а именно – развитием масштабных дальних металлургических торговых связей с Нижней Месопотамией. В результате не только у ариев-катакомбников, но и в других обществах, входивших или только планировавших войти в нижнемесопотамскую аридную торгово-культурную сферу взаимодействия (торговую сеть) множество аспектов аридного и осевого взаимодействия оказались теснейшим образом переплетены друг с другом, поскольку сам ведущий процесс осевой инхроники, т.е. ВОП, был только частью более обширной настоящей и будущей нижнемесопотамской аридной торговой сети – пусть даже очень важной, а в осевое время так и самой главной, но тем не менее всего лишь частью. Таким образом, если сама осевая инхроника выросла из нижнемесопотамского аридного торгово-металлургического ответа, являясь его составной частью, то и все остальные аридные ответы, в том числе и внутренние социально-политические, определявшие цивилизационное развитие могли легко переключаться с масштабных аридных торгово-металлургических задач на соответствующие задачи, поставленные перед обществом осевой инхроникой. Поэтому в осевое время катакомбники всего лишь продолжили прежнюю основополагающую торгово-металлургическую тенденцию, только инвертировали майкопскую направленность металлургических потоков с севера на юг на осевую направленность с юга на север, отказавшись при этом от конфронтации с сиро-месопотамским миром. Не удивительно, что при таком “капитулирующем” переключении произошел спад как аридной, так и осевой инхроэнергетики. Таким образом, в нарастании эгалитарных настроений в катакомбном обществе мы воочию наблюдаем данный спад обоих инхроэнергетик и соответствующий ему временный спад движения к иерархическому обществу – к цивилизации. И это несмотря на масштабные торгово-производственные задачи по оловянному транзиту, поставленные перед катакомбным обществом осевой инхроникой...

Пропустя говоря, катакомбников уже столь мало воодушевляли и их будущий осевой масштабный оловянный транзит, и ожидающиеся нарастание аридных торгово-металлургических связей с Шумером, что они не могли вот так запросто продолжать отказываться от своих первобытных свобод и равенства – все их прежняя майкопская социальная энергетика ушла в мифы, песнопения, новые, уже осевые по символике, ритуалы, такие как погребальный обряд... и в самые минимальные действия по внедрению в жизнь своего грядущего оловянно-транзитного рая. Но все это было чисто временным явлением – эффект “падения с большей высоты”, чем, скажем у ямников, о котором уже говорилось выше применительно к майкопским грекам. Стоило б только измениться окружающей их инхронической действительности, и мы снова увидели бы небывалый взлет инхроэнергетики, осевой и даже аридной, и люди снова стали бы класть животы свои на алтарь отечества, и рост социальной иерархии, и новый виток усложнения общества...

Нечто подобное случилось еще раз уже в конце катакомбных времен в связи с упомянутыми выше осевыми метаморфозами 2200-2000 гг. до н.э. В данном случае спад уровня осевой инхроники, в связи с тем что окружающие катакомбников инхронические осевые условия и связанная с ними геополитическая обстановка претерпели весьма сильные изменения, привел к еще большему спаду аридной инхроэнергетики. И мы наблюдаем распад катакомбного мира на ряд региональных посткатакомбных культур с постепенным исчезновением в них катакомбного осевого оловянно-транзитного ответа. Зато по соседству, уже за пределами прежнего катакомбного ареала,

появляются новые весьма динамичные культуры с высокой инхроэнергетикой, осуществлявших новые осевые торгово-металлургические ответы, такие, к примеру, как абашевская, в некоторых производных культурах которой отчетливо наблюдается следующий виток цивилизационного развития.

Другой пример. Схожие с осевым ответом катакомбников функции на юге в это же время реализовывали куро-аракские племена, которые с начала III тыс. до н.э. стали расселяться по северным, северо-западным и северо-восточным предгорьям Плодородного Полумесяца, как бы полукольцом окружая Месопотамию, и тем самым перекрывая все ведущие из нее торговые пути на север, запад и северо-восток (см. карту на Рис. 3.10 в шестом этюде Хронографии №3). Разница лишь в том, что с проникновением осевой инхроники к куро-аракским племенам их инхроэнергетика только возросла, о чем свидетельствуют следы усложнения куро-аракского общества в III тыс. до н.э. наподобие так называемой “царской” гробницы в Арслантепе^[18]. Причина различия заключена в геополитическом положении Куро-Аракса – в слишком близком расположении куро-аракского ареала начала III тыс. до н.э. к Месопотамии, явившимся следствием построения куро-араксинцами еще в рамках майкопского ответа соответствующих колесно-транспортных коридоров между Закавказьем и Центральной Месопотамией. Что позволило им на базе бывшего майкопского аридного ответа быстро сформировать свой собственный эффективный оловянно-транзитный осевой ответ, суть которого заключалась в перехвате всех металлургических торговых связей Нижней Месопотамии с расположенными севернее территориями, чтобы контролировать любые транзитные продолжения ВОП из Шумера на север, запад и восток по своим землям. Как видим, одно лишь близкое географическое расположение Куро-Аракса к Месопотамии дало возможность куро-аракским племенам продолжить наступательную торгово-металлургическую геополитику Майкопа в отношении Шумера, и тем самым не только удержать свою аридную и осевую инхроэнергетику на должном уровне, но еще и увеличить ее, сохранив тем самым свою самобытную культуру, несмотря на всю близость сиро-месопотамских культурных центров, – в отличие от в сущности “сдавшихся” ариев-катакомбников, которым было не по силам перекрыть все возможные продолжений ВОП в Евразию.

Другим – чисто внешним – отличием куро-аракского населения от катакомбников при общем особом акценте их осевых ответов именно на оловянно-бронзовом транзите было отсутствие катакомбного погребального обряда у первых, что также легко объяснимо чисто географическими причинами – вхождением в ареал куро-араксинцев земель из предков в Закавказье, а впоследствии и на индоевропейской прародине. Какая ж тут “дальняя дорога” смерти?

Однако и здесь пресловутые осевые метаморфозы 2200-2000 гг. до н.э. навели свой порядок, отличный от планов как катакомбников, так и куро-араксинцев, в результате чего куро-араксская культура при всей своей высокой инхроэнергетике исчезает синхронно с катакомбной. И, кажется,

[18] В. А. Трифонов “«Царские» гробницы Арслантепе и Новосвободной: некоторые аспекты сравнительного анализа” в сборнике материалов конференции “Проблемы археологии Нижнего Поволжья”, Волгоград, 2004, стр.56–61; G. Palumbi “THE ARSLANTEPE ROYAL TOMB AND THE «MANIPULATION» OF THE KURGAN IDEOLOGY IN EASTERN ANATOLIA AT THE BEGINNING OF THE THIRD MILLENNIUM” in “Ancestral Landscapes”, TMO 61, Maison de l’Orient et de la Méditerranée, Lyon, 2011, pp. 47–59.

пора бы уже перейти к этим самым метаморфозам, вот только прежде заострим наше внимание еще на одном тонком моменте.

Выше мы выяснили, что катакомбный оловянный транзит преимущественно мог быть направлен на север Восточной Европы, однако не исключены были и западные направления (см. Рис. 4.10 в следующем этюде). И, как увидим далее, именно сюда же, в эту лесную зону между Уралом и Балтикой, будут прокладывать с Алтая свои оловянно-бронзовые магистрали и так называемые сейминско-турбинские племена. Было бы более или менее понятно, если бы они стремились соединить байкало-алтайское олово только с уральской медью, но сейминско-турбинцы продолжили свое движение с востока дальше на запад – в Предуралье и еще далее в Прибалтику, т.е. примерно туда же, куда в свое время по нашим инхроническим соображениям был нацелен и осевой оловянно-бронзовый транзитный ответ катакомбников. Это что – случайное совпадение или нечто большее? В одном из следующих этюдов попробуем ответить и на этот “простой” вопрос. Если получится...

ПЯТЫЙ ЭТЮД: «Переплетения дорог и судеб»

В предыдущем этюде говорилось об одном из истоков катакомбного погребального обряда в среднеазиатской культуре Заманбаба в Узбекистане, а именно – о возможном проникновении обряда с восточноиранского поселения Шахр-и-Сохтэ через Северный Афганистан в Среднюю Азию. Было сказано, что катакомбный обряд наблюдается в материалах поселения Шахр-и-Сохтэ с ~2750 г. до н.э. практически одновременно с появлением данного обряда в понтийско-каспийских степях, однако пока что не говорилось о том, что катакомбы могильника Шахр-и-Сохтэ исчезают довольно-таки быстро – в ~2500 г. до н.э.^[1], в то время как в степях Восточной Европы существуют аж до XXIII/XXII вв. до н.э.^[2], т.е. до 2300-2100 гг. до н.э. или до ~2200 г. до н.э. времени начала осевых метаморфоз. А до этого обряд, точнее, катакомбный осевой ответ, успевает из Шахр-и-Сохтэ посредством дрейфа мигрировать на северо-восток в Северный Афганистан, откуда уже миграциями местного населения (о миграции именно населения свидетельствуют некоторые другие параллели в североафганской и заманбабинской культурах^[3]) попадает в низовья Зеравшана в Узбекистане, где в это же время исчезновения обряда в Шахр-и-Сохтэ в ~2500 г. до н.э. зарождается культура Заманбаба, также практикующая катакомбный обряд погребения. Очень и очень любопытная картинка, я даже сказал бы, интригующая картинка...

Если круг причин, приведших к краху катакомбной культуры в степях, мы более или менее очертили – осевые метаморфозы 2200-2000 гг. до н.э., к разбору которых вскоре приступим (собственно, уже приступили...), – то исчезновение катакомб с могильника Шахр-и-Сохтэ в скором времени после их появления не совсем понятно. Но чтобы разгадать эту загадку, вначале следует прояснить причины появления катакомбного погребального обряда на поселении Шахр-и-Сохтэ.

Шахр-и-Сохтэ как важнейший торговый узел Восточного Ирана зародился еще во времена начала протоэламской торговли в 3200 г. до н.э., поскольку сюда сходились торговые пути из Месопотамии (через протоэламский Юго-Западный Иран), Средней Азии, Афганистана и Белуджистана, в свою очередь граничившего с Северо-Западной Индией^[4]. И в ~2750 г. до н.э. вскоре после краха аридной по происхождению протоэламской торговой сети здесь появляется катакомбный обряд... Вместе с тем в предыдущем этюде была обозначена возможная символическая связь катакомб с реализацией различных ответов на инхронику, которые так или иначе причастны к дальней торговле, а в осевой инхронизации и того конкретнее – к ожидающейся в будущем торговле оловом по первому ВОП и его продолжениям. Но, наверное, все-таки не только по продолжениям ВОП, а еще и по каким-то его ответвлениям... Ведь и впрямь вряд ли восточноазиатское олово, делая немалую петлю, поступало бы в Среднюю Азию из Месопотамии. Да и вообще – к чему привозное восточноазиатское олово в Средней Азии и Афга-

[1] Ю. Г. Кутимов “Происхождение и пути распространения катакомбного обряда погребения в Средней Азии (по материалам могильников бронзового века)”, кандидатская диссертация, Санкт-Петербург, 2009, стр. 69.

[2] Р. А. Мимоход “Радиоуглеродная хронология блока посткатакомбных культурных образований”, КСИА, вып. 225, 2011, стр. 28–53, на стр. 49.

[3] Ю. Г. Кутимов “Происхождение и пути распространения катакомбного...”, стр. 70-71.

[4] С. Р. Thornton "Iran" in D. T. Potts (ed.) "A companion to the archaeology of the ancient Near East", Wiley-Blackwell, Chichester, 2012, pp. 596–606, p. 599.

нистане, когда здесь имелись свои собственные достаточно мощные оловянные месторождения? А вот направить богатые афгано-среднеазиатские оловянные запасы в ту же Месопотамию – то, что не удалось сделать протоэламитами... – причем направить так, чтобы не входить в противоречия и конкуренцию с осевой инхроникой и ее Осью – грядущей главной магистралью торговли оловом, связывающий Южный Китай и восточноазиатскую цивилизацию в целом с Передней Азией и ее цивилизацией, – это и в самом деле решило бы многие насущные проблемы самого что ни есть настоящего и ближайшего будущего оловянно-бронзовой металлургии Передней Азии, чьи постоянно и быстро растущие потребности в большом количестве олова уже не могли сотнями и тысячами лет дожидаться благословенного оловянного потока из Юго-Восточной Азии.

Однако прямое поставки олова из Средней Азии и Афганистана в Нижнюю Месопотамию непременно вошли бы в конфликт с осевой инхроникой и инхроническими ожиданиями будущих поступлений восточноазиатского олова по осевой магистрали – в первую очередь с инхроническими ожиданиями населения Северо-Западной Индии масштабной транзитной торговли восточноазиатским оловом, ну, и в самом Шумере, разумеется, тоже. Внешне все это выразилось бы в том, что любая подобная попытка доставки олова, наносящая ущерб ВОП, неминуемо вызвала бы сопротивление самого активного осевого населения. А если все же удалось бы, преодолевая осевое сопротивление, доставить афгано-среднеазиатское олово прямо в Нижнюю Месопотамию, то это привело бы к резкому спаду осевой инхроники по всей Передней Азии, особенно в Нижней Месопотамии, и к соответствующему спаду потребностей в олове в этих регионах – ведь и сами эти потребности и их продолжавшийся после получения осевого инхронимпульса непомерный рост в настоящем уже формировались именно будущим практически неограниченным притоком олова из Восточной Азии. И тогда спад спроса на олово и продукцию оловянно-бронзовой металлургии тотчас прикрыл бы едва возникший оловянный путь из Средней Азии...

Именно это и произошло с протоэламской торговлей в 2900/2800 г. до н.э., поскольку протоэламиты с самого начала развивали свои восточные торговые пути под воздействием одной лишь аридной инхроники, а проникновение в их среду и в Шумер осевой инхроники расставило все по своим *осевым* местам, и протоэламская торговая сеть распалась как бы сама собой, уступая место только-только нарождающейся и в настоящем пока еще не очень-то конкурентоспособной морской торговле Шумера с Северо-Западной Индией.

Но самое главное, определяющее все и вся осевого мира, заключалось в том, что, при малейших усилиях наладить прямые поставки олова из Средней Азии и Афганистана в Нижнюю Месопотамию свое веское решающее последнее слово сказало бы транскультурная, а точнее, трансцивилизационная функция Оси, т.е. магистрали ВОП. Дело в том, что в сложившихся инхронических и геополитических условиях первой половины III тыс. до н.э. торговый путь Средняя Азия - Шумер просто-напросто не имел той потенции, того культурно-экономического развивающего потенциала, который стоял за осевой магистралью, соединяющей переднеазиатскую и восточноазиатскую цивилизации (а в пределе и в отдаленном будущем – и все остальные рано или поздно возникшие бы цивилизованные сообщества между ними), в принципе способный решать не только узкоспециальные металлургические проблемы Нижней Месопотамии, а гораздо более широкий круг *системных* задач всего человечества как складывающейся системы.

И тем не менее существовал один довольно простой и легкий способ безболезненного для ВОП сочленения настоящего и будущего оловянно-бронзовой металлургии переднеазиатов и соседних с ними народов с уже намечающимся трансцивилизационным статусом территорий вдоль ВОП. Суть данного способа заключалась в правильном выборе маршрута доставки олова из Средней Азии и Афганистана – не прямо в Нижнюю Месопотамию, испытывавшую наибольшие трудности с нехваткой олова, а в Северо-Западную Индию, откуда олово уже морем доставлялась бы в Шумер. Тоже, мягко говоря, не самый прямой путь, зато сразу снимающий все противоречие и конфликты достижением нескольких целей одновременно: 1) снимались все конфликты среднеазиатского пути с ВОП, поскольку торговый путь, по которому афгано-среднеазиатское олово поступало в Северо-Западную Индию, таким образом, становился входящим в отношении олова ответвлением ВОП – его оловянным “притоком”; 2) повышалась осевая инхроэнергетика североиндийского населения, поскольку приток афгано-среднеазиатское олова стимулировал бы опережающее ускоренное развитие морской торговли Северо-Западной Индии с Шумером, которая являлась очень важной частью главной осевой торговой сети ВОП; 3) Нижняя Месопотамия, наконец-то, получала долгожданное олово, причем довольно крупными партиями, задолго до начала функционирования восточноазиатского участка ВОП; 4) мало того, возникновение мощного хараппского оловянного плацдарма создавало благоприятные условия для ускоренной экспансии Хараппы в восточном и южном направлениях, тем самым способствуя более скорому возникновению участка ВОП между Индией и Юго-Восточной Азией.

Как говорилось выше, некоторые исследователи считают, что восточноиранское поселение Шахр-и-Сохтэ еще в первой половине III тыс. до н.э. имело довольно устойчивые торговые контакты как со Средней Азией, так и с Северо-Западной Индией. Другие исследователи более склонны к мнению, что связи эти, скорее, носили эпизодический спорадический характер, особенно в отношении Индии^[5]. Но как бы то ни было само срединное положение Шахр-и-Сохтэ между двумя этими торговыми направлениями уже выдвигало его на роль важнейшего узла пути из Средней Азии в Индию в обход хребта Гиндукуша. Особенно после падения протоэламской торговли в 2900-2800 гг. до н.э., которая одним своим существованием завязывала все восточноиранские региональные торговые связи (в том числе и с участием Шахр-и-Сохтэ) на городские центры протоэламитов в Юго-Западном Иране, тем самым разрывая (или хотя бы существенно уменьшая) их локальное местное взаимодействие между собой.

Таким образом, появление катакомб на могильнике Шахр-и-Сохтэ в рамках наших инхронических модельных построений вполне можно расценивать как начало реализации здешним населением катакомбного варианта осевого оловянно-бронзового торгово-металлургического ответа, до того обнаруженного нами и в понтийско-каспийских степях, который в Восточном Иране, скорее всего, мог быть связан с ожиданиями возникновения в недалеком будущем ответвления будущего ВОП, ведущего из Средней Азии в Северо-Западную Индию, и, соответственно, весьма оживленной дальней торговли оловом по нему (см. Рис 4.10; на данной карте отображены также и некоторые элементы, которых мы коснемся позже).

^[5] E. Cortesi et al. “Cultural Relationships beyond the Iranian Plateau: The Helmand Civilization, Baluchistan and the Indus Valley in the 3rd Millennium BCE”, *Paléorient*, vol. 34, n°2, 2008, pp. 5–35, p. 29.

Рис. 4.10

Первый ВОП: ожидаемые в первой половине III тыс. до н.э. пути торговли оловом, которые должны установиться в конце осевой инхрзоны

Сплошными светло-серыми стрелками обозначены предполагаемые пути торговли оловом, возможно, действующие уже в первой половине III тыс. до н.э. Пунктирными белыми стрелками показаны оловянные торговые пути, ожидаемые к концу осевой инхрзоны, а пунктирными серыми стрелками – наиболее вероятные продолжения и ответвления первого ВОП. Звездочками обозначены древние рудники: красными – медные, белыми – оловянные. Белыми ромбиками обозначены месторождения олова (в данном случае, афганские), где древние рудники пока что не обнаружены. Белым штрих-пунктиром очерчены примерные границы формируемых в первой половине III тыс. до н.э. сфер взаимодействия и цивилизаций.

Еще одним свидетельством наличия подобных ожиданий в Шахр-и-Сохтэ является быстрый рост размеров этого поселения, наблюдаемый до ~2500 г. до н.э.^[6] (см. Рис. 4.11), т.е. до исчезновения катакомбного погребального обряда среди его населения, причем рост размеров, явно не соответствующий масштабам внешних экономических связей Шахр-и-Сохтэ, и, таким образом, скорее устремленный в будущее, чем отражающий какие-то причины и насущные потребности в настоящем.

Однако в середине III тыс. до н.э. что-то происходит с поселением, с его обитателями, с осуществляемым ими ответами на инхронику, а поскольку в аридных взаимосвязях в это время ничего существенного не наблюдается, то, надо полагать, с ответом на осевую инхронику: с 2500 г. до н.э. исчезают катакомбы в могильнике Шахр-и-Сохтэ, и примерно в это же время середины III тыс. до н.э. прекращается рост размеров поселения, а спустя еще 100-150 лет начинается стремительное его уменьшение, продолжавшееся до 2200 г. до н.э., после чего до ~1900 г. до н.э. – тоже уменьшение, но не столь быстрое. Но что самое интересное: вместе с остановкой роста размеров поселения, а затем и его уменьшения, в периоде Шахр-и-Сохтэ III появляются следы некоторого усложнения социальной структуры общества Шахр-и-Сохтэ^[7] – феномен так называемой ”гильмендской цивилизации”.

Все это похоже на то, что в середине III тыс. до н.э. общество Шахр-и-Сохтэ прекращает реализацию своего осевого оловянного торгово-металлургического ответа, ориентировавшегося на появление в близком будущем оловянного ответвления ВОП из Средней Азии в Индию, и, возможно, не имея достаточных ресурсов (торговых и иных), так и вовсе отказывается от реализации какого-либо осевого ответа. Другими словами, с середины III тыс. до н.э. население Шахр-и-Сохтэ уже не ожидает появления дальней транзитной торговли среднеазиатским оловом в направлении Индии и ВОП, в результате чего размеры поселения начинают приходить в соответствие с настоящими потребностями его внеш-

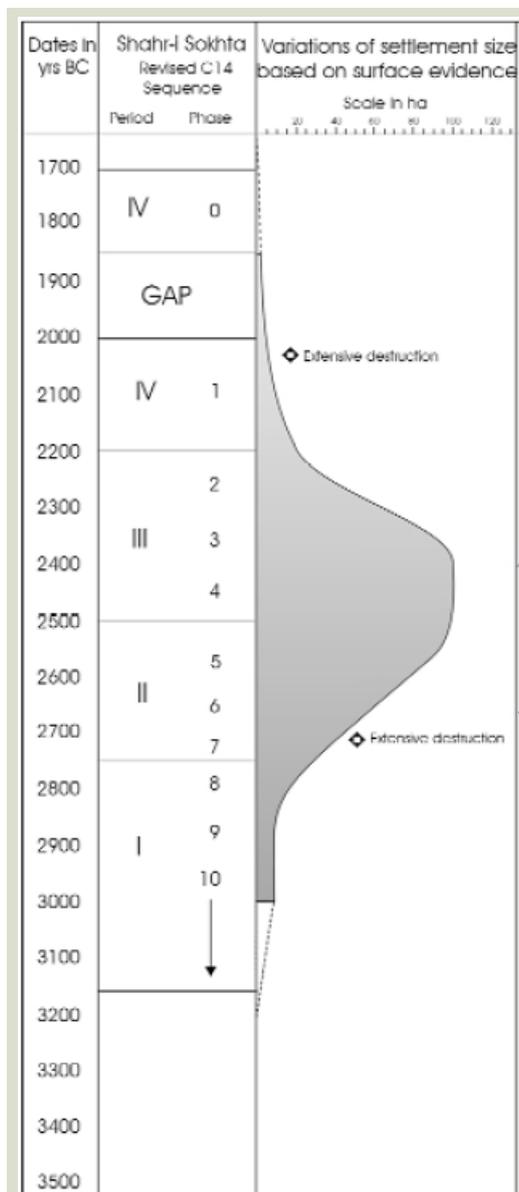

Рис. 4.11
Зависимость размеров Шахр-и-Сохтэ от времени
(Фрагмент таблицы взят из S. Salvatori, M. Tosi "Shahr-i Sokhta Revised...", Fig. 12)

[6] S. Salvatori, M. Tosi "Shahr-i Sokhta Revised Sequence" in C. Jarrige, V. Lefevre (eds.) "South Asian Archaeology 2001", Paris: ERC, 2005, pp. 281–292, Fig. 12.

[7] E. Cortesi et al. "Cultural Relationships...", pp. 7-8, p. 30.

ней торговли. А это в свою очередь говорит о появлении в ~2500 г. до н.э. некоего нового дополнительного фактора, который сделал невозможным или, как минимум, маловероятным возникновение в будущем оловянного притока ВОП из Средней Азии.

Что же касается наблюдаемых признаков зарождения социальной иерархии в археологических материалах Шахр-и-Сохтэ III, то в это же время во второй половине III тыс. до н.э. не так уж далеко от Шахр-и-Сохтэ немного юго-западнее него в долине реки Халил-руд синхронно развивается еще одна такая же “цивилизация” (ничего не поделаешь, уж очень щедро современные археологи разбрасываются этим перенасыщенным различными смыслами термином...) – джирофтская^[8]. Возникновение как той так и другой “цивилизации” после схода с арены среднеазиатского оловянного притока ВОП, скорее всего, можно связать с новым витком развития дальней *аридной* торговли (т.е. нижнемесопотамского торгово-металлургического аридного ответа) на Иранском плато самыми разными товарами, большей частью по бывшим протоэламским маршрутам, как и раньше, сходящимся к Юго-Западному Ирану – к возникшим здесь во второй четверти III тыс. до н.э. городам-государствам эламитов^[9]. Что касается осевой торговли оловом в восточноиранском регионе и на прилегающих территориях, то этот вопрос мы обсудим в следующем этюде.

Очевидно, что еще в протоэламские времена к населению Элама прошел внутренний социально-политический инхроимпульс аридного происхождения, порожденный ожиданиями масштабной дальней торговли поселений Иранского нагорья с Нижней Месопотамией посредством транзита товаров по эламским территориям. Сами же масштабы этой торговля определялись повышенным спросом Нижней Месопотамии на различные ресурсы в будущем – в конце аридной инхрозоны во второй половине II тыс. до н.э., – связанным с развитием нижнемесопотамской крупномасштабной ирригации. В результате в Эламе, как и в Верхней Месопотамии, в первой половине III тыс. до н.э. возникает свое ответвление переднеазиатской цивилизации. Однако, если зарождение эламских цивилизованных сообществ определялось схождением целого пучка торговых путей, ведущих с Иранского плато в Нижнюю Месопотамию, к территориям Юго-Западного Ирана, то этого не скажешь о социумах вдоль самих этих караванных путей и троп, на каждом из которых объем товарооборота, в отличие от теснейших верхнемесопотамских торговых связей Шумера, даже в самом конце аридной инхрозоны навряд ли был бы достаточным для прохождения внутреннего социального инхроимпульса с дальнейшим цивилизационным развитием указанных социумов.

Таким образом, в случае с Шахр-и-Сохтэ и Джирофта мы скорее имеем дело не с цивилизационным развитием, а с протоцивилизациями и протоцивилизационным социальным усложнением общества, жестко определяемым и ограниченным исключительно рамками *текущих* потребностей международной торговли в *настоящем*, с которыми полностью эгалитарное общество уже справлялось с трудом, а отнюдь не ожиданиями каких-то будущих выгод от масштабной транзитной торговли дефицитным оловом, что хорошо иллюстрируется резким уменьшением размеров Шахр-и-Сохтэ во второй половине III тыс. до н.э.

[8] P. Kohl “The Making of Bronze Age Eurasia”, Cambridge University Press, 2007, pp. 225–233.

[9] J. Álvarez-Mon “Elam: Iran’s First Empire” in D. T. Potts (ed.) “A companion to the archaeology of the ancient Near East”, Wiley-Blackwell, Chichester, 2012, pp. 740–757, p. 741.

В первой же половине III тыс. до н.э., когда население Шахр-и-Сохтэ придерживалось катакомбного обряда погребения в ответ на появление первых робких ростков будущего, связанного со среднеазиатско-индийской транзитной торговлей оловом, внутренний *осевой* социальный инхроимпульс просто не успел пройти, скорее всего, в связи недостаточными для будущих масштабных торговых задач числом и плотностью населения Шахр-и-Сохтэ, плюс еще и с недостаточно предопределенным характером возникновения в будущем самого оловянного торгового пути-притока ВОП из Средней Азии в Индию. И исключение этого пути в середине III тыс. до н.э. из ожидающегося хода событий, из ведущего потока ВОП осевой инхроники, лучшее подтверждение его нефатальности на протяжении всей первой половины III тыс. до н.э. Кстати, вполне возможно, что и эгалитарный характер общества евразийских степных катакомбников также был вызван не только нехваткой инхроэнергетики, но еще и недостаточной фатальностью возникновения продолжения ВОП через Кавказ в евразийские степи. Ведь не зря же куро-араксинцы так рьяно старались перекрыть все возможные продолжения ВОП из Нижней Месопотамии, чтобы направить весь поток ВОП... Наверное, все туда же – на Северный Кавказ и в понтийско-каспийские степи, повышая тем самым вероятность появления кавказского продолжения ВОП.

Рис. 4.12

Карта расположения некоторых иранских, среднеазиатских, афганских и индийских поселений в III тыс. до н.э.

(Фрагмент карты взят из Ю. Г. Кутимов "Происхождение и пути распространения катакомбного...", Таблица №1 на стр. 223)

И в той же середине III тыс. до н.э., когда исчезают катакомбы с могильника Шахр-и-Сохтэ, они появляются в Узбекистане в материалах культуры Заманбаба. Как уже говорилось, по одной из версий предполагается, что катакомбный обряд был занесен сюда миграциями населения из Северного Афганстана, куда он вполне мог попасть из Шахр-и-Сохтэ посредством дрейфа осевого оловянного торгово-металлургического ответа по тесным связям этого восточноиранского поселения с афганскими территориями – во всяком случае, во второй половине III тыс. до н.э. поселение Мундигак в южноафганской провинции Кандагар наравне с Шахр-и-Сохтэ выступает

вторым крупным полюсом ”гильмендской цивилизации”^[10]. С другой стороны, осевая инхроника могла проникнуть в низовья Зеравшана вместе с мигрировавшими сюда в первой половине III тыс. до н.э. позднеямными племенами, и заманбабинский вариант оловянного ответа был выработан на месте синтезом здешних среднеазиатских, позднеямных и североафганских культурно-инхронических традиций – похоже, это наиболее взвешенный вариант,.. во всяком случае, применительно к самому раннему этапу формирования заманбабинский культуры. А относительная синхронность исчезновения катакомбного обряда в Шахр-и-Сохтэ и его появления в культуре Заманбаба были вызваны одной и той же причиной и/или какими-то изменениями в ведущем осевом потоке ВОП, определявшем инхроническое поведение как позднеямного, так и ирано-североафганского, населения, которые привели к исчезновению среднеазиатского притока ВОП и еще к чему-то, пока что неизвестному, что вызвало к жизни феномен культуры Заманбаба с ее оловянным торгово-металлургическим ответом на осевую инхронику, символично выраженном именно в катакомбной форме погребального обряда. При том что поселение Заманбаба располагалось в самой непосредственной близости от запасов среднеазиатского олова – сравните карту на Рис. 4.1 в первом этюде с картой на Рис. 4.12.

В связи со столь удачным расположением Заманбаба неподалеку от оловянных месторождений стоит напомнить еще один тезис, к которому мы пришли в предыдущем этюде: катакомбный обряд появляется не при любой дальней торговле, а только у того населения, нынешний ареал обитания которого связывается этими дальними торговыми путями с землями их предков, т.е. с одним из предыдущих ареалов обитания данных племен. Ну, еще плюс некоторые специфические моменты переплетения исторических судеб народов... Таким образом, катакомбный обряд мог появиться только у населения, имевшего миграционное происхождение в данном катакомбном регионе. Скажем, в Шахр-и-Сохтэ на роль прародины населения данного восточноиранского региона могут претендовать только территории, которые связывались с Шахр-и-Сохтэ среднеазиатским притоком ВОП и участком ВОП между Индией и Шумером и далее по Передней Азии... – это Средняя Азия, Индия, ну, и собственно Передняя Азия. Восточноазиатскую часть ВОП отбрасываем сразу как маловероятный случай, Индия тоже в общем-то не самый лучший вариант.

То же самое можно сказать и про катакомбные поселения Северного Афганистана, так же, как и Заманбаба, расположенных вблизи оловянных залежей. У самого же Заманбаба должны быть несколько другие расклады, поскольку “катакомбообразующим” фактором здесь выступал не среднеазиатский приток ВОП, исчезнувший почти одновременно (или чуть позже) с появлением катакомб в могильнике Заманбаба, а какой-то другой дальний оловянный торговый путь, нам пока что неизвестный. Зато нам по археологическим материалам известны этнокультурные составляющие Заманбаба – это местное среднеазиатское население, пришлые здесь позднеямные племена, а также североафганские мигранты.

Казалось бы, самые подходящие кандидаты – это позднеямные и североафганские мигранты. Первые отражали бы возможную будущую торговую связь среднеазиатских оловянных месторождений с медью ямного Волго-Уралья, а вторые – тот же начальный спектр возможностей, что и в Шахр-и-Сохтэ, который при нахождении в самой Средней Азии уже схло-

^[10] E. Cortesi et al. “Cultural Relationships...”, p. 8.

пывається до одної лишь Передньої Азії. Но... Все-таки без знання, хоча бы самого приблизительного, нового олов'янного пути, его маршрута, нам не обійтись. Чуть за́бегая вперед, скажу пока тільки то, що новий путь со временем будет вести из Средней Азії на север Передньої Азії, а катакомбный обряд погребения чуть позже распространится на многие другие регионы Средней Азії. И тогда самым общим случаем естественного объединения всех возможных вариантов и случаев становится вполне логичное предположение, что среднеазиатское население, как и родственное ему население части Восточного Ирана и Афганистана, было пришлым в местах своего проживания в III тыс. до н.э., достигшее этих регионов из Северной Передньої Азії, скорее всего, несколько тысяч лет назад. В рамках данного предположения даже позднеямные племена Средней Азії имели свой родовой корешок на севере Передньої Азії в виде индоевропейской прародины, чем, наверное, и можно объяснить столь быстрый синтез всех трех культурных составляющих поселения Заманбаба на базе близкого географического происхождения их далеких предков и варианта олов'янного торгово-металлургического осевого ответ, привязанного к новому олов'янному торговому пути.

Однако и позднеямные племена, т.е. ямные племена уже пребывающие под действием осевой инхроніки, которые, скорее всего, и занесли осевую инхроніку и олов'янный торгово-металлургический ответ на нее в район Заманбаба, тоже не стоит сбрасывать со счетов, особенно в ранней фазе формирования заманбабинской культуры. Случай миграции собственно степных катакомбных племен мы даже рассматривать не будем, поскольку, как мы уже не раз имели возможность убедиться, все степные катакомбные культурные следы, да и сам погребальный обряд, в регионах за рубежами Днестра и реки Урал с большой долей вероятности оставались совсем другим населением при реализации собственного варианта полученного по дрейфу или же выработанного самостоятельно олов'янного торгово-металлургического осевого ответа, а не миграциями понтийско-каспийских катакомбников, в рамках нашей культурно-инхронической модели в данном историческом периоде не имевших ни малейшей мотивации к переселениям из своего весьма вероятного олов'янного "хаба" ВОП – в отличие от позднеямных племен. Тем более что на могильнике Заманбаба фиксируются отчетливое ямное влияние (в керамике и пр.) и полное отсутствие влияния культуры степных катакомбников, за исключением разве что самого погребального обряда^[11], о происхождении которого в этих землях все уже было сказано выше.

Но в таком случае получается, что заманбабинский феномен и его катакомбы могли быть вызваны к жизни в середине III тыс. до н.э. ожиданиями появления совсем другого дальнего олов'янного пути, а именно – пути, связывающего среднеазиатские олов'янные месторождения с богатым медью Уралом, т.е. соединяющего позднеямные племена со своей второй прародиной. И только с момента распространения катакомб по остальной Средней Азії в дело вступает олов'янный путь, ведущий на север Передньої Азії к землям предков среднеазиатского населения. Все эти трансформации, перетекающие друг в друга трудноуловимые мотивации, как и вызвавшие их причины, мы еще обсудим... – в этом же этюде и в следующем.

А сейчас все тот же главный вопрос: что же все-таки случилось в середине III тыс. до н.э. такое, что разом отменило возможность возникнове-

^[11] Ю. Г. Кутимов "Происхождение и пути распространения катакомбного...", стр. 62.

ния среднеазиатского ответвления ВОП, при этом на первый взгляд не затронув самую главную осевую оловянную магистраль? В середине III тыс. до н.э. (точнее, в ~2600 г. до н.э.) возникла хараппская цивилизация, но вряд ли этот момент так негативно повлиял бы на оловянный приток ВОП из Средней Азии, скорее, наоборот, стимулировал бы его, как это было описано выше. Да и вообще... – вовсе необязательно, чтобы столь не комплементарный среднеазиатскому притоку ВОП и оловянному осевому ответу Шахр-и-Сохтэ фактор возник в относительной близости от данного поселения или даже от самого притока. Напротив, к середине III тыс. до н.э. в условиях широкого распространения осевой инхроники по Евразии сей фактор свободно мог зародиться где угодно – от Центральной Европы до Северной Индии, от Египта до Южной Сибири, от...

Да-да, Южная Сибирь! – почему бы и нет? Ведь именно в середине III тыс. до н.э. здесь появляются первые осевые культуры весьма вероятного миграционного происхождения – окуневская^[12] на Среднем Енисее и елунинская^[13] в предгорно-равнинной зоне верхнего Обь-Иртышья на Алтае и в прилегающих казахстанских степях.

Елунинские сообщества отнесены к осевым чисто по металлургическому критерию – с этой культуры впервые в Южной Сибири в столь массовом порядке начинается развития сложных видов оловянно-бронзового производства, а именно, литья в двустворчатые формы со вставным вкладышем с достаточно точной его центровкой. При этом изделия не всегда были качественными из-за неправильного совмещения литейных створок, чрезмерного перегрева жидкого расплава перед заливкой в форму, что приводило к появлению усадочных трещин. Все это говорит о том, что елунинская оловянно-бронзовая металлургия пребывала в самых начальных стадиях ее освоения, по сути, являясь экспериментальной^[14]. Вместе с тем среди елунинских изделий обнаружены типы, характерные для более поздних сейминско-турбинских племен: кельты-лопатки, наконечники копий, однолезвийные ножи и кинжалы, что позволяет некоторым исследователям видеть в елунинской культуре один из корней намного более продвинутого сейминско-турбинского оловянно-бронзового производства^[15]. В то время как никаких промежуточных форм между экспериментами елунинцев со сложной оловянно-бронзовой металлургией и совершенством сейминско-турбинских изделий в Южной Сибири не наблюдаются^[16].

Для елунинской культуры было выделено три этапа развития: ранний (шидертинский) – XXV-XXII вв. до н.э., средний (березоволукинский) – XXII-XX вв. до н.э. и поздний (цыганковосопкинский) – XIX-XVIII вв. до

^[12] А. В. Поляков “Радиоуглеродные даты окуневской культуры”, Записки ИИМК РАН, №16, 2017, стр. 52–74.

^[13] С. П. Грушин “Культура жизнеобеспечения и производства населения степного и лесостепного Обь-Иртышья во второй половине III - первой четверти II тыс. до н.э.”, автореферат докторской диссертации, Барнаул, 2013, стр. 7, 20. S. V. Svyatko, I. V. Mertz, P. J. Reimer “Freshwater Reservoir Effect on Redating of Eurasian Steppe Cultures: First Results for Eneolithic and Early Bronze Age Northeast Kazakhstan”, Radiocarbon, Vol. 57, Nr 4, 2015, pp. 625–644, p. 639.

^[14] А. Д. Дегтярева, С. П. Грушин, В. М. Шайхутдинов “МЕТАЛЛООБРАБОТКА НАСЕЛЕНИЯ ЕЛУНИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВЕРХНЕЙ ОБИ (предварительные результаты металлографического исследования)”, Вестник археологии, антропологии и этнографии, №2 (13), 2010, стр. 27–35, на стр. 33-34.

^[15] Там же, стр. 27, 34.

^[16] С. А. Григорьев “Металлургическое производство в Северной Евразии в эпоху бронзы”, Челябинск: Цицеро, 2013, стр. 414.

н.э.^[17]. При этом поселение Березовая Лука, по которому назван средний период, был взят за базовый эталонный памятник елунинской культуры по условиям залегания культурного слоя и его культурно-хронологической однородности^[18]. И что самое интересное – то самое сложные, но не очень-то качественное, оловянно-бронзовое литье, предвосхитившее качественные сейминско-турбинские изделия, появляется в елунинской культуре не с начала раннего восточноказахстанского (шидертинского) этапа в XXV в. до н.э., а только с березоволукинского периода^[19], т.е. с XXII в. до н.э., совсем уж точно – с 2130 г. до н.э.^[20], ежели подобная точность здесь вообще уместна и достижима.

Таким образом, само зарождение елунинской культуры в XXV в. до н.э. на восточной окраине ее будущего ареала следует связать, скорее, с проникновением в данный регион осевой инхроники и оловянно-бронзового торгово-металлургического ответа на нее, а не каких-то отлаженных металлургических технологий. В подобных случаях ответ этот обычно принимает торговые формы, в чем мы уже успели убедиться, но на сей раз что-то помешало такому развитию хода событий – возможно, чрезмерная близость к алтае-восточноказахстанским^[21] оловянным месторождениям, в складывающихся осевых условиях больше подталкивающая к самостоятельному производству, чем к торговле сырьем. И только в XXII в. до н.э. или даже чуть раньше происходит еще нечто, что вдруг провоцирует бум экспериментирования со сложным оловянно-бронзовым литьем в среде елунинцев...

Похожая ситуация складывается и в случае с окуневской культурой. Хронология этой культуры, существовавшей по уточненным на сегодняшний день датам в XXVI–XVIII вв. до н.э. в минусинских степях Среднего Енисея, разбита на этапы: ранний (уйбатский) – XXVI–XXIII вв. до н.э., поздний (черновский) – XXII–XX вв. до н.э. Позднее был добавлен еще один этап – разливский в XIX/XVIII-? вв. до н.э., – который пока что находится в стадии обсуждения^[22]. При этом некоторые исследователи вычлениют еще и переходный период между уйбатским и черновским этапами в XXIII–XXII вв. до н.э., дословно: “в пределах XXIII - начала XXII в. до н.э.”^[23]. По сути, этот пока что едва намеченный и предполагаемый переходный период занимает большую часть XXIII в. до н.э.

В области металлургии тоже просматриваются некоторые аналогии между окуневской и елунинской культурами. Среди окуневских племен оловянно-бронзовые изделия также появляются с начала формирования культуры в середине III тыс. до н.э., однако на протяжении всего убайдского этапа это всего лишь единичные редко встречаемые артефакты с маленьким содержанием олова. И только с начала черновского этапа в XXII в. до н.э. изделия оловянно-бронзовой металлургии находят широкое применение в

[17] С. П. Грушин “Культура жизнеобеспечения и производства...”, стр. 21.

[18] Ю. Ф. Кирюшин, С. П. Грушин, А. А. Тишкин “Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи”, Том II, Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2011, стр. 4.

[19] И. В. Мерц “Керамика раннего бронзового века поселения Шидертинское 2 и могильника Шидерты 10”, Вестник археологии, антропологии и этнографии, №2 (29), 2015, стр. 28–37, на стр. 35.

[20] Ю. Ф. Кирюшин и др. “Березовая Лука – поселение эпохи бронзы...”, стр. 76.

[21] А. Д. Дегтярева и др. “МЕТАЛЛООБРАБОТКА НАСЕЛЕНИЯ ЕЛУНИНСКОЙ...”, стр. 33.

[22] А. В. Поляков “Радиоуглеродные даты окуневской...”, стр. 59–62.

[23] И. П. Лазаретов, А. В. Поляков “Могильник Красный Камень – погребально-ритуальный комплекс ранней бронзы”, в сборнике “Теория и практика археологических исследований”, №2 (22), Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2018, стр. 21–46, на стр. 43.

окуневской среде, причем содержание олова в них зачастую превышает 10%^[24]. В тоже время никаких реминисценций с сейминско-турбинским оловянно-бронзовым производством на окуневских памятниках не отмечено.

Зато имеется еще одна характерная осевая окуневская реакция, а именно – катакомбный обряд погребения, частично применявшийся на протяжении раннего (уйбатского) этапа^[25]. Вместе с тем есть мнение, что катакомбный обряд бытовал в окуневской среде только в самой ранней фазе уйбатского этапа – “в момент формирования окуневской культуры, а затем он выходит из употребления”^[26].

Есть еще одно мнение: то, что И. П. Лазаретов поименовал катакомбными погребениями окуневской культуры, на самом деле были всего лишь подбойными погребениями^[27]. Очень даже может быть, почему бы и нет? Вот только суть дела от этого не слишком-то меняется – если обратиться к приводимым Л. А. Соколовой примерам, то мы видим, что подбой всех 5 захоронений выходит за ограду погребального памятника. Таким образом, ограда *снаружи* захоронения как бы *отделяет* подбой от всей остальной погребальной конструкции, при том что делается это специально настолько близким расположением захоронения к ограде, чтобы подбой уходил за плиты ограды. В результате и в таком виде сохраняется вся смысловая идеологическая нагрузка погребальной катакомбы, в которой погребальная камера *символьно* отделена от всего остального погребального сооружения, т.е. от ближайшего окружающего мира. И не только сохраняется, но еще и усиливается – столь максимально внешне выраженное, то и дело напоминающее о себе отделение, на мой взгляд, более наглядно, более выразительно, в конце концов, более категорично и эмоционально, чем ступеньки, внутренняя стенка или даже дромос. Просто Лазаретов уловил суть и дух сооружения, а Соколова – его классификационную букву...

За Лазаретовым еще одно тонкое наблюдение. Он обратил внимание, что среди многочисленных групп окуневских антропоморфных изображений выделяется одна специфическая и довольно редкая разновидность – это так называемые личины джойского типа, местоположения которых четко привязаны к древним торговым путям из Минусинской котловины на Среднем Енисее в долину реки Томь (в Кузнецкую котловину), с одной стороны, и на Верхний Енисей (в Туву), с другой. Мало того, он приходит к выводу, что “минимальная вариабельность и монолитность изображений джойского стиля, в сочетании с максимально широкой их географией, наводит на мысль, что посвящались они не каким-то локальным духам конкретной местности, горы или реки, а некоему единому божеству, покровительствующему путешественникам и торговцам”^[28].

Скупая лаконичность джойских личин раннего катакомбного периода со временем (надо полагать, прежде всего в XXIII в. до н.э. переходного пе-

^[24] С. В. Хаврин “Металлические изделия окуневской культуры” в Д. Г. Савинов и др. (ред.) “Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение”, СПб., 2006, стр. 242–244.

^[25] И. П. Лазаретов “Окуневские могильники в долине реки Уйбат” в Д. Г. Савинов и др. (ред.) “Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология”, СПб., 1997, стр. 19–64.

^[26] А. В. Поляков “Радиоуглеродные даты окуневской...”, стр. 58.

^[27] Л. А. Соколова “Типология погребальных сооружений окуневской культуры” в Д. Г. Савинов и др. (ред.) “Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение”, СПб., 2006, стр. 251–259, на стр. 254.

^[28] И. П. Лазаретов “Окуневские личины джойского типа – маркеры древних путей” в “Наскальное искусство в современном обществе (к 290-летию научного открытия Томской писаницы). Материалы международной научной конференции”, Том 2, Труды САИПИ, Вып. VIII, Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011, стр. 59–64, на стр. 63.

риода от уйбатского и черновскому этапу) сменяется все более изощренной и вычурной иконографией^[29]. Одновременно происходит резкий скачек в развитии оловянно-бронзового производства, что в нашей культурно-инхронической терминологии означает переход от сугубо торговой ориентации оловянно-бронзового торгово-металлургического осевого ответа окуневцев на пропорциональное развитие как торговой, так и производственной, стороны данного ответа.

Почти то же самое и практически в те же времена, как мы видели, происходит и в елунинской культуре Обь-Иртышья при переходе от шидертинского этапа к березоволукинскому в XXII в. до н.э. Только здесь признаки чисто торгового оловянно-бронзового ответа, в окуневской культуре проявленные катакомбами и джойскими личинами, вообще не наблюдаются, зато видим куда более впечатляющий взлет производственной составляющей того же самого ответа при переходе к березоволукинскому этапу.

Наличие катакомб на раннем этапе окуневской культуры говорит о том, что торговая составляющая их оловянно-бронзового ответа своими торговыми путями уходила в земли предков окуневцев, вернее, в земли одного из тех этносов, который наряду с другими участвовал в формировании окуневского этнокультурного сообщества.

Как было показано выше, осевая инхроника, сформировавшая заманбабинскую культуру, могла быть привнесена в низовья Зеравшана в середине III тыс. до н.э. либо с севера степными позднейшими племенами, либо получена с юга от восточноиранского и афганского земледельческого населения, в свою очередь получившего осевую инхронику или напрямую из Индии, где прошел первоначальный осевой инхроимпульс, или же через посредничество социумов Передней Азии. С другой стороны, если отбросим крайне неубедительные автохтонные гипотезы скачков культурогенеза, то в случаях окуневской и елунинской культур остаются в основном только гипотезы полученного с запада импульса, приведшего в той же середине III тыс. до н.э. к формированию этих культур: либо от позднейших и/или катакомбных племен юга Восточной Европы, либо из Средней Азии и Передней Азии^[30] – так называемый “средиземноморский” антропологический тип в Южной Сибири. В вопросе “средиземноморцев” антропологи так и не пришли к единому мнению, поэтому, когда в дальнейшем станем рассматривать переднеазиатский след в сибирских культурах бронзового века, опираться мы будем не столько на весьма противоречивые данные и выводы антропологической науки, сколько на развитие оловянно-бронзовой металлургии в регионе. Ну, а миграциям понтийско-каспийских катакомбников, как было сказано, в нашей культурно-инхронической модели вообще не нашлось места – они просто излишни, к тому же слабо мотивированы.

В итоге имеем: разносчиками осевой инхроники как в Средней Азии, так и в Южной Сибири, скорее всего, выступили позднейшие племена, на протяжении всей первой половине III тыс. до н.э. осваивавшие казахстан-

[29] Там же.

[30] И. П. Лазаретов и др. "Новые данные по формированию окуневского культурного феномена" в А. П. Девянянко, А. Б. Куделин, В. А. Тишков (ред.) "Истрико-культурное наследие и духовные ценности России", М.: Российская политическая энциклопедия, 2012, стр. 130–136, на стр. 135-136; А. Г. Козинцев, В. И. Селезнева “Вторая волна миграции европеоидов в Южную Сибирь и Центральную Азию (к вопросу об индоиранском компоненте в окуневской культуре)” в “Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2014 г.”, СПб.: 2015, стр. 418–429; К. Н. Солодовников “Население Горного и лесостепного Алтая эпохи ранней и развитой бронзы по данным палеоантропологии”, автореферат кандидатской диссертации, Барнаул, 2006, стр. 14-15, 19-21.

ские степи^[31]. Почти одновременное появление в середине III тыс. до н.э. культур в низовьях Зеравшана, в степном Обь-Иртыше и на Среднем Енисее, в которых сразу или со временем наблюдались осевые эффекты, предполагает с одной стороны синхронность данного позднеямного процесса некоему событию в ведущем потоке ВОП, а с другой – то, что расселение на восток поздних (осевых) ямников происходило широким веером, надо полагать, из Волго-Уралья. В середине III тыс. до н.э. самым главным событием ведущего осевого потока стало появление на осевой магистрали ВОП харапской цивилизации в Северо-Западной Индии. В таком случае реакция позднеямных племен, в это же время вошедших в плотный контакт с местными среднеазиатскими, степным казахстанскими и южносибирскими сообществами, и тем самым передавших им осевую инхронику и оловянно-бронзовый ответ на нее, с большой долей вероятности определялась именно данным эпохальным осевым событием и только им.

Все это сильно напоминает миграцию ямников на запад к оловянным месторождениям Центральной Европы, также протекавшей в первой половине III тыс. до н.э., только миграция ямников на запад носила более целенаправленный характер, а даже сказал бы – более целевой характер. Веер же переселений позднеямных племен на восток и юго-восток задавался как поисковым характером их миграции, так и географическим расположением ближайших богатых оловянных месторождений на востоке, раскинувшихся широкой дугой от Афганистана до Забайкалья, – как результат успешного завершения поиска в пределах указанной выше дуги или ближайшего к Волго-Уралью ее форпоста, каковым выступает Минусинская котловина для забайкальских месторождений.

Древний торговый путь из Минусинской котловины на Верхний Енисей, по изящной гипотезе И. П. Лазаретова отмеченный джойскими личинами, открывал для позднеямных племен и их окуневских потомков неплохие перспективы для будущего проникновения в байкальский регион – к мощным забайкальским залежам олова. В то время как второй окуневский торговый путь – в долину реки Томь – в будущем связал бы окуневцев с землями ямных предков на Южном Урале, откуда и катакомбы в их культуре. Правда, с XXIII в. до н.э. катакомбный обряд погребения в окуневской культуре начинает сходить на нет, в то время как личины джойского типа продолжают использоваться в ритуальной практике окуневской иконографии. Все это свидетельствует о том, что в XXIII в. до н.э. исчезает планировавшийся (точнее, ожидаемый) оловянный торговый путь со Среднего Енисея на Урал, либо же сей путь принимает в будущем какие-то совсем уж мало-значительные формы. В любом случае его тотчас замещает какой-то другой торговый путь, о чем мы еще поговорим – в свое время.

Таким образом, усилиями осевых расселений позднеямных племен на восток в первой половине III тыс. до н.э. среднеазиатские и байкало-алтайские месторождения олова в середине этого тысячелетия оказались включены в некую новую только-только намечавшуюся торго-

^[31] И. В. Мерц, С. В. Святко “Радиоуглеродная хронология памятников раннего бронзового века Северо-Восточного и Восточного Казахстана. Первый опыт”, Теория и практика археологических исследований, Барнаул: Издательство Алтайского университета, №1 (13), 2016, стр. 126–150. Описанный в этой статье ямный курган Карагаш в Казахстане уже в конце XXX – начале XXVIII в. до н.э. располагался достаточно близко как от местных предков раннего елунинского населения в Прииртыше (см. Рис. 1 в вышеприведенной статье), так и от источников олова в Восточном Казахстане (карту расположения восточноказахстанских месторождений олова см. в Т. Stöllner et al. “Tin from Kazakhstan – Steppe Tin for the West?” in Ü. Yalçın (ed.) “Anatolian Metal V”, Bochum, 2011, pp. 231–251, Fig. 2).

металлургическую структуру по добыче, производству и торговле оловом и оловянно-бронзовой продукцией с центром, надо думать, на Южном Урале, которая не имела никакого отношения к южному оловянному потоку ВОП (см. Рис 4.10, где данная сеть названа “позднеямная пред-ЕАМП”, о самом же названии – в следующем этюде). И одного этого хватило, чтобы в той же середине III тыс. до н.э. среднеазиатский оловянный приток ВОП тотчас стал мифом и разом исчез с геополитической карты будущих оловянно-бронзовых торговых и производственных раскладов, а на могильнике у поселения Шахр-и-Сохтэ престали применять катакомбный обряд погребения...

Причем обе эти будущие торговые сети – ВОП и позднеямная – до поры до времени почти не конфликтовали друг с другом. Разве что только на далеком от сиро-месопотамского мира Урале, самым естественным образом включенным в позднеямную сеть, как ее главный центр. Если бы не осевая активность позднеямных племен на востоке, то львиная доля приходящего с юга к катакомбникам южнорусских степей восточноазиатского олова ВОП не менее естественным путем попадала бы на богатый медью Урал, и уральский регион стал бы последней оконечностью данного ответвления ВОП в Восточную Европу. Возможно, именно этот переломный момент в формировании позднеямной пред-ЕАМП, когда в середине III тыс. до н.э. поздние ямники синхронно с зарождением хараппской цивилизации в долине Инда вышли на среднеазиатские, алтае-восточноказахстанские и енисейско-байкальские оловянные рубежи, а продолжения и ответвления ВОП в ответ претерпели довольно существенные коррекции, и стал одной из главных причин, если только не самой главной, подвигнувшей степных катакомбников возводить свои поселения именно на севере катакомбного региона на границе с лесом, а не сосредотачивать их на его северо-востоке рядом с уральскими предгорьями.

Итак, с катакомбными коллизиями в понтийско-каспийских степях, восточноиранском и среднеазиатском регионах и даже в Южной Сибири мы в первом приближении вроде как разобрались, во всяком случае, многие происходящие там культурные процессы стали не то чтобы понятными, но куда более понимаемыми, мало того, прямо на глазах приобретают наглядный культурно-исторический смысл. И тем не менее остается еще одна не до конца понятая ситуация, еще один незадачный вопрос: что такое случилось примерно в XXIII в. до н.э., из-за чего с окуневских могильников исчезли катакомбы, и начало быстро развиваться оловянно-бронзовое производство, а елунинское население чуть позже с XXII в. до н.э. пошло в самый настоящий металлургический прорыв, осваивая сложные технологии оловянно-бронзового литья и совершенно новые до того невиданные в Южной Сибири формы орудий и оружия? То что елунинская реакция несколько запоздала по сравнению с окуневской вполне понятно, так как одно дело отказаться от погребального обряда, были бы на то серьезные культурно-инхронические основания, и совсем другое – освоить новые металлургические технологии и перенастроить все цепочки бронзолитейных производственных процессов, что требует немалого времени.

И все-таки что? И почему именно в XXIII в. до н.э.? А чуть позже в самом начале XXII в. до н.э. начинает стремительно скатываться к упадку Шумер, к тому времени превратившийся в империю Аккаде, еще позже, с XX в. до н.э., развиваются процессы регресса и деградации блестящей хараппской цивилизации в Индии, иными словами наблюдаются все признаки распада на большей части (а главное уже функционирующей части, правда,

без восточноазиатского олова...) торговой магистрали ВОП – те самые осевые метаморфозы 2200-2000 гг. до н.э., к которым мы, наконец-то, подошли вплотную. Но чтобы ответить на все эти вопросы, нам придется вновь вернуться в Переднюю Азию, чтобы попробовать разобраться с происходившими там культурно-инхроническими процессами.

Почему в Переднюю Азию? Да просто потому что только там до XXII в. до н.э. имелись достаточно высокий уровень развития технологий тонкостенного оловянно-бронзового литья и прообразы связанных с этими технологиями новых орудийно-оружейных форм^[32], которые вдруг ни с того ни с сего, не имея никаких промежуточных переходных форм в местной среде да и во всем южносибирском регионе, в XXII в. до н.э. появляются в елунинской культуре на Алтае. Если же совсем коротко, то потому что Передняя Азия еще с первой половины III тыс. до н.э. стояла во главе планеты всей в вопросах развития оловянно-бронзовой металлургии.

^[32] С. А. Григорьев "Древние индоевропейцы", Издание 2-е, доп., Челябинск: Цицеро, 2015, стр. 221-224; С. А. Григорьев "Металлургическое производство в Северной Евразии...", стр. 420-421.

ШЕСТОЙ ЭТЮД: «Тохарский карамболь»

Сразу определимся с вопросами терминологии – до сих пор под термином “ВОП” всегда подразумевался самый ранний первый ВОП, от которого пришел осевой инхроимпульс, даже если рядом не стояло “первый”, далее будем употреблять этот термин, только вместе с уточнениями: первый, второй... А теперь по существу.

На протяжении почти всего III тыс. до н.э. Передняя Азия была неоспоримым лидером оловянной бронзолитейной металлургии, чего, правда, не скажешь о запасах олова, которыми располагали переднеазиатские металлургии, во всяком случае, в Месопотамии, особенно в конце тысячелетия. Так, в Аккадской империи, в XXIII в. до н.э. объединившей все месопотамские территории, да и не только месопотамские, уже ощущалась заметная нехватка олова – химический анализ металла, обнаруженного в хорошо сохранившихся слоях периода Аккаде, показывает существенно более низкое содержание олова, чем в предыдущем раннединастическом периоде, которое порой доходило до почти чистой меди^[1]. Предполагается, что по каким-то причинам были прерваны некоторые пути доставки олова в державу Саргонидов. Какие-то пути? Ведь именно при Саргоне и его преемниках историки наблюдают расцвет торговли как внутренней, так и международной, по всей стране вводится единый календарь и система мер и весов, возможно, создается сеть дорог^[2]. И хотя сведений о государственном (царско-храмовым) секторе экономики Аккадского царства имеется меньше, чем от предыдущего Раннединастического периода III, зато историки располагают довольно полным корпусом сведений об “общинно-частном” секторе при Саргониде^[3] – например, купчие на землю свидетельствуют о постепенном размельчении больших семей и значительном росте частнособственнических тенденций и денежных отношений, вплоть до появления наемного труда на общем фоне обнищания свободного земледельческого населения^[4]. Все это вместе свидетельствует о быстром росте экономики и развитии зародышевых капиталистических отношений в обществе.

Рост же торговли и экономики в целом в свою очередь подразумевает неизбежный рост производства в Аккадской империи, в том числе и даже прежде всего рост оловянного бронзолитейного производства. Вот этот непомерный и быстрый рост металлопроизводства, скорее всего, и стал истинной причиной острой нехватки олова в стране. Думается, кризис оловянно-бронзового производства на общем фоне роста объемов металлопроизводства довольно сильно ощущался уже в первой половине XXIII в. до н.э. в царствование самого Саргона Древнего. Во всяком случае, к середине XXIII в. до н.э. нехватка олова должна была стать весьма заметным экономическим фактором, влияющим на многие социально-экономические процессы как в самой Аккадской империи, так и в окружающих странах и сообществах, связанных с ней торговыми отношениями. И почти в это же время, в начале

[1] C. J. Gadd Chapter XIX “The dynasty of Agade and the Gutian invasion” in I. E. S. Edwards, C. J. Gadd, N. G. L. Hammond (eds.) “Early history of the Middle East”, THE CAMBRIDGE ANCIENT HISTORY, third edition, Volume I, Part 2, Cambridge University Press, 2008, pp. 417–463, p. 452.

[2] И. М. Дьяконов (ред.) “История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации”, Часть первая “Месопотамия”, М.: Наука, 1983, стр. 242.

[3] Там же, стр. 253-254.

[4] Там же, стр. 242.

XXII в. до н.э., в Южной Сибири появляются новые бронзолитейные технологии и орудийные типы, характерные для переднеазиатского металлургического комплекса... Такие *процессуальные* совпадения случайными не бывают.

Выше уже говорилось о наиболее вероятном миграционном происхождении сложного оловянного бронзолитейного производства на развитом этапе елунинской культуры на Алтае, т.е. с XXII в. до н.э. В то же время мы видели, как в первой половине этого же тысячелетия происходили массовые миграции индоевропейского населения Волго-Уральского региона до Центральной Европы на западе и Енисея на востоке. Вполне логично предположить, что и в оловянно-бронзовой миграции в Южную Сибирь также приняло участие более подвижное индоевропейское население. Только на сей раз не степное, а те индоевропейские племена, которые остались в Передней Азии и за время расхождения со своими мигрировавшими в евразийскую степь сородичами наверняка успели перенять многие ближневосточные антропологические черты и гены от окружающего их населения. И на роль таких новых металлургических (оловянно-бронзолитейных) мигрантов “средиземноморского” внешнего облика лучше всего подходят тохары, раньше других (но после отселения в ~6300 г. до н.э. анатолийских мигрантов) еще с 4500-4300 гг. до н.э. отделившиеся от сплошного пояса заселивших север Восточной Анатолии, Закавказье, Предкавказье и Волго-Уралье остальных индоевропейских племен тем, что они остались на индоевропейской прародине. Тем паче что в более поздние времена задолго до уйгуров тохарское по языку население обнаружено далеко на востоке в Восточном Туркестане, т.е. в китайском Синьцзяне, и историки с лингвистами, и археологи с антропологами до сих пор гадают, как и когда они могли туда попасть.

Как мы помним, тохары остались на крайнем юго-западе индоевропейской прародины, рядом с равниной Амук, т.е. практически уже в Северном Леванте. До образования Аккадской державы все эти территории входили в состав крупного семитского государства Эбла, являвшегося важным центром международной торговли, и тохары до XXIII в. до н.э., скорее всего, проживали на землях данного государства. Однако на 11-ом году своего правления (т.е. в 2306/2305 год до н.э.) Саргон Великий совершил масштабный поход вверх по Евфрату, в ходе которого нанес поражение ряду местных правителей, среди них и царю Эблы^[5]. Не совсем понятно, была ли включена Эбла в состав империи во время именно этого похода, или Саргон ограничился ее разгромом, а территории Эблы окончательно присоединились к Аккаде в ходе более поздних походов Саргона или его наследников. Но как бы там ни было тохары с самого начала XXIII в. до н.э. оказываются втянутыми в орбиту влияния Аккадской державы и происходивших в ней социально-экономических процессов, в том числе и связанных с ростом оловянного бронзолитейного производства.

Раскопки в конце 1980-х годов на оловянном руднике Кестел на юге Центральной Анатолии “пролили свет на происхождение 5000-летних оловянных бронзовых фигурок, орудий и фрагментов тиглей, ранее найденные на поселении Tell Judaidah в долине Амук”^[6], показав тем самым, что местное оловянно-бронзовое производство базировалось на олове центрально-анатолийских месторождений. Таким образом, мы видим, что Эбла, куда входили и эти территории в долине Амук, располагалась на развилке торго-

^[5] Там же, стр. 238-239.

^[6] К. А. Yener et al. “New tin mines and production sites near Kultepe in Turkey: a third-millennium BC highland production model”, *Antiquity*, 89 (345), 2015, pp. 596–612, p. 598.

вых путей, ведущих из Центральной Анатолии как в Южный Левант, так и в Месопотамию, во всяком случае, в отношении олова. И тохары, судя по всему, проживали совсем близко от этой “оловянной” развилки, если не на ней самой, что в какой-то мере подразумевает достаточно высокий уровень развития оловянного бронзолитейного производства в их среде. Так что, нараставший в первой половине XXIII в. до н.э. дефицит олова никак не мог не зацепить тохарские племена.

Между тем, по имеющимся данным нехватка олова ощущалась намного сильнее в Верхней Месопотамии, чем в Нижней^[7]. Это с одной стороны может означать, что полученное с рудников Центральной Анатолии олово в Эбле чисто насильственными военно-политическими методами переправлялось аккадцами далее на юго-восток, с другой же – что население Нижней Месопотамии в аккадском периоде могло пользоваться еще и какими-то другими источниками олова, а скорее всего, сказался и первый, и второй фактор. Тем более что имеются некоторые сомнения в способности центрально-анатолийских оловянных месторождений в принципе обеспечить потребности в данном сырье всего Ближнего Востока^[8]. Что ж тогда говорить о ситуации, когда потребности эти росли, и росли очень быстро...

Самый простой выход из подобных ситуаций – это, по примеру городов Нижней Месопотамии, попытаться найти достаточно богатые альтернативные источники олова, желательнее не слишком далеко расположенные, а с другой стороны, недоступные агрессивной аккадской “оловянной” политике. Похоже, именно такой оловянно-бронзовый ответ и сформировался среди тохарских племен Эблы в первой половине XXIII в. до н.э., ближе к ее началу, чем к концу. Но почему именно тохары выступили в роли самых озабоченных катастрофической нехваткой олова в регионе, большей частью направляемого аккадцами в Месопотамию? Может, как самые продвинутые металлурги региона? Или же индоевропейцы тохары, судя по всему, наиболее оседлые среди индоевропейцев, на сей раз оказались более других своих неиндоевропейских сограждан-эблаитов склонны к переселениям и возглавили миграционные металлургические волнения в обществе Эблы? Допустим. Допустим, сказалась нерастрченная инхроэнергетика прежних индоевропейских ответов на аридную инхронику: нижнемесопотамского торгово-металлургического и индоевропейского колесно-транспортного, который со временем перерос в майкопский торгово-металлургический аридный ответ, успев при этом коснуться и оставшихся на прародине тохарских племен... Что бы там ни было, это что-то фигурально можно назвать общей склонностью – большей или меньшей – индоевропейцев к металлургическим миграциям, возникшей у них с ~4500 г. до н.э. проникновения на индоевропейскую прародину нижнемесопотамского торгово-металлургического аридного ответа.

Чтобы понять насколько целенаправленным было движение тохарских племен на восток, для начала следует определиться с теми загадочными дополнительными источниками олова, откуда Нижняя Месопотамия частично компенсировала растущий при Саргонидях дефицит олова. В настоящее время в ученом мире муссируются в основном три версии: 1) древние рудники у селения Дех Хосейн (Deh Hosein) на восточных склонах Загроса в

^[7] I. De Ryck, A. Adriaens, F. Adams “An overview of Mesopotamian bronze metallurgy during the 3rd millennium BC”, *Journal of Cultural Heritage*, 6, 2005, pp. 261–268, p. 265.

^[8] Там же, p. 266.

западной части Центрального Ирана^[9]; 2) разрабатываемые со второй половины III тыс. до н.э. месторождения олова вдоль долины Зеравшана на юге Средней Азии (рудник Мушистон (Mushiston))^[10]; и 3) залежи олова в афганской провинции Кандагар у южных склонов Гиндукуша, где на поселении Мундигак (Mundigak) в III тыс. до н.э. наблюдается производство бронзовых изделий с достаточно высоким содержанием олова^[11]. И у всех этих вариантов имеются свои плюсы и минусы:

1) Основное достоинство рудника Дех Хосейн – близость к Нижней Месопотамии – несколько тускнеет в свете того, что по одной имеющейся радиоуглеродной дате рудник датируется 1775-1522 гг. до н.э., а это слишком поздно с точки зрения интересующего нас сейчас аккадского времени. Однако данное обстоятельство с лихвой компенсируется тем, что дата получена из средних уровней рудника, и возраст самой ранней добычи олова здесь вполне, и даже вполне вероятно, может оказаться намного древнее^[12].

2) Большая часть зеравшанских рудников относятся к андроновскому времени и только один рудник Мушистон, расположенный в высокогорье западного Памира, датируется более поздним временем. Здесь выделены две хронологические стадии его разработки: первая фаза – 2450-1935 гг. до н.э. или округленно 2400-1900 до н.э., и вторая фаза – 1600-1000 гг. до н.э. или приблизительно от середины до конца II тыс. до н.э. При том что в первой фазе разработка велась только поверхностным способом, а во второй уже появляются настоящие шахты^[13]. Вторая стадия Мушистона также относится к андроновскому периоду, что подтверждается находками в шахтах второй фазы предметов и керамики, принадлежащих федоровской культуре, обычно относимой к андроновской общности. Таким образом, из всей оловянной горной промышленности по реке Зеравшан только рудник Мушистон и только в первой стадии его разработки может выступать в роли потенциального дополнительного источника олова для Нижней Месопотамии во второй половине III тыс. до н.э. К минусам данной версии можно отнести большую, чем в остальных вариантах, удаленность оловянных месторождений от Нижней Месопотамии. К тому же синхронность появления позднейших племен в зеравшанском регионе около середины III тыс. до н.э. (тому свидетельствуют следы явного влияния в заманбабинской культуре) началу эксплуатации рудника Мушистон склоняет к мысли, что олово Мушистона первоначально входило в сферу формирования гипотетической оловянной

^[9] N. Nezafati, E. Pernicka, M. Momenzadeh "Introduction of the Deh Hosein ancient tin-copper mine, Western Iran: evidence from geology, archaeology, geochemistry and lead isotope data", TÜBA-Ar, 12, 2009, pp. 223–236.

^[10] J. Garner "Bronze Age tin mines in central Asia" in A. Hauptmann, D. Modarressi-Tehrani (eds.) "Archaeometallurgy in Europe III. Proceedings of the 3rd International Conference Deutsches Bergbau-Museum Bochum June 29 – July 1, 2011", Bochum, 2015, pp. 135–143, p.140-p.142; P. Steinkeller "The Role of Iran in the Inter-Regional Exchange of Metals: Tin, Copper, Silver and Gold in the Second Half of the Third Millennium BC" in K. Maekawa (ed.) "Ancient Iran. New Perspectives from Archaeology and Cuneiform Studies. Proceedings of the International Colloquium held at the Center for Eurasian Cultural Studies, Kyoto University, December 6-7, 2014", Ancient Text Studies in the National Museum, Vol. 2, 2016, pp. 127–150, p.134-p.135.

^[11] K. Kaniuth "The Metallurgy of the Late Bronze Age Sapalli Culture Southern Uzbekistan and its Implications for the «Tin Question»", Iranica Antiqua, vol. XLII, 2007, pp. 23–40, p. 34.

^[12] N. Nezafati et al. "Introduction of the Deh Hosein...", p. 224.

^[13] Более точные даты взяты из P. Steinkeller "The Role of Iran in the Inter-Regional...", p. 135, а округленные – из J. Garner "Bronze Age tin mines...", p. 142. Там же и о способах разработки рудника Мушистон.

но-бронзовой торговой сети поздних ямников с центром на Южном Урале. Но могли ли торговые структуры шумеров, а затем и аккадцев, с их союзниками-сателлитами из Юго-Западного Ирана в таких условиях первых веков второй половины III тыс. до н.э. получить доступ к мушистонскому олову? А если не первых веков? Ведь ямная культура в своем основном регионе Волго-Уралье сходит на нет в 2300/2200 гг. до н.э.^[14], а вот почему она сходит с исторической авансены... С ответами на все эти вопросы нам сейчас как раз и предстоит разбираться.

3) В качестве плюса афганского варианта может выступить большая, чем в среднеазиатском варианте, близость месторождений олова в провинции Кандагар на юге Афганистана к таким центрам восточноиранской торговли второй половины III тыс. до н.э., как находящееся под несомненным эламским влиянием крупное поселение (протогород) Шахдад (Shahdad), через которое, и далее через Элам, в те времена осуществлялось большинство торговых связей Шумера и Аккада с Восточным Ираном и сопредельными с ним территориями на востоке^[15]. Тогда как наблюдаемое отсутствие здесь древних рудников (несомненный минус) можно объяснить трудностью и даже невозможностью проведения археологических раскопок в этом регионе в последние 40 с лишним лет.

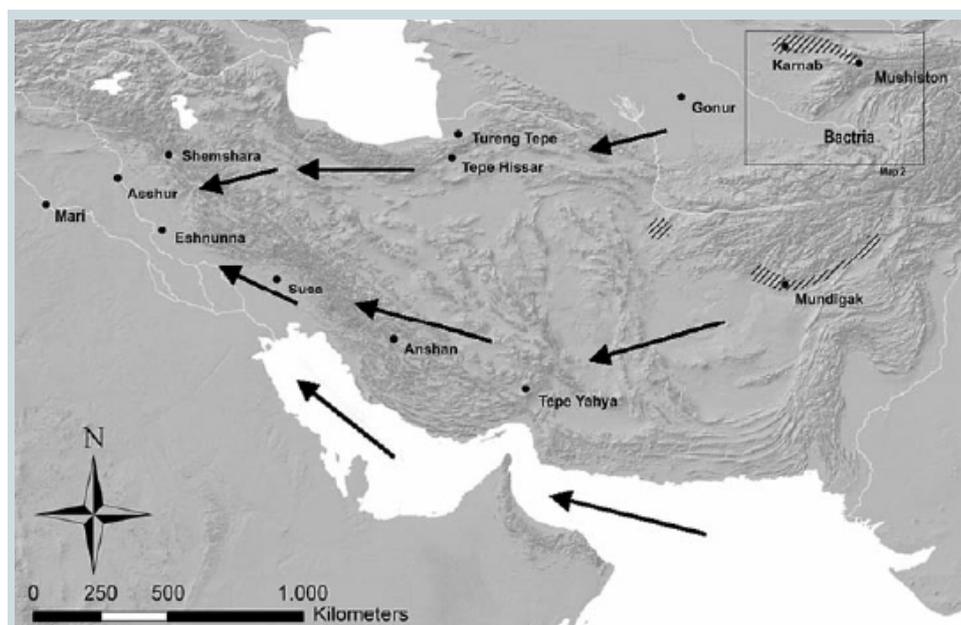

Рис. 4.13
Карта афгано-среднеазиатских месторождений олова (заштрихованы) и предполагаемых торговых связей этих регионов с Месопотамией в III тыс. до н.э.
 Прямоугольником в правом верхнем углу отмечена область от Зеравшана до Бактрии.
 (Карта взята из К. Kaniuth "The Metallurgy of the Late Bronze Age...", Fig. 2)

Вдобавок ко всему сказанному заметим, что попытки некоторых авторов убрать зеравшанское олово из списка возможных источников этого редкого сырья для Месопотамии опираются на довольно слабую аргумента-

^[14] Н. Л. Моргунова "Радиоуглеродная хронология ямной культуры Волжско-Уральского междуречья", КСИА, вып. 230, 2015, стр. 5–22.

^[15] S. Salvatori, M. Tosi "Some reflection on Shahdad and its place in the Bronze Age Middle Asia" in A. Hakemi "Shahdad. Archaeological excavations of a Bronze Age center in Iran", IsMEO Reports and Memoirs, Vol. XXVII, Rome, 1997, pp. 121–132.

цию^[16], а порою так и вовсе неверную – например, не учитывается время начала разработки рудника Мушистон. Главный же довод основывается на тезисе об отсутствии оловянно-бронзовой металлургии на поселении Тепе Гиссар (Тепе Hissar, Tappe Hesār), расположенного у юго-восточного угла Каспийского моря, откуда следует категорический вывод, что олово не могло транспортироваться из Средней Азии в Верхнюю Месопотамию по предшественнику так называемого Великого Хорасанского Пути (ВХП), т.е. по пред-ВХП. Да, поселение Тепе Гиссар являлось важнейшим узлом на этом торговом пути по северу Передней Азии (см. северный торговый маршрут на карте Рис. 4.13). И все же, во-первых, состояние нашего знания металлургии Тепе Гиссар оставляет желать лучшего^[17], и пока что нельзя так уж определенно говорить об отсутствии там олова. А во-вторых, допустим, археологи со временем удостоверятся, что в Тепе Гиссар и впрямь отсутствовало оловянно-бронзовое производство, и что? Разве это помеха для участия данного поселения, во многом зиждившегося на торговле, в транзите олова и оловянной бронзы^[18]?

Кстати, о торговле... После исчезновения в середине III тыс. до н.э. из будущей картины мира среднеазиатского оловянного притока первого ВОП и начала быстрого спада с ~2400 г. до н.э. гильмендской культуры, сопровождавшегося таким же уменьшением в размерах ее главных центров в Шахр-и-Сохтэ (см. Рис. 4.11 в предыдущем этюде) и Мундигаке, поселение Шахдад в иранской провинции Керман, расположенное несколько западнее Гильменда (см. карту на Рис. 4.12 в предыдущем этюде), получало все шансы перехватить торговлю Шахр-и-Сохтэ с Восточным Ираном, Средней Азией и Белуджистаном – горной областью у границ Индии. Благодаря своему исключительно удачному географическому положению Шахдад мог выступить для этих регионов в роли таких ворот в Аншан и Элам, ворот, к которым сходилось множество торговых путей с востока и северо-востока, возможно, и с иранского севера, что во второй половине III тыс. до н.э. и стало главной причиной подъема джирофтской протоцивилизации, расположенной между Шахдадом и Аншаном.

Таким образом, исходя из этих соображений, с большой долей вероятности начало Джирофта и достаточно масштабной восточной торговли Шахдада можно отнести к ~2400 г. до н.э. Чем только не торговали: и экзотическими товарами, и сельхозпродуктами (так называемый “невидимый импорт” – невидимый для археологов), сырьем и ремесленной продукцией... Особый интерес с точки зрения археологии представляют торговые маршруты, по которым двигались полудрагоценный минерал лазурит и различные сосуды из хлорита. Древняя торговля лазуритом еще со второй половины IV тыс. до н.э. охватила огромные территории от горной области Бадахшан на стыке Гиндукуша и Памира, где лазурит добывался^[19], и аж до

[16] K. Kaniuth “The Metallurgy of the Late Bronze Age...”, pp. 33-34.

[17] B. Helwing “The rise and fall of Bronze Age centers around the Central Iranian Desert – a comparison of Tappe Hesār II and Arismān”, *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*, Band XXXVIII, 2006, pp. 35–48, p. 44, n. 3; P. Steinkeller “The Role of Iran in the Inter-Regional Exchange...”, p. 135.

[18] См. еще и мнение по данному вопросу в B. Lyonnet “Another Possible Interpretation of the Bactro-Margiana Culture (BMAC) of Central Asia: The Tin Trade” in C. Jarrige, V. Lefevre (eds.) “South Asian Archaeology 2001”, Volume 1 Prehistory, Paris: Editions Recherche sur les Civilisations, 2005, pp. 191–200, p. 197.

[19] R. Law “Evaluating Potential Lapis Lazuli Sources for Ancient South Asia Using Sulfur Isotope Analysis” in C. C. Lamberg-Karlovsky, B. Genito (eds.) “«My Life is like the Summer Rose»

Египта^[20]. Торговля же специфическими хлоритовыми сосудами самых разных стилей и форм во второй половине III тыс. до н.э. также распространилась довольно широко от Средней Азии до Сирии^[21].

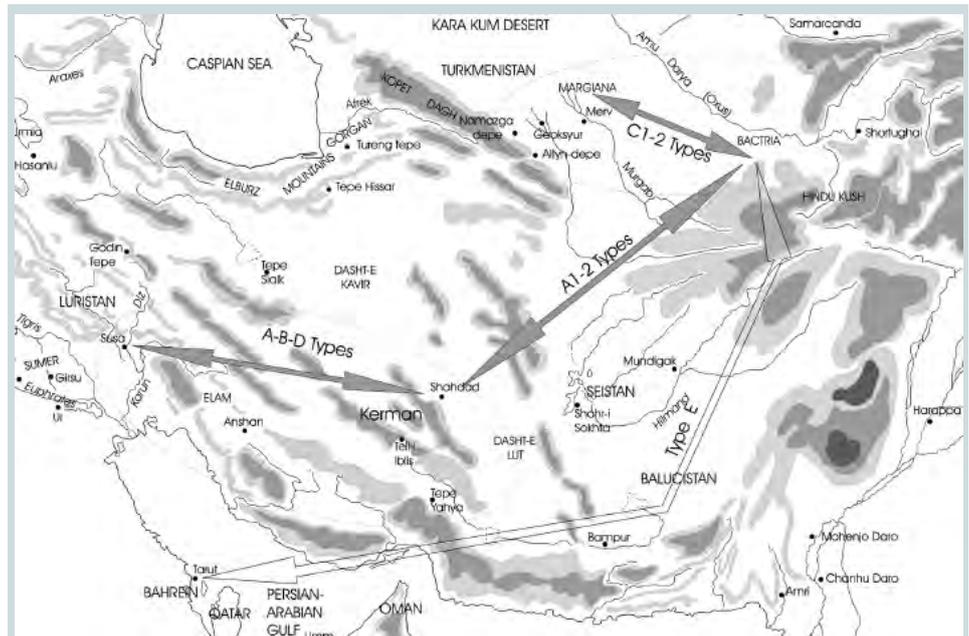

Рис. 4.14
Маршруты торговли хлоритовыми флаконами во второй половине III тыс. до н.э.
 (Карта взята из S. Salvatori "Cultural variability in the Bronze Age Oxus civilisation...", Figure. 6.3)

В одной из работ^[22] была сделана попытка по типам хлоритовых флаконов (по всей видимости, для косметики, благовоний и прочих снадобий) определить торговые маршруты, по которым их доставляли от производителей к потребителям (см. Рис. 4.14). Из всех полученных в данной статье результатов нам прежде всего интересен вывод о существовании “прямого привилегированного маршрута между иранским геополитическим сектором и по крайней мере одним из подрегионов цивилизации Окса”^[23] – если конкретно, то между регионом Шахдада (видимо, и Джирофта) и территориями исторической области Бактрия на юге Средней Азии и севере Афганистана (стрелка “A1-2 Types” на Рис. 4.14). Под “цивилизацией Окса” здесь подразумевается так называемый Бактрийско-Маргианский Археологический Комплекс (БМАК), который у некоторых (в основном западных) авторов зачастую фигурирует, как “цивилизация Окса” – по древнему названию Амударьи. А под прямым путем, разумеется, имеется в виду не геометрическая прямая, а прямая *без посредников* торговля хлоритовыми флаконами (надо полагать, и прочими возможными товарами) между Шахдадом и Бак-

Maurizio Tosi e l'Archeologia come modo di vivere. Papers in honour of Maurizio Tosi for his 70th birthday”, Oxford: Archaeopress, 2014, pp. 419–429, p.426-p.427.

[20] He Huang “The Route of Lapis Lazuli: Lapis Lazuli Trade From Afghanistan to Egypt During Mid-Late Bronze Age”, Advances in Social Science, Education and Humanities Research (ASSEHR), volume 183, 2018, pp. 391–399, p. 391.

[21] H. Basafa, M. H. Rezaei “A Comparative Study of Chlorite Vessels Iconography, Discovered from Halilrud Basin”, Sociology and Anthropology, 2(5), 2014, pp. 196–200, p. 196.

[22] S. Salvatori “Cultural variability in the Bronze Age Oxus civilisation and its relations with the surrounding regions of central Asia and Iran” in S. Salvatori, M. Tosi (eds.) “Lowlands: Facts and Methodological Proposal for a Redefinition of the Research Strategies”, Oxford, 2008, pp. 75–98.

[23] Там же, pp. 86-87.

трией. Причем датируется эта торговля (как, впрочем, и торговля флаконами других типов и по другим маршрутам) 2400-2300 гг. до н.э. с возможным продлением до 2100 г. до н.э. Так что, уже в 2400-2300 гг. до н.э. можно говорить о торговом присутствии шахдадцев и/или стоящих за ними эламитов в южной Средней Азии. Что, собственно, и требовалось доказать – слишком уж много сходений к 2400 г. до н.э. наблюдается...

И снова – олово. В предыдущем этюде было сказано, что среднеазиатские территории с зеравшанскими месторождениями олова в середине III тыс. до н.э., благодаря активности позднеямных племен, осваивавших приграничные с Зеравшаном земли, образовали один из очагов формирования уральской оловянно-бронзовой торгово-металлургической сферы взаимодействия наравне с очагами в Обь-Иртышье и по Среднему Енисею. Но что это означает на деле, конкретно? Ведь ни в среде самих позднеямных племен, ни на поселениях местных среднеазиатских земледельческих культур, на которые поздние ямники оказали вполне определенное и притом немалое культурное воздействие, даже передали им свой оловянно-бронзовый ответ на осевую инхронику (та самая сфера взаимодействия с центром на Южном Урале – далее уральский торговый оловянно-бронзовый ответ или просто уральский ответ), в районе середины III тыс. до н.э. не наблюдается даже намек на появление оловянно-бронзовой металлургии, в отличие от двух других очагов, где оловянно-бронзовое производство проявлено вполне отчетливо, пусть даже в самой зародышевой форме. Единственная среднеазиатская реакция, демонстрирующая присутствие на реке Зеравшан уральского ответа, – это катакомбный обряд погребения в синкретической культуре Заманбаба, что, как мы выяснили, в свою очередь означает развитие в долине Зеравшана только торговой составляющей уральского ответа без какого-либо участия в реализации ответа его производственной составляющей.

Такой сугубо торговый уклон мог быть вызван особым геополитическим положением зеравшанского очага уральского ответа – в непосредственной близости от переднеазиатского земледельческого населения. Ведь сами эти оловянные месторождения совсем недавно были выведены из среднеазиатского притока первого ВОП, что привело к его распаду, и степняки не имели никаких гарантий, что не будут предприняты какие-то новые попытки вернуть эти месторождения в лоно переднеазиатских торгово-металлургических сетей. Другими словами, данное оловянное “приобретение” поздних ямников было не очень-то надежным, и их желание, прежде чем начать разработку зеравшанских месторождений, постараться крепче привязать регион к Уралу вполне понятно. Тем более что у ямного населения не было практики быстрого создания колесно-транспортных коридоров, как у майкопцев или куро-араксинцев, и поэтому налаживание торговых и иных связей Урала со Средней Азии было первоочередной задачей, которая требовала немалых усилий и времени, что видно из примера более поздних степных последователей ямников – расселения андроновских племен, по сути начавшееся еще с Синташты, а то и с Абашево... – при том что арии, каковыми были арии-андроновцы, как раз-таки обладали всем необходимым колесно-транспортным опытом.

Да и само положение Мушистона в самых верховьях Зеравшана в высокогорной местности в какой-то мере предполагает, что доступ к нему осуществлялся с юга, из Бактрии, а не по зеравшанской долине, как это было бы, если бы этот рудник разрабатывали позднеямные степняки. К тому же степняки в первую очередь начали бы добывать олово с более близких к ним зеравшанских месторождений, например, в Карнабе (Karnab), чего не

наблюдается. И тем не менее с ~2400 г. до н.э. в данном регионе начинается разработка оловянного рудника Мушистон...

Но если ни степные ямники, ни население Заманбаба к добыче олова Мушистона никакого отношения не имели, то тогда кто? А ведь именно в это время чуть южнее рудника – как раз в Бактрии – появляются первые эламо-шахдадские торговцы, скорее всего, отправившиеся в такую даль (см. Рис. 4.13 и 4.14) не столько за здешними хлоритовыми флаконами (если в ~2400 г. до н.э. таковые вообще имели место в Бактрии), которые по стилю немногим отличались от шахдадских, сколько за добываемым рядом бадахшанским лазуритом, возможно, в обмен как раз-таки на шахдадские флаконы и другие товары, в том числе и эламские, и месопотамские... Да, лазурит.

Во второй половине III тыс. н.э. дальняя торговля лазуритом северо-афганского Бадахшана с западом могла осуществляться тремя разными торговыми маршрутами: двумя сухопутными и одним в значительной части водным^[24]. Первый сухопутный путь – это уже упомянутый нами предшественник Великого Хорасанского Пути (пред-ВХП), который перед Загросом мог разветвляться на две разные ветви, ведущие в Месопотамию: северная – в Верхнюю Месопотамию, и южная нижнемесопотамская – через эламские Сузы в Шумер. Второй сухопутный путь проходил по только что описанному нами маршруту хлоритовой торговли: Северный Афганистан (Бактрия) – Шахдад (Керман) – Сузы – Шумер. Третий (сухопутно-водный) маршрут: из Бадахшана в обход Гиндукуша по Бактрии (или напрямую по реке Гильменд) до Шахр-и-Сохтэ (Систан) – Белуджистан – долина Инда (или, как вариант, прямо из Бадахшана на юг к истокам Инда и далее по Инду к его устью) – Аравийское море – страны Персидского залива, среди них и Шумер. В разные исторические периоды главенствовал один (может, два) из этих основных маршрутов торговли лазуритом с западными территориями, и, судя по товарообороту остальных товаров (хотя бы те же самые сосуды из хлорита), во второй половине III тыс. до н.э. главным маршрутом доставки лазурита в Месопотамию становится второй сухопутный маршрут из Бадахшана через Бактрию, Шахдад и Сузы в Шумер. Впрочем в той же статье, на которую в начале абзаца была приведена ссылка, высказывается одна любопытная мысль: что даже в те периоды, когда лазуритовая торговля осуществлялась по одному из этих главных маршрутов, на двух остальных торговля лазуритом полностью никогда не прекращалась, и лазурит, хоть и тоненьким ручейком, все так же тек с востока на запад и по ним^[25].

Итак, судя по хлоритовой торговле, шахдадские торговцы в поисках лазурита впервые добираются до Южной Бактрии в 2400-2300 гг. до н.э., и вскоре в том же ~2400 г. до н.э. немного северо-восточнее, в горах Памира начинается эксплуатация залежей олова месторождения Мушистон.

В принципе рудник Мушистон мог быть запущен и торговцами Шахр-и-Сохтэ, которые еще в первой половине III тыс. до н.э. имели все возможности контролировать лазуритовую торговлю Бактрии бадахшанским лазуритом по одному из вариантов третьего сухопутно-водного лазуритового пути, поставляя его из Бактрии в Белуджистан и долину Инда. Но вот олово...

Как было показано выше, осевой оловянно-бронзовый ответ населения Шахр-и-Сохтэ был связан со среднеазиатским притоком первого ВОП, т.е. инхронически был привязан к этому торговому пути, который мог быть

^[24] He Huang “The Route of Lapis Lazuli...”, pp. 392-397.

^[25] Там же, p. 397.

сформирован только в будущем. А это в свою очередь означает, что сформирован он будет чисто экономическими потребностями, как и сам первый ВОП, одной лишь геополитической и экономической ситуацией с рынками производства и потребления олова, другими словами, будет сформирован *самопроизвольно*, стихийно, без какого либо явного военно-политического давления на данное естественное развитие хода события, каковое, например, наблюдалось в случае урукской экспансии в середине IV тыс. до н.э. В свою очередь такой подход формировал и соответствующий менталитет населения Шахр-и-Сохтэ. И как только в середине III тыс. до н.э. позднейшие племена в достаточно массовом порядке появились в окрестности реки Зеравшан, невольно направляя таким образом развитие экономической оловянно-бронзовой ситуации в этом регионе в совсем другую русло, к другому центру – на Урал, – что сразу же отменило возникновение в будущем среднеазиатского притока первого ВОП, и население Шахр-и-Сохтэ в своем осевом ответе тотчас отказалось от каких либо притязаний на среднеазиатское олово. Поэтому торговцы из Шахр-и-Сохтэ могли закупать в Бактрии лазурит, хлоритовые изделия и еще какие-то другие товары и сырье, но никак не инхронически уже уплывшее от них зеравшанское олово, торговля которым не имела никаких перспектив в будущем, оставляя им только “протоцивилизационное” развитие в настоящем.

Так что, за началом добычи олова на руднике Мушистон, скорее всего, стояли новые игроки – шахдадские торговцы, никак не привязанные к осевым инхроническим ожиданиям Восточного Ирана, а больше к оловянно-бронзовому ответу шумеров и их соседей: эламитов на востоке, и аккадцев на севере. И не торговля хлоритовыми сосудами или даже лазуритом, а именно олово как стратегический ресурс осевой инхронизации сделало торговый путь Бактрия-Шахдад “прямым”, т.е. без посредников, и “привилегированным”, т.е. стратегически важным, что в какой-то мере могло бы объяснить загадку отсутствия олова на востоке Иранского плато второй половины III тыс. до н.э., при наличии в это же время оловянно-бронзовой металлургии в Средней Азии, с одной стороны, и в Юго-Западном Иране, с другой.

Впрочем и в самом Шахдаде, как и в Шахр-и-Сохтэ, в III тыс. до н.э. олово что-то не очень наблюдается^[26]... Похоже, здесь действовал какой-то еще один фактор. В этой же статье Б. Хелвинг приводит две наиболее популярные гипотезы, призванные объяснить феномен отсутствия оловянно-бронзовой металлургии на поселениях Восточного Ирана: 1) развитие жестко централизованной сверхдальней торговли, и 2) так называемый “технологический консерватизм” восточноиранского населения^[27]. Первый фактор мы уже учли (“прямые привилегированные” торговые пути). Что касается второго фактора, то такие явления как “технологический консерватизм” на пустом месте не возникают – должны быть веские причины для столь неординарного технологического поведения. И такой причиной может оказаться самая обыкновенная выгода, когда выигрыш от перепродажи олова и оловянной бронзы существенно перевешивает профиты от использования оловянно-бронзовых изделий на местах. И в самом деле в таких важных восточноиранских узлах как Тепе Гиссар, Шахр-и-Сохтэ и Шахдад, к которым сходились множество торговых путей (или один большой товароемкий путь, например, Хорасанский...), доходы от транзитной торговли оловом вполне могли перевешивать все преимущества использования олова в местном оло-

[26] B. Helwing “Rethinking the tin mountains: Patterns of usage and circulation of tin in Greater Iran from the 4th to the 1st millennium BC”, Tuba-Ar, 12, 2009, pp. 209–221, p. 213.

[27] Там же, p. 214.

вянно-бронзовом производстве, которое, наоборот, в полную силу проявляло себя в Аншане, Эламе и тем более в Месопотамии.

Отметим еще, что описанные выше маршруты движения лазурита на запад довольно сильно напоминают торговые пути доставки олова в том же направлении, приведенные на Рис. 4.13. Что в принципе неудивительно – в конце концов, при одних и тех же (или очень близких) исходных (Бадехшан и Зеравшан) и конечных (Месопотамия – Нижняя и Верхняя) регионах торговые пути все больше определяются ландшафтно-географическими и социально-экономическими условиями, формирующими конкретные маршруты, которые не зависят или слабо зависят от движущихся по ним товаров. Отличие описанных выше лазуритовых маршрутов от маршрутов возможного движения олова на запад, которые приведены на Рис. 4.13, заключалось лишь в том, что средний оловянный маршрут во второй половине III тыс. до н.э., как показано выше, должен был исходить не из Южного Афганистана, а из Северного, т.е. из Бактрии, точно так же, как и пред-ВХП (северный путь на Рис. 4.13), и далее к Шахдаду.

Но позвольте, позвольте, позвольте!.. – перебью я сам себя. А как же все наши предыдущие утверждения, что первый ВОП инхронически (т.е. посредством инхроэнергетики ожиданий шумерского общества появления оловянного потока именно по первому ВОП) подавлял все потенциальные оловянные торговые пути, которые помимо него могли вести в Нижнюю Месопотамию, как это произошло с протоэламитами, как это формировало трассу среднеазиатского притока первого ВОП, лишь бы не напрямик в Шумер? А тут – из Бактрии через Шахдад и Сузы да прямо к основателям торгового компонента переднеазиатской цивилизации... Только не забываете про время, когда такое стало возможным, – с середины III тыс. до н.э., когда позднейшие племена синхронно, а главное достаточно массово, осели близ оловоносных залежей Зеравшана, Алтая, а в Минусинской котловине вышли на древние торговые пути, ведущие к забайкальским месторождениям. Видимо, после этого, после начала формирования уральской оловянно-бронзовой сферы взаимодействия (см. Рис 4.10 в предыдущем этюде), более поздние и явные этапы которой с легкой руки Е. Н. Черных принято называть Евразийской металлургической провинцией (ЕАМП^[28], а позднейший уральский вариант самой ранней нулевой ее фазы в таком случае можно назвать пред-ЕАМП), что-то пошатнулось в инхронических позициях первого ВОП, и моментально исчез из ожидаемого будущего его экономически чисто спонтанный среднеазиатский приток, и... стал возможным, а может, и необходимым, оловянный путь из Бактрии в Нижнюю Месопотамию. Может, чтобы хоть как-то ограничить область влияния уральской сферы взаимодействия, формируемой совокупным оловянно-бронзовым ответом поздних ямников? Не исключено...

Конечно же, плюс ко всему сыграла свою роль и постоянно растущая еще даже в доаккадское время потребность сиро-месопотамского мира в изделиях оловянно-бронзовой металлургии. И в итоге в XXIV в. до н.э. шахдадские торговцы появляются в Бактрии... При том что сами они искренне считали, что прибыли сюда за редким камнем лазуритом, а на деле отработывали социальный инхронический заказ, который на этих страницах мы уже привыкли называть оловянно-бронзовым ответом на осевую инхронику. Таким образом, уже с самого начала XXIII в. до н.э. обо всех этих оловянно-

^[28] Е. Н. Черных "Формирование евразийского «степного пояса» скотоводческих культур: взгляд сквозь призму археометаллургии и радиоуглеродной хронологии", Археология, этнография и антропология Евразии, 3 (35), 2008, стр. 36–53, на стр. 46–50.

лазуритовых переплетениях на востоке могли иметься хоть какое-то пусть и смутные представления чуть ли не по всей Аккадской империи, в том числе и в захваченной аккадцами Саргона Эбле, – по цепочке общавшихся между собой шахдадских, эламских, шумеро-аккадских и эблаитских торговцев. Что-то могли знать об этом и проживающие на территории Эблы тохарские племена. И тогда их оловянная миграция на восток должна была носить примерно такой же, если не более, целеустремленный характер, как и у устремившихся на запад в свое время ямников, располагавших более или менее близкими к истине представлениями о расположении оловянных месторождений в Центральной Европе. У тохаров к тому же имелся еще и четкий ориентир – слабый лазуритовый ручеек, попадавший на север сиромесопотамского мира по пред-ВХП.

Трудно сказать, приняло ли участие в миграции на восток часть тохарского населения Эблы, или тохары отправились на восток полным составом всех своих племен, всем скопом, так сказать. Если судить по более поздним расселениям агрессивных подвижных групп сейминско-турбинских воинов-всадников по Западной Сибири и Восточной Европе^[29], являвшихся наиболее яркими носителями переднеазиатских оловянно-бронзовых новаций в Северной Евразии, которых некоторые исследователи отождествляют с тохарами^[30], то с эблаитских территорий на поиски новых оловянных месторождений должны были отправиться отряды, состоящие в основном из молодых мужчин-воинов, укомплектованные, а может, уже и возглавляемые, опытными кузнецами-литейщиками, а большая часть тохаров осталась бы в Эбле. И тогда первоочередной задачей этих тохарских миграционных отрядов стало бы, не столько обнаружение новых источников олова, о которых они и так уже имели некоторое представление, сколько вытеснение из Бактрии шахдадских торговых групп, наверняка имевших неплохое вооруженное сопровождение. При этом основной расчет делался бы на то, что ни аккадцы, ни эламиты не смогут послать крупные военные силы в столь отдаленный от них регион, а с охранной оловянно-лазуритовых караванов они надеялись как-нибудь да справиться. И уж потом налаживали бы торговую обменную переправку олова этих месторождений по пред-ВХП в Эблу оставшимся там своим сородичам...

Но ведь глупо же! В Эбле аккадцы сразу же начали бы все теми же силовыми военно-административными методами переправлять большую часть зеравшанского олова в Нижнюю Месопотамию, как они делали это с анатолийским оловом. Нет, здесь что-то не то и не так... Чтобы действия тохарских мигрантов имели хоть какой-то практический смысл, им необходимо было переселяться в Бактрию всеми своими тохарскими племенами, взять под контроль рудник Мушистон и пустить торговый поток его оловом по пред-ВХП на запад, да не абы куда, и уж тем более не в Эблу, а самим направить мушистанское олово в обход Элама и его союзников прямо в Нижнюю Месопотамию, где обменная цена этого стратегического сырья была бы достаточно высокой, если не самой высокой в регионе, поскольку, скорее всего, именно здесь были сосредоточены самые большие производственные мощности бронзолитейной металлургии. И тогда еще более понятным становится отсутствие оловянно-бронзовой металлургии по всему Восточному Ирану, в XXIV в. до н.э. вызванное прямой без посредником

^[29] Е. Н. Черных, С. В. Кузьминых “Древняя металлургия Северной Евразии”, 1989, М.: «Наука», стр. 269–277.

^[30] В. В. Напольских “Введение в историческую уралоисторию”, Ижевск: Удмурдский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1997, стр. 155.

торговлей Шахдада с Бактрией, а после – переключением потока мушистонского олова на пред-ВХП. Отсутствие же олова на важнейшем для пред-ВХП поселении Тепе Гиссар также выглядит вполне естественным – зачем же торговать оловом, предназначенным богатым шумерам, с не столь богатыми гиссарцами? Тем более что те и сами, похоже, не очень-то интересовались металлургическими свойствами этого редкого металла, предпочитая извлекать из него выгоду только обслуживанием оловянного транзита дальше на запад. То есть, как мы видим, все та же комбинация двух моделей, интерпретирующих причины отсутствия олова в Восточном Иране: централизованная дальняя торговля (в данном случае тохаров, в случаях южных торговых путей – аккадцев, шумеров и эламитов) в сочетании с *прагматичным* “технологическим консерватизмом” торгового происхождения у восточно-иранского населения.

Таким образом, приходим к выводу, что тохарская миграция в начале XXIII в. до н.э. из сиро-levantийского региона на восток к горам Памира, скорее всего, носила массовый характер и имела целью взять под контроль всю торговлю оловом между Средней Азией и Ближним Востоком.

Более близкие районы Верхней Месопотамии были пройдены довольно быстро – слишком уж под боком от Аккадской империи располагались эти территории. Разве что ненадолго задержались в горах Загроса, где к ним могла либо присоединиться часть родственных тохарам племен гутиев^[31], если те уже давно обосновались в этих краях, либо же, наоборот, отделиться от тохаров, тоже частично, и остаться в Загросе, если гутии изначально вместе с тохарами начинали путь на восток с эблаитских земель – детальнее все эти нюансы обсудим чуть ниже. В любом случае (даже если ни о каком их родстве не может быть и речи, и гутии никоим образом не принимали участие в тохарской миграции) тохарский миграционный марш взбудоражил бы остававшихся в Загросе и/или на сопредельных иранских территориях не столь инхроэнергетичных гутиев, да так, что те стали бы намного чувствительнее к осевому “оловянному” будущему, чем были до того. Они и стали, и в ~2200 г. до н.э. аккадцы сполна почувствовали их новую осевую инхроэнергетику на своих спинах...

Обычно принято считать, что гутии до своего нашествия на Аккад в ~2200 г. до н.э. проживали где-то в Загросе или на прилегающих к нему западных территориях Ирана, а то и вовсе говорится, что гутии пришли в Аккад и Шумер откуда-то с востока. И. М. Дьяконов в известном совместном труде советских востоковедов так и пишет: “Кутии (гутеи) были племенами либо группой племен западной части Иранского нагорья; они представляли одну из ветвей энеолитических «культур расписной (крашенной) керамики». Точный район их расселения нам неизвестен. Что побудило их вторгнуться в Двуречье – желание пограбить богатые по тем временам земледельческие города или еще какие-либо причины, мы не знаем”^[32]. Правда, среди работ отечественных историков, чаще самой общей древневосточной направленности, встречаются и чуть более точные указания на ареал обитания гутий-

^[31] О возможном генетическом и лингвистическом родстве тохарских и гутийских племен см. в Л. М. Сверчков “Тохары. Древние индоевропейцы в Центральной Азии”, Ташкент: SMI-ASIA, 2011, стр. 16–17 и в Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов “Первые индоевропейцы в истории: предки тохар в древней Передней Азии”, Вестник древней истории, № 1, 1989, стр. 14–39. Обе работы в качестве первоисточника ссылаются на статью W. B. Henning “The First Indo-Europeans in History” in G. L. Ulmen (ed.) “Society and History. Essays in Honor of Karl August Wittfogel”, The Hague-Paris-New York, 1978, pp. 215–230.

^[32] И. М. Дьяконов (ред.) “История Древнего Востока. Зарождение...”, Часть первая “Месопотамия”, стр. 255.

ских племен, например, такие как: “от верховьев Диялы до оз. Урмия, на территории современного Иранского Азербайджана и Курдистана”^[33]. Или в другой работе и того конкретнее – говорится о том, что в «Вавилонской хронике» есть упоминание о завоевании в 546 г. до н.э. персами царя Кира II области Гутиум, расположенной к востоку от Тигра между Нижним (Малым) Забом, Тигром и Диялой^[34].

Столь большой разброс мнений о местоположении родины гутиев может быть вызван как попытками их локализации в разные периоды существования гутийского народа, что в свою очередь является следствием некоторой географической и хронологической неосведомленности клинописных источников, так и характером самого расселения гутиев, которые в Старовавилонском периоде (т.е. в первой половине II тыс. до н.э.) резко увеличили ареал своего обитания, особенно в северном направлении, а затем в более поздние периоды ареал вновь сократился, возможно, за счет того, что широко расселившиеся гутии были поглощены другими народами^[35].

В последней из тех работ, на которые мы только что ссылались, дается краткий, но довольно насыщенный, разбор гипотез зарубежных авторов и клинописных источников по данной теме^[36]. Суммируя приводимые автором данной работы различные локализации гутиев с вышеприведенными указаниями отечественных авторов можно прийти к некой средневзвешенной к тому же вполне обоснованной и правдоподобной локализации основной области расселения гутиев: первоначально по обе его стороны Малого Заба, причем на юге почти до средне-верхней Диялы, затем в “какое-то время” гутии расширяют свой ареал на юго-восток до гор Луристана. Что К. М. Ахмед в общем-то и отразил на приводимой им соответствующей карте^[37] (см. еще и карту на Рис 4.15).

Такая же история и со временем появления гутиев в горах Загроса. Считается, что сиро-месопотамский мир впервые столкнулся с гутиями в Аккадском периоде (XXIII в до н.э.), в то же время в одной из старовавилонских копий текста (“надпись Лугальаннемунду”), относимого к Раннединастическому периоду (2900–2350 гг. до н.э.^[38], точнее к его середине, когда правил Лугальаннемунду – царь шумерского города Адаба), уже имеется упоминание гутиев наряду с Кедровыми горами, Эламом, Мархаши, Субарту и амореями (марту и сутии)^[39]. Ключ к разрешению данной ситуации, как мне кажется, стоит поискать в роде занятий гутиев в сочетании с гипотезой Вальтера Хеннинга о родстве гутийских и тохарских племен, изложенной им в посмертно изданной статье (см. ком. 31 в данном этюде), и с позицией тохаров в нашей культурно-инхронической модели расселения индоевропейцев.

По старовавилонским клинописным источникам первой половины II тыс. до н.э. гутии вели полукочевый образ жизни, впрочем как и большинство индоевропейских племен, при этом, наравне с луллубеями, другими горцами Загросса, нанимались наемниками в армии различных больших и малых сиро-месопотамских, а может, и эламских правителей, и служили в

[33] Г. М. Бонгард-Левин (ред.) “Древние цивилизации”, М.: Мысль, 1989, стр. 90.

[34] В. И. Авдиев “История Древнего Востока”, издание третье, М.: «Высшая школа», 1970, стр. 433.

[35] К. М. Ahmed “The beginnings of ancient Kurdistan (c. 2500-1500 BC): A historical and cultural synthesis”, doctoral dissertation, Leiden University, 2012, p. 69, p. 71.

[36] Там же, pp. 69-71.

[37] Там же, pp. 70-71, p. 104 (Chapter Two, map 3).

[38] H. Crawford (ed.) “The Sumerian World”, N.Y.: Routledge, 2013, p. XXIII, Table 0.2.

[39] К. М. Ahmed “The beginnings of ancient Kurdistan...”, p. 68.

их личной охране (в “гвардии”)^[40]. В те времена да при столь своеобразном роде занятий на манер швейцарских гвардейцев, учитывая к тому же ту жизненно важную роль, которую торговля играла во всем сиро-месопотамском мире, они просто не могли не принимать участия также и в охране торговых караванов. Надо полагать, что и в III тыс. до н.э. образ жизни этих воинственных горцев мало чем отличался от того, который они вели во II тыс. до н.э. Тем более что первоначальный район обитания гутиев по обе стороны Малого Заба и почти до Диялы располагался прямо на той ветви торгового пути пред-ВХП, которая по ущельям Малого Заба вела из Ирана в Верхнюю Месопотамию^[41], и они, таким образом, располагали полной возможностью контролировать все загросские перевалы, ущелья и долины на этом важном участке, во всяком случае, в западной части Северного Загроса.

В район же Малого Заба в Загросе гутии впервые могли попасть еще в первой половине III тыс. до н.э. вместе с торговым караваном, то и дело сновавшими по здешним ущельям с запада на восток и обратно, – как заболелые, раненные или просто отставшие воины охраны, сбежавшие на вольные хлеба, и, возможно, сколотившие здесь свои разбойничьи шайки, которые грабили те же самые караваны, что раньше охраняли. Со временем поселившиеся в Северном Загросе гутии неизбежно пришли бы к общепринятой практике: много проще и легче договориться с торговцами и взимать с них регулярную плату за проход по контролируемым гутиями территориям, чем постоянно рисковать жизнями в стычках со стражниками караванов.

К тому же не будем забывать, что все гутии, во всяком случае, их подавляющая часть, были одной этнической принадлежности, как минимум, в части языка, но, надо полагать, и в быту и в сфере культурных привычек и обычаев, поскольку месопотамские писцы четко отличали их от проживающих по соседству с ними в Загросе горцев луллубеев. Но тогда вопрос: где гутии обитали до того, как стали наниматься в армии, в охрану караванов и т.д. и т.п.?

Вот здесь нам как раз и может помочь оригинальная гипотеза В. Хеннинга о близком родстве гутиев и тохар. В ракурсе этой гипотезы (пока что никакими новыми данными и исследованиями не подтвержденной, но и не опровергнутой) гутии – это те же самые тохары, отличавшиеся от них лишь тем, что говорили на немного другом тохарском диалекте (тохарский В, в отличие от тохарского А самих тохар) и образом жизни. Оба диалекта известны по намного более поздним письменным памятникам первой половины I тыс. н.э., обнаруженным далеко-далеко и от Загроса, и от Ирана, и от всей Передней Азии – на востоке, в Восточном Туркестане, т.е. в китайском Синьцзяне, в оазисах бассейна реки Таримы. Что касается образа жизни, то если гутии были полукочевым народом, то тохары переднеазиатских письменных памятников II тыс. до н.э. предстают перед нами, как оседлый народ искусных ремесленников и торговцев, который месопотамские народы называли *тукри*. Одним из примечательных видов изделий, изготавливаемых и продаваемых тукри, были широко распространенные металлические сосуды. В аккадский язык даже вошло выражение “тукрашу”, т.е. “тукрийский” или “на манер тукри”^[42]. А металлические сосуды – это что? Это прежде всего тонкостенное литье, для которого лучше всего подходит более текучая оловянная бронза, что косвенно свидетельствует о возможности ос-

^[40] Там же, pp. 71-74.

^[41] Y. Majidzadeh “Lapis lazuli and the Great Khorasan Road”, Paléorient, vol. 8, n°1, 1982, pp. 59-69, p. 59.

^[42] Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов “Первые индоевропейцы в истории...”, стр. 23.

воения племенами тукри сложных оловянно-бронзовых технологий, как минимум, в начале II тыс. до н.э., а скорее всего, еще в конце III тыс. до н.э.

По сведениям различных письменных источников тукри проживали в том же Загросе по соседству с субарту, луллубеями, гутиями и эламитами. В то же время торговля лазуритом, поступающим в Месопотамию из страны Тукриш, предполагает, что племена тукри, как и гутии, располагаясь на североиранском маршруте лазуритового торгового пути (пред-ВХП), только на другой его западной ветви (на ветви более позднего шелкового пути в направлении с северо-востока на юго-запад по иранским городам: Рей, Саве, Хамадан, Кангавар, Керманшах и Гаср-э-Ширин в Южную Ассирию^[43], т.е. в Центральную Месопотамию, прямо на северную границу Аккада), скорее всего, обитали где-то в районе дороги из Хамадана на Керманшах^[44] (см. карту на Рис 4.15).

Оба тохарских диалекта, А и В, зафиксированные в различных письменных традициях Центральной Азии в I тыс. н.э., предположительно разошлись достаточно рано – в III-II тыс. до н.э.^[45] Если же взять за основу датировки данного расхождения самую раннюю дату в пределах III тыс. до н.э., то можно попытаться выстроить логическую цепочку хода событий в тохарской среде того времени, параллельно реконструируя некоторые темные стороны этносоциальных и экономических процессов в тохарском обществе, начисто обойденные как письменными источниками, так и археологией. Рискованное это занятие – реконструкция того, о чем практически ничего не известно, я даже сказал бы, неблагоприятное, но... попробуем, что делаешь...

В первой половине III тыс. до н.э. ближе к середине тысячелетия тохары попадают в сферу влияния возникшего поблизости от них торгового семитского царства Эбла и вскоре входят в его состав – вероятно, в качестве, чем-то напоминающим положение федератов в поздней римской империи. Часть тохаров приняла порядки цивилизованного сиро-месопотамского мира, развивая и далее свои прежние ремесленные и торговые навыки, прежде всего металлургические, в более благоприятном для этого цивилизованном окружении. Однако другая часть так и не смогла отказаться от равенства и большей свободы поведения эгалитарного общества. Эти тохары мелкими группами, а то и в одиночку, стали отправляться в рискованные дальние странствия, по сути, в этакое гордое бродяжничество. Нанимались на службу то здесь, то там, то в одном царстве, то в другом, переходили от правителя к правителю, меняли воинские отряды как перчатки, зная, что всегда смогут бросить надоевшее служение и вновь отправится в свои бесцельные скитания, имя которым свобода... При этом, в какой-то мере отказываясь от угнетающей их цивилизации, они вовсе не собирались отказываться от ее благ, настойчиво пытаясь нащупать баланс между свободной гетерархией и сытой иерархией. В результате в очень скором времени это броуновское движение приобретает более упорядоченные формы, – как говорится, жизнь заставила... – и в их разбросанной по Сиро-Месопотамии среде начинает складываться институт военного наемничества. Единственное, что им не хватало, так это одной единой общей базы для всех своих соратников.

С оставшимися в Эбле тохарами эти “отщепенцы”, наверное, поддерживали постоянную связь, иначе их диалекты за несколько сот лет изо-

^[43] Y. Majidzadeh “Lapis lazuli and the Great...”, p. 59.

^[44] Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов “Первые индоевропейцы в истории...”, стр. 23.

^[45] Там же.

лированного друг от друга существования разошлись бы намного больше, чем наблюдается в письменных текстах Восточного Туркестана, и стали бы разными языками, а не диалектами одного. И все же избрать в качестве такой постоянной базы своих соплеменников в Эбле они никак не могли – все по той же вышеуказанной причине слишком тесного связывающего их, мало того, ко многому обязывающего, контакта с переднеазиатской цивилизацией.

Читатель, наверное, уже догадался, что под “отщепенцами”, отчаянными воинами, авантюристами и бродягами здесь понимаются гуттии. Где-то в середине III тыс. до н.э. в большинстве своем они оседают на одном из оживленных участков пред-ВХП в западных предгорьях Северного Загроса по обе стороны Малого Заба, таким образом, обретая, наконец, свою собственную постоянную базу и территорию, достаточно удаленную от прямого влияния центров переднеазиатской цивилизации. К тому же высокие горы Северного Загроса всегда могли стать надежным укрытием в случае чего, но в то же время не настолько далеко от тех же центров, чтобы можно было поддерживать нужные и полезные контакты с сиро-месопотамским миром.

И вот в начале XXIII в. до н.э. из этого нелюбого ими и в то же время уже ставшего необходимым мира в землях гуттиев вдруг выныривают длинные колонны их соплеменников тохаров... Нет, не так – не “вдруг” и не “выныривают”, – тохары отлично знали (не могли не знать – не столь уж и велика была сиро-месопотамская ойкумена даже для того времени), где в основном обретаются родственные им гуттии, а скорее всего, еще и специально связывались с ними, перед тем как всем народом отправляться в дальнюю переселенческую миграцию. Наверное, между ними даже были какие-то предварительные договоренности. Вот почему верхнемесопотамский участок пути между Эблой и Загросом и в самом деле был пройден тохарами чрезвычайно быстро, но не по ариадновой нити лазуритовой торговли, по которой они будут двигаться за Загросом, а потому что тохары четко и точно знали, куда шли, зачем, но, главное, к кому – к своим собратьям гуттиям, чтобы вместе с ним и при их воинской поддержке добраться до бактрийского подножья Памира, раз и навсегда вытеснить оттуда шахдадских эламитов и взять под свой полный торговый контроль олово Мушистана. Только торговый, поскольку реальный политический контроль над высокогорным рудником Мушистан осуществляли местные горцы, надо полагать, не менее воинственные, чем гуттии, они же добывали олово и обменивали его на товары пришлых южных торговцев самых разных мастей.

Присутствие народа тукри в Загросе во II тыс. до н.э. или даже с конца III тыс. до н.э. говорит о том, что часть тохаров осталось жить рядом с гуттиями. А их предполагаемый ареал обитания на средней ветви западного участка пред-ВХП, ведущей в Центральную Месопотамию, свидетельствует о намерении контролировать торговые пути из Ирана в Аккад и Шумер в обход Элама, своего главного конкурента, расположенного на южной – исфаханской – ветви западного участка пред-ВХП^[46], а кроме того, и на торговых путях, идущих из Шахдада и Джирофта через Аншан в Сузы.

Выше, цитируя работу К. М. Ахмеда, было сказано, что гуттии в “какое-то время” расширили свои территории между Малым Забом и Диалой на юго-восток до гор Луристана^[47]. Так вот, в качестве “какого-то времени”, как мне кажется, наилучшим образом подходит момент появления тохар в Загросе в начале XXIII в. до н.э. с их последующим обоснованием в районе

^[46] Y. Majidzadeh “Lapis lazuli and the Great...”, p. 59.

^[47] K. M. Ahmed “The beginnings of ancient Kurdistan...”, pp. 70-71.

дороги Хамадана-Керманшах. И тогда получается, что гутии в “какое-то время”, а именно, в начале XXIII в. до н.э., всего лишь продвинулись в направлении тохаров-тукри, поселившихся на загросском участке торговом пути из Ирана в Аккад-Шумер (см. Рис 4.15).

Таким образом, часть тохаров осталась в Загросе неподалеку от гутиев, ну а часть гутиев, соответственно, отправилась вместе с остальными тохарами на восток в Бактрию – иначе тогда откуда по логике В. Хеннинга у тохар Восточного Туркестана взялся бы второй диалект и такое название, как “Кучи”, а также “юечжи” у китайцев и “кушан” в Средней Азии?

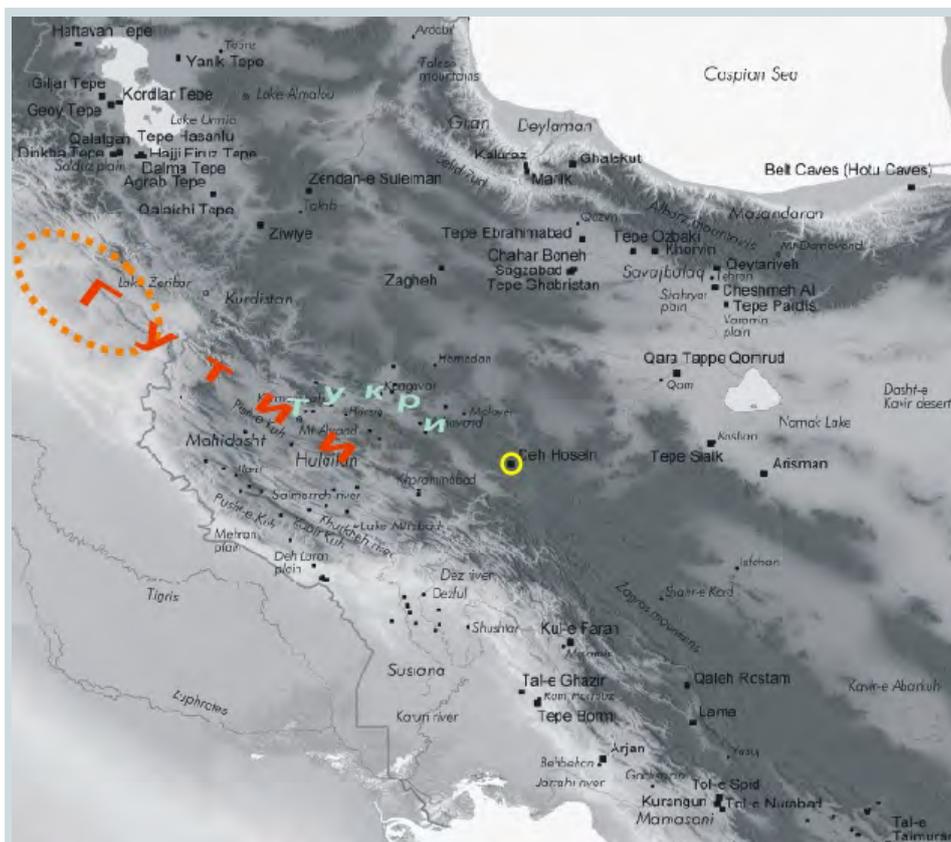

Рис. 4.15
Предполагаемая область обитания гутиев и тукри в XXIII в. до н.э.
и местоположение оловянного рудника Дех Хосейн

(Фрагмент карты взят из набора карт сборника D. T. Potts (ed.) "The Oxford Handbook of Ancient Iran", Oxford University Press, 2013. На нем добавлены: оранжевым пунктирным овалом обозначен первоначальный очаг обитания гутиев в первой половине III тыс. до н.э.; красная надпись указывает их область расселения в XXIII в. до н.э., а светлоголубая – местообитание племен тукри; рудник Дех Хосейн отмечен желтым кружком)

Желание тохаров и гутиев занять выгодные позиции по обе стороны Ирана (в Загросе и Бактрии) тоже вполне понятно с точки зрения торговли оловом – таким способом они, как и шахдадцы, получали возможность прямой без посредников торговли с памирскими горцами, разрабатывающими рудник Мушистон. К примеру, бактрийские тохаро-гутии (да-да, уже начавший складываться новый единый народ, который позже, уже в Сибири, приняв в себя еще одну этническую составляющую, станет известен археологам, как носитель сейминско-турбинского транскультурного феномена) могли доводить оловянные караваны до поселения Тепе Гиссар или еще дальше на запад, где их принимали бы загросские тохары и гутии, доставлявшие олово в Месопотамию.

Сколько времени тохаро-гутии пробыли в Загросе, как долго добирались до Бактрии, произошли ли у них там столкновения с шахдадцами, а если произошли, то насколько упорной была эта борьба за олово Мушистона и чем завершилось – на все эти вопросы ни археологическая, ни лингвистическая науки пока что не располагают ответами, и даже инхронический подход здесь уже не помощник. В свете развернувшихся позже событий можно лишь предположить, что тохары все-таки смогли в 2200–2000 гг. до н.э. наладить свой вариант оловянного пути по пред-ВХП. И тогда у шахдадских эламитов не оставалось ничего другого как сместить свою оловянную торговлю к южноафганским оловянным залежам Кандагара (возможно, вначале к западноафганским близ Герата^[48], а затем от них к южноафганским в Кандагаре), благо что Шахр-и-Сохтэ к тому времени уже практически сошел на нет.

Имеется еще один слабенький косвенный признак того, что уже в начале II тыс. до н.э. оставшиеся в Загросе тукри откуда-то получали олово – это производство ими металлических сосудов, о которых говорилось выше. Хотя в принципе совсем не обязательно, чтобы они получали олово по пред-ВХП, – оно могло поступать к ним оттуда угодно, хоть из того же расположенного рядом Элама. Мало того, рудник Дех Хосейн, добывающий олово здесь же в Загросе, также находился в непосредственной близости от тукри, впрочем как и от Элама (см. Рис. 4.15), и само начало его эксплуатации с довольно высокой степенью вероятности может оказаться связанным с деятельностью расселявшихся в Загросе с XXIII в. до н.э. племен тукри, т.е. новоприбывших эблаитских тохаров.

Да, все это возможно, а касательно рудника Дех Хосейн так и весьма вероятно, но с точки зрения рассматриваемых сейчас процессов, к которым мы подошли вплотную, особого значения уже не имеет, ввиду начавшейся разворачиваться цепи событий, куда более важных для региона да и всего мира в целом. И в этом ракурсе имеет значение лишь то, что в где-то в первой половине XXIII в. до н.э., наверное, все-таки ближе к ее началу, тохаро-гутии прибывают в Бактрию, и этот, казалось бы, совершенно ничтожный эпизод становится спусковым крючком, запустившим целую цепь взлетов и падений – тугой причинно-инхронический узел 2200–2000 гг. до н.э., ранее расплывчато называемый нами осевыми метаморфозами, в котором сошлись, переплелись и вновь разошлись множество самых разных на первый взгляд вроде бы независимых линий развития от ахейского завоевания Греции и начала возвышения Крита до перелома в становлении китайской цивилизации, а некоторые из них к тому же еще и имели предваряющий период с началом в первой половине XXIII в. до н.э. и окончанием в ~2200 г. до н.э., например, в окуневской культуре (см. предыдущий этюд) или в маргианской составляющей БМАК^[49]. И что самое интересное – все это многообразие полностью прозрачно и легко понимаемо в инхроническом ракурсе торговли оловом. Поэтому любые попытки свести столь разносторонний и в

^[48] S. Cleuziou, T. Berthoud "Early tin in the Near East: a reassessment in the light of new evidence from Western Afghanistan", Expedition, 24 (3), 1982, стр. 14–19.

^[49] Самые ранние сооружения дворцового комплекса и храмовых построек в Северном Гонуре (Маргиана) по радиоуглеродным замерам датируются 2300–2250 гг. до н.э. (Г. И. Зайцева и др. "Радиоуглеродная хронология памятника Гонур Депа" в В. И. Сарияниди и др. (ред.) "Труды Маргианской археологической экспедиции, Том 2", М.: Старый сад, 2008, стр. 166–179). В то время как начало Бактрийско-Маргианского Археологического Комплекса как культурного феномена, охватывающего большую часть Средней Азии, принято относить к ~2200 г. до н.э. (см., например, в С. С. Lamberg-Karlovsky "The Oxus Civilization", CuPAUAM, T. 39, 2013, pp. 21–63, p. 22).

то же время цельное пышное соцветие к климатическому событию 4200 ka (т.е. к климатической пертурбации 2200 г. до н.э.) заранее обречены на неудачу, поскольку в большинстве случаев по сути не предлагают ничего кроме деклараций наличия связи между засухой 2200 г. до н.э. и социально-политическими процессами на основе их одновременности. С помощью климата можно только пытаться прояснить какие-то частности рассматриваемых процессов и то лишь некоторых из них, когда воздействие климата накладывается на какой-то вполне конкретный аридный или осевой ответ, реализуемый в каких-то сугубо специфических культурно-инхронических, ресурсных и/или ландшафтных условиях. Правда, частности эти порой могут и впрямь носить катастрофический характер, что тем не менее ни в коем случае не отменяет их специфически частную природу. Например, в практически аридном Египте 2200 г. до н.э. многое становится понятным с точки зрения климата, а вот в существенно более осевой Нижней Месопотамии, мягко говоря, все уже далеко не так просто.

До сих пор речь шла только о прибытии тохаро-гутийских мигрантов в Бактрию, но не могло же это событие само по себе запустить целый каскад важнейших культурно-исторических процессов практически по всей Евразии? Естественно, не могло. Значит, достижение тохаро-гутиями Бактрии имело своим следствием какое-то другое событие, а то, может быть, – еще одно, третье, а затем и четвертое, и пятое... И одно из этих событий оказалось настолько глубинным системным, что смогло запустить вышеуказанный каскад переломов в самых разных осевых культурах. К счастью так далеко и долго искать это пусковое событие, причинно обусловленное появлением тохаро-гутиев в Бактрии, не придется – в инхронической истории оно лежит на поверхности, малого того, с событиями подобного рода мы уже один раз сталкивались в первом томе настоящего исследования. Имеется в виду распад в конце V тыс. до н.э. торгово-металлургической сферы взаимодействия, более известной под наименованием Балкано-Карпатской металлургической провинции (БКМП), вызванный проникновением в нее майкопского торгово-металлургического аридного ответа.

Прибыв на юг Средней Азии тохаро-гутии не могли не войти во взаимодействие с позднейшими племенами, часть которых к тому времени уже около двух или более столетий обитало немного севернее в степях близ долины реки Зеравшан. Тем более что высокогорный рудник Мушистон, к которому были так устремлены тохаро-гутии, располагался в поясе оловянных залежей вдоль Зеравшана. Выше на ряде примеров и синхронностей было показано, что с середины III тыс. до н.э. стараниями позднейших племен начала складываться уральская оловянно-бронзовая торгово-металлургическая осевая сфера взаимодействия, которую мы вслед за другими далее будем называть ее общепринятым наименованием – “Евразийская металлургическая провинция” с добавлением префикса “пред-“ (пред-ЕАМП). На этом первом самом раннем этапе ЕАМП, т.е., собственно, пред-ЕАМП, складывалась пока что без дальних торгово-обменных связей между производящими и потребляющими оловянную бронзу центрами – первоочередной задачей было развитие оловянных бронзолитейных технологий в местах добычи олова, а будущие оловянно-бронзовые торговые связи, как и в других регионах, лишь намечались кое-какими культурными особенностями, такими, например, как катакомбный обряд погребения, и то только в некоторых избранных местах.

И вот в эту еще только формируемую пред-ЕАМП в результате поздно-тохарогутийских контактов, надо полагать, довольно плотных, по-

падает оловянно-бронзовый осевой ответ тохаро-гутиев. Простой незамысловатый весьма специфичный и частный ответ на осевую инхронику, вызванный резко возросшими потребностями сиро-месопотамского мира Аккадского периода в олове, а также нехваткой олова на цивилизованном севере Передней Азии, в связи с засильем аккадцев, насильственными административными мерами отправлявшими олово на юг Месопотамии, – тохаро-гутии хотели всего лишь перехватить дальние закупки олова в Бактрии шахдадскими эламитами, ввиду удаленности недоступные прямому военно-административному регулированию со стороны аккадских и эламских правителей. Мало того, что ответ тохаро-гутиев проникает в пред-ЕАМП, он в очень скором времени (в течение того же XXIII в. до н.э.) разрушает ее, как это в свое произошло с БКМП и майкопским аридным ответом. Распад пред-ЕАМП внешне вылился в стремительное исчезновение в XXIII в. до н.э. ямной культуры в ее главном очаге Волго-Уралья. Но как?! И почему? Как и почему сей простенький чисто региональный ответ тохаро-гутиев смог разрушить эту нарождающуюся машину производства и торговли оловянной бронзой?

Уральская пред-ЕАМП уже связывала среднеазиатские, алтайские и даже забайкальские (через Минусинскую котловину на Среднем Енисее) месторождения в нечто единое целое – нет, не торговыми связями, а всего лишь вариациями одного и того же оловянно-бронзового осевого ответа пред-ЕАМП. Проникновение оловянно-бронзового осевого ответа тохаро-гутиев добавляло в эту пока что виртуальную сеть еще и анатолийские месторождения, а, возможно, и загросские близ рудника Дех Хосейн, поскольку тохаро-гутии были носителями традиции интенсивного пользования оловом этих месторождений, материально воплощенного в оловянно-бронзовых изделиях тохаро-гутиев (в отношении загросского олова да еще для столь ранних времен прибытия тохаро-гутиев в Среднюю Азию в начале XXIII в. до н.э. – это пока лишь чистой воды предположение). Но самое главное – поставки олова с этих месторождений в Месопотамию пересекалось с планируемыми тохаро-гутиями поставками туда же среднеазиатского олова с рудника Мушистон в верховьях Зеравшана. И именно эта возможность связать источники олова от Центральной Анатолии до Забайкалья в единую сеть потребления-производства и похоронила уральскую пред-ЕАМП, а вместе с ней и всю ямную культуру в целом. Потом на новом витке развития эта сфера торгово-металлургического взаимодействия подобно птице феникс возродится уже как сама ЕАМП, вот только без ямной культуры, и возродится с еще большей геополитической мощью, но это уже тема следующих этюдов.

Вот так, целая набирающая силу огромная сфера торгово-металлургического взаимодействия была разрушена одной лишь совершенно голой потенцией. Правда, справедливости ради стоит заметить, что зеравшанско-месопотамский кусок этой сети, уже готовый связать памирский рудник Мушистон и зеравшанские залежи олова не только с Месопотамией, но при помощи единого рынка потребления олова и с центальноанатолийскими месторождениями с их рудником Кестел, был в шаге от начала полноценного торгово-производственного функционирования, а добавить к этому участку сети еще и алтайские, а в перспективе и забайкальские месторождения, благодаря стараниям поздних ямников, не представляло каких-то особых трудностей. Как видим, потенция не такая уж и голая...

Подобная смешанная виртуально-реальная конструкция из оловянных месторождений и рынков потребления олова, как уже существующих,

так и ожидаемых, связанных двумя оловянно-бронзовыми ответами – позднейшими и тохарским, – ничего не поминает? Да ведь это же второй маршрут ВОП, описанный нами в первом этюде, который конкурировал с первым ВОП из Южного Китая через Северную Индию в Шумер, и проиграл ему во время прохождения осевого инхроимпульса за счет своей большей протяженности и меньшей суммарной мощности оловянных запасов вдоль него по сравнению с запасами Юго-Восточной Азии. Тогда проиграл, но после полутысячелетнего периода осевой оловянной поисковой активности ямных племен в восточном направлении, а особенно последовавшего затем оловянного миграционного марша тохарских племен, геоинхронический расклад поменялся самым кардинальным образом. Большая протяженность маршрута от основного очага-движителя переднеазиатской цивилизации в Нижней Месопотамии через Среднюю Азию, Алтай и Джунгарский проход до северокитайского движителя восточноазиатской цивилизации на Средней Хуанхэ уже не играла такой определяющей роли, какую играла ранее, поскольку большая часть этого пути в плане движения олова либо была практически уже освоена (бактрийско-месопотамский участок), либо быстро осваивалась (производственные составляющие зеравшанских, казахстано-алтайских месторождений), либо же была в достаточной степени готовности к началу их освоения (опорный пункт на Среднем Енисее, своей торговой составляющей ведущей к забайкальским месторождениям). Дело было только за участком Джунгария - Северный Китай, но и этот участок, как увидим, также был намечен очень быстро. Другими словами, большая протяженность второго ВОП (будем и далее так называть этот маршрут) по сравнению с первым с лихвой компенсировалась большей скоростью его построения – как результат предыдущих действий по реализации своих столь разнонаправленных, и в то же время во многом схожих, независимых оловянно-бронзовых ответов позднейших и тохарских племен.

Что касается мощности оловянных запасов первого и второго ВОП, то имеющиеся преимущества первого ВОП в значительной степени нивелировались стратегией его развития, отсекающей все другие источники олова, если только торговый путь от них вел в Нижнюю Месопотамию, минуя магистральную трассу самого первого ВОП. В то время как второй ВОП предполагал развитие прямо противоположным способом, который чуть выше был проиллюстрирован на примере анатолийских оловянных рудников и емкого месопотамского рынка, – он органично включал в себя все альтернативные источники олова, даже если с ними необходимо было конкурировать на некоторых пусть и очень важных системообразующих рынках, поскольку конкуренция в торговле оловом сполна и более компенсировалась ростом торговли на этих рынках другими товарами, и эти рынки с тем же правом и на тех же основаниях включались в трансквицизационную торговую сеть-магистраль, как и сами оловянные месторождения. Другими словами, главное различие между первым и вторым ВОП заключалось в том, что первый в основном ориентировался на единственный централизованный источник олова в Юго-Восточной Азии, в то время как подход второго подразумевал распределенный характер оловянных месторождений вперемешку с рынками сбыта олова по всей своей протяженности, что значительно увеличивало его гибкость, предоставляя гораздо больше возможностей для подключения все новых и новых источников олова и рынков сбыта оловянно-бронзовой продукции, которые в совокупности рано или поздно стали бы перевешивать всю мощь запасов олова Юго-Восточной Азии.

Таким образом, в зоне контакта позднеямных и тохарских племен, включавших, разумеется, и гутиев, от Зеравшана до Южной Бактрии начал формироваться новый оловянно-бронзовый осевой ответ, суть которого заключалась... Собственно говоря, суть эта была только что изложена выше. Осталось добавить, что растущая сеть связанных меж собой оловянных месторождений и рынков сбыта второго ВОП, порожденная данным ответом, в конце концов включила бы в себя оловянные запасы и Британии, и Иберийского (Пиренейского) полуострова на западе, и Якутии на северо-востоке, дотянулась бы (хотя бы в перспективе) даже до Юго-Восточной Азии, главного столпа первого ВОП. Последнего, как увидим в одном из следующих этюдов, долго ждать не пришлось...

Судя по окуневским реакциям и началу возведения дворцового комплекса в Гонуре (БМАК) новый оловянно-бронзовый осевой ответ начал формироваться вскоре после прибытия тохаро-гутийских племен в Бактрию, т.е. в том же начале XXIII в. до н.э. Завершилось же его формирование в ~2200 г. до н.э., если исходить из елунинской оловянно-бронзовой реакции и множества реакций других сообществ – в той же окуневской культуре, БМАК... собственно, по всей Евразии, как было сказано выше. И здесь имеется один любопытный штрих – для этого нового осевого ответа, связанного с зарождением второго ВОП, в большинстве случаев после ~2200 г. до н.э. даже не требовалось его распространения, так как с этого момента начала реализации второго ВОП существенным изменениям подвергалось уже само инхроническое будущее, в отличие, скажем, от процесса распада *аридной* Балкано-Карпатской металлургической провинции, когда связанное с Нижней Месопотамией аридное будущее не менялось, и торгово-металлургические ответы могли лишь дрейфовать от социума к социуму. И сейчас мы поэтапно рассмотрим все это слитное движение по коррекции будущего осевого мира.

В начале XXIII в. до н.э. начинается совместное формирование ответа второго ВОП тохаро-гутийскими и позднеямными племенами близ границы Бактрии и Согдианы. Затем вскоре и сразу к этому процессу подключаются и население всей остальной Средней Азии. И вот здесь на этих территориях, ближайших к очагу формирования нового ответа, в начале XXIII в. до н.э., скорее всего, произошел очень быстрый короткий дрейф едва зародившегося и еще только формируемого осевого ответа второго ВОП. Далее этот ответ почти столь же быстро распространился при помощи механизмов дрейфа на более удаленные от очага формирования ответа второго ВОП периферийные позднеямные племена Восточного Казахстана и Среднего Енисея. Таким образом, на всем востоке расширившегося в первой половине III тыс. до н.э. позднеямного ареала очень рано, в том же начале XXIII в. до н.э., местные позднеямные племена стали приспособлять свой уральский оловянно-бронзовый ответ к новому осевому ответу второго ВОП (переход от уйбатского периода к черновскому в окуневской культуре и переход от шидертинский этапа к березоволукинскому в елунинской культуре тому пример), что прежде всего стимулировало и продолжило дальнейшее формирование как самого второго ВОП, так и связанного с ним нового осевого ответа, поскольку восточные периферийные позднеямные племена отвечали за самый важный центральный участок нового пути.

В результате всего этого с начала XXIII в. до н.э. были запущены два связанных стимулирующих друг друга лавинообразных процесса: уже наметившееся очаги второго ВОП меняли осевой ответ поздних ямников, а подкорректированный позднеямный оловянно-бронзовый осевой ответ в свою

очередь способствовал дальнейшему становлению второго ВОП, создавая тем самым новые торгово-металлургические условия, которые тут же отзывались коррекциями осевых ответов... ну, и т.д. В силу чего эти племена уже вряд ли можно называть позднеямными с начала формирования нового осевого ответа в наступившем XXIII в. до н.э. Само же ямное сообщество в Волго-Уралье от такой сдвоенной лавины, стремительно уходящей в сторону от исконно ямного ареала, попросту начало разваливаться по мере того, как все эти коррекции формируемого осевого ответа второго ВОП непрерывно волна за волной подкатывали к центру уральской пред-ЕАМП, дрейфуя по степным казахстанским коммуникациям, худо ли, бедно ли, но в какой-то минимальной и в то же время достаточной форме функционирующим еще со времен движения поздних ямников на восток. А виной всему была маленькая тохарская искра...

Кстати, до сих пор мы не задавались вопросом: а кем этнически были эти поздние ямники и их потомки, перешедшие на ответ второго ВОП? Понятно, что “древнеевропейцами” (в нашей модели и в модели Т. Гамкрелидзе - В. Иванова), а конкретнее? Навряд ли они принадлежали балто-славяно-германской общности, поскольку с этой группой куда логичнее было бы отождествить тех поздних ямников, которые переселились в Центральную Европу и, судя по не столь давнему генетическо-археологическому исследованию, смешавшись с местным населением, где-то в середине III тыс. до н.э. положили здесь начало культуре шнуровой керамики^[50]. Тогда остаются кельто-италики, тем более что они были близки тохарам по языку еще на индоевропейской прародине (см. Рис. 4.6 в третьем этюде), и это вполне могло способствовать более быстрому и легкому их сближению в процессе формирования осевого ответа второго ВОП. Скорее всего, именно кельты. Логика здесь проста: если предположить, что часть протокельтских племен вместе балтами, славянами и германцами (тоже “прото”, разумеется), почти целенаправленно отправилась на запад, а другая часть широким веером рассеялась по степи в направлении востока и юго-востока, то тогда, возможно, удастся подобрать ключики к разрешению проблемы так называемого чемурчекского культурного феномена на территориях Восточного Казахстана, Алтая (в том числе Монгольского) и Джунгарии (Синьцзян) второй половины III тыс. до н.э. – начала II тыс. до н.э.^[51], не прибегая при этом к малопродуктивному тезису о миграциях с французских земель аж до границ Китая. Что же касается “мегалитной” аргументации, то о ней см. в третьем этюде настоящей хронографии (в связи с новосвободненский культурой). В любом случае, объяснение сходству культур бронзового века Южной Франции и Центральной Азии, наверное, стоит поискать в общих истоках из одного и того же очага с последовавшим спустя некоторое время “ренессансом” каких-то культурных черт, а не прямо в лоб выдвигать тезис о сверхдальней миграции, не имеющей ни малейшего смысла ни в каких моделях расселения.

Возвращаясь ко второму ВОП, отметим, что на протяжении короткого периода формирования связанного с ним осевого ответа от начала XXIII в. до н.э. вплоть до ~2200 г. до н.э. непрерывно росла и вероятность того, что второй ВОП в свое время станет еще одной трансцивилизационной торговой магистралью. И именно этот трансцивилизационный аспект второго

^[50] W. Naak et al. “Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe”, *Nature*, 522, 2015, pp. 207–211.

^[51] А. А. Ковалев (ред.) “Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчекский культурный феномен”, в двух частях, СПб.: ЛЕМА, МИСР, 2014-2015.

ВОП наряду с вышеприведенными причинами способствовал его быстрейшему становлению, но в то же время стимулировал и его подавление со стороны первого ВОП. Однако такому подавлению препятствовали все те же скорость и успешность формирования и реализации второго ВОП, а также его много большие геоинхронические потенциальные возможности сравнительно с первым ВОП.

Итак, с ~2200 г. до н.э. начинается этап реализации оловянно-бронзового осевого ответа второго ВОП. Возможно, как раз в это время был отправлен первый караван с оловом из Бактрии в Месопотамию, и, скорее всего, все это сопровождалось какими-то перемещениями тохарских (см. в следующем этюде) и протокельтских (бывших позднеямных) племен по Средней Азии, Казахстану, Джунгарии и не только. С этого же времени в инхроническом будущем устанавливаются аж две Оси, две трансцивилизационные магистрали – первого и второго ВОП. В результате второй ВОП начинает постепенно замещать первый во многих осевых ответах сообществ, которые развивались под действием осевой инхроники, в том числе и в самых отдаленных от среднеазиатского очага формирования ответа второго ВОП. Действия же этих социумов по реализации своих измененных осевых ответов в свою очередь только способствовали дальнейшему росту веса второго ВОП в инхроническом будущем, как это происходило чуть ранее в позднеямной среде.

Таким образом, подавляющая часть осевых метаморфоз 2200-2000 гг. до н.э. была вызвана сосуществованием в будущем сразу двух Осей (см. Рис. 4.16).

Что касается даты 2000 г. до н.э., то она связана с еще одним событием, которое мы рассмотрим в следующих этюдах. А пока что только поименуем его “потокowym событием 2000” (поскольку оно связано с переключениями будущих товаропотоков) и отметим, что следствием данного события стала полная победа второго ВОП в его трансцивилизационном противостоянии с первым ВОП, и исчезновение последнего из инхронического будущего.

И все же в череде массовых ломок, взлетов, падений и просто адаптационных коррекций ответов в осевом мире того времени имелись и крайне редкие случаи, требующие для своего объяснения и понимания, кроме чисто инхронических реакций, еще и какого-то причинно-следственного взаимодействия или распространения ответов – например, елунинская реакция ~2200 г. до н.э. (возможно, и окуневская металлургическая реакция того же времени) или проникновение оловянно-бронзового ответа второго ВОП, как, собственно, и самой осевой инхроники, в Китай или череда культур степной Евразии, приведшая к возникновению ЕАМП. Ну, об осевом Китае и о зарождении ЕАМП мы еще поговорим в свое время и в своем месте, а что касается елунинской культуры, то самое раннее для Южной Сибири появление в Обь-Иртыше с ~2200 г. до н.э. типов оловянно-бронзовых изделий, характерных для более поздних сейминско-турбинских сообществ, говорит о том, что в ~2200 г. до н.э. после завершения формирования оловянно-бронзового ответа второго ВОП, а может, и еще раньше, тохаро-гутийские племена (скорее, какая-то их часть) из Бактрии двинулись на северо-восток к восточноказахстанским алтайским месторождениям олова. Наверное, все-таки немного раньше 2200 г. до н.э., поскольку в Бактрии указанные изделия, например, такие как кельты, чуть позже ставшие лицом сейминско-турбицев, не наблюдаются, а с ~2200 г. до н.э. уже отмечены в верхнем Обь-Иртыше.

Рис. 4.16

“Осевые метаморфозы” сосуществования первого и второго ВОП: ожидаемые в 2200-2000 гг. до н.э. пути торговли оловом, которые должны были установиться в конце осевой инхронозы

Сплошными светло-серыми стрелками обозначены предполагаемые пути торговли оловом, возможно, действующие в 2200-2000 гг. до н.э. Все остальные обозначения – такие же как на Рис. 4.10 в предыдущем этюде, только пунктирными серыми стрелками показаны вероятные ответвления и продолжения как первого, так и второго ВОП, а белым пунктиром очерчены примерные границы осевых цивилизаций, порожденных ВОП.

Так что, эти изделия как следствие коррекции оловянно-бронзового ответа тохаро-гутиев под второй ВОП на базе переднеазиатских металлургических традиций, надо полагать, появляются в их среде, из которой в будущем вырастут сейминско-турбинские группы, на пути из Бактрии на Алтай или даже уже на самом Рудном Алтае. Да и верховое коневодство, следы которого также просматриваются у сейминско-турбинцев, тохаро-гутии могли освоить в тех же казахстанских степях по дороге к Алтаю. Кельты же и прочие не очень-то совершенные в своем бронзолитейном качестве изделия сейминско-турбинского типа, наблюдаемые в елунинской культуре, – это след недолгого, при этом достаточно плотного, контакта тохаро-гутиев с елунинцами, в ходе которого последние перенимают некоторые чисто внешние приемы тохарских металлургов, но отнюдь не секреты их мастерства.

Теперь давайте-ка быстро пробежимся по некоторым знаковым регионам, чтобы, располагая более полной картиной происходившего в те непростые времена и Рис. 4.16, предметнее представить, как все эти инхронические коллизии отразились в исторических реалиях.

Шумер. Здесь с ~2200 г. до н.э. начинают наблюдаться первые вестники грядущего упадка в шумерском обществе – как следствие ослабления инхронических позиций первого ВОП с расщеплением Оси на две составляющие. Загросские гутии, воодушевленные, с одной стороны, “отступлением” первого ВОП, а с другой, началом реализации второго ВОП, завоевывают аккадские земли вместе с Шумером, уровень инхроэнергетики в которых падал синхронно с ослаблением их осевого стержня – первого ВОП. Век спустя гутии изгоняются из Нижней Месопотамии, и на недолгое время примерно такой же сотни лет наступает ренессанс шумерской государственности в царстве Шумера и Аккада при Третьей династии Ура. Однако в ~2000 г. до н.э., когда после потокового события 2000 второй ВОП окончательно утверждается в качестве Оси – основной и единственной трансквилизационной торговой оловянной магистрали, – в Месопотамию вторгаются семитские племена амореев и начинают методично захватывать одну за другой области в Аккаде и Шумере. В воцарившемся хаосе еще пару веков периодически вспыхивают искорки былого величия (“Период Исина и Ларсы”), и тем не менее на сей раз Шумер сходит с исторической авансцены окончательно и бесповоротно, а следом, растворившись в аморейском море, исчезают и шумеры как народ. Все это, конечно же, общеизвестные факты месопотамской истории, но в инхроническом свете смены будущего ВОП они неожиданно прямо на глазах приобретают до мелочей конкретный и притом наглядный исторический смысл.

Хараппа. В хараппском обществе 2200-2000 гг. до н.э. ничего такого особенного и катастрофического не происходило. Напротив, в этом периоде (период 3С зрелой Хараппы: 2200-1900 гг. до н.э.^[52]) хараппская цивилизация достигает пика своего развития и максимального расширения. Казалось бы, как раз Хараппа и должна была в первую очередь и сильнее всего отреагировать на ослабление первого ВОП в это время, причем подобно Шумеру прореагировать отрицательно, однако, как мы видим, развитие Хараппы показывает ситуацию с точностью до наоборот. В чем же дело? А дело всего

^[52] J. R. McIntosh “The ancient Indus Valley: new perspectives”, Santa Barbara: ABC-CLIO, 2008, p. 421.

лишь в географическом положении Северо-Западной Индии и маршрутов первого и второго ВОП, из-за которых инхронические позиции Хараппы с появлением в инхроническом будущем второго ВОП несколько ухудшались, конечно, но далеко не так катастрофично, как в Шумере, поскольку у Хараппы имелись широкие торговые связи как с Шумером по маршруту первого ВОП, так со Средней Азией, лежащей на основном (“стволовом”) маршруте второго ВОП. В результате с ослаблением или даже исчезновением одного из этих магистральных путей Хараппа располагала всеми возможностями для компенсации упавшего транзитного товарооборота за счет развития торговли с его визави. И все же ситуация не была такой уж симметричной – в случае исчезновения второго ВОП Хараппа всего лишь возвращалась к первоначальной ситуации функционирования только первого ВОП, а вот в случае исчезновения первого ВОП через Хараппу прошел бы уже не трансквилизационная магистраль торговли оловом и другими товарами, а только оловянный приток к этой магистрали (т.е. уже к основной торговой магистрали второго ВОП), по которому восточноазиатское олово доставлялось бы на срединный участок второго ВОП в Средней Азии и далее распределялось бы посредством торговли ВОП почти по всей Евразии. Именно это, собственно говоря, и произошло с первым ВОП и Хараппой в ~2000 г. до н.э.

Поэтому в периоде 2200-2000 гг. до н.э. существования расщепленной Оси в лице первого и второго ВОП не наблюдалось никаких серьезных причин, способных привести к значительному падению уровня инхроэнергетики в хараппском обществе, в отличие от Шумера, ослабевавшем синхронно с ослаблением позиций первого ВОП в инхроническом будущем, поскольку вся его осевая судьба и будущее осевое величие было намертво связаны только с первым ВОП, и только с ним одним.

И тем не менее по общепринятой хронологии где-то в районе 1900 г. до н.э. хараппская цивилизация входит в период глубокого упадка, даже коллапса, после которого уже так и не смогла оправиться^[53]: многие города и деревни обезлюдели, люди разбрелись кто куда, быстро сворачивалось производство и дальняя торговля... При этом имеются кое-какие указания на то, что корни вышеозначенного катастрофического упадка просматриваются уже в конце периода ЗС с ~2000 г. до н.э.^[54], т.е. с момента совершения потокового события 2000, вызвавшего исчезновение первого ВОП и переключение потока восточноазиатского олова с Нижней Месопотамии на Среднюю Азию. Таким образом, похоже на то, что потоковое событие 2000 вызвало еще одно последствие, которое по аналогии назовем “потоковым событием 1900”, и которое после исчезновения в 2000 г. до н.э. первого ВОП стало причиной исчезновения из того же инхронического будущего еще и его, так сказать, “посмертного” существования в виде оловянного притока второго ВОП из Южного Китая и Юго-Восточной Азии в Среднюю Азию через Индию. Что тут же и привело к падению Хараппы...

А ведь и впрямь интересно, что это за потоковые события такие? Первый поток ВОП одолели с легкостью необыкновенной, тут же возникший в будущем мощный оловянный приток второго ВОП ликвидировали, как будто это кабанья тропка... Немного терпения – узнаем, всему свое время.

^[53] Там же, pp. 91-101.

^[54] Там же, p. 421.

БМАК. Культурно-инхроническое развитие среднеазиатских сообществ Бактрийско-Маргианского Археологического Комплекса в это время напоминает харапское, но есть и отличия. Если в Харappe установление расщепленной Оси в 2200 г. до н.э. и ослабление первого ВОП никак не сказались на темпах развития, и в периоде 2200-2000 гг. до н.э. харапское общество достигает своего максимального развития, то в сообществах Средней Азии с 2200 г. до н.э. только и начинается урбанизация и настоящее движение к цивилизации, вызванное появлением в инхроническом будущем трансцивилизационной магистрали второго ВОП, которая должна была пройти именно по маргианским территориям БМАК, а бактрийская его составляющая была активизирована главенствующей ролью олова и оловянной бронзы в торговых потоках этой магистрали. Причем в маргианском Гонуре периода 2200-1900 гг. до н.э. вдруг начинают наблюдаться отсутствовавшие до того признаки столь резкой иерархической стратификации общества^[55], что невольно напрашивается мысль: здесь, в отличие от сообществ, например, Гильменда, мы имеем дело с прохождением *внутреннего* социально-политического цивилизирующего инхроимпульса, полученным, надо полагать, еще в начале XXIII в. до н.э. Поэтому не зря многие исследователи называют общество БМАК цивилизацией Окса...

С инхронических позиций такая квалификация подержана тем, что, несмотря на довольно широкие торговые связи БМАК с Ираном и Индией, масштабы среднеазиатской торговли периода 2200-1900 гг. до н.э. ни в коей мере не соответствуют наблюдаемой в это время глубокой социальной стратификации общества, т.е. здесь мы имеем случай явного *опережающего* события социального развития. И хотя это опережающее развитие и было прервано в ~1900 г. до н.э.^[56] (причиной начавшегося упадка цивилизации Окса,

^[55] С блестящей культурой общества Гонура можно познакомиться во многих трудах раскопывающего этот город В. И. Сарияниди, особенно в его так называемой Маргианской трилогии: В. И. Сарияниди “Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб”, Ашхабад: TÜRK MENDÖWLETHABARLARY, 2002; В. И. Сарияниди “Гонур-депе. Город царей и богов”, Ашхабад: MIRAS, 2005; В. И. Сарияниди “Маргуш. Тайна и правда великой культуры”, Ашхабад: TÜRK MENDÖWLETHABARLARY, 2008. В своих статьях и книгах В. И. Сарияниди позиционирует культуру Гонура как арийскую, с чем не согласно большинство археологов (см. С. С. Lamberg-Karlovsky “The Oxus Civilization”), и что никак не согласуется с нашей культурно-инхронической моделью расселения индоевропейцев – слишком рано для появления ариев в Средней Азии.

^[56] S. Salvatori “The Margiana Settlement Pattern from the Middle Bronze Age to the Parthian-Sasanian Period: a Contribution to the Study of Complexity” in S. Salvatori, M. Tosi (eds.) “Lowlands: Facts and Methodological Proposal for a Redefinition of the Research Strategies”, Oxford, 2008, pp. 57–74; S. Salvatori “Bactria-Margiana Archaeological Complex: How Terminology Hides Historical Processes” в Н. А. Дубова и др. (ред.) “Труды Маргианской археологической экспедиции, Том 6, Памяти Виктора Ивановича Сарияниди”, М.: Старый сад, 2016, стр. 449–460, на стр. 450. В первой статье С. Сальватори на основе реконструкций геоморфологии дельты Мургаба, позволяющих найти следы поселений в определенные исторические периоды, приходит к выводу, что в переходный период от Среднего Бронзового Века (СБВ) Средней Азии к Позднему Бронзовому Веку (ПБВ) происходит разрушение иерархического управления поселениями из главного центра в Гонуре – если в СБВ поселения в округе Гонура иерархически управлялись из данного центра, то в ПБВ Гонур теряет контроль над этими поселениями, и те приобретают большую независимость. Таким образом, несмотря на рост числа поселений в ПБВ, здесь налицо распадные процессы, которые автор называет “территориальной фрагментацией”, начавшиеся при переходе СБВ/ПБВ. Во второй статье автор датирует окончание СБВ Средней Азии 2000/1900 гг. до н.э., т.е. XX-ым в. до н.э. С другой стороны, в статье Г. И. Зайцева и др. “Радиоуглеродная хронология...”, на стр. 166 утверждается, что “Археологические данные позволяют говорить, что около XX-XIX вв. до н.э. кремль и дворец [Северного Гонура] были охвачены сильнейшим пожаром. Стены сохранились, но ущерб постройкам был нанесен большой. Затем дворец был отстроен заново,

как и Хараппы, вполне могло выступить потоковое событие 1900, после которого будущая трансцивилизационная магистраль уже не должна была проходить по Средней Азии – см. в последних этюдах данной хронографии), оно *фатально* продолжилось спустя около 1000 лет в среде обосновавшихся ранее в Средней Азии иранских племен, постепенно ассимилировавших местное население. Подобная фатальная неизбежность появления новой цивилизации именно в Средней Азии также свидетельствует о цивилизационной природе общества БМАК – скорее всего, именно древнее население Окса и передало иранцам свою внутреннюю социальную инхронику, которая плюс к тому наложилась на все еще тлеющее у ариев аридное цивилизационное развитие Майкопа (майкопско-новосвободненской общности – МНО). Тем более что накануне появления иранско-среднеазиатской цивилизации место трансцивилизационной магистрали в инхроническом будущем уже занял Великий Шелковый Путь (ВШП), центральный участок которого вновь должен был пройти по Средней Азии. Все это сложилось вместе, и... пошел бродить по среднеазиатским горам, степям и пескам удивительный чудак – пророк Заратустра...

А ранее, еще со времен переходного периода смены Оси в 2200-2000 гг. до н.э., по всей Средней Азии распространяется катакомбный обряд погребения^[57], что, как говорилось в предыдущем этюде, свидетельствует о переднеазиатском происхождении населения еще доиранской Средней Азии времен энеолита и бронзового века и об ожидаемом им в будущем установлении торговой связи с землями предков на севере Передней Азии по второму ВОП.

И еще немного – совсем коротко. Если ямная культура Волго-Уралья прекратила свое существование еще в XXIII в. до н.э. от одного лишь формирования оловянно-бронзового ответа второго ВОП, и только из-за того что периферийные позднеямные племена Средней Азии (а за ними и Джунгарии, Восточного Казахстана, Алтая и Среднего Енисея) приняли участие в данном формировании, то катакомбники Южной России исчезли в полном соответствии и согласии с тем, что и когда происходило в других удаленных от Средней Азии регионах – в ~2200 г. до н.э., когда в инхроническом будущем рядом с первым ВОП появился и стал укрепляться второй ВОП. Оно и понятно – с появлением второго ВОП, даже если бы Ось так и осталась до конца осевой инхрозоны расщепленной на первый и второй ВОП, продолжение первого ВОП через Кавказ в Восточную Европу стало бы невозмож-

однако просуществовал как культово-административный центр недолго – около пары сотен лет (второй период существования памятника)”. Данный пожар вполне мог быть вызван вышеуказанным ослаблением центральной власти в Гонуре, и тогда наиболее вероятной датой перехода СБВ/ПБВ считается дата ~1900 г. до н.э. Запомним это и еще про два века и второй период существования... И тем не менее временной интервал перехода достаточно широк – примерно в век, и это, скорее всего, или XX в. до н.э., или интервал середина XX-середина XIX вв. до н.э. Так что, в качестве причины начала распадных процессов в БМАК в принципе одинаково годится и потоковое событие 2000, и потоковое событие 1900, но, как увидим далее, само по себе событие 2000 по своему смысловому содержанию вряд ли могло вызвать распадные процессы в дельте Мургаба, а вот событие 1900 не только могло привести к спаду инхроэнергетики в здешних сообществах, но и *должно* было привести к самым катастрофическим последствиям во всем среднеазиатском регионе. Поэтому остановимся на тоже достаточно протяженной во времени датировке перехода СБВ/ПБВ ~1900 г. до н.э.

^[57] Ю. Г. Кутимов “Происхождение и пути распространения катакомбного обряда погребения в Средней Азии (по материалам могильников бронзового века)”, кандидатская диссертация, Санкт-Петербург, 2009, стр. 72–106.

ным, в крайнем случае, маловозможным, поскольку при такой конфигурации торговых путей Восточная Европа попадала в сферу влияния второго ВОП и почти наверняка снабжалась бы оловом прямо с Алтая через Урал, который в отличие от Кавказа не перекрывался катакомбными сообществами. И катакомбная культура стала сходиться на нет сразу же в ~2200 г. до н.э., как только на горизонте замаячили столь печальные для катакомбников перспективы.

Сугубо западные продолжения и ответвления второго ВОП в Европе стали актуальными с того же ~2200 г. до н.э. утверждения в инхроническом будущем второго ВОП, когда часть древнегреческих племен, а именно, ахейцы, с Северных Балкан или с еще более северных территорий, расположенных ближе к центрально-европейским месторождениям олова в Рудных горах, стремясь войти в сферу взаимодействия второго ВОП, уже доходившей чуть ли не до Западной Анатолии, приступили к планомерному завоеванию Южных Балкан, т.е. Греции.

Одновременно в 2200-2000 гг. до н.э. на Крите шло становление новой цивилизации, блестяще в полный рост проявившей себя во II тыс. до н.э. в “дворцовой” крито-минойской культуре. Обычно данную культуру все же называют цивилизацией, прямо так – крито-минойская цивилизация, – но нет, крито-минойский мир не был отдельной независимой цивилизацией – это была всего лишь первая фаза более общего культурного феномена под названием “европейская цивилизация” (ЕЦ), которая, пройдя множество фаз своего развития, дожила до сегодняшних дней. И хотя крито-минойскую фазу ЕЦ, собственно крито-минойскую цивилизованную культуру, основало неиндоевропейское население, переселившееся на Крит, скорее всего, с Кикладских островов (возможно, с эгейского побережья Западной Анатолии) вместе со всеми своими кикладскими навыками, в том числе и развитого дальнего мореходства, а во все остальных последующих фазах, начиная с греко-микенской, ЕЦ развивалась в основном в среде индоевропейского населения Европы, первая минойская фаза ЕЦ является столь же неотъемлемой ее частью, как и ахейская микенская, перенявшая флаг цивилизационного развития от Крита, и передавшая его древним грекам. Заодно отметим, что некоторый древневосточный налет на микено-минойской фазе развития ЕЦ мог быть вызван протеканием этой самой ранней европейской фазы еще в пределах аридной инхрозоны и ее тесными контактами в данном периоде с переднеазиатской цивилизацией в рамках формирующейся сферы взаимодействия мировых торговых трансцивилизационных магистралей и связанных с ними торговых путей.

Интерес же минойцев и ахейцев, будущих микенцев, к оловянным путям заключался в их возможностях (скорее всего, полученных еще от кикладцев) *морского* подключения месторождений олова на крайнем западе Европы – на Иберийском (Пиренейском) полуострове и в Британии – к Восточному Средиземноморью. Причем, если критских минойцев, ввиду их более удобного географического положения для каботажного плавания вдоль североафриканского побережья, должно было привлекать пиренейское направление, то микенские ахейцы, скорее всего, искали бы выходы на Оловянные острова^[58].

^[58] Касательно микенцев см. Ю. В. Андреев “От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III—начало I тыс. до н. э.)”, СПб.: «Дмитрий Буланин», 2002, ком. 10 на стр. 596. С Центральной Европой (а отсюда, возможно, и с Британией) микенцы и впрямь имели оживленные торговые контакты, но, опять-таки исходя из географического положения микенцев и их мореходных навыков, не исключена и их полукаботажная морская связь с бри-

Как бы там ни было с 2200-2000 гг. до н.э. второй ВОП просто не мог пройти мимо появившейся под его прямым инхроническим воздействием новой цивилизации – европейской (см. Рис. 4.16), – к тому же имевшей весьма неплохие перспективы развития, и металлургического в том числе, в не столь уж и отдаленном будущем – еще в осевые времена.

Наверное, стоило бы чуть подробнее остановиться на культурных и инхронических процессах в Эгеиде 2200-2000 гг. до н.э. и позже, но не сейчас. Поэтому, не исключено, что нам еще придется вернуться и затронуть некоторые ранние резонансные моменты становления европейской цивилизации в каких-то других сюжетах... А сейчас и без того уже накопилось достаточно много отложенных вопросов, чтобы незамедлительно перейти к следующему этюду.

танскими источниками олова посредством торговых путей, ведущих из Британии к средиземноморскому побережью Южной Франции.

СЕДЬМОЙ ЭТЮД: «Битва за Север I: Сейма»

Из всего продвижения тохаро-гутиев на восток в рамках нашей культурно-инхронической миграционной модели, наверное, самым загадочным представляется их превращение в сейминско-турбинцев. Нет, не в конных высококлассных кузнецов-литейщиков – в предыдущем этюде уже было показано, что подобная трансмутация, скорее всего, могла произойти по дороге к Алтаю и на самом Алтае, а высокую металлургическую квалификацию тохары приобрели еще в Передней Азии задолго (за несколько веков) до своего восточного вояжа. Не об этом речь... Точно неизвестно, где, когда и при каких обстоятельствах сложилась именно сейминско-турбинская этнокультурная общность, неповторимые следы которой наблюдаются на огромном пространстве от Сибири до Балтики. И все же по распространенности тех или иных металлургических артефактов, каменного и костяного инвентаря уже давно было предположено, что сейминско-турбинские сообщества сложились где-то в юго-восточной части этого маршрута: металлургия сформировалась в пределах Рудного Алтая, верхнего Иртыша и Восточного Семиречья, т.е. вблизи касситеритовых залежей олова Калбинского и Нарымского хребтов, на территории, заселенной елунинскими племенами; в то время как кремневые и нефритовые изделия, а также костяное производство, тяготеют к районам Прибайкалья, Восточного Саяна, бассейна Ангары и среднего Енисея^[1]. И вот откуда-то отсюда, из этой довольно-таки обширной области от Восточного Казахстана до Ангары, сейминско-турбинские группы стремительно распространились на северо-запад (см. Рис. 4.17)...

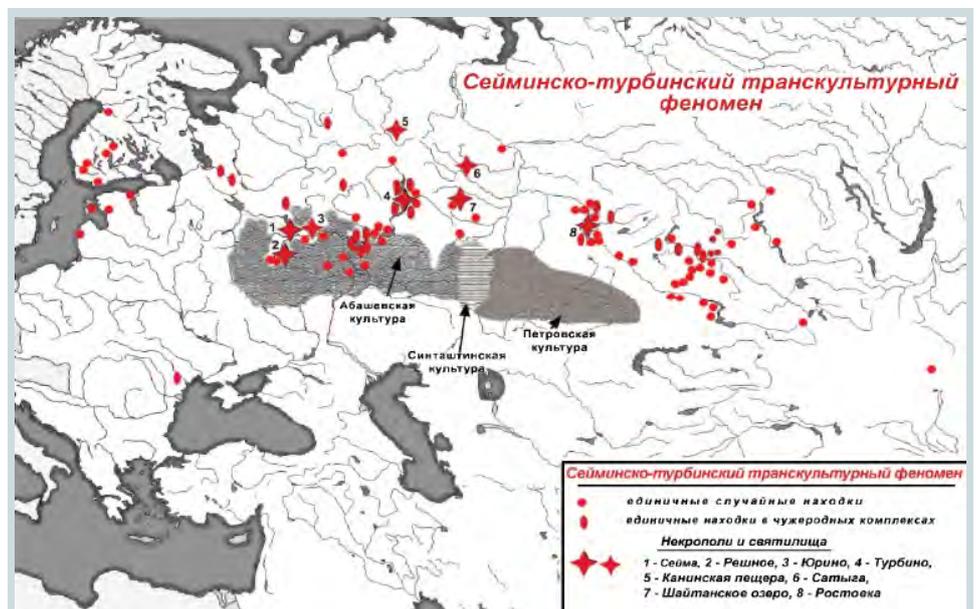

Рис. 4.17

Сейминско-турбинский транскультурный феномен: археологические памятники и случайные находки

(Карта взята из Е. Н. Черных "Степной пояс Евразии: Феномен кочевых культур", М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009, Рис. 14.1)

^[1] Е. Н. Черных, С. В. Кузьминых "Древняя металлургия Северной Евразии", 1989, М.: «Наука», стр. 239–255.

Металлургическую аргументацию в пользу более точного места формирования сейминско-турбинской этнокультурной общности можно отбросить почти сразу, поскольку в елунинском очаге металлообработки, как было показано в предыдущем этюде, могла появиться лишь местная не очень качественная оловянно-бронзовая металлургия и переняты у тохаров новые формы бронзового инвентаря, такие как кельты, специфические наконечники копий и др.

Навскидку, чисто для интереса – например, кельт как оружие со сравнительно коротким прямым древком, мог появиться у тохаров вскоре после освоения ими искусства верховой езды в казахстанских степях и затем стал важнейшим элементом верхового боя с пешим противником при нанесении сверху резких точных режуще-рубящих (а не колющих, как у копья) ударов без особо сильного замаха (а не с большим замахом, как у топора) в гуще вражеской пехоты. То есть нечто вроде саперных лопаток современного спецназа, только для всадников. Разумеется, могли применять его и в пешем строю, но максимальной эффективности и убойной силы кельт, как, скажем, и средневековая сабля, достигал только в руках опытного конного воина. И тогда наличие кельтов в елунинском ареале свидетельствовало бы о первых боестолкновениях верховых тохаро-гутиев с пешими елунинцами... Но это пока что слишком уж голословное предположение, тем более что одно дело освоение верховой езды, и совсем другое – навыки верхового боя, искусство которого, скорее всего, появилось несколько позже – лет этак на тысячу и более. Между прочим, во все последующие времена после бронзового века, кельт как оружие так и не получил широкого применения, поскольку владение таким вот боевым кельтом требовало немалого мастерства, обучаться которому и шлифовать его надо было чуть ли не всю жизнь, причем в профессиональной воинской среде, каковыми как раз и являлись сейминско-турбинские сообщества. Видимо, как раз тогда и появились кельты-топоры с обычной продольной рукояткой, которые по своим инструментальным качествам, конечно же, уступали цельнолитым топорам, зато позволяли существенно экономить металл...

Сами же продвинутые оловянные бронзолитейные технологии возникли еще в Передней Азии, много раньше елунинских металлургических экспериментов, и предположительно были привнесены на Алтай мигрирующими тохаро-гутиями, которые отнюдь не стремились делиться с местным елунинским населением секретами качественной выплавки изделий из оловянной бронзы. При таких контактах могло произойти разве что только чисто внешнее, т.е. подражающее, и к тому же неожиданно быстрое, заимствование последним лишь некоторых базовых основ оловянно-бронзовой металлургии вместе с невиданными типами оружия, появившимися у тохаров совсем недавно, возможно, даже прямо на глазах у елунинцев. В дальнейшем тохаро-гутии уже в своем новом сейминско-турбинском облике по возможности старались избегать подобных заимствований собственных форм оловянно-бронзовых изделий^[2]. Правда, не всегда и не везде это им удавалось... – чем, собственно, и можно было бы объяснить трудности реконструкции этнокультурных взаимодействий на просторах Западной Сибири в сейминско-турбинское время. И уж тем более никогда не передавали аборигенному населению изготовленного ими самими оружия.

О некорректности вывода сейминско-турбинской металлургии из елунинского очага свидетельствуют и радиоуглеродные датировки, говоря-

^[2] Там же, стр. 252.

шие скорее о синхронности сейминско-турбинского транскультурного феномена в Западной Сибири и развитого этапа елунинской культуры, чем об их последовательной смене – судите сами. Самый древний в Зауралье памятник сейминско-турбинской миграции датируется 2140-1940 гг. до н.э.^[3] – это могильник Сатыга XVI, – правда, всего по одной радиоуглеродной дате с калибровкой в две сигмы. При том что для елунинского эталонного (во всяком случае, на развитом, т.е. березоволукинском, этапе данной культуры) поселения Березовая Лука была получена комбинированная дата 2130-1950 гг. до н.э. (тоже с калибровкой в две сигмы)^[4]. Несколько обескураживающее совпадение дат, не правда ли? Особенно для памятников, между которыми около полутора тысяч километров... Кто-то скажет: одна единственная дата, к тому же крайняя для транскультурного феномена; комбинированные даты обычно получают только с закрытых погребальных комплексов; учет резервуарного эффекта, возможно, различного в двух этих регионах, может существенно разнести обе датировки и пр. и пр. А тут еще появились и исследователи, сомневающиеся в самой сейминско-турбинской атрибуции памятника Сатыга XVI^[5]. Что ж, зайдем с другого края...

Могильник Ростовка расположен близ Омска в устье реки Омь при ее впадении в Иртыш. Надеюсь, насчет принадлежности данного археологического памятника именно сейминско-турбинской этнокультурной общности никто возражать не будет... Так вот, недавно с этого могильника и некоторых других памятников Барабинской лесостепи Обь-Иртышья, также содержащих бронзовый инвентарь сейминско-турбинского типа, были получены новые радиоуглеродные даты^[6]. Для сравнения вместе с ними были произведены и новые радиоуглеродные замеры с нескольких памятников Верхнего Приобья и Волго-Уралья. Важно отметить, что в отличие от многих предыдущих замеров новые даты, в том числе и с ключевого могильника Ростовка, были получены прямым датированием бронзовых артефактов, т.е. пробы для радиоуглеродного датирования брались только из тех погребений, в которых имелся сейминско-турбинский бронзовый инвентарь, что значительно повысило точность хронологии сейминско-турбинского феномена^[7].

В итоге после исключения крайних дат могильник Ростовка датируется XXII-XX вв. н.э.^[8] Если вспомним еще, что развитый (березоволукинский) этап елунинской культуры, с начала которого в ней наблюдается бронзовые орудия и оружие сейминско-турбинских форм, по всей совокупности имеющихся радиоуглеродных дат с памятников этой культуры датируется тем же самым периодом (см. пятый этюд настоящей хронографии), то... То мы видим, что развитая елунинская культура с оловянно-бронзовыми артефактами сейминско-турбинского типа полностью синхронна сейминско-

^[3] В. К. Hanks, A. V. Epimakhov, A. C. Renfrew "Towards a refined chronology for the Bronze Age of the southern Urals, Russia", *Antiquity*, 81, 2007, pp. 353–367, Figure 3.

^[4] Ю. Ф. Кирюшин, С. П. Грушин, А. А. Тишкин "Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи", Том II, Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2011, стр. 76.

^[5] С. Ф. Кокшаров "Рецензия на издание: Сатыга XVI: сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири / Коллективная монография. – Екатеринбург: изд-во «Уральский рабочий», 2011", *Вестник археологии, антропологии и этнографии*, № 2 (21), 2013, стр. 133–149; С. Ф. Кокшаров "Первый металл Конды", *Вестник археологии, антропологии и этнографии*, № 4 (19), 2012, стр. 27–42.

^[6] Z. V. Marchenko et al. "Radiocarbon chronology of complexes with Seima-Turbino type objects (Bronze Age) in Southwestern Siberia", *Radiocarbon*, Vol 59, Nr 5, 2017, pp. 1381–1397.

^[7] Там же, pp. 1383-1384.

^[8] Там же, p. 1390.

турбинскому транскультурному феномену в его самой ранней фазе на юго-востоке Западной Сибири. Не предшествует, а именно синхронна, т.е. приходим к тому же выводу, к которому мы пришли чуть выше, опираясь на две другие весьма значимые датировки – с Сатыги XVI и Березовой Луки. А это в свою очередь означает, что великолепная сейминско-турбинская оловянно-бронзовая металлургия никоим образом не могла произойти от не очень-то совершенной елуниинской бронзы. Обратный генезис в свете специфических сейминско-елуниинских (вернее, пока что все еще тохаро-елуниинских) контактов выглядит куда более правдоподобным. Тем более что в елуниинском Обь-Иртышье отсутствуют изделия промежуточного качества между продукцией местной экспериментальной оловянно-бронзовой металлургии и сейминско-турбинским высококачественным бронзовым оружием.

В статье, на которую выше только что приводилась ссылка, излагаются результаты еще одного интересного исследования – речь идет о пространственно-временном распределении так называемых оловянно-бронзовых кинжалов с литыми фигурными рукоятками, которые иногда также относят к кругу сейминско-турбинской металлургии. Авторы приходят к выводу о синхронности данных кинжалов сейминско-турбинским артефактам, однако считают что эти два типа объектов оловянно-бронзовой металлургии происходят из разных металлургических центров, поскольку они имеют существенные различия в областях своего распространения: сейминско-турбинские изделия в основном распространены в лесной и лесостепной зоне Западной Сибири и Восточной Европы, в то время как кинжалы с фигурными рукоятками чаще всего встречаются в Центральной Азии (имеется в виду Восточный Казахстан, Восточная Киргизия, Алтай и Синьцзян). И только лесостепная и степная зона Обь-Иртышья вместе с северной и западной окраиной Алтае-Саянского региона считаются их общей территорией распространения. После чего авторы неожиданно приходят к мысли, на удивление близкой нашей культурно-инхронической модели миграции тохаро-гутиев через Среднюю Азию в Южную Сибирь: “Можно предположить, что в последней трети III тыс. до н.э. некие группы воинов продвигались из южных и юго-восточных районов Центральной Азии через Обь-Иртышское междуречье, что привело к распространению здесь бронзовых объектов военного назначения. Обнаруженная синхронность бронзовых артефактов, вероятнее всего произведенных в разных металлургических центрах, свидетельствует о накоплении специализированного бронзового оружия в юго-западной Сибири в последней трети III тыс. до н.э. вплоть до перехода ко II тыс. до н.э.”^[9]. И тем не менее все не так просто, как кажется, – мы ведь еще не добрались до времени и места полного превращения тохаро-гутиев в сейминско-турбинцев.

За кадром остался только резервуарный эффект, так как все приведенные выше даты получены без учета возможного резервуарного эффекта, как впрочем и большинство радиоуглеродных дат по всей Евразии и другим континентам. В той же статье Ж. В. Марченко и соавторы по разнице радиоуглеродного датирования костей человека и древесного угля попытались оценить величину удревнения в результате воздействия пресноводного резервуарного эффекта и получили возможное смещение в 200-300 лет для сейминско-турбинских памятников Западной Сибири^[10]. Разумеется, скажутся еще и расхождения в диетических предпочтениях сейминско-турбинских и елуниинских племен, и все же географическая близость сосед-

^[9] Там же, р. 1393.

^[10] Там же, pp. 1391-1392.

них регионов – сейминско-турбинского Нижнего Обь-Иртышья в Барабинской лесостепи и елунинского Верхнего Обь-Иртышья, – и то, что в Барабе обследовался район, практически граничащий с елунинским ареалом^[11], позволяют надеяться, что учет резервуарного эффекта не так уж сильно разнесет полученные датировки, и обнаруженная синхронность развитого этапа елунинской культуры с сейминско-турбинским феноменом Барабы останется в силе. Тем более, когда такая синхронность покоится не на одних лишь датировках, но еще и на взаимодействии большого числа окружавших Обь-Иртышье того времени *связанных* культурно-инхронических процессов.

Итак... Все-таки каким образом и где тохаро-гуттии превратились в сейминско-турбинцев? С ответом на этот вопрос нам поможет не металлургия, а каменный и костяной инвентарь сейминско-турбинцев, который, как было сказано, в общем и целом указывает на Восточный Саян и Предбайкалье. В данный регион тохаро-гуттии, скорее всего, могли попасть, просто двигаясь из елунинского Верхнего Обь-Иртышья на восток – пересекли в подходящем месте Западный Саян, вышли на южную оконечность Восточного Саяна и оказались в Нижнем Приангарье. Взглянув на карту Рис. 4.16, нетрудно догадаться, что, после того как они соприкоснулись со среднеазиатскими и алтайскими запасами олова и обстановкой вокруг них, тохаро-гуттии стремились бы проделать то же самое и с байкальскими (точнее, забайкальскими) залежами этого редкого металла, уже задействованными в инхроническом торгово-металлургическом осевом будущем, – разведать где, как, в каких ландшафтно-климатических и этнокультурных средах... Как минимум, одна из причин их дальнейшего продвижения на восток, о других – ниже.

Особенно ярким свидетельством в свое время произошедшего контакта тохаро-гуттиев – будущих сейминско-турбинцев – с прибайкальским населением являются широко распространенные в Прибайкалье нефритовые украшения, которые в то же время встречаются практически во всех сейминско-турбинских некрополях и кладках от Сибири до Восточной Европы. Крупные нефритовые кольца, свойственные прибайкальским племенам глазковской культуры, сосредоточены в основном в западных могильниках (Сейма, Турбино, Решное), в то время как в самом крупном сибирском некрополе в Ростовке встречаются лишь нефритовые бусины, также водившиеся в Прибайкалье наряду с преобладавшими там нефритовыми кольцами и дисками^[12]. Мало того, здесь же в Прибайкалье из нефрита (в основном зеленого и темно-зеленого) изготавливались даже такие крупные каменные инструменты, как топоры и тесла, а светлоокрашенный нефрит все больше шел на украшения^[13]... С другой стороны, во времена, когда тохаро-гуттии скорее всего могли достичь Предбайкалья (где-то в начале XXII в. до н.э.), там в течение периода 3200/3000-2000/1400 гг. до н.э.^[14] проживали именно глазковские племена.

^[11] Там же, Figure 1.

^[12] Е. Н. Черных, С. В. Кузьминых “Древняя металлургия...”, стр. 244-245.

^[13] О. И. Горюнова, А. Г. Новиков, А. П. Секерин “Нефрит из археологических объектов Приольхонья”, Известия Лаборатории древних технологий, Вып. 5, 2007, стр. 138–145.

^[14] A. W. Weber, R. Bettinger “Middle Holocene hunter-gatherers of Cis-Baikal, Siberia: An overview for the new century”, Journal of Anthropological Archaeology, 29, 2010, pp. 491–506, Table 1. Данная радиоуглеродная датировка не учитывает влияние резервуарного эффекта. Однако в другой статье (A. W. Weber et al. “Chronology of middle Holocene hunter-gatherers in the Cis-Baikal region of Siberia: Corrections based on examination of the freshwater reservoir effect”, Quaternary International, Vol. 419, 2016, pp. 74–98) смещение дат в результате воздействия резервуарного эффекта в Прибайкалье определено как 200-400 лет в среднем для региона.

Не думаю, что тохаро-гуттии стали продвигаться дальше на восток к забайкальским запасам олова. И хотя ареал обитания глазковских племен простирался от предбайкальских регионов Верхней Лены, Приольхонья и Приангарья через Южный Байкал до низовьев Селенги в Забайкалье^[15], а известное сегодня месторождение открытого типа Моховое^[16] в Бурятии, кажется, является самым западным из забайкальских месторождений олова, не это главное, поскольку месторождение Моховое, расположенное в самом северо-восточном Муйском районе Бурятии, все еще находится достаточно далеко от дельты Селенги, а тем более от Предбайкалья. Главное, что здесь же, в окружающей реку Мую местности Средне-Витимской горной страны (на расстоянии до 600 км на северо-восток от Приольхонья) находится также еще и одно из двух месторождений распространенных в Предбайкалье нефритов, а именно – светлоокрашенных, так полюбившихся сейминско-турбинцам. Второе находится в Восточном Саяне, но там – только зеленый и темно-зеленый нефрит^[17]. Так что, случайные куски касситерита (минерала из которого добывается олово) или же кварц-касситерита с Мохового с довольно большой долей вероятности могли попасть к глазковцам Предбайкалья вместе с белым нефритом, добываемым близ реки Витим, и уже в Предбайкалье попасться на глаза тохаро-гуттиям, которые в таком случае сразу же выходили бы на след забайкальского олова. Мало того, они узнали бы еще и о том, что это олово можно добывать там же, где добывался нефрит.

Просто дежавю какое-то... До того к среднеазиатским запасам олова в долине Зеравшана и рудника Мушистон тохары, а до них шахдадские торговцы, как мы помним, достигли по лазуритовому следу. И здесь, в далекой Сибири та же самая картина – олово рядом с местом добычи нефрита. Столь странное совпадение не могли пройти мимо мистического внимания тохаро-гуттиев, вот почему они сделали светлоокрашенный нефрит сакральным маркером забайкальских месторождений олова. Именно ритуальным сакральным и именно забайкальского олова, так как, если лазурит в свое время выступил для них вполне рациональным, прагматичным и даже торговым маркером олова, приведшим их к его среднеазиатским месторождениям, то присутствие изделий из светлоокрашенного нефрита в этнокультурной среде достигших Предбайкалья тохаро-гуттиев навсегда впаивало в мемы культурной памяти их поколений место, где расположены забайкальские месторождения – там, где добывается светлый нефрит точно такого же типа, из которого изготовлены их ритуальные украшения. Продвигаться далее на восток им уже не было никакого смысла, поскольку, в отличие от среднеазиатских и алтайских запасов олова, они отнюдь не собирались прямо сейчас и сразу же подключать забайкальские месторождения к оловянным трассам второго ВОП – это был глубокий резерв данной глобальной торго-

При этом смещение сильно варьируется в зависимости от конкретного района и археологического периода, в раннем бронзовом веке (время бытования в Прибайкалье глазковской культуры) достигая 600 лет для его начала и 200 лет для конца. Как видим, практически в любом случае в начале XXII в. до н.э. даже с учетом резервуарного эффекта тохаро-гуттии столкнулись бы с глазковским населением Прибайкалья.

^[15] Г. В. Туркин, А. В. Харинский “Могилиник Шаманка II: к вопросу о хронологии и культурной принадлежности погребальных комплексов неолита – бронзового века на Южном Байкале”, Известия лаборатории древних технологий, Вып. 2, 2004, стр. 124–158, на стр. 125, 150.

^[16] “Недра Бурятии. Инвестиционные предложения. Моховое месторождение (Sn)”, Республиканский бизнес-центр «Восточные ворота», Улан-Удэ.

^[17] О. И. Горюнова и др. “Нефрит из археологических объектов...”, стр. 143.

металлургической магистрали. Который впрочем так и не был задействован в бронзовые времена... Но это уже немного другая история.

Трудно сказать, сколько времени тохаро-гутии провели в Предбайкалье. С одной стороны, после того как они столкнулись с глазковцами на самой западной окраине их обитания где-то у границы Восточного Саяна с Предбайкальем и получили от них всю нужную им информацию по оловянным месторождениям, вряд ли тохаро-гутии стали бы задерживаться здесь так, как они в свое время сделали это на юге Средней Азии или даже в Казахстане и на Рудном Алтае. С другой стороны, за время пребывания у глазковцев они успели перенять от тех некоторые особенности их каменной и костяной индустрии. И такое заимствование уже само по себе говорит о многом, даже если оно произошло на скорую руку. В частности о том, что вместе с данным инвентарем тохаро-гутии переняли и кое-какие приемы лесного хозяйствования, прежде всего, охоты и рыбалки, ну, а про нефритовые украшения уже все сказано. Спрашивается, зачем? Для чего им понадобилось освоение лесного быта и хозяйствования?

Что контакт, скорее, был кратковременным и именно на окраине глазковского ареала говорит еще и отсутствие каких-либо следов пребывания здесь сейминско-турбинцев. О том же, что контакт все-таки состоялся, прежде всего свидетельствуют их нефритовые украшения, а вот то, что он должен был носить достаточно длительный характер видно по каменному и костяному инвентарю сейминско-турбинцев. Такая вот дилемма... Разрешение которой, как это часто бывает, стоит поискать в компромиссе – несколько десятков лет, не более, плодотворного взаимодействия *сильнейших инхроников* тохаро-гутиев с глазковским населением Предбайкалья, после которого они в полном объеме приобрели все наблюдаемые сейминско-турбинские культурные признаки, поскольку инхроника, как мы выяснили еще в первом томе, а тем более сильная инхроника, может весьма значительно ускорить все культурные процессы в обществе, способствуя его большей культурной пластичности. После чего тохаро-гутиев уже с полным правом можно было называть сейминско-турбинцами, что мы, собственно, и будем делать далее.

Судя по самым ранним сейминско-турбинским следам в Барабинской лесостепи, обратно тохаро-гутии... прошу прощения, уже сейминско-турбинцы, возвращались немного иным маршрутом – из южного Предбайкалья вдоль Верхнего Енисея, т.е. по древним торговым путям, упомянутым в предыдущих этюдах, ведущих в Минусинскую котловину, и оттуда – в Барабу, где их большая часть и осела на век-полтора. Такой маршрут диктуется генеральным направлением на северо-запад, которого сейминско-турбинцы, перейдя в лесостепную и лесную таежную зону, придерживались до Урала, а одной из ветвей (северной) и в Восточной Европе за Уралом. И тогда становится понятным, зачем им надо было перенимать некоторые элементы таежного хозяйствования от глазковцев вместе с соответствующим инвентарем – двигаясь на запад сейминско-турбинцы тщательнейшим образом избегали степных территорий, несмотря на то что они значительно сократили бы их путь, предпочитая лесостепные и лесные ландшафты, причем отдавая предпочтение последним, откуда и само общее направление их движения на северо-запад по кромке лесную зоны.

Рис. 4.18

Маршруты миграций тохаро-гуптиев и сейминско-турбинцев на фоне сферы функционирования второго ВОП

Все обозначения – такие же как и на Рис. 4.16. К ним в виде красных стрелок добавлены пути миграций тохаро-гуптиев и сейминско-турбинцев, рядом со стрелками – даты миграций:

- темно-красные стрелки – миграция тохаро-гуптиев в нач. XXIII в. до н.э.
- красные стрелки – миграции тохаро-гуптиев в ~2200 г. до н.э. и сейминско-турбинцев в ~2150 г. до н.э.
- розоватые стрелки – миграции сейминско-турбинцев в ~2000 г. до н.э. и позже.

Пунктирными стрелками всех оттенков красного показаны предполагаемые, гипотетические и просто всего лишь возможные в той или иной степени миграции, а сплошными – подтвержденные археологическим материалом.

Но сразу возникает следующий вопрос: а почему они выбрали столь странный маршрут? И вообще: что толкало их на запад? Сказать, что некий загадочный “металлургическим импульс”, значит, ничего не сказать. Что ж, будем разбираться дальше...

На Рис. 4.18 на фоне структур первого и второго ВОП показаны пути миграции как тохаро-гутиев из Северо-Западной Сирии до Предбайкалья, так и сейминско-турбинцев из Предбайкалья через Урал до Балтики.

Как видим, на Урале единый поток сейминско-турбинцев разделяется на три ветви: 1) северная, самая малочисленная, группы которой продвигались через бассейн Печоры; 2) центральная, чьи группы перемещались по бассейну средней Камы, самая многочисленная; и 3) южная, сейминско-турбинцы которой осели в низовьях Камы и Оки^[18].

Надо полагать, именно сейминско-турбинцы северной ветви из бассейна Печоры добрались до Балтийского моря и даже до финских земель, из-за чего, собственно, их группы, рассеявшиеся от Печоры до Прибалтики и Финляндии и выглядят столь малочисленными по сравнению с группами двух других ветвей, чьи археологические памятники сконцентрированы на соответствующих не очень крупных территориях. Обнаружение погребения сейминско-турбинского типа вблизи Оулу на северо-западе Финляндии^[19] подтверждает, что в данном случае мы имеем дело именно с проникновением сейминско-турбинских групп до этих крайних северо-западных пределов, а не с дальними обменными связями, по которым бронзы сейминско-турбинского типа достигали аж Восточной Прибалтики и Финляндии, как это в виде одного из возможных вариантов предполагалось ранее по случайным находкам кельтов и наконечников копий на этих территориях^[20].

Разделение сейминско-турбинцев на Урале на три потока, продвигавшихся в разных направлениях, является косвенным свидетельством того, что основной целью сейминско-турбинцев был Урал, после которого их целенаправленное движение сменилось поисковыми миграциями веером – способ который, как мы видели на примере восточных поздних ямников в предыдущем этюде и афанасьевцев в первом томе, широко применялся при металлургических миграциях. Чтобы понять, почему именно Урал, еще раз взглянем на карту Рис. 4.18.

До этого говорилось, что с появлением тохаро-гутиев в Средней Азии и началом их контактов с поздняямными племенами, обосновавшимися здесь с где-то с середины III тыс. до н.э., формируемая последними и их сородичами на Алтае и в Минусинской котловине пред-ЕАМП (пред-Евразийская металлургическая провинция) очень быстро распалась и сошла на нет, в результате того что восточные поздние ямники сразу переняли тохарский оловянно-бронзовый ответ второго ВОП. Да, и распалась, и сошла на нет, но не полностью. Как видим на Рис. 4.18, одна из частей пред-ЕАМП все же сохранилась, став всего лишь ветвью второго ВОП, а именно – путем поставка олова с Алтая (а, скорее всего, и из Центрального Казахстана) на богатый медью Урал. Добавим, что установление этой торгово-обменной связи было вполне закономерным спонтанным (т.е. самопроизвольным) результатом действия двух факторов: наличия огромных запасов меди на Урале и присутствия в достаточной близости от этих запасов не менее мощных залежей олова в Центральном Казахстане и на Рудном Алтае в сочетании с

^[18] Е. Н. Черных, С. В. Кузьминых “Древняя металлургия...”, стр. 273-275.

^[19] С. В. Кузьминых “Сейминско-турбинская проблема: новые материалы”, КСИА, вып. 225, 2011, стр. 240–253, на стр. 250.

^[20] Е. Н. Черных, С. В. Кузьминых “Древняя металлургия...”, стр. 275.

изначальной устремленностью второго ВОП к самым разным источникам олова и, что особенно важно в данном конкретном случае, к рынкам сбыта этого металла, в том числе и потенциальным.

Удивительно, но окуневское население Минусинской котловины не продемонстрировало никакой катакомбной реакции на данное ожидаемое в будущем уральское ответвление второго ВОП, ожидания которого полностью установились к ~2200 г. до н.э. Может, потому что новый ожидаемый в будущем торговый путь шел на Урал с Алтая, а не из Минусинской котловины, как это было с ожиданиями, связанными с позднеямной уральской пред-ЕАМП. Может, за 2-3 века поздние ямники котловины так перемешались с местным населением, что память о связях с уральской прародиной была утрачена. А может, взятый на вооружение окуневцами осевой ответ второго ВОП сам по себе настолько тяготел к своим переднеазиатским истокам, что на этом фоне под действием мощной инхроэнергетики данного переднеазиатского по происхождению ответа тускнело, гасло и отходило на второй план все связанное с каким-либо другими ответвлениями и продолжениями второго ВОП.

Алтайские же поздние ямники елуинского ареала и в этом случае обошлись без катакомбного обряда, либо из-за того что по-прежнему были больше склонны к производственной сфере, чем к торговой, либо же по одной из вышеприведенных причин, кроме первой, разумеется.

Потенциальные запасы уральской меди были столь велики (и не только уральской – еще и запасы меди на Средней Волге и у Донецкого края, к которым как раз и могли быть направлены предполагаемые и наиболее ожидаемые столь же спонтанные продолжения алтае-уральской ветви второго ВОП в Восточной Европе, см. Рис. 4.18), что в будущем потребовали бы и соответствующего количества олова, в результате чего западные потребители второго ВОП в Европе, а особенно в Передней Азии, вновь столкнулись бы с нехваткой олова к концу осевой инхрозоны или даже еще раньше в конце аридной инхрозоны – не будем забывать, что саму осевую инхронику породили растущие потребности Нижней Месопотамии в качественном бронзовом инвентаре для нужд крупномасштабной ирригации. Конечно, не со столь острой нехваткой олова, как до тохарского вояжа, но все же...

Среднеазиатские тохаро-гуттии, вся деятельность которых была неразрывно связана с поставками олова именно в Переднюю Азию, этого допустить никак не могли и сразу же начали вносить коррективы в оловянно-бронзовый осевой ответ, а спустя некоторое время отправились в свой казахстано-алтае-байкальский поход. Не все, конечно, менее инхроничная часть тохаро-гуттиев осталась на юге Средней Азии, прикрывая тылы своих собратьев от поползновений структур первого ВОП и связанных с ним сообществ, и, возможно, уже поставляла среднеазиатское олово в Переднюю Азию. В то время как тохаро-гуттии самой Передней Азии в ~2200 г. до н.э. перешли в наступление на Аккад, разгромили его и заняли аккадские и шумерские земли. Так вот, с этого момента коррекции в своей среде общего для всех тохаро-гуттиев оловянно-бронзового осевого ответа самые инхроничные группы среднеазиатских тохаро-гуттиев и стали коренным образом отличаться от остальных своих сородичей и в Средней, и в Передней Азии, встав на путь превращения в собственно сейминско-турбинцев – по духу, по целям, по всему своему внутреннему этнокультурному мировоззрению и настрою. На Алтае же и в Предбайкалье все это было лишь подкреплено новыми типами оружия, заимствованием каких-то чисто внешних хозяйствен-

но-бытовых атрибутов и сакрального нефрита. В Предбайкалье тохаро-гуттии стали сейминско-турбинцами лишь в археологическом смысле, вскоре проявив себя рядом археологических памятников в Нижнем Обь-Иртыше...

Судя по тому, что где-то, скорее всего, в Казахстане, эти новоявленные сейминско-турбинцы переняли коневодство, поначалу они намеревались воевать в здешних степях, просто-напросто перекрыв будущую оловянную трассу на Урал грубой военной силой, к чему гуттиям было не привыкать. Наверное, тогда же в их среде и стало появляться первое оружие нового типа, такое как кельты. Однако что-то у них не срослось, какие-то набирающие силу процессы помешали такому развитию хода событий, и сейминско-турбинцы направились на Алтай – начальную точку сакраментального оловянно-торгового ответвления. Трудно сказать, что они намеревались здесь предпринять, чем и как воздействовать на местное елунинское население, чтобы склонить его к тотальному неприятию в своем осевом ответе будущего ответвления второго ВОП на Урал. Думается, и здесь не обошлось без применения силы, причем не в будущем, а в самом что ни на есть настоящем...

В любом случае спустя некоторое время здесь же на Алтае в молодой динамичной этнокультурной среде сейминско-турбинцев стал прорастать совершенно другой подход, еще одна коррекция оловянно-бронзового осевого ответа – связать с Уралом не крайне необходимое будущей Передней Азии алтайское олово, а забайкальские резервы второго ВОП. Причем связать так, чтобы эта новая торговая трасса не проходила через Алтай и казахстанские степи, т.е. по территориям ответвлению второго ВОП с Алтая на Урал. Другими словами, связать Урал и Забайкалье новым торговым путем, точнее, всего лишь его последовательно осуществляемым проектом, по более северным лесным территориям, заселенным сибирским во многом еще неолитическим населением, в обход все еще маячившей в будущем трассы по казахстанским степям. Следует еще раз добавить: спонтанной самопроизвольной трассы, вызванной к жизни глубинными производственно-экономическими процессами, а с таким глубинными спонтанными явлениями так просто, одними лишь желаниями и намерениями людей, не справиться даже при наличии достаточной силы, разве что если противопоставить им другое столь же спонтанное и глубинное, как это было, когда второй ВОП, инициированный миграцией тохаров из Северо-Западной Сирии в Среднюю Азию и последовавшим контактом их осевого ответа с ответом поздних ямников, развалил пред-ЕАМП. Примерно такую же нелегкую задачу вполне осознано и даже целенаправленно на сей раз возложили на себя эти яркие инхроники сейминско-турбинцы, и так они оказались в Предбайкалье, а затем в Барабе и в средне-северном Зауралье...

Спустя какое-то время (около полутора веков) они продолжили свой путь и далее за Урал в Восточную Европу, только разделились на несколько сообществ, продвигавшихся на запад разными путями. В свете всего сказанного выше можно лишь догадываться, что сейминско-турбинцы, во-первых, пытались точнее определиться с ближайшими к Уралу другими европейскими месторождениями меди, потенциально оттягивающими на себя алтайское олово, а во-вторых, по сложившейся в тохарской среде традиции и в Восточной Европе принялись искать источники олова, чтобы направить это местное олово к уральским и европейским месторождениям меди и тем самым несколько ослабить ожидаемую уральскую нагрузку на алтайское, а в перспективе и на забайкальское, олово. Нашли? Трудно сказать...

Самая северная ветвь сейминско-турбинцев в Восточной Европе, та самая, группы которой продвигалась по бассейну Печоры, которая чуть выше была заподозрена в проникновении на запад и даже северо-запад вплоть до Финляндии, самым странным образом отличалась от более южных групп по химическому составу своих бронз. Сейминско-турбинские группы в Восточной Европе довольно сильно оторвались от своих предполагаемых источников олова на Рудном Алтае, в результате чего в группах средней и южной ветви уже наблюдается значительный рост доли мышьяковой бронзы по сравнению с исходным ареалом сейминско-турбинцев в Западной Сибири. Чего, как ни странно, нельзя сказать о святилище печорских сейминско-турбинцев в Канинской пещере, где оловянные бронзы лидировали так же уверенно, как и в западносибирском могильнике Ростовка^[21]. Да, можно предположить, что при нехватке металла (олова, а может, даже и меди) на севере, и в Канинской пещере и на еще одном памятнике северной ветви – некрополе Сатыга, – в качестве жертвенных приношений и погребальных даров использовали не столь металлоемкий инвентарь (в основном обломки ножей, иногда кинжалов, при полном отсутствии кельтов и наконечников копий), иначе весь металл в очень скором времени оказался бы погребен в могилах и святилищах^[22]. И что в таких условиях северные сейминско-турбинцы пользовались старыми запасами оловянных бронз алтайского происхождения^[23], периодически переплавляя их из одного изделия в другое по мере возникновения соответствующих хозяйственных нужд. Однако химико-металлургический состав бронз некрополя Сатыга отличается от канинского – “В Сатыге основная часть сплавов представлена низколегированной оловянной бронзой и «чистой» медью”^[24], причем оловянная бронза здесь составляет всего лишь примерно половину всей коллекции^[25], остальное, как было сказано, – медь. Таким образом, идея о “старых запасах оловянных бронз” на примере Сатыги не очень-то работает, и Канинское святилище на Печоре по химико-металлургический составу своих бронз остается единственным в своем роде среди синхронных ему сейминско-турбинских памятников Восточной Европы и Урала.

Но вот еще один интересный факт. Сегодня в районе северо-восточного побережья Ладоги известно более полутора десятков оловорудных проявлений. Наиболее изученными из них являются два месторождения олова: одно находится близ города Питкяранта, и другое, довольно крупное для европейской части России, – около деревни Кителя^[26]. Оловоносный слой залегает на глубине от десятков до несколько сотен метров^[27], так что в принципе местами (рудное поле Хопунвара) доступен был для добычи олова в древности. И тем не менее никаких следов древних разработок олова здесь не обнаружено. Зато в этой же монографии обосновывается возможность существования древних россыпей касситерита и кварц-касситеритовых об-

^[21] Е. Н. Черных, С. В. Кузьминых “Древняя металлургия...”, стр. 195, 200, Рис. 90, Таблица 10.

^[22] С. В. Кузьминых “Сейминско-турбинская проблема...”, стр. 251.

^[23] Е. Н. Черных, С. В. Кузьминых “Древняя металлургия...”, стр. 275.

^[24] С. В. Кузьминых “Сейминско-турбинская проблема...”, стр. 251, комм. 12.

^[25] С. В. Кузьминых, В. Ю. Луньков, Л. Б. Орловская “О металле культового памятника эпохи бронзы на Шайтанском озере (Средний Урал)”, КСИА, вып. 241, 2015, стр. 89–94, Табл. 1.

^[26] Р. А. Хазов “Геологические особенности оловянного оруденения Северного Приладожья”, Л.: «Наука», 1973, стр. 35.

^[27] Там же, стр. 48.

разований в прибрежных зонах, в том числе и в Северном Приладожье^[28]. Зато “Крупные кристаллы касситерита в РФ находили в Карелии на месторождении Питкяранта Северного Приладожья. Их размер достигал 5см длиной”^[29]

И продвигавшихся с Печоры на запад сейминско-турбинцы имели все шансы наткнуться на одну из таких касситеритовых россыпей на побережье северной Ладogi. О том же, что к Балтике продвигались именно северные печорские сейминско-турбинцы свидетельствует еще и состав бронз найденных в Прибалтике сейминско-турбинских артефактов – это исключительно оловянные бронзы^[30]. Правда, выборка маленькая – всего 4 изделия, и отсутствуют оловянно-мышьяковые бронзы (со значительным превалированием олова), которые в Канинском святилище составляют более половины всех оловянных бронз, но... Но наличие столь нехарактерного для всей европейской части России крупного оловянного оруднения в Северном Приладожье на пути продвижения печорских групп на запад в сочетании с беспрецедентной для сейминско-турбинской Восточной Европы долей оловянных бронз в их святилище вряд ли может оказаться случайным совпадением.

Немного не в тему, но надо – долго откладывали. Только теперь мы можем ответить на вопрос, заданный в конце четвертого этюда, про еще одно “случайное” совпадение: как так оказалось, что ожидаемый катакомбный оловянный транзит по продолжениям первого ВОП в Европе оказался преимущественно направленным на север Восточной Европы, при том что именно сюда же, в лесную зону между Уралом и Балтикой, будут прокладывать свои оловянно-бронзовые магистрали и сейминско-турбинские группы. Ответ: катакомбники просто обходили формируемую уральскую торгово-металлургическую сферу взаимодействия пред-ЕАМП с ее возможными конкурирующими с первым ВОП алтайскими и другими источниками олова, отчего и избегали будущих поставок олова на Урал, планируя направить его на север, скорее всего, шнуровым фатьяновским племенам Волго-Окского междуречья, и на запад – к медным месторождениям Балкано-Карпатья (см. Рис 4.10 в пятом этюде); а сейминско-турбинцы точно так же, только с севера, обходили возможный росток ЕАМП в виде ответвления уже второго ВОП с Алтая на Урал и его возможные продолжения в Восточной Европе, дабы сохранить алтайское олово для Передней Азии, и в этом своем устремлении добрались аж до Балтики и, возможно, до олова Северного Приладожья. Как видим, никакой случайности – и в первой коллизии и во второй корнем всего являлась и выступала в качестве первопричины ЕАМП, только на разных стадиях своего развития и под разными обликами...

И если с уральским позднеямным пред-ЕАМП сейминско-турбинцы, тогда еще просто тохаро-гутии, справились без особых усилий, в сущности одним лишь своим осевым оловянно-бронзовым ответом, который наложил ся на осевой оловянно-бронзовый ответ восточных поздних ямников, и сложился с ним во второй ВОП и связанный с ним спектр осевых ответов, то с самой ЕАМП, которая на данном этапе представляла собой всего лишь орызок пред-ЕАМП в виде того самого будущего ответвления второго ВОП с Алтая на Урал, все оказалось, мягко говоря, не так просто. Но о том, какая именно сила противостояла здесь сейминско-турбинцам, и что из этого получилось, мы поговорим уже в следующих этюдах.

^[28] Там же, стр. 82, 84.

^[29] Д. А. Петроченков “Новые аспекты комплексной обработки месторождений олова”, Горный информационно-аналитический бюллетень, № 8, 2007, стр. 214–218, на стр. 214.

^[30] Е. Н. Черных, С. В. Кузьминых “Древняя металлургия...”, Таблица 10.

ВОСЬМОЙ ЭТЮД: «Битва за Север II: Бабино»

Для начала рассмотрим некоторые вопросы распада катакомбного сообщества племен понтийско-каспийских степей и прилегающей лесостепной зоны, слегка затронутые в самом конце шестого этюда. До сих пор, чтобы не вдаваться в излишние подробности, мы оперировали коротким термином “катакомбная культура”. На самом деле с точки зрения археологии стоящее за данным понятием этнокультурное сообщество состояло из нескольких разных территориально-культурных образований, отраженных в материалах соответствующих археологических культур, которые в свою очередь вместе составляли катакомбную культурно-историческую общность (ККИО), выступая, таким образом, в роли ее локальных вариантов. А именно (на уровне современных археологических знаний): донецкая, среднедонская, ингульская, западноманычская, восточноманычская, доно-волжская катакомбные культуры и другие катакомбные культурные группы^[1].

И вот в XXIII/XXII вв. до н.э.^[2], т.е. в ~2200 г. до н.э., ККИО распадается на ряд совсем других независимых культурных образований, совокупность которых принято называть блоком посткатакомбных культур (см. Рис. 4.19). Об основной причине, приведшей к распаду ККИО, – а это появление второго ВОП в осевом инхроническом будущем, – уже говорилось выше, сейчас же нас из всего посткатакомбного блока прежде всего будут интересовать бабинская культура в центре и на северо-западе катакомбного ареала и криволукские культурные группы в Волго-Донском междуречье.

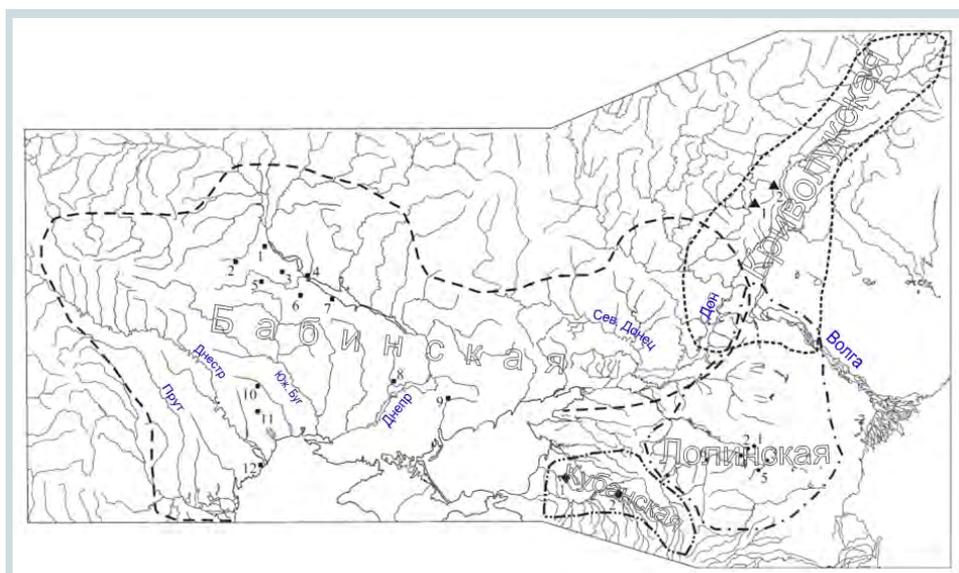

Рис. 4.19

Расположение обсуждаемых в тексте посткатакомбных культур

(Карта взята из Р. А. Мимоход "Радиоуглеродная хронология блока...", Рис. 1. К карте добавлены названия культур и главных рек региона)

^[1] В. И. Мельник “Проблема уровней общности катакомбного культурного круга”, КСИА, вып. 225, 2011, стр. 10–15. Уточнение “на уровне современных археологических знаний” отнюдь не случайно, поскольку культурно-таксономическая схема понтийско-каспийского катакомбного ареала (как степного, так и лесостепного) все время менялась и продолжает изменяться и пополняться по сей день.

^[2] Р. А. Мимоход “Радиоуглеродная хронология блока посткатакомбных культурных образований”, КСИА, вып. 225, 2011, стр. 28–53, на стр. 49.

Бабинская культура состоит из двух территориально-географических культурных ареалов: днепро-донская бабинская культура (ДДБК) и днепро-прутская бабинская культура (ДПБК), выделяемых в отдельные культуры, а сама бабинская культура, таким образом, представляет собой культурный круг Бабино, который далее для краткости мы будем именовать просто бабинской культурой, как до этого поступали с ККИО, называя ее катакомбной культурой. Мало того, в ДПБК наблюдается еще и ряд своих локальных вариаций: днепро-днестровский степной вариант, днепро-бугский лесостепной вариант и днестровско-прутский вариант^[3].

Хронология бабинской культуры в целом вписывается в интервал XXII - сер. XVIII вв. до н.э.^[4], т.е. 2200-1750 гг. до н.э. При этом в ДДБК стратиграфически выделяются три этапа, первые два из которых в свою очередь распадаются на два периода – А (ранний) и Б (поздний): IA, IB, IIA, IIB, III. Для днепро-днестровского варианта ДПБК выделено только два горизонта: ранний и поздний, а для днестровско-прутского – три этапа: I (ранний), II (средний) и III (поздний). Дефицит стратиграфических свидетельств (всего 7 колонок) определил довольно-таки условную схему периодизации днепро-бугского варианта ДПБК также с разбиением на три этапа, при том что III этап можно рассматривать и как заключительную фазу II этапа^[5].

Точных радиоуглеродных датировок хронологических этапов и периодов бабинской культуры пока что не имеется за недостатком ¹⁴C дат, но есть некоторые дополнительные радиоуглеродные хронологические рамки для ДДБК: I-IIA этапы ДДБК надежно вписываются в диапазон 2200-2000 гг. до н.э., а IIB-III этапы – в диапазон 2000-1800 гг. до н.э.^[6]

По типолого-хронологическим характеристикам ДДБК явно древнее ДПБК, да и по стратиграфии, в случаях смешанных могильников на территории пересечения ареалов ДДБК и ДПБК, захоронения ДДБК всегда предшествуют захоронениям ДПБК. Археологический материал показывает, что основной период существования локальных групп ДПБК совпадает со II и особенно с III этапами ДДБК, а пик развития локальных групп ДПБК приходился на этапы упадка и конца ДДБК (периоды IIB-III), при этом “среди локальных групп ДПБК более ранней представляется днестровско-прутская, ранний этап которой соответствует периоду IB ДДБК, возможно его финалу”^[7].

Впервые бабинская культура возникает, как культура ДДБК, в Днепро-Донецком регионе, сменив местную донецкую катакомбную культуру в ее позднем варианте, откуда на протяжении ранних этапов I-IIA распространяется на соседние катакомбные культуры от Волги до Днестра – среднедонскую (харьковско-воронежскую), позднюю волго-донскую, позднюю днепро-азовскую (ингульскую) и др.^[8]

В то время как для всех вариантов ДПБК стратиграфией надежно установлено ее следование за ингульской катакомбной культурой. При этом самый ранний в ДПБК ее днестровско-прутский вариант является и наиболее схожим с ДДБК и то же время с местной ямной культурой^[9]. А для днепро-бугской группы ДПБК, кроме соотношения с ингульской культурой,

[3] Р. А. Литвиненко “Культурный круг Бабино (по материалам погребальных памятников)”, автореферат докторской диссертации, Киев, 2009.

[4] Там же, стр. 20.

[5] Там же, стр. 12-15.

[6] Там же, стр. 20-21.

[7] Там же, стр. 15.

[8] Там же, стр. 15, 23-25.

[9] Там же, стр. 15, 25.

зафиксировано еще и ее следование за среднеднепровской культурой позднего этапа, что вполне логично, учитывая все более очевидную синхронность ингульской и среднеднепровской культур^[10].

Как видим, тот еще клубок... Но и это еще не все – по некоторым культурным параллелям, не имеющим местных корней, предполагается наличие импульса культуригенеза к ДДБК со стороны бронзовых культур Кавказа и Карпато-Подунавья^[11]. Причем корни карпато-дунайского влияния уходят далеко на запад к шнуровым и постшнуровым культурам Центральной Европы^[12]. И если влияние кавказского очага культуригенеза было традиционным в предыдущих катакомбных сообществах и могло частично сохраниться даже в посткатакомбном периоде (хотя бы в виде обладавших определенной инерцией устоявшихся торговых связей), то импульс с Карпато-Подунавья в те времена определенно являлся неким культурным новшеством в понтийско-каспийском степном регионе.

Мы так подробно остановились на бабинском культурном “вираже”, для того только чтобы в дальнейшем, опираясь на эти выписки из главного труда Р. А. Литвиненко по бабинской культуре и на еще одну его работу^[13], попробовать разобраться в динамике распространения культур и вызванных этими процессами возможных перемещениях народонаселения в посткатакомбном периоде. Вот с взаимодействия носителей бабинской культуры и криволукских культурных групп в Волго-Донском междуречье и на Нижней Волге, наверное, и стоит начать рассмотрение данных вопросов.

Р. А. Мимоход, в свое время поименовавший население, которое обитало в Нижнем Поволжье и Волго-Донском междуречье сразу после периода средней бронзы, криволукскими культурными группами (по могильникам у Кривой Луки в Астраханском Поволжье) как независимые посткатакомбные группы, в одной из своих сравнительно недавних работ^[14] перекалифицировал археологическую атрибуцию этих групп с прежней независимой посткатакомбной на бабинскую, как третий вариант бабинской культуры наряду с ДДБК и ДПБК – волго-донская бабинская культура (ВДБК). Однако, пока что мне на глаза попались работы только одного автора, где применялся бы этот термин – “волго-донская бабинская культура”. При том что наименованием “криволукские культурные группы” применительно к посткатакомбному населению Волго-Донского междуречья и Нижней Волги продолжают пользоваться в самых разных работах. Видимо, археологическое сообщество еще не до конца восприняло доводы Р. А. Мимохода, хотя на мой взгляд они были достаточно убедительными. Поэтому далее мы продолжим применять к данным культурным группам смешанное старо-новое название “волго-донская (криволукская) бабинская культура”, сокращенно – ВД(К)БК, или даже использовать в равной степени то новое наименование “волго-донская бабинская культура”, то прежнее “криволукские культурные группы” или же совсем просто – “криволукская культура”. И для этого у нас имеются некоторые основания, поскольку при всей близости криволукской культуры днепро-донской бабинской культуре за двумя этими культурными

^[10] Там же, стр. 15-16.

^[11] Там же, стр. 23-24.

^[12] Там же, стр. 18.

^[13] Р. О. Литвиненко “Бабинсько-криволуцьке порубіжжя” в Р. О. Литвиненко (ред.) Донецький археологічний збірник, № 15, Донецьк: Видавництво Донецького університету, 2012, стр. 47–76.

^[14] Р. А. Мимоход “Посткатакомбный период в Нижнем Поволжье: от криволукской культурной группы к волго-донской бабинской культуре”, КСИА, вып. 232, 2014, стр. 100–119.

образованиями, похоже, стоят совершенно разные этнические наполнения со своими вариациями бабинского осевого ответа, но об этом не сейчас.

Итак... Присутствие некоторых изделий в криволукском инвентаре позволяет уверенно синхронизировать ранние памятники Кривой Луки с ранними этапами днепро-донской бабинской и лолинской посткатакомбных культур^[15], что в свою очередь говорит о синхронном появлении варианта ДДБК в Днепро-Донском регионе и криволукских групп или ВД(К)БК в Волго-Донском междуречье. То есть бабинская культура практически одновременно появляется в Днепро-Донецком очаге ДДБК между Днепром и Северским Донцом и в некоем пока что неизвестном криволукском очаге, расположенным где-то между Волгой и Доном или прямо на Дону, а скорее всего, как увидим ниже, в контактной зоне между Доном и Северскими Донцом.

Однако “практически одновременно” не означает “одновременно”, а всего лишь с точностью, доступной археологическим датировкам. Совершенно очевидно, что областью первоначального генезиса бабинской культуры является Днепро-Донецкое междуречье, где она подобно одинокому острову появляется в ~2200 г. до н.э., как следствие идущего с запада – с Балкано-Карпатья – главного импульса культурного влияния, в итоге приведшего к возникновению бабинской культуры на Донетчине. И не менее очевидно, что “фактором, который обусловил пересечение культурогенерирующих импульсов именно в Днепро-Донецком регионе, очевидно, следует считать наличие здесь медных залежей Бахмутской и Кальмиус-Торецкой котловин, к разработке которых носители ДДБК также были причастны”^[16].

Выше уже говорилось, что в ДДБК наблюдается два культурных влияния со стороны: с Кавказа как вероятное катакомбное наследие и с Карпато-Подоунавья как нечто новое в бывшем катакомбном регионе. Если пренебречь кавказским влиянием как повсеместным для всего посткатакомбного региона, большим или меньшим в разных его областях, доставшимся от катакомбных времен, то становится понятным, что мы имеем дело не с “пересечением культурогенерирующих импульсов”, а с *целенаправленным* влиянием от одной из постшнуровых культур Карпато-Подоунавья (хотя бы от той же культуры Монтеору в Румынии^[17], соседней с Днестровско-Прутским междуречьем, где позже появляется первый вариант ДДБК) к катакомбному населению, проживающему рядом с медными залежами Донецкого кряжа. А поскольку сами по себе культурные влияния целенаправленными не бывают, во всяком случае, для тех времен, то такое возможно только в случае миграции, может быть, не столь уж и большой, но достаточно воинственной и агрессивной группы, с Карпато-Дунайского региона к Донецкого кряжу.

А раз уж речь зашла о ~2200 г. до н.э. начала осевых метаморфоз и существования в инхроническом будущем сразу двух Осей: первого и второго ВОП, то можно попробовать определиться с осевым ответом этой первоначальной бабинской группы, а может, и племени. Поскольку миграция прошла в широтном направлении, и в дальнейшем бабинцы распространялись к Дону и Волге, т.е. опять-таки все в том же широтном направлении с запада на восток, то напрашивается вывод, что осевой ответ бабинцев был связан не с первым ВОП, а со вторым, чья ветвь с Алтая на Южный Урал имела возможные и даже более чем вероятные продолжения от Южного

[15] Р. А. Мимоход “Посткатакомбный период в Нижнем Поволжье...”, стр. 115.

[16] Р. А. Литвиненко “Культурный круг Бабино (по материалам...)”, стр. 24.

[17] Там же, стр. 18.

Урала к Донецкому кряжу и медистым песчаникам Среднего Заволжья как к самым крупным месторождениям меди и очагам металлообработки на востоке Восточной Европы (см. Рис. 4.18 в предыдущем этюде). Что, собственно, и случилось в начале эпохи поздней бронзы^[18] – я имею в виду реализацию обоих продолжений второго ВОП в Восточной Европе.

В таком случае бабинский осевой ответ, с одной стороны, увлекал бы бабинцев навстречу оловянному потоку второго ВОП с Алтая на Урал, а с другой – стимулировал их к взятию под свой контроль медных месторождений Восточной Европы и Южного Урала. При этом, судя по распространению групп ДДБК за Доном^[19], вроде бы не наблюдается какой-то особый их интерес к средневолжскому региону – на севере они достигают максимум широты Саратова. А вот криволукские бабинские группы несколько сильнее притягиваются к Средней Волге, достигая Самары^[20]. Трудно сказать, чем в принципе завершилось бы дело, если бы племена абашевской, а затем и срубной, культуры (о них поговорим ниже) не принялись отеснять бабинские группы обратно за Дон^[21]. Но если учесть и то, что родственные бабинцам племена в Карпато-Подунавье, откуда и прибыли бабинцы в Донецкий регион, контролировали еще и какую-то часть балкано-карпатских меднорудных запасов, во всяком случае, располагались в непосредственной близости от них, то вырисовываются связка: Алтай – Южный Урал – Донецчина – Балкано-Карпатье.

Таким образом, мы видим, что бабинский оловянно-бронзовый торгово-металлургический осевой ответ, сформированный в ~2200 г. до н.э. на одной из территорий Карпато-Подунавья сразу как только второй ВОП появился в инхроническом будущем, и привнесенный (вместе со всеми своими сторонниками и носителями) быстрой миграцией в Днепро-Донецкий регион, был направлен на привлечение алтайского олова второго ВОП, в будущем самопроизвольно достигающего Южного Урала, через медные месторождения Донецкого кряжа в Балкано-Карпатский меднорудный регион.

Кстати сказать, в Карпато-Подунавье олово могло прийти и совсем другим маршрутом – как продолжение переднеазиатской ветви второго ВОП из Малой Азии (см. Рис. 4.18). И тем не менее бабинцы не стали ожидать “милостей от природы”, т.е. реализации данного продолжения, которое могло произойти очень даже не скоро, а могло и вообще не произойти, и пошли на более прямое и быстрое подключение к алтайскому олову – тот самый оловянный кошмар, усугубленный к тому же балкано-карпатскими запасами меди, который погнал тохара-гутиев с Алтая в Предбайкалье и, превратив их там в сейминско-турбинцев, со временем направил беспримерный транскультурный марш этих суровых воинов-кузнецов на север Восточной Европы.

И спустя очень короткий срок (не более нескольких десятков лет) бабинцы как криволукские группы обнаруживают себя уже на Дону, а затем и на Волге. Можно, конечно, и здесь предположить миграцию части бабинцев ДДБК из Донецкого очага на восток, тем более что такая миграция к Южному Уралу полностью соответствовала бы бабинскому осевому ответу, если бы не одно “но”. Дело в том, что в одной из своих статей, уже неоднократно цитируемой на этих страницах, Р. О. Литвиненко наглядно показы-

^[18] Д. П. Куштан “Трансевразийский «оловянный» путь эпохи поздней бронзы”, Российский археологический ежегодник, № 2, 2012, стр. 246–262, Рис. 6.

^[19] Р. А. Литвиненко “Культурный круг Бабино (по материалам...)”, Рис. 1.

^[20] Р. А. Мимоход “Посткатакомбный период в Нижнем Поволжье...”, Рис. 1.

^[21] Р. О. Литвиненко “Бабинско-криволуцкье...”, Рис. 5-7.

вает постепенное намного более медленное расширение ареала ДДБК из Днепро-Донецкого междуречья к Волге, к тому же начавшееся в период IB ДДБК, т.е. существенно позже появления криволукских групп в Волго-Донском междуречье. В то время как в периоде IA Донецко-Донское междуречье выступало всего лишь в роли условной контактной зоны между ДДБК и криволукскими группами^[22]. Кроме того, Р. О. Литвиненко последовательно обосновывает серьезное военное противостояние между бабинцами ДДБК и криволукцами в периодах IB-IIA ДДБК, в итоге приведшее к отступлению криволукских групп из Донецко-Донского междуречья и юга Волго-Донского междуречья на север и их исчезновению в племенах доново-волжской абашевской культуры (ДВАК)^[23].

При подобной диспозиции довольно трудно представить себе, что бабинцы ДДБК и криволукуцы были одной этнической принадлежности и осуществляли в точности один и тот же осевой ответ, иначе это было бы уже одно и то же сообщество, гражданская война в котором выглядит маловероятной, тем более что гражданская война – это прежде всего разногласие в ответах сообщества. Следовательно, и миграция бабинцев ДДБК в самом начале периода IA ДДБК в Волго-Донское междуречье, приведшее к появлению здесь криволукских групп, смотрится точно так же – как маловероятная.

И все же весьма значимые элементы бабинской культуры каким-то образом попали к криволукцам, что и подвигло Р. А. Мимохода на переименование криволукских культурных групп в волго-донской вариант бабинской культуры (ВДБК). Остается один вариант – бабинская культура могла в самом начале периода IA ДДБК проникнуть за Северский Донец в ходе контактов среднедонского катакомбного населения Донецко-Донского междуречья с появившимися на Донетчине бабинцами ДДБК, как результат культурного влияния, что и стало причиной возникновения за Северским Донцом криволукских культурных групп, быстро вовлекших в бабинский культурогенез и население соседней волго-донской катакомбной культуры. Это, если выразиться и описывать происходившее на археологическом языке. Если же сменить ракурс на инхронический, то в начале периода IA ДДБК произошел дрейф бабинского осевого ответа, о котором говорилось выше, к проживавшим за Северским Донцом катакомбникам, довольно быстро распространившийся аж до Волги. При этом, похоже, среднедонское катакомбное население Донецко-Донского междуречья и волго-донские катакомбники не буквально, буква в букву, восприняли бабинский осевой ответ, иначе между бывшими катакомбниками криволукцами ВД(К)БК и бабинцами ДДБК не возникло бы военное противостояние, а подвергли его “небольшой” коррекции под себя – судя по всему, криволукский бабинский (такое вот сочетание...) осевой ответ, оставляя бабинцам донецкий очаг металлообработки и контроль за доставкой олова в Карпато-Подунавье, брал контроль за оловянным “воротами” в Южном Зауралье и за южноуральской медью на себя, т.е. возлагал все это на криволукские группы. С чем бабинцы ДДБК, разумеется, смириться никак не могли, что и стало источником конфликта между двумя этими группами бабинской культуры, и увело ее волго-донской вариант дальше от ДДБК, чем это было бы в случае более точного копирования криволукским населением бабинского ответа ДДБК, предусматривающего бесспорное полное и окончательное верховенство этнических бабинцев, т.е. бабинцев ДДБК, во всех узлах металлообработки наме-

^[22] Там же, Рис 5, 6 с разъяснениями к этим картам на стр. 55-57.

^[23] Там же, Рис 7 и соответствующее разъяснение на стр. 57.

чаемой оловянной трассы, а именно: на Южном Урале, на Донетчине и в Карпато-Подунавье.

Не менее интересная ситуация складывалась на западе бабинского ареала. Как уже было сказано выше, несколько позже, в периоде ІВ ДДБК (ближе концу периода), бабинская культура появляется и на западе в Днестровско-Прутском междуречье, в то время как в этом же периоде бабинцы ДДБК, оттесняя криволукские группы на север, уже распространяются до Волги^[24]. При этом на западе между ДДБК и днестровско-прутским вариантом ДПБК остаются территории, еще не охваченные бабинской культурой, – это Днепро-Днестровское степное междуречье. И такой разрыв в целом территориально непрерывной бабинской культуре странен сам по себе... Вряд ли это еще одна миграция, только в обратном направлении – как-то слабо верить. Да и зачем? Еще одна миграция на восток из карпато-дунайского шнурового ареала тоже не способна объяснить наблюдаемый раскол единого бабинского поля на две изолированные друг от друга части – трудно представить повторное конвергентное зарождение из одного и того же источника столь своеобразного культурного комплекса как бабинская культура, даже при одном и том же бабинском осевом ответе – нельзя дважды войти в одну и ту же реку. Тем более что из всех остальных вариантов ДПБК ее днестровско-прутский вариант культурно наиболее близок ДДБК.

Остается один более или менее приемлемый выход – дело может заключаться в нюансах дрейфа в западном направлении и распространения там бабинского осевого ответа, окончательно оформившегося в комплексе бабинской культурной атрибутики уже после миграции из Карпато-Подунавья на месте прибытия – в Днепро-Донецком очаге ДДБК.

Выше мы видели, как бабинский осевой ответ распространялся из этого очага на восток. Надо полагать, что одновременно этот же ответ начал дрейфовать с Донетчины и на запад – на катакомбное население ингульской культуры. Однако по меньшей мере для Днепро-Днестровского степного междуречья можно утверждать, что местный вариант ДПБК непосредственно не стыкуется с ингульской катакомбной культурой, отделяясь от нее горизонтом, в котором сочетаются, с одной стороны, пережитки ингульской традиции, а с другой – элементы будущей местной ДПБК. Следовательно, данный переходный горизонт может расцениваться как постингульский или протоДПБК, синхронный немногочисленным в этом регионе комплексам ранней ДДБК^[25].

Насколько я понимаю, относительно днестровско-прутского варианта ДПБК пока что точно не известно, существует ли и там такой же переходный горизонт или нет, а если существует, то какой мощности. Предположим, что не существует или достаточно тонок, и посмотрим, насколько вытекающая из этого посыла картина распространения бабинского осевого ответа соответствует наблюдаемой культурной действительности.

Наличия переходного периода протоДПБК в Днепро-Днестровском междуречье, в отличие от ДДБК, свидетельствует о том, что здесь дрейфующий на запад бабинский ответ достаточно медленно проникал в толщу ингульских катакомбных масс, что-то тормозило его распространение в этом регионе, при этом несколько мешая и его дальнейшему дрейфу до самых западных окраин ингульского катакомбного ареала. И этим что-то, скорее всего, было сопротивление ингульцев бабинскому осевому ответу. Что в

^[24] Р. А. Литвиненко “Культурный круг Бабино (по материалам...)”, стр. 15; Р. О. Литвиненко “Бабинсько-криволуцьке...”, Рис. 6.

^[25] Р. А. Литвиненко “Культурный круг Бабино (по материалам...)”, стр. 15-16.

принципе можно понять – медь-то они и без того, как и раньше, получали ведь с Донетчины, во всяком случае, в восточной части региона. Что же касается будущих поставок олова, то его происхождение от первого ВОП или от второго ВОП их мало волновало, так как возможные продолжения и того и другого в любом случае с большой долей вероятности (после окончательного установления одного из ВОП по окончании двухосного периода осевых метаморфоз) дотягивались бы до меди Донецкого кряжа, а оттуда в общем-то рукой подать до Днепро-Днестровья, тем более по степи. Типичная катакомбная мотивация понтийско-каспийских степей, особенно в районах близких к Донецкому кряжу, – дожидаться начала будущего самопроизвольного подвоза олова. На западе региона данная мотивация должна была бы спадать по мере увеличения расстояния до Донетчины, и приближения к Карпато-Подунавью, где вопрос будущих поставок олова стоял куда более остро и неопределенно, отчего здесь и зародилась бабинская реакция. И уже в периоде IB ДДБК бабинский ответ наконец-то с востока пресекает Прут и сравнительно быстрее распространяется по Днестровско-Прутскому междуречью, где возникает первый вариант ДПБК. Несколько позже в Днепро-Днестровском регионе с заметной задержкой, вызванной сопротивлением здешних ингульских народных масс бабинскому ответу, также появляется местный вариант ДПБК. Предполагается, что военные отряды ранней ДДБК и были той самой силой, которая, проникнув в Днепро-Днестровье, подорвала социальные институты и основы ингульской культуры и положила начало трансформации последней в ДПБК в ее днепро-днестровском варианте^[26].

Как видим, типологическая структура бабинской культуры полностью описываема специфическими особенностями дрейфа и распространения по катакомбному ареалу бабинского оловянно-бронзового торгово-металлургического осевого ответа на появление в ~2200 г. до н.э. в осевом инхроническом будущем второго ВОП. Отметим, что и на востоке и на западе для распространения этого ответа во всей его полноте и целостности была применена военная сила. Упущен лишь один момент – как и что происходило с населением донецкой катакомбной культуры на самой Донетчине, в самом Днепро-Донецком очаге зарождения бабинской культуры? Да, и еще одно... Настоятельная просьба не путать данный очаг, где бабинский осевой ответ впервые принял зримые культурные формы, с очагом зарождения самого бабинского ответа в Карпато-Подунавье.

Применение силы на востоке привело к миграции на север криволукских групп отступающих перед военной мощью отрядов бабинцев ДДБК. Думается, не обошлось без миграции в том же северном направлении (а куда еще? больше просто некуда...) и каких-то ингульских групп из Днепро-Днестровского региона во время насаждения здесь бабинского ответа бабинцами ДДБК. Что же тогда говорить о центральном для всей бабинской общности Днепро-Донецком междуречье, которое этнические бабинцы сделали своей главной базой...

Исходя из этого можно предположить, что в ~2200 г. до н.э. в самом начале бабинской экспансии на днепро-донецкие земли из этого региона также произошла миграция (трудно судить, насколько массовая) в основном носителей донецкой катакомбной культуры и тоже на север – в лесостепную зону. В отличие от криволукских и ингульских мигрантов донецким переселенцам было куда идти – на Верхнем Дону, примерно от верховьев Дона и

^[26] Там же, стр. 25.

до устья его левого притока реки Воронеж, включая весь ее бассейн, располагались поселения катакомбников, в самой основе культуры которых лежала донецкая катакомбная культура наряду с близкородственной ей среднедонской катакомбной культурой. Подобная культурная ситуация могла сложиться примерно с середины III тыс. до н.э., когда началось *одновременное* заселение как Среднего, так и Верхнего, Дона, населением донецкой культуры. По всей видимости, процесс освоения территории Верхнего Дона катакомбным населением шел волнообразно в две фазы: вначале прошло параллельное освоение донецкими катакомбниками Среднего и Верхнего Дона, и только затем Верхний Дон начинает еще раз осваиваться, но уже среднедонским катакомбным населением, точно так же порожденным до того донецкими катакомбниками^[27].

В рамках нашей торгово-металлургической инхронической модели появление в середине III тыс. до н.э. на Верхнем Дону именно донецких катакомбников легко объясняется соседством этого региона на севере с лесным Волго-Окским междуречьем, где также примерно с середины III тыс. до н.э.^[28] поселяются племена шнуровой фатьяновской культуры, на ранних фазах развития которой уже ощущается южное катакомбное влияние^[29]. Вполне развитая металлообработка этих племен требовала соответствующих, а в потенции так очень даже немалых, металлургических ресурсов, которых, надо полагать, не хватало в этой удаленной от меднорудных источников местности – медь фатьяновцы получали со Средней Волги, возможно, частично еще и балкано-карпатскую медь от расположенного юго-западнее населения среднеднепровской культуры^[30]. А из Донецкого региона через Средний Дон пока что всего лишь шла дорога к Верхнему Дону...

Иначе говоря, похоже на то, что проникновение данного катакомбного языка так далеко на север, почти до границы с лесной зоной у Оки, было вызвано намерением донецких катакомбников наладить в будущем, может, и не в столь далеком будущем, поставки фатьяновцам меди Донецкого края, а в отдаленной перспективе и олова первого ВОП. Что и вылилось в возможное будущее продолжение первого ВОП из степного катакомбного ареала к лесному Волго-Окскому междуречью. При том что “немногочисленные находки бронзовых изделий (даже в погребениях) свидетельствуют о том, что на территории Верхнего Дона в катакомбное время они были не столь часты и, соответственно, чрезвычайно дороги”^[31]. Но в то же время “находки с поселений также свидетельствуют о наличии собственной металлообработки, которая обеспечивала собственные минимальные потребности”^[32]. И не только металлообработки, но и металлургии^[33].

Второй же язык по землям расселявшихся в западном направлении катакомбников-ингульцев тянулся к медным ресурсам Балкано-Карпатья, куда по соответствующему продолжению первого ВОП со временем также

[27] М. В. Ивашов “Памятники катакомбного времени на Верхнем Дону”, кандидатская диссертация, Липецк, 2014, стр. 150-170. Здесь же приводятся многочисленные ссылки на первоисточники.

[28] Н. А. Кренке “Москворецкие памятники фатьяновской культуры”, *Российская археология*, № 4, 2014, стр. 5–18, на стр. 10, 13.

[29] Там же, стр. 10.

[30] Д. А. Крайнов “Древнейшая история Волго-Окского междуречья”, М.: «Наука», 1972, стр. 166-167.

[31] М. В. Ивашов “Памятники катакомбного времени...”, стр. 112.

[32] Там же, стр. 119.

[33] Там же, стр. 110-111.

доставлялось бы олово восточноазиатского происхождения (см. Рис. 4.10 в пятом этюде).

В то время как сами поселившиеся в лесах Восточной Европы фатьяно-балановские племена центрально-европейского шнурового происхождения в той же самой потенции и перспективе явно намеревались подсоединиться к мощным металлургическим ресурсам уральской пред-ЕАМП, чье формирование переходит в активную фазу как раз с середины III тыс. до н.э. после синхронного выхода позднеямных племен к алтайскому, среднеазиатскому и забайкальскому (через Минусинскую котловину и Предбайкалье) олову. Однако своевременная донецкая катакомбная реакция предоставила фатьяновцам гораздо лучший вариант – возможность диверсифицировать между пред-ЕАМП и первым ВОП будущие поставки олова. И меди – не будем забывать про донецкую медь, добыча которой, подтвержденная археологическим материалом, прослеживается со срубных времен, а по некоторым косвенным данным, возможно, практиковалась еще у катакомбного населения^[34].

Таким образом, именно активизация формирования пред-ЕАМП являлась первопричиной проникновения с середины III тыс. до н.э. фатьяно-балановских племен в приграничную с лесостепью лесную зону Восточной Европы, что в свою очередь в это же время вызвало появление по соседству с ними, в лесостепи Верхнего Дона, донецких катакомбников. Когда же в XXIII в. до н.э. уральская пред-ЕАМП распалась под действием тохарского торгово-металлургического осевого ответа, а вместе с ней канула в небытие и волго-уральская позднеямная культура полтавкинских племен, контакты фатьяновцев с катакомбниками Верхнего Дона должны были бы стать еще более плотными...

И вот на этот фон в ~2200 г. до н.э. накладывается еще одна миграция донецких катакомбников, несущих весть... нет, не о появившемся в инхроническом будущем втором ВОП – об этом осевые в своем развитии катакомбники-верхнедонцы и шнуровики-фатьяновцы и сами должны были располагать достаточно полной инхронической информацией, а о том, что на степном юге с запада появились агрессивные племена, то бишь бабинцы, такие же шнуровики, как и фатьяновцы, которые, не дожидаясь исхода противостояния первого и второго ВОП, уже перерезают все возможные меридиональные продолжения первого ВОП из Предкавказья на север своим новым осевым ответом, ориентированным исключительно на широтные продолжения второго ВОП.

И началось – следующий виток культурно-инхронического развития начал разворачивать свою крутую спираль...

^[34] Д. П. Кравец, С. И. Татаринев. “К вопросу о металлургии племен донецкой катакомбной культуры” в сборнике “Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит - бронзовый век): Материалы международной конференции”, Ч. 1, Донецк, 1996, стр. 51–54.

ДЕВЯТЫЙ ЭТЮД: «Битва за Север III: Абашево»

Приблизительно в это же время, когда первые донецкие катакомбники, бегущие от бабинцев как можно дальше на север, по нашему далеко не голословному предположению должны были прибыть на Верхний Дон, т.е. где-то в XXII в. до н.э. начала бабинской экспансии на Днепро-Донецкий регион, а скорее всего, на заре этого века прямо в ~2200 г. до н.э.^[1], и примерно в той же местности близ границы леса с лесостепью у верховьев Дона или на Средней Волге, а может, и вообще между ними на левых притоках Дона и правых притоках Волги, зарождается довольно-таки своеобразная для Восточной Европы того времени культура, которую археологи по эпонимному памятнику (у села Абашево в Чувашии) назвали абашевской. Абашевцы появляются в этом северном лесостепном регионе практически синхронно с появлением сейминско-турбинцев далеко на востоке в Барабинской степи и в средне-северном Зауралье, но к зарождению абашевского этнокультурного сообщества последние никакого отношения не имели. Скорее, напротив, как покажет наша культурно-инхронической модель торгово-металлургического взаимодействия второго ВОП, это абашевцы, вернее, их осевой ответ наряду с синташтинским ответом (о последнем и соответствующей культуре поговорим ниже) как раз и станут главной причиной западного рейда сейминско-турбинцев.

Но все-таки... – Верхний Дон или Средняя Волга? Вопрос, с ответом на который археологи вот уже много десятилетий не могут прийти к единому мнению. И вряд ли когда-нибудь придут, если только ювелирно исполненный радиоуглерод, одинаково представительный и достоверный для обоих регионов, со временем не расставит все на свои места.

На самом деле абашевская культура представляет собой культурно-историческую общность, состоящую из трех локальных культур: доново-волжской абашевской культуры (ДВАК), среднево-волжской абашевской культуры и южноуральской абашевской (баланбашевской) культуры. Таким образом, озвученный выше вопрос в дискуссиях сводится к определению культурного и хронологического приоритета доново-волжской или среднево-волжской локальных абашевских культур, а уральский вариант сторонниками и той и другой стороны признается более поздним, выводимым, соответственно, из доново-волжской или среднево-волжской культуры.

Подробно историографии вопроса касаться мы не будем^[2] – просто за неимением времени и места. Приведем лишь непредвзятый взгляд на данную проблему со стороны С. А. Григорьева^[3]. Он критически отнесся к обо-

^[1] О радиоуглеродной датировке начала абашевской культуры см. С. В. Кузьминых, Р. А. Мимоход “Радиоуглеродные даты Пепкинского кургана и некоторые вопросы хронологии среднево-волжской абашевской культуры” в сборнике “Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н.э.). Круглый стол, посвященный 80-летию со дня рождения С. Н. Братченко (Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2016 г.): Материалы”, СПб., 2016, стр. 39–44, на стр. 40–41; В. И. Молодин, А. В. Епимахов, Ж. В. Марченко “Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы”, Вестник НГУ, Серия: История, филология, Т. 13, вып. 3: Археология и этнография, 2014, стр. 136–167, Рис. 2.

^[2] Частично с литературой по спорным вопросам абашевского культурогенеза можно ознакомиться, например, в обзоре А. В. Моисеев “Изучение абашевских древностей бассейна Дона в отечественной археологии”, Вестник ВГУ, Серия: История, политология, социология, №2, 2006, стр. 48–56.

^[3] С. А. Григорьев “Древние индоевропейцы”, Издание 2-е, доп., Челябинск: Цицеро, 2015.

им подходам и выдвинул свою собственную концепцию абашевского культурогенеза на основе миграции арийских племен из Передней Азии на Южный Урал и в Восточную Европу, с чем тоже можно крепко поспорить. Либо же придать его концепции несколько иной не столь прямой и непосредственный миграционный смысл. И не только миграционный...

Но вначале совсем сжато и кратко видение проблемы в изложении С. А. Григорьева отдельно для каждой гипотезы (ссылки на источники опущены):

Дона-волжский подход. "...базируется на идее о формировании абашевской общности на Дону и последующем распространении ее в Поволжье и на Урал. Главным основанием данного суждения является факт обнаружения незначительной и маловыразительной серии "протоабашевской" керамики на Сокольском поселении, а также "пострепинский" фон абашевской посуды. Исходя из этого, абашевская культура Подонья оказывается наиболее ранней, а все прочие вторичными"^[4].

Средневолжский подход. "...точка зрения построена на идее формирования абашевской культуры на Средней Волге на основе "постшнуровых" образований. Наиболее последовательным ее сторонником является О. В. Кузьмина, которую поддерживает В. С. Горбунов. В последнее время [т.е. в 90-ые годы, первое издание "Древних индоевропейцев" Григорьева вышло в 1999г. – А.З.] эта идея получила дальнейшее развитие и в настоящее время выглядит следующим образом. Сформировавшись на Средней Волге, абашевская культура распространяется на Южный Урал, исчезая на первоначальной территории. При этом средневолжское абашево на позднем этапе синхронно раннему приуральскому... ..Затем О. В. Кузьмина в еще большей степени детализировала свою позицию, расчленив абашевские комплексы на девять хронологических этапов. При этом наиболее ранними памятниками являются могильники правобережья Средней Волги... ..Однако само по себе столь дробное членение археологической культуры беспрецедентно. К тому же, данное построение основано отнюдь не на стратиграфических наблюдениях, и не на анализе всего корпуса источников. В основании выводов лежит анализ керамики, который позволил разделить ее на девять групп. Хронологический смысл этим группам был придан глубоким убеждением автора в том, что абашевская культура формируется на фатьяновско-балановской основе, и потому комплексы, несущие в себе фатьяновско-балановские черты являются наиболее ранними. Таковыми, естественно, оказываются памятники Средней Волги. Таким образом, в данный анализ изначально были привнесены те выводы, которые следовало доказать"^[5].

...

"Металлокомплекс абашевской общности, в целом, един и отражает не стадийные, а территориальные различия. Какие-либо признаки, указывающие на раннюю дату абашевской культуры Средней Волги, отсутствуют. "Архаичный" облик этой культуры есть следствие изолированности ее от основного массива и априорной идеи об ее раннем характере"^[6].

Как видим, применительно к средневолжскому подходу у С. А. Григорьева совсем кратко не получилось. В итоге он приходит к выводу:

"Таким образом, у нас отсутствуют серьезные основания полагать, что какая-либо из абашевских культур сформировалась раньше других"^[7].

Но вместе с тем:

"Не исключено, что в самом формировании абашевской культуры Средней Волги принимали участие... ..формирующиеся группы абашевцев Подонья. Последнее более вероятно, тем более что в юго-западных районах Среднего Поволжья на поселениях присутствует керамика доно-волжской абашевской культуры. За счет опосредованности данно-

^[4] Там же, стр. 111.

^[5] Там же, стр. 111–112.

^[6] Там же, стр. 112.

^[7] Там же, стр. 112.

го импульса, происходящего, при этом, достаточно рано, в период формирования доно-волжского абашева, а также последующей изолированности абашева Средней Волги, металлкомплекс здесь более специфичен, чем у прочих абашевских культур^[8].

Таким образом, основная претензия С. А. Григорьева к доно-волжскому подходу сводится к малочисленности имеющихся археологического данных по сравнению со средневолжскими и их качеству, с чем трудно не согласиться. Все остальная критика доно-волжского подхода носит более частный характер, чаще типохронологического порядка, а в этой области за годы, прошедшие после издания книги Григорьева, под влиянием “радиоуглеродной революции” произошли существенные изменения.

Что касается средневолжского подхода, то Григорьев его попросту перечеркивает.

И тем не менее многие исследователи до сих пор по сути все еще продолжают придерживаться версии культурного и хронологического приоритета средневолжской абашевской культуры в абашевской общности. Так в одной из статей, на которую мы уже ссылались в самом начале этюда, Р. А. Мимоход последовательно сравнивает даты существования средневолжской культуры с датами так называемого колесничного горизонта т.е. блока культур Синташта, Потаповка и Покровск (последний в рамках доно-волжской абашевской культуре), который, разумеется, моложе средневолжской культуры, и на этой основе утверждает хронологический приоритет средневолжской абашевской культуры по отношению к колесничным культурным образованиям и синхронному им сейминско-турбинскому феномену в Восточной Европе. Кто же против? Но Р. А. Мимоход почему-то идет дальше и выдвигает тезис о наибольшей древности средневолжской абашевской культуры во всей абашевской общности, автоматически ограничивая при этом доно-волжскую абашевскую культуру (ДВАК) одним лишь колесничным горизонтом^[9]. В то время как сторонники доно-волжского подхода неоднократно указывали на то, что ранние памятники ДВАК относятся к досейминскому времени, а так называемые протоабашевские древности Подонья, упомянутые выше С. А. Григорьевым, вообще могут быть отнесены чуть ли не к финалу средней бронзы^[10], т.е. до XXII в. до н.э. начала средневолжской культуры и посткатакомбного горизонта.

Кроме того, культурный приоритет локального средневолжского варианта абашевской культуры Р. А. Мимоход обосновывает еще и наблюдаемыми в нем культурными параллелями в украшениях с раннебронзовыми культурами Балкано-Карпатского региона и южной Германии, а в керамическом комплексе – и с одним из вариантов центрально-европейской унетицкой культуры. При том что “Этот западный импульс выражен значительно четче у средневолжской абашевской культуры, чем у фатьяновско-балановских древностей, истоки которых традиционно связывают с Центральной и Северной Европой. Появление средневолжской абашевской культуры, скорее всего, связано с продвижением в Поволжье европейских групп населения”^[11].

^[8] Там же, стр. 118.

^[9] С. В. Кузьминых, Р. А. Мимоход “Радиоуглеродные даты Пепкинского...”, стр. 41–43.

^[10] См, например, в А. В. Моисеев “Соотношение средневолжских и доно-волжских абашевских древностей (к историографии вопроса)” в сборнике “Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы международной научной конференции”, Чебоксары, 2003, стр. 70–75, на стр. 71.

^[11] С. В. Кузьминых, Р. А. Мимоход “Радиоуглеродные даты Пепкинского...”, стр. 43.

Еще одна миграция в один и тот же регион, когда точно такая же миграция (фатьяновско-балановских племен) из Центральной Европы по мнению большинства археологов уже состоялась тремя столетиями раньше? На мой взгляд, несколько избыточное предположение... И только ради того чтобы объяснить расположение бляшек на костюме и некоторое сходство в керамике с фатьяновско-балановской культурой, пусть даже данные центрально-европейские черты в последней выражены менее “четко”. Не лучше было бы, не прибегая к тяжелой миграционной артиллерии, к тому же бьющей по воробьям, попытаться интерпретировать наблюдаемую культурную ситуацию в более привычном русле культурных взаимодействий? А именно – плотным взаимодействием абашевцев с фатьяновско-балановскими племенами, еще до того как на Средней Волге внезапно появляются первые абашевские группы, успевшие сложиться в каком-то другом не столь далеком соседнем регионе, в том числе и в части целостного комплекса специфических центрально-европейских культурных черт. После чего эти “центрально-европейские” абашевцы (ЦЕ-абашевцы) дружно всем скопом отправляются чуть дальше на восток – скорее всего, осваивать медные запасы Средней Волги. Появление же эффекта большей, чем у самих фатьяновско-балановцев, центрально-европейской “комплексной четкости” в сообществе ЦЕ-абашевцев можно свести к инфильтрации (вплоть до инкорпорации) некоторых фатьяновско-балановских групп в часть абашевской среды того соседнего со Средней Волгой региона, где, собственно и формировалось абашество, с последующим центрально-европейским “шнуровым ренессансом” в них ввиду сравнительно более изолированного положения ЦЕ-абашевцев в уже несколько инокультурном чисто абашевском окружении... – например.

Да и само это “четче” тоже носит достаточно произвольный субъективный характер, поэтому наверняка возможны еще более простые не миграционные схемы абашевского культурогенеза. И заявления на манер “Правда, это [т.е. *привнесение в Среднее Поволжье взаимосвязанного комплекса культурнозначимых признаков в уже сформировавшемся в виде – А.З.]* совсем не свидетельствует в пользу концепции воронежских археологов о ДВАК как о древнейшей культуре в абашевской общности”^[12], как минимум, весьма и весьма спорны. Свидетельствует, еще как свидетельствует...

Поэтому в споре об абашевском культурогенезе остановимся на взвешенной позиции одного из известных специалистов по абашевской культуре С. В. Большова, который в своей докторской диссертации, отмечая синхронность раннего этапа средневолжской абашевской культуры раннеабашевским комплексам Подонья^[13], тем не менее заключает: “Абашевские племена проникают в лесную зону Среднего Поволжья на раннем этапе развития абашевской культурно-исторической общности. Вероятно, их исходным регионом являлось лесостепное Подонье”^[14].

Итак, похоже, что все-таки Верхний Дон. В таком случае в плане культурогенеза абашевской культуры на первое место, хотим мы того или

^[12] Цитата из другой статьи Р. А. Мимохода, в которой он отстаивает те же самые тезисы – Р. А. Мимоход “Глава 4. Культурно-хронологический комментарий к материалам кургана 2 Липецкого могильника” в “Липецкий курган – памятник элиты доно-волжской абашевской культуры”, Липецк, Воронеж: Полиграфическое предприятие «Новый взгляд», 2016, стр. 35–49, на стр. 37.

^[13] С. В. Большов “Лесная полоса Среднего Поволжья в эпоху средней бронзы (проблемы культурогенеза первой половины II тысячелетия до н.э.)”, автореферат докторской диссертации, Казань, 2011, стр. 15.

^[14] Там же, стр. 30.

нет, выдвигаются протоабашевские древности. В основу концепции формирования абашевских культурных традиций на территориях лесостепного Подонья положена группа протоабашевских памятников, распространенных преимущественно в лесостепи Верхнего Дона (см. соответствующую карту на Рис. 4.20), которые в свою очередь складываются на базе здешней репинской (т.е. раннеямной по периодизации Н. Л. Моргуновой – см. в первом томе) пережиточной энеолитической культуры и в дальнейшем перерастают в доно-волжскую абашевскую культуру^[15].

Как было указано выше, на базе этих памятников выделяется протоабашевский период, который предшествовал распространению абашевцев на

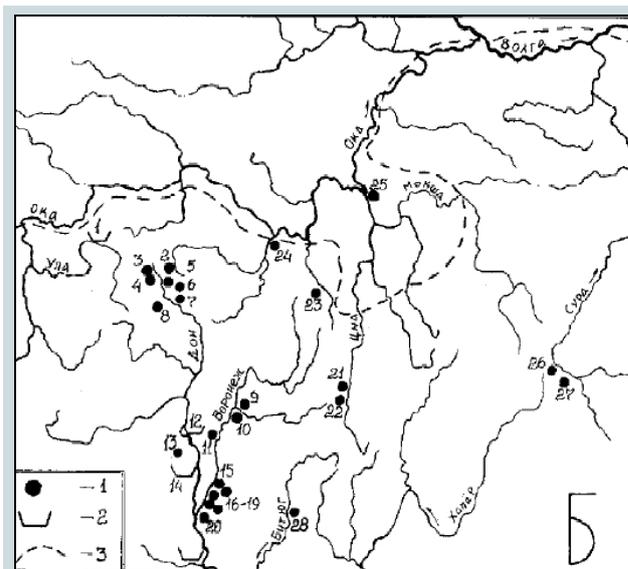

Рис. 4.20

Карта распространения памятников с протоабашевской керамикой

- 1 – поселения и местонахождения керамики;
- 2 – погребения;
- 3 – северная граница лесостепи.

(Карта взята из Ю. Г. Екимов "Протоабашевский керамический комплекс поселения...", Рис. 1Б)

Среднюю Волгу и Южный Урал, т.е. имел место до XXII в. до н.э. по радиоуглеродной хронологии средневолжской абашевской культуры, соответственно – в финале средней бронзы еще до образования блока посткатакомбных культур. При этом по керамике вычленяется тенденция, которая со временем, возможно, позволит разбить единый протоабашевский период на две фазы: первая фаза маркируется керамикой, отражающей местные региональные энеолитические (волосовско-имерские) культурные связи, а вторая, возможно, вызвана взаимодействием с ямно-катакомбными керамическими традициями^[16].

Появление оригинальных протоабашевских

черт в керамике репинского населения северной левобережной части лесостепного Дона в финале средней бронзы может означать начало реализации репинцами некоего нового ответа, скорее всего, осевого происхождения. А до того репинцы, еще с раннеямных времен "законсервированные" в развитии в этом обособленном обладавшем широким спектром природных экологических возможностей лесостепном регионе, правда, в свое время потес-

^[15] Ю. Г. Екимов "Протоабашевский керамический комплекс поселения Мельгуново-3 (к вопросу об истоках абашевских древностей)" в сборнике "Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы международной научной конференции", Чебоксары, 2003, стр. 198–204, на стр. 198; А. Т. Синюк "О хронологическом соотношении культур эпохи бронзы лесостепного Дона" в "Археологические памятники лесостепного Подонья", Вып. 1, Липецк, 1996, стр. 87–94 (эта ссылка и дальнейшие ссылки на данную работу приводятся по изданию А. Т. Синюк "Избранные труды", Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2014, стр. 531–536). Энеолитической в том смысле что в верхнедонской репинской культуре, оторванной от основного ямно-репинского массива, были законсервированы самые ранние металлургические традиции (еще энеолитические) ямной культуры, металлургия которой в целом далее развивалась в раннебронзовом направлении.

^[16] Ю. Г. Екимов "Протоабашевский керамический комплекс поселения...", стр. 203–204.

ненные еще и приливом сюда катакомбных племен^[17], явно продолжали реализацию одного из вариантов торгово-металлургического аридного ответа, присущего всей ямной общности в целом. И тогда появление осевого ответа в репинской среде Верхнего Дона времен финала средней бронзы в свою очередь с очень большой степенью вероятности связывается с распадом позднеямной уральской пред-ЕАМП с центром в Волго-Уралье и исчезновением самой ямной культуры в это же самое время. Информацию же о данных позднеямных катаклизмах, скорее всего, репинцы получили от соседей с севера – от лесных фатьяновско-балановских племен, осевые ответы которых, как было показано в предыдущем этюде, самым тесным образом переплетались как с пред-ЕАМП, так и с катакомбным продолжением первого ВОП в лесное Волго-Окское междуречье.

С исчезновением пред-ЕАМП почти неизбежно должно было произойти полное переключение металлургической ориентации фатьяновско-балановцев на первый ВОП. Соответственно, с этого же времени начинают расти и их контакты с катакомбным населением Верхнего Дона, а значит, и с проживающими здесь же репинцами, которые в результате приступили к формированию и последующей реализации собственного осевого торгово-металлургического ответа, связанного с перспективами первого ВОП, что и нашло свое внешнее выражение в появлении у репинцев левобережья Верхнего Дона протоабашевской керамики. Все эти взаимосвязи, взаимодействия и синхронизации позволяют отнести протоабашевский период, во всяком случае его начало, к XXIII в. до н.э., т.е. к самому концу среднебронзового века, еще до переходного периода осевых метаморфоз в 2200-2000 гг. до н.э.

Но что могли предложить репинцы, несколько оставшие в своем металлургическом развитии и от фатьяновцев, и от катакомбников? Видимо, именно металлургическое развитие и предложить. Другими словами, постепенно и медленно, с ориентацией на будущее, развивать технологи и наращивать объемы собственного металлургического производства, чтобы, когда придет время, наравне с фатьяновско-балановскими

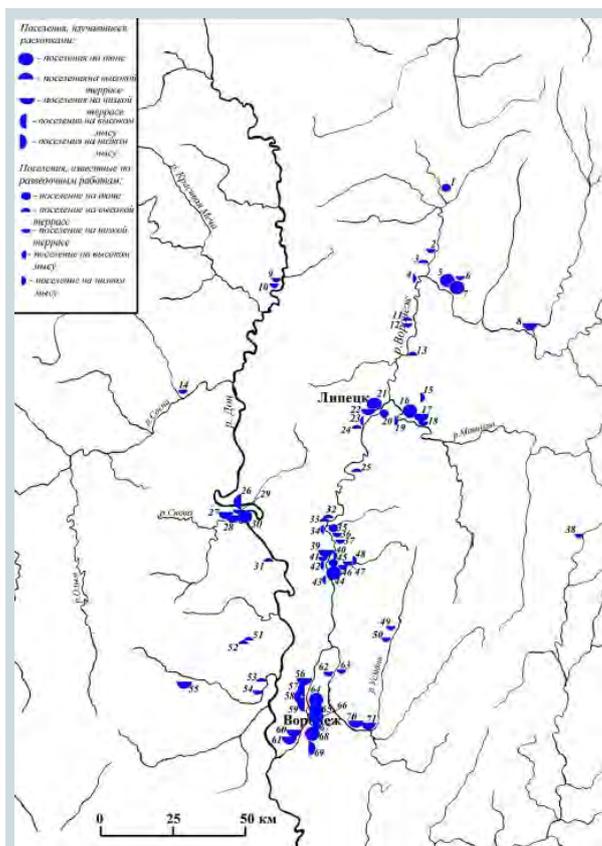

Рис. 4.21
Карта поселений позднего этапа катакомбной культуры на Верхнем Дону

Разные символы обозначают различные топографические особенности расположения поселений: на дюне, на мысу и т.п. Крупными значками обозначены изученные раскопками поселения, а мелкими – известные по разведочным работам.

(Карта взята из М. В. Ивашов "Памятники катакомбного времени на Верхнем Дону", кандидатская диссертация, Липецк, 2014, Рис. 49)

[17] А. Т. Синюк "О хронологическом соотношении культур эпохи...", стр. 532.

племенами выступить в роли масштабных потребителей металлургического сырья первого ВОП, которое поставлялось бы катакомбниками по его продолжению в фатьяновский ареал Волго-Окского междуречья. Это применительно к производственной составляющей репинского торгово-металлургического осевого ответа. Что же касается его торговой составляющей, то, в случае подтверждения в будущем разбиения протоабашевского периода на две фазы, отмеченное по керамике первой фазы усиление взаимодействия верхнедонских репинцев с местными лесными и лесостепными энеолитическими племенами может означать, что репинцы пытались втянуть в этот процесс и другие региональные энеолитические сообщества, чтобы в будущем стать основным поставщиком металла первого ВОП к ним.

И не только это. Если взглянуть на карту верхнедонских катакомбных поселений (Рис. 4.21), и сравнить ее с картой протоабашевских памятников (Рис. 4.20), то видно, что поселения позднего этапа катакомбной культуры на Верхнем Дону в основном концентрируются в области нижнего течения и устья реки Воронеж, левого притока Дона, в то время как протоабашевские памятники имеют две области концентрации: первая – у устья р. Воронеж, т.е. там же, где и катакомбные поселения, и второе – на самом севере донской лесостепи у истоков Дона, почти на границе с лесной зоной. В торгово-металлургическом контексте первого ВОП такая диспозиция может означать стремление протоабашевских репинцев стать посредниками в торговле металлом и металлургической продукцией между верхнедонскими катакомбниками и фатьяновско-балановскими племенами, а если учесть еще и их интерес к северным энеолитическим сообществам, то еще шире – между верхнедонскими катакомбниками и всем населением северной лесной зоны.

В целом примерно так в рамках торгово-металлургической модели культурно-инхронических процессов осевой инхрозоны можно обрисовать ответ репинцев первой фазы протоабашевского периода в XXIII в. до н.э. на осевую инхронку вообще, недавно в этом же веке проникшую в верхнедонские репинские сообщества, и на северные продолжения первого ВОП в частности.

И вот на эти не очень сложные будущие торгово-металлургические расклады и постепенное поэтапное движение к ним в настоящем, вытекающее из всего предыдущего среднебронзового осевого развития региона, в ~2200 г. до н.э. накатывает новая волна мигрантов катакомбного происхождения, бегущих от занимающих их территории бабинцев, в это время прежде всего из днепро-донецкого катакомбного ареала. Думается, мигрантов было не так уж и много, поскольку в итоге они растворятся без остатка в уже абашевской репинской среде, успев передать ей лишь некоторые весьма немногочисленные специфично катакомбные культурные особенности^[18]. Усиление же связей репинцев с местными верхнедонскими катакомбниками маркируются керамикой второй фазы протоабашевского периода, начавшейся сразу после прибытия новых донецких катакомбников в ~2200 г. до н.э. – репинцы разворачиваются ко вторым (южным) своим контрагентам по будущим торгово-металлургическим отношениям.

Однако это их культурное движение в сторону местных катакомбников продлилось совсем недолго, поскольку, с одной стороны, в это же время

^[18] А. Т. Синюк "О хронологическом соотношении культур эпохи...", стр. 533; А. В. Кияшко "К вопросу о катакомбно-абашевском взаимодействии" в сборнике "Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы международной научной конференции", Чебоксары, 2003, стр. 103–106.

в осевом инхроническом будущем наравне с первым устанавливается второй ВОП, по переднеазиатским территориям перекрывающий все возможные будущие продолжения первого ВОП на Кавказ и далее, а с другой – пришлые донецкие катакомбники принесли с собой весть, что и в понто-каспийских степях, севернее основного маршрута второго ВОП, бабинцы также перекрывают своим движением к Уралу любые поползновения первого ВОП в меридиональном направлении, причем не только в будущем, но и в самом что ни на есть настоящем.

По правде говоря, только теперь появляются некоторые основания выдать сакраментальную фразу, которой был завершен предыдущий этюд: и началось... В репинской среде тотчас, в том же ~2200 г. до н.э., пошло формирование нового ответа сразу на все сложившиеся к тому времени осевые трудности, передраги и обстоятельства, и ответ тот уже можно с полным правом называть абашевским. Но почему именно среди отстававших в своем прежнем “законсервированном” состоянии репинцев, а не у, например, более продвинутых катакомбников? Так может, как раз из-за этой самой отсталости, подталкивающей репинцев, которые уже обладали немалой осевой инхроэнергетикой и еще почти не растратили ее, к новым подвигам во славу Оси?

Судя по хронологии средневожской абашевской культуры, абашевский оловянно-бронзовый торгово-металлургический осевой ответ был сформирован довольно быстро, еще в начале XXII в. до н.э. А, если исходить из дальнейших действий абашевцев в рамках абашевской культурно-исторической общности до появления колесничных образований в XX в. до н.э., направлен он был на создание региональной восточноевропейской оловянно-бронзовой торгово-металлургической сферы взаимодействия со вторым ВОП, опирающуюся на ближайшие восточноевропейские медные ресурсы, а именно, на волжскую и уральскую медь, в перспективе на донецкую, но ни в коем случае не на балкано-карпатские медные месторождения, и на оловянный ресурс второго ВОП посредством его ответвления с Алтая на Южный Урал.

В этнокультурный водоворот формирования абашевского ответа и, соответственно, абашевской общности, наверняка, были втянуты и некоторые ближайшие наиболее заинтересованные в разрешении возникшего в ~2200 г. до н.э. для них также торгово-металлургического тупика сообщества, и прежде всего фатьяновцы и катакомбники.

Втянутые в этот процесс катакомбники были, надо полагать, в основном недавнего пришлого происхождения, последней донецкой волны, которые после столкновения с бабинцами и миграции уже успели отказаться от многих катакомбных культурных традиций, к тому же в культурном отношении были много пластичнее своих верхнедонских собратьев, представляя собой нечто близкое посткатакомбным образованиям на юге. У местных же катакомбников, должна была сказаться некоторая инерция, свойственная всему катакомбному миру, выражавшаяся одним словом “дождаться” – дождаться первого ВОП и в самой минимальной степени готовиться к нему. Ведь и на юге посткатакомбная реакция катакомбного мира во многом была спровоцирована бабинским нашествием, возникнув только после него, даже в тех регионах, куда бабинцы не дотягивались, например, в Передкавказье, где посткатакомбные лопинские и кубанские сообщества, если судить по их поведению, несмотря на всю свою посткатакомбность в ~2200-2000 гг. до н.э. продолжали дожидаться, только на сей раз уже не самого первого

ВОП в его северных продолжениях, а исхода его противоборства со вторым ВОП – вот и весь их посткатакомбный ответ в этот переходный период.

И лишь в конце III тыс. до н.э.^[19], т.е. на подходе к 2000 г. до н.э., верхнедонская катакомбная культура и связанные с ней катакомбные сообщества сходят с исторической сцены, но ни классические абашевцы ДВАК, ни их ответ здесь совершенно ни при чем – в игру уже вступали другие культуры и/или ответы, а главное, в 2000 г. до н.э. первый ВОП – катакомбное все – исчезает из инхронического будущего, уступив свое место второму ВОП.

Между прочим, весьма вероятен и вариант, в котором абашевский ответ создания восточноевропейской торгово-металлургической сферы взаимодействия со вторым ВОП, подчеркнуто исключаящий из этого взаимодействия медь Балкано-Карпатья, зародился еще в на марше донецких катакомбников с Донеичины на Верхний Дон, когда они, сбрасывая с себя последние катакомбные культурные “одежки”, порожденные первым ВОП, искали выход из создавшегося положения. Такая мысль напрашивается из соображения, что подобная сфера взаимодействия в первую очередь перекрывала бабинцам и всему балкано-карпатскому региону доступ по Европе ко второму ВОП, а в этом больше всего были заинтересованы именно донецкие мигранты. К тому же в итоге так оно и получилось – доступ бабинцам и в самом деле был перекрыт, только не ко второму ВОП, а... Ладно, об этом потом. Верхнедонские катакомбники по указанным выше мотивам приняли бы абашевский осевой ответ второго ВОП довольно прохладно, а вот репинцы могли увидеть в нем шанс занять достойное место в ряду металлургически ориентированных народов Восточной Европы, таких, например, как фатьяновско-балановский племена. И они не ошиблись...

Фатьяновское же участие, думаю, свелось лишь к переселению некоторых весьма немногочисленных, но торгово-металлургически наиболее активных, фатьяновско-балановских групп на юг в лесостепь, где в формируемом абашевском осевом ответе разворачивались весьма неплохие перспективы для их профессиональной деятельности – те самые группы, чей синтез с репинцами на базе абашевского ответа приведет к появлению описанных выше ЦЕ-абашевцев, которые сразу же после завершения формирования абашевского ответа и соответствующей культуры (судя по средневожским радиоуглеродным датировкам, в том числе и Пепкинского кургана – где-то в первой половине XXII в. до н.э.^[20]), по левому притоку Дона Хаперу и правому притоку Волги Суре, отправятся на северо-восток к медистым песчанникам Средней Волги, положив тем самым начало локальной средневожской абашевской культуре, а значит, уже и общности, и немедленной реализации абашевского ответа вблизи одного из крупных восточноевропейских месторождений меди.

А на Верхнем Дону, соответственно, уже всю шла реализация своего локального варианта – доно-вожской абашевской культуры (ДВАК)... Если взглянуть на дальнейший ход развития событий, то видно, что носители ДВАК поэтапно двигались на юг – к меди Донецкого кряжа, на тот момент контролируемую бабинцами ДДБК, – и на восток – к Нижней Волге, видимо, с дальним прицелом на южноуральские медные залежи. В конце XXI в. до н.э. (период ПА локальной бабинской культуры ДДБК), поглотив отступавшие от бабинцев криволукские группы, абашевцы ДВАК выходят на первый непосредственный и, надо думать, уже военный контакт с бабин-

^[19] М. В. Ивашов "Памятники катакомбного времени...", стр. 164.

^[20] С. В. Кузьминых, Р. А. Мимоход "Радиоуглеродные даты Пепкинского...", стр. 40–41.

цами ДДБК, а в следующем периоде ПБ ДДБК – к Волге примерно на широте Саратова^[21].

Южноуральский (баланбашевской) локальный вариант абашевской культуры, как было сказано в начале этюда, возник позже и ДВАК и средневожской абашевской культуры. И здесь соответственно двум гипотезам абашевского происхождения имеются две версии заселения абашевцами Южного Урала: с Подонья^[22] и со Средней Волги^[23]. В нашем культурно-инхроническом моделировании исторических процессов переходного периода от эпохи средней бронзы к позднебронзовому веку не имеет особого значения, какая из версий является истиной. Скорее всего, Южный Урал в разные времена заселялся абашевцами и с того и с другого региона. Тем более что по такому стратегически важному в аридной и осевой инхроне параметру, как соотношение орудий/оружия и украшений в производимой обществом металлургической продукции, южноуральское абашество располагалось между ДВАК и средневожской абашевской культурой^[23]. Отметим еще, что в периоде осевых метаморфоз 2200-2000 гг. до н.э. абашевцы ДВАК нуждались в южноуральской меди много больше, чем средневожские.

И сразу же добавим, что пришло время сменить оборот “период осевых метаморфоз 2200-2000 гг. до н.э.” на “*первый* период осевых метаморфоз 2200-2000 гг. до н.э.”, поскольку, как увидим в следующем этюде, период осевых метаморфоз продолжится и после 2000 г. до н.э. Однако причины метаморфоз уже будут заключаться не в двухосном состоянии осевого инхронического будущего (противостояние первого и второго ВОП), а в совсем других культурно-инхронических осевых коллизиях...

^[21] Р. О. Литвиненко “Бабинсько-криволуцьке порубіжжя” в Р. О. Литвиненко (ред.) Донецький археологічний збірник, № 15, Донецьк: Видавництво Донецького університету, 2012, стр. 47–76, разъяснения к картам Рис. 6, 7 на стр. 57 и сами Рис. 6, 7.

^[22] А. Д. Прякин “Погребальные абашевские памятники”, Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1977, стр. 131.

^[23] О. В. Кузьмина “Глава III. Абашевская культура в Самарском Поволжье” в “История Самарского Поволжья с древнейших времён до наших дней. Бронзовый век”, Самара: Издательство Самарского научного центра РАН, 2000, стр. 85–121, стр. 98.

^[23] Ю. В. Горбунов “Металлопроизводственная деятельность племен уральской абашевской культуры в Южном Приуралье”, автореферат кандидатской диссертации, Казань, 2008, рисунок на стр. 16 и сопровождающий его текст.

ДЕСЯТЫЙ ЭТЮД: «Битва за Север IV: Эрлитоу»

Подойдем к стержневой задаче этого этюда, как водится, издалека, то бишь с Китая. В связи с чем позволю себе вкратце напомнить читателям некоторые основные выводы, к которым мы пришли относительно аридного и начала осевого Китая в последнем этюде хронографии №3, и которые еще раз были затронуты в первом этюде настоящей хронографии. А затем попробуем вновь интерпретировать их, в случае необходимости дополняя и/или местами даже уточняя прежнюю конструкцию, так как мы уже располагаем куда более представительным корпусом новых данных и обоснованных гипотез (иногда вполне, иногда не очень...) по ведущему потоку осевой инхрозоны (т.е. по системе мировых торговых путей последних трех тысячелетий до нашей эры), касающихся характера и специфики протекавших в нем процессов. Итак, краткий экскурс по нашим же тезисам...

Об аридно-осевом Китае:

После проникновения ~3500 г. до н.э. аридной инхроники в Китай здешние поздне-неолитические сообщества в периоде 3000-2300 гг. до н.э. интенсивного рисоводства развивались лишь под ее воздействием, реализуя два рисоводческих аридных ответа: интенсивное палди-ирригационное рисоводство, основанное на увлажнении муссонами Южного Китая, и интенсивное гидро-ирригационное (пойменное) рисоводство, основанное на увлажнении разливами Хуанхэ на севере Китая. На севере плюс к тому еще выращивали и просо, причем в основном, но данная сторона хозяйствования досталась в наследство северокитайским поздне-неолитическим сообществам от неолитической инхрозоны и ни к аридным, ни к осевым ответам никакого отношения не имела. В результате в Китае 3000-2300 гг. до н.э. складывается весьма парадоксальная ситуация.

С одной стороны, в этом периоде идет широкое распространение палди-рисоводства, взращивание палди-риса проникает даже на север в междуречье Янцзы и Хуанхэ, что сопровождается появлением здесь южнокитайских культур, а также на крайний юг Китая, и еще южнее – в Индо-Китай и на Филиппины, – одомашненный рис появляется и в Индии. Казалось бы, всем и вся в Восточной Азии того времени заправлял южнокитайский палди-ирригационный аридный ответ, однако дела здесь обстояли не совсем так, как это могло показаться на первый взгляд, поэтому имеется еще и неперемненное "с другой стороны".

С другой стороны, начиная с ~3500 г. до н.э. проникновения аридной инхроники в Китай, здесь во многих регионах наблюдается опережающее социально-политическое развитие, что свидетельствует о получении в ~3500 г. до н.э. китайскими сообществами внутреннего социально-политического инхромпульса и начале постепенного движения к цивилизации. В то же время для нормального функционирования пусть и большого, а со временем еще более увеличивающегося, числа мелкомасштабных палди-ирригационных хозяйств, т.е. для реализации южнокитайского палди-ирригационного аридного ответа, сложного элитарного иерархического общества ни в коей мере не требовалось – вполне можно было обойтись и прежней родоплеменной эгалитарной социальной организацией сообществ. А вот северокитайский гидро-ирригационный пойменный аридный ответ по причине наличия обоюдосторонней положительной обратной связи между пойменным рисоводством и разливами Хуанхэ как раз-таки нуждался в сложной иерархической структуре общества, которое могло бы жестко регулировать объемы пойменного рисоводства в соответствии с гидрологией Хуанхэ, чтобы избежать будущих катастрофических наводнений и в то же время выращивать достаточное количество риса на постоянно влажных почвах поймы.

В результате от процесса развития земледельческих хозяйств в пойме Хуанхэ, периодически страдавших от катастрофических наводнений, которые были вызваны забиванием русла реки отложениями и наносами поймы, из времени конца аридной инхрозоны (~1000 г. до н.э.) в ~3500 г. до н.э. приходит внутренний инхромпульс к процессу социально-политического развития сообществ на Средней Хуанхэ, стимулировавший опережающее время иерархическое усложнение общества как движение к цивилизации. Из-за чего, собственно, нами и был выдвинут тезис о северокитайском пойменном гидро-ирригационном аридном ответе сообществ Средней Хуанхэ как истинном источнике движения к цивилизации во всех регионах Китая, связанных с регионом Средней Хуанхэ тесными торговыми отношениями – зачастую в настоящем, но главное, ожидающимися и в будущем.

Таким образом, в периоде 3000-2300 гг. до н.э. мы одновременно наблюдаем как рост и распространение южнокитайского падди-ирригационного аридного ответа в виде широкого распространения интенсивного падди-ирригационного рисоводства по Китаю, а вместе с ним и соответствующих южнокитайских культур, так и признаки доминирования северокитайского гидро-ирригационного аридного ответа в виде всеместного опережающего социально-политического развития китайских позднеолитических сообществ, обеспечивающего им единообразное и синхронное движение к цивилизации. Данное противоречие легко снимается предположением, что все остальные китайские регионы, в том числе и те, или даже особенно те, в которых процветало падди-ирригационное рисоводство, торговали с сообществами хэнаньского луншаня и/или будут торговать с будущими сообществами на Средней Хуанхэ продовольственными продуктами, т.е. в основном обменивали и/или планировали обменивать в будущем падди-рис на северные ремесленные товары и изделия. Классическая однополярная сфера продовольственно-ремесленного взаимодействия, своей принципиальной однополярностью напоминая нижнемесопотамскую сферу взаимодействия.

И вот на эту в общем-то простую ("классическую"), а с другой стороны, достаточно путанную аридную ситуацию накладывается проникновение осевой инхроники в Китай, произошедшее где-то в 2300-2200 гг. до н.э., скорее, ближе к началу периода, чем к концу, о чем свидетельствует отступление в это время падди-рисоводства и южнокитайских культур обратно на юг из междуречья Хуанхэ и Янцзы, а также последовавшее вскоре (после ~2000 г. до н.э.) культурное обрушение во всех китайских регионах, кроме хэнаньского луншаня на Средней Хуанхэ, где луншань в ~1900 г. до н.э. сменяется намного более продвинутой на пути цивилизационного развития культурой эрлитоу, которую некоторые исследователи даже считают первой китайской цивилизацией ("династия Ся").

Как видим, проникновение осевой инхроники в Китай произошло в 2300-2200 гг. до н.э., т.е. во времена, когда в осевом будущем существовал только первый ВОП, а второй ВОП еще только прорезался в культурно-инхроническом взаимодействии тохаро-гутиев с восточными поздними ямниками в Средней Азии, последствия которого по позднеямной среде быстро распространялись аж до Алтая и Енисея, что собственно, в итоге и привело к началу функционирования с ~2200 г. до н.э. некоторых участков второго ВОП и его возникновению в инхроническом будущем наряду с первым ВОП.

Исходя из этого, можно предположить, что осевая инхроника была занесена в Китай с северо-запада и именно поздними ямниками, еще с первой половины III тыс. до н.э. проявлявшими растущую поисковую активность, последовательно и настойчиво пробиваясь на юго-восток к все новым и новым источникам олова. И в 2300-2200 гг. до н.э. отдельные позднеямные группы уже вполне могли бы выйти на более или менее постоянные контакты с китайскими сообществами в современной провинции Ганьсу и даже Шаньси, на западе граничащей с Хэнанью. В то время как взаимодействие южнокитайских сообществ с осевым западом тогда было еще довольно слабым и носило весьма эпизодический характер (см. в восьмом этюде хронографии №3).

В результате вместе с осевой инхроникой где-то в первой половине XXIII в. до н.э. в Северный Китай от поздних ямников проник один лишь только-только формируемый осевой ответ, связанный со становлением второго ВОП, поскольку ответ пред-ЕАМП уже стал неактуален в позднеямной среде. К тому же данный осевой ответ с опорой на будущий второй ВОП был наиболее выгоден именно для сообществ хэнаньского луншаня, так как именно здесь на базе северокитайского гидро-ирригационного аридного ответа и полученного от него внутреннего социально-политического инхроимпульса ("цивилизационного движителя") шло формирование ядра будущей китайской (восточноазиатской) аридной цивилизации, и именно сюда, в район хэнаньских земель на Средней Хуанхэ, по территориям Ганьсу и Шаньси оказалась бы направлена восточная оконечность второго ВОП в

осуществление трансцивилизационной функции этой новой мировой торгово-металлургической трассы. Поэтому луншаньцы сразу приняли этот еще несформировавшийся осевой ответ и продолжили его формирование, подстраивая под собственные конкретные нужды.

Все же остальные китайские регионы, кроме Ганьсу и Шаньси, по которым должна была пройти магистраль второго ВОП в Хэнань, выбрали самое простое решение со слабой инхроэнергетикой – ничего особого не принимая, и даже не напрягаясь, без затей придерживаться непосредственно ведущего потока первого ВОП, и дожидаться его возникновения. Ответ, который прежде всего был выгоден южнокитайскому населению бассейна Янцзы, проживающего ближе всех остальных китайских сообществ к оловянным запасам Южного Китая и Юго-Восточной Азии. Нечто похожее на ответ катакомбников понтийско-каспийских степей, только в более категоричной, более безапелляционной, что ли,.. без каких-либо сомнений форме, порожденной все еще достаточно высокой в XXIII в. до н.э. (да еще, наверное, и в XXII в. до н.э.), вероятностью прохождения будущей мировой оловянной магистрали по маршруту первого ВОП. Правда, до каких-то ярко выраженных внешних проявлений этого ответа (или ряда региональных осевых ответов) дело так и не дошло... Да и какие, собственно говоря, яркие проявления возможны у абсолютной бездеятельности (в осевом смысле)? Такой осевой инхронический портрет большинства китайских, а особенно южнокитайских, регионов следует из культурного коллапса в Китае, произошедшего вскоре после ~2000 г. до н.э., т.е. после исчезновения первого ВОП из инхронического будущего, и повторного установления в нем одной единственной, но уже совсем другой, Оси – на сей раз второго ВОП.

А в Ганьсу на всем протяжении периода 2300-2200 гг. до н.э. происходила смена поздненеолитической культуры мацзяо (Maǐjiāo) на культуру кичзя (Qǐjiǎ)^[1], которую трудно счесть шагом назад по сравнению с мацзяо, учитывая появление в культуре кичзя, как и в хэнаньском эрлитоу, зачатков металлургического производства, особенно на ее поздней фазе развития^[2]. Здесь, на территории расположенной в верховьях Хуанхэ современной китайской провинции Ганьсу, как и в соседней Шаньси, где расширившаяся на восток поздняя кичзя заменила шаньсийский луншань и вышла на границы Хэнани, просто сменился вектор развития – с аридного на осевой при осевом оловянно-бронзовом ответе второго ВОП, причем сменился много успешнее, чем, скажем, в Южном Китае, где ставка была сделана на ответ первого ВОП. Кстати, по некоторым сравнительно недавним данным поздняя стадия кичзя практически полностью синхронна эрлитоу в Хэнани: 1900-1500 гг. до н.э. и 1900-1550 гг. до н.э. соответственно^[3].

Таким образом, культурный коллапс в Китае после ~2000 г. до н.э., когда уровень развития общества вдруг обрушился везде, кроме территорий по средне-верхнему течению Хуанхэ, идеально вписывается в интерпретирующую схему осевого конструкта, в котором сообщества на Средней и Верхней Хуанхэ при приеме осевой инхроники вырабатывают ответ на второй ВОП, а остальные китайские регионы, и прежде всего южнокитайские в бассейне Янцзы, – ответ на первый ВОП. И когда в ~2000 г. до н.э. первый ВОП исчезает из инхронического будущего, осевая инхроэнергетика обру-

^[1] Qinglong Wu et al. "Outburst flood at 1920 BCE supports historicity of China's Great Flood and the Xia dynasty", *Science*, 353, 2016, pp. 579–582, Fig. 3.

^[2] Jianjun Mei et al. "Recent Research on Early Bronze Metallurgy in Northwest China" in P. Jett (ed.) "Scientific Research on Ancient Asian Metallurgy", Washington, 2012, pp. 37–46.

^[3] Qinglong Wu et al. "Outburst flood at 1920 BCE...", Fig. 3.

шивается везде, кроме Хэнани, Ганьсу и Шаньси, увлекая за собой и аридную инхроэнергетику, поскольку после ~2300 г. до н.э. в обновленных китайских уже смешанных аридно-осевых обществах адаптационные ответы обладали надлежащей эффективностью, только в случае если в одинаковой степени соответствовали закономерностям и отвечали на угрозы как аридной, так и осевой, инхроники.

И все же одна из наших прежних интерпретаций – о выделенном цивилизационном положении хэнаньского луншаня (“цивилизационный движитель”) как причине полярных реакций на осевую инхронику в Северном Китае и в Южном – все так же остается в силе. Ведь именно эта цивилизационная позиция Хэнани так и остается важнейшим фактором зарождения второго ВОП и ответов на него, определяющим прохождение этой магистрали именно таким, а не иным путем, реализуя тем самым его важнейшую трансцивилизационную функцию, без которой второй ВОП никогда не переборол бы первый ВОП.

Но тогда возникает следующий закономерный вопрос: а почему второй ВОП смог перебороть первый ВОП именно в ~2000 г. до н.э., или, говоря иначе, что в ~2000 г. до н.э. выступило в качестве непосредственной причины исчезновения первого ВОП из инхронического будущего? И ответом на него вполне могла бы послужить одна гипотеза, не так давно (в 2009 г.) предложенная американскими археологами^[4].

В процессе изучения возникновения металлургии в Юго-Восточной Азии они, сравнивая ассортимент металлургической продукции и металлургические технологии в разных регионах, как ближних, так и отдаленных, пришли к выводу, что по своим технико-типологическим характеристикам металлургия Таиланда и Северного Вьетнама, где были обнаружены самые ранние следы металлообработки, в том числе и оловянно-бронзовые литейные технологии, была наиболее близка не северокаитайской металлургии самых первых китайских государств (так называемая “короткая” хронология бронзового века Юго-Восточной Азии), как предполагалось ранее, а металлургическим традициям Южной Сибири, особенно сейминско-турбинской принадлежности (“длинная” хронология). О том же свидетельствуют и приводимые ими радиоуглеродные AMS даты, по которым начало металлургии в Юго-Восточной Азии датируется ~2000 г. до н.э., т.е. даже раньше металлургии Эрлитоу. На основе чего авторы приходят к выводу о состоявшемся в ~2000 г. до н.э. контакте неких сейминско-турбинских групп с населением материковой Юго-Восточной Азии, причем:

“Однородность ранней металлургии, практиковавшейся в доисторическом Таиланде, и ее примечательное сходство с сейминско-турбинским репертуаром свидетельствуют о том, что знания производства и обработки металлов передавались относительно прямым и *полным* [курсив мой - А.З.] образом опытными практиками, полностью овладевшими навыками сейминско-турбинской оловянно-бронзовой технологии. Если бы передача была неполной и [или - А.З., на основе предыдущих контекстов данной статьи] непрямой, можно было бы ожидать присутствия широких индивидуальных экспериментов в ранней медно-бронзовой металлургии Юго-Восточной Азии, чего практически не наблюдается”^[5]

Конечно, в приведенной цитате немного смущает это “полным образом”, когда, как мы видели выше, сейминско-турбинцы и в Северной Азии и Восточной Европе вынуждены были зорко оберегать секреты своего оло-

[4] J. C. White, E. G. Hamilton “The Transmission of Early Bronze Technology to Thailand: New Perspectives”, *Journal of World Prehistory*, 22, 2009, pp. 357–397.

[5] J. C. White, E. G. Hamilton “The Transmission of Early Bronze...”, p. 384.

вянно-бронзового мастерства, а вот относительно фазы широкого металлургического экспериментирования (как, например, в елунинской культуре) все верно. Так, может, ключевым словом последней фразы является оборот “вынуждены были”? И в Юго-Восточной Азии, так далеко от областей основных интересов сейминско-турбинцев в Северной Евразии и Передней Азии, им нечего было опасаться, что отлитое по точным сейминско-турбинским образцам и технологиям оловянно-бронзовое оружие когда-либо обернется против них самих? Что тут сказать... – все может быть.

Вскоре после выхода данной статьи завязалась длительная дискуссия^[6] ее авторов со сторонниками “короткой” хронологии, поддержанной новым фактическим материалом прежней теории возникновения индокитайской металлургии под влиянием культурных импульсов со стороны ранних государственных образований на Хуанхэ и Великой Китайской равнине, проходящих по торгово-обменным сетям вначале в Южный Китай, а оттуда уже в Юго-Восточную Азию. Причем не со стороны Эрлитоу, и даже не Эрлиган, а Шан, т.е. первого подтвержденного письменными свидетельствами государства, существовавшего на протяжении второй половины II тыс. до н.э. Вместе с тем параллельно с этим спором продолжался и, кажется, все еще продолжается стабильный рост частоты положительных или пусть даже нейтральных ссылок археологов и специалистов смежных профессий на цитируемую выше главную работу авторов “длинной” хронологии, свидетельствующий о принятии некоторой частью научной общественности их аргументов, концепций и подходов.

А что если такая поляризация мнений в археологической среде на самом деле субъективно отражает вполне объективную ситуацию, сложившуюся с бронзовой металлургией Юго-Восточной Азии во II тыс. до н.э.? Ведь и впрямь никто ведь особо не отрицает возможное культурное влияние государства Шан на индокитайский регион во второй половине II тыс. до н.э. – хотя бы по тем же самым торгово-обменным сетям и через Южный Китай, который предусматривает “короткая” хронология. И я не вижу ничего удивительного, а тем более запретного, в том, чтобы такое культурное влияние оказало бы какое-то воздействие и на металлургию полуострова. Однако само зарождение индокитайской оловянно-бронзовой металлургии все-таки могло произойти несколько раньше – в ~2000 г. до н.э. в результате миграции одной или нескольких немногочисленных сейминско-турбинских групп из Сибири на полуостров. Тем более что со временем становится все более очевидной этнокультурная склонность сейминско-турбинцев решать быстрыми миграциями множество самых разных стоящих перед ними задач. Да и разногласия между сторонниками “короткой” и “длинной” хронологий в основном сводятся к процедурам датирования.

Сторонники “длинной” хронологии получили свои радиоуглеродные AMS даты по шелухе риса в глиняной массе керамических горшков так на-

^[6] C. Higham et al. “The Origins of the Bronze Age of Southeast Asia”, *Journal of World Prehistory*, 24, 2011, pp. 227–274; C. F. W. Higham, K. Douka, T. F. G. Higham “A New Chronology for the Bronze Age of Northeastern Thailand and Its Implications for Southeast Asian Prehistory”, *PLoS ONE* 10(9): e0137542.doi:10.1371/journal.pone.0137542, 2015, здесь же короткие возражения, ответы и комментарии как противников, так и сторонников данной публикации в рубрике Comments; C. F. W. Higham “Debating a great site: Ban Non Wat and the wider prehistory of Southeast Asia”, *Antiquity*, 89(347), 2015, pp. 1211–1220; J. White “Comment on ‘Debating a great site: Ban Non Wat and the wider prehistory of Southeast Asia’”, *Antiquity*, 89(347), 2015, pp. 1230–1232; C. F. W. Higham “Reply to responses”, *Antiquity*, 89(347), 2015, pp. 1233–1237 J. C. White “Changing paradigms in Southeast Asian archaeology”, *Journal of Indo-Pacific archaeology*, 41, 2017, pp. 66–77.

зываемого стиля *i&i*, который в индокитайском регионе обычно связывают с неолитом и распространением сельского хозяйства^[7]. В то время как сторонники “короткой” хронологии опирается на значительно более мощный корпус радиоуглеродные AMS дат с самых разных археологических памятников, к тому же полученных как по извлеченному из костей ультрафильтрованному коллагену, так и по раковинам пресноводных моллюсков и углю. То есть в плане радиоуглеродного датирования аргументация “короткой” хронологии выглядит значительно серьезнее и весомее нескольких керамических дат “длинной” хронологии. Во взаимные обвинения обеих сторон в некорректности процедур датирования противной стороны мы углубляться не будем (хотя, похоже, и здесь последнее слово остается за “короткой” хронологией), зато отметим, что за “длинной” хронологией все же стоит такой козырь, как сейминско-турбинское происхождение ранней тайландской оловянно-бронзовой металлургии, которая несколько сглаживает радиоуглеродные преимущества “короткой” хронологии и вновь слегка склоняет чашу весов в “длинную” сторону, т.е. ко времени сейминско-турбинских миграций в конце III тыс. до н.э. - начале II тыс. до н.э.

И что? Имеем ли мы здесь дело с двумя одновременными волнами влияния: первая сейминско-турбинская миграционная и вторая китайская, распространяемая по торгово-обменным сетям с севера на юг, или нет? Не все так просто... Загвоздка в том, что обе спорящие точки зрения отталкиваются от радиоуглеродного датирования *одних и тех же* археологических объектов – в основном с памятника Бан Чанг (Ban Chiang), материалы же остальных индокитайских археологических памятников привлекаются, больше для того чтобы расширить рамки соответствующей хронологической модели до региональных масштабов, т.е. на весь полуостров. Так что, о двух волнах влияния даже говорить не приходится. И на первый взгляд кажется, что ничего иного не остается, как принять ту или другую сторону, что никакие компромиссы или синтезирующие слияния в разрешении данной дилеммы попросту невозможны. А мы все-таки попробуем...

Но вначале попробуем ответить на менее сложный вопрос: как и почему еще до их рывка в Восточную Европу в XX в. до н.э. или во время него сейминско-турбинские группы в принципе могли очутиться за тридевять земель от нижнего Обь-Иртышья, где мы их оставили в сер. XXII в. до н.э.? И здесь имеется несколько любопытных моментов, которые в принципе могли бы приблизить нас к пониманию той мотивационной силы, которая смогла бы подвинуть сейминско-турбинцев на столь дальний рейд из Сибири в Индокитай.

Вернемся к карте на Рис. 4.18 в седьмом этюде. И еще вспомним о нашем выводе, утверждающем, что вояж тохаро-гутиев из Средней Азии в Предбайкалье, их окончательной этнокультурное превращение там в сейминско-турбинцев, продвижение оттуда в нижнее Обь-Иртышье и последовавшее спустя еще полтора-два века вступление в Восточную Европу, что все эти миграционно-культурные пертурбации были вызваны озабоченностью сейминско-турбинцев, бывших тохаро-гутиев, оттоком алтайского олова на Урал и далее в Восточную Европу с основной трассы второго ВОП, ведущей в Переднюю Азию. На что они попытались ответить прокладыванием магистрали оловянно-бронзовой металлургии от Предбайкалья до Среднего Урала, по которой планировали в дальнейшем направлять часть будущего забайкальского олова на Урал и тем самым сберечь алтайское

^[7] P. Bellwood “An Son and the Neolithic of Southern Vietnam”, Asian Perspectives, Vol. 50, No. 1 & 2, 2013, 144–175.

олово для Передней Азии. Они, собственно, для того и остановились в нижнем Обь-Иртышье, что оттуда с точки зрения своевременной реакции было удобно отслеживать динамику осевого инхронического будущего так, чтобы в случае чего максимально быстро ответить на значимые негативные для них изменения будущих торгово-металлургических потоков движения олова по второму ВОП. В свое время, в XX в. до н.э., они и ответили – проникновением в Восточную Европу и поиском там оловянных источников, которые могли бы уже в ближайшем будущем обеспечить потребности в олове этого региона, сопровождая все это еще и военным давлением на здешние абашевские сообщества, которые до того как раз и были той самой главной силой, которая развивала и продвигала бронзовые технологии и на Урале, и в Восточной Европе. Правда, пока всего лишь мышьяково-бронзовые технологии, но именно что “пока”.

Так вот, на карте Рис. 4.18 видно, что часть будущего алтайского олова, которое сейминско-турбинцы столь трепетно старались сохранить для Передней Азии в максимально возможных объемах, могло уйти не только на запад, на Урал и в Восточную Европу, к абашевцам и их культурным наследникам, но и на восток, в Китай. Отличие оттока алтайского олова в Китай от оттока на Урал заключалось в том, что именно китайский отток обеспечивал трансцивилизационную функцию второго ВОП, и сейминско-турбинцы не могли действовать против него столь же прямо и бескомпромиссно, как они действовали в отношении уральского ответвления и абашевских металлургических сообществ. По правде говоря, сейминско-турбинцы и против уральского ответвления не всегда действовали так уж прямо и жестко – вспомним о “запасной” лесной оловянной трассе из Забайкалья на Урал. Поэтому единственное действенное, что они могли предпринять против китайского ответвления, сводилось к тому, чтобы точно так же, как они будут делать (или уже делали – вопрос во времени сейминско-турбинской миграции в Индокитай) это в Восточной Европе, начать поиски новых источников олова, только на сей раз не на западе, а на востоке, чтобы обеспечить будущие потребности Китая в олове. Да, честно говоря, и искать особо не надо было – единственным ближайшим к Китаю источником олова, не задействованным во втором ВОП, были мощнейшие оловянные запасы Юго-Восточной Азии, лежащие в основе первого ВОП и самой первоначальной осевой инхроники, что прекрасно было “известно” коллективному бессознательному (читай, социально-инхронической системе) сейминско-турбинцев, как, собственно, и всем другим сообществам, развивавшимся под действием осевой инхроники.

Однако, чтобы запустить все эти мотивационные связки, требовалось некое стартовое событие, которое инициировало бы появления в осевом инхроническом будущем *неожиданно* сильного *будущего* оттока олова по китайскому сегменту второго ВОП, “незапланированного” до того всей совокупностью связанных осевых процессов. Например, как появление в ~2200 г. до н.э. в Восточной Европе абашевских сообществ, а главное, их торгово-металлургического осевого ответа, стимулировало неожиданный резкий рост оттока олова по уральскому ответвлению, а следом и саму сейминско-турбинскую ответную реакцию. Но вот что интересно – подобное событие применительно к китайской ветви ведь и в самом деле имело место, а касалось оно, как ни странно, гидрологии Хуанхэ, т.е. в корне своем было чисто аридным явлением...

По некоторым свидетельствам, опирающимся на географические исследования региона, с 2100 г. до н.э., по крайней мере, до 2000 г. до н.э. в

районе Средней Хуанхэ могли происходить длящиеся десятилетиями сильнейшие наводнения^[8]. Однако, судя по последним данным, самое сильное из них произошло чуть позже в 1920 г. до н.э. (т.е. в ~1900 г. до н.э. при точности, используемой в нашей инхронической модели) в результате воздействия вызванного землетрясением огромного оползня, который перекрыл все русло реки Хуанхэ в ее верховьях^[9]. Авторы статьи именно это наводнение связывают с китайскими легендами о Великом Потопе. А по археологическим свидетельствам как раз с этого самого момента ~1900 г. до н.э. берет начало культура Эрлитоу с намного более сложным иерархическим обществом, чем бывшие до нее, и быстро развивающейся металлургией – по мнению уже многих исследователей первое цивилизованное сообщество в Восточной Азии, ассоциируемое с легендарной китайской династией Ся^[10].

Как было сказано, социально-политическое развитие на Средней Хуанхэ определялось полученным в ~3500 г. до н.э. местными сообществами внутреннего социально-политическим инхроимпульсом, пришедшим с конца аридной инхрзоны в ~1000 г. до н.э. от процессов хозяйствования (рисоводство) в пойме Хуанхэ, т.е. от северокитайского гидро-иригационного осевого ответа, который напрямую зависел от гидрологии реки и в свою очередь сам влиял на ее формирование. А поскольку наводнения 2100-2000 гг. до н.э. во многом определялись вариациями гидрологических режимов русла Хуанхэ, то они были в хотя бы в самых общих чертах (трудно сказать, насколько общих...) известны и в какой-то мере (точно так же трудно определить, в какой именно мере...) учтены ответными процессами на внутреннюю социально-политическую инхронику. Чего не скажешь о последнем наводнении ~1900 г. до н.э., так как создавший его оползень был вызван чисто тектоническими процессами, вроде бы никак не связанными с взаимодействием гидрологических и хозяйственных процессов в пойме Хуанхэ.

Таким образом, получается, что катастрофическое наводнение ~1900 г. до н.э. не могло быть заранее известно внутренней социально-политической инхронике местного луншаньского населения Средней Хуанхэ и в рамках этой инхроники явилось полной неожиданностью для него. Ситуация весьма схожа на той, которую мы наблюдали в Египте с падением Древнего Царства, когда в 2200-2100 гг. до н.э., несмотря на связь внутренней цивилизационной инхроники с разливами Нила, случился сильнейший *неожиданный* спад уровня разливов Нила, что привело к не менее катастрофичным социально-политическим последствиям в стране (см. в пятом этюде Хронографии №3 первого тома). Только в Египте такая инхроническая неожиданность обернулась социальной катастрофой, а на Средней Хуанхэ, наоборот, катастрофическое наводнение (“Великий Потоп”) привело к небывалому взлету в Эрлитоу. И это первый признак того, что это наводнение, в отличие от спада уровня Нила в Египте, все-таки не было такой уж неожиданностью для луншаньских сообществ. Вторым признаком того же самого выступает мгновенная практически синхронная наводнению культурная со-

[8] C. Iasiello “Using agent based modeling to replicate origins of social complexity: the case of limited evidence in the late Longshan cultures and early Erlitou culture” in Proceedings of the 2017 Winter Simulation Conference (Las Vegas, Nevada, USA 3-6 December 2017), IEEE, IEEE Catalog Number: CFP17WSC-POD, 2017, pp. 4372–4383, p. 4375.

[9] Qinglong Wu et al. “Outburst flood at 1920 BCE...”.

[10] Li Liu “State emergence in early China”, Annual Review of Anthropology, 38, 2009, pp. 217–232; G. Shelach, Y. Jaffe “The Earliest States in China: A Long-term Trajectory Approach”, Journal of Archaeological Research, 22, 2014, pp. 327–364; J. Mei et al. “The Appropriation of Early Bronze Technology in China” in P. W. Stockhammer, J. Maran (eds.) “Appropriating Innovations Entangled Knowledge in Eurasia, 5000–1500 BCE”, Oxford: OXBOW BOOKS, 2017, pp. 231–240.

циально-политическая реакция населения луншньцев Хэнани, сразу же чуть ли не во время катастрофического наводнения начавших стремительный переход к почти цивилизованному обществу Эрлитоу.

Единственное, что могло бы несколько смягчить гидрологическую неожиданность данного наводнения, так это то, что подземные тектонические процессы тоже в какой-то степени взаимодействовали с хозяйством луншаньцев (мельчайшие неощущаемые людьми подземные толчки, может, столь же малые перепады температур и т.п.), что поспособствовало бы проникновению в толщу внутренней инхроники неких крох информации о грядущем землетрясении, но только с того момента, как оно стало фатальным и неотвратимым (за несколько десятилетий, не более века, до самого землетрясения), как и приведший к наводнению оползень. Собственно, информация эта, ввиду связи внутренней инхроники с речной гидрологией, касалась именно наводнения и его фатальности. Выглядело все это так будто в инхроническом гидрологическом будущем вдруг возникло неизбежное катастрофическое наводнение где-то за век (т.е. в ~2000 г. до н.э.) до его проявления в физической реальности. По инхроническим меркам десятилетия, даже столетие – это ничтожнейший срок, и тем не менее данная информация почти в обязательном порядке вызвала бы некоторую коррекцию внутреннего социально-политического ответа, в результате чего сложное иерархического общества Эрлитоу, которое должно было появиться в ~1900 г. до н.э., столь же фатально должно было оказаться несколько более сложным, чем ожидалось за несколько десятилетий, максимум столетие, до землетрясения, оползня и наводнения, т.е. до ~2000 г. до н.э.

Однако в интересующем нас сейчас осевом контексте все эти фатальности и полунеожиданности не имели бы слишком уж большого значения, если бы в том же ~2000 г. до н.э. вместе с усложнением будущего Эрлитоу столь же фатальным не стало и все ускоряющееся металлургическое развитие региона Средней Хуанхэ, более быстрое, чем имелось бы в случае отсутствия катастрофического наводнения ~1900 г. до н.э. А быстрое и все более ускоряющееся развитие оловянно-бронзовой металлургии на Средней Хуанхэ автоматически подразумевает такой же стремительный рост потребления олова в Северном Китае после ~1900 г. до н.э., намного более быстрый, чем ожидалось до ~2000 г. до н.э., а значит, и соответствующее разбалансирование всех потоков олова в инхроническом будущем второго ВОП, в том числе и ведущих на Урал и в Переднюю Азию.

Таким образом, спад в ~2000 г. до н.э. ожидаемого в будущем потока олова в Переднюю Азию, вызванный усложнением будущего общества на Средней Хуанхэ и соответствующим более быстрым ростом металлургии и потребности в олове здешнего населения, в общем-то неожиданный спад, в отличие от самого перехода к полуживилизованному обществу Эрлитоу в ~1900 г. до н.э., в принципе и мог стать тем самым внезапным стартовым событием, которое активизировало бы мотивационную сферу сейминско-турбинцев нижнего Обь-Иртышья и привело к миграции какой-то их небольшой части отсюда в Индокитай, где располагались самые мощные и достаточно близкие к Северному Китаю месторождения олова, которые могли бы существенно снизить китайскую нагрузку на алтайское олово и тем самым увеличить будущий поток олова в Переднюю Азию.

В итоге сейминско-турбинская миграция, поспособствовав зарождению оловянно-бронзовой металлургии в Таиланде, тем самым связала бы здешние месторождения олова с растущей в Северном Китае восточноазиатской цивилизацией и ее точно так же быстро растущими потребностями в

олове. Сам же Северный и Северо-Западный Китай уже давно еще со времени проникновения сюда осевой инхроники были связаны со вторым ВОП. Другими словами, сейминско-турбинцы своей миграцией спровоцировали бы будущее направление мощных оловянных запасов Юго-Восточной Азии через Северный и Северо-Западный Китай на центральную магистраль второго ВОП.

Поэтому если дальнейшие исследования подтвердят близость тайландской металлургии по организации производства, технологическим характеристикам и типологии сейминско-турбинским стандартам, то следует признать, что сейминско-турбинская миграция из Сибири в Индокитай все же состоялась, и, скорее всего, состоялась именно в ~2000 г. до н.э. Остается только один вопрос: каким образом сейминско-турбинские металлургические стандарты смогли сохраниться в среде неолитических тайландских сообществах почти тысячу лет, чтобы в последней трети/четверти II тыс. до н.э. (по “короткой” хронологии, чьи датировки все-таки вызывают большее доверие) они наконец-то начали реализовываться и применяться на практике в индокитайских сообществах бронзового века?

И вот тут нам на помощь может прийти концепция позднего ответа на инхронику, которая была введена и подробно обсуждалась еще в Хронографии №1 настоящего исследования. Отличие позднего ответа на инхронику от раннего варианта заключается в том, что при позднем ответе инхроэнергетика, необходимая для реализации ответа, сосредотачивается ближе к концу инхрозоны, чем к ее началу. В данном случае поздний вариант осевого индокитайского оловянно-бронзового торгово-металлургического ответа формировался на базе сейминско-турбинского ответа во всей его полноте, как утверждают это сторонник “длинной” хронологии, во всех технологических, организационных и типологических деталях на момент контакта, возможно, сопровождаемого некими обрядами и ритуалами на манер “служб” в храме Гёбекли Тепе – подробнее см. в первом томе, в шестом этюде Хронографии №2. Сама же поздняя форма индокитайского оловянно-бронзового осевого ответа возникла, как следствие его низкой инхроэнергетики, которая в свою очередь определялась слабой мотивацией местного населения к приему осевой инхроники в целом, так как им некуда было торопиться, предпринимать какие-либо сверхусилия или даже просто усилия – куда же денутся все эти оловянные пути, хоть первый, хоть второй, хоть какой еще, все равно придут сюда к самым мощным в мире запасам олова Юго-Восточной Азии...

Сформированный таким образом поздний ответ мог в целостности и неприкосновенности сохраняться столетиями и даже тысячелетиями в коллективном бессознательном, в социальной памяти поколений в виде каких-то совершенно несущественных для повествования элементов сказок, легенд, мифов и т.п., в самой социоинформационной ткани общества, включающей в себя не только объекты устного и письменного творчества, не только глубинное архетипическое подсознание людей, но и предметы быта, хозяйствования и вооружения (особенно их форму и дизайн), а также мельчайшие детали других самых различных технологий, вроде бы не имеющих никакого прямого отношения к сохраняемому ответу. Сохраняться до того момента, пока инхроэнергетика ответа не возрастет до уровня, достаточного для начала его “расшифровки” посредством вдруг возникшего странного поведения некоторых людей с последующей вырастающей из данного поведения полноценной реализацией ответа.

Но ежели сейминско-турбинское происхождение индокитайской металлургии все-таки не подтвердится, то наши культурно-инхронические построения претерпят не такие уж и великие изменения, поскольку торговые пути, как мы успели убедиться, возникали не только в результате целенаправленных осевых ответов по их прокладыванию (пример: сейминско-турбинский подход), но и спонтанно, как суммарный результат множества разнонаправленных усилий различных социумов, связывающий центры производства определенного вида продукции с рынками ее потребления. Даже, наоборот, гораздо чаще наблюдается последний – спонтанный вариант. А поскольку с 1900 г. до н.э. в Северном и Центральном Китае внутри сообществ культуры Эрлитоу начинает развиваться быстрое движение к цивилизации с соответствующим развитием оловянно-бронзовой металлургии, то со временем здесь должна была возникнуть и большая потребность в олове, которую алтайские месторождения уже не смогли бы удовлетворять в полном объеме – ввиду большой удаленности и нагрузки на алтайские оловянные месторождения также и других потребителей и целых крупных региональных рынков сбыта олова. И тогда практически неизбежным становится установление торговых связей оловянных месторождений Южного Китая и Юго-Восточной Азии с цивилизованными сообществами китайского севера, которые в свою очередь были бы уже связаны торговыми отношениями со вторым ВОП. Другими словами, при существующих в начале II тыс. до н.э. раскладах и путях, как настоящих, так и будущих, подключение оловянных запасов Юго-Восточной Азии ко второму ВОП вполне могло состояться и без сейминско-турбинского вмешательства и, возможно даже как раз ближе к концу II тыс. до н.э. в полном соответствии с “короткой” хронологией индокитайской бронзовой металлургии, но, если взять чуточку более общо, то, скорее всего, где-то во второй половине II тыс. до н.э. Вот только шанское металлургическое влияние на Индокитай носило бы не несколько абстрактный характер с его не очень внятным распространением по неким торгово-обменным сетям, как это подается сторонниками “короткой” хронологии, а определялось бы вполне конкретным и очень большим запросом на индокитайское олово в государстве Шан.

Вопрос лишь в том, насколько фатальным было бы на границе III-II тыс. до н.э. такое спонтанное подключение в конце (второй половине) II тыс. до н.э. оловянных месторождений Юго-Восточной Азии к Шан ко второму ВОП или к какому-то его более позднему аналогу (как никак пятьсот-тысяча лет разделяло бы оба эти события)? Если сейминско-турбинская миграция имела место, то это говорит о том, что в ~2000 г. до н.э. спонтанное подключение было не столь уж и фатальным, и таковым его сделала только сейминско-турбинская миграция из Сибири в Индокитай, состоявшаяся в ~2000 г. до н.э. Если же, наоборот, окажется, что индокитайская металлургия по своим характеристикам не имеет никакого отношения к сейминско-турбинцам, то с ~2000 г. до н.э., когда стало фатальным землетрясение в верховьях Хуанхэ, сверхкатастрофическое наводнение и более сложное социальное внутреннее устройство культуры Эрлитоу на Средней Хуанхэ, надо полагать, таким же фатальным с этого же времени становилось и спонтанное подключение оловянных месторождений Юго-Восточной Азии к Шан и второму ВОП во второй половине II тыс. до н.э. Последнее предположение базируется на произошедших в ~2000 г. до н.э. и несколько позже событиях, одно из которых мы обсудим здесь же чуть ниже, а остальные – в следующем этюде. Сейчас же отметим лишь, что подключение олова Юго-Восточной Азии ко второму ВОП в инхроническом осевом будущем, с уча-

стием ли сейминско-турбинцев или без них, как раз и было тем самым потоковым событием 2000, которое по некоторым культурным штрихам было вычленено нами еще в шестом этюде настоящей хронографии.

Как видим, несмотря на достаточно явное превосходство “короткой” хронологии над “длинной” хронологией по качеству и объемам радиоуглеродного датирования, ситуация с происхождением индокитайской бронзовой металлургии все еще пребывает в подвешенном состоянии – во всяком случае в рамках нашей культурно-инхронической модели. Что на Рис. 4.18 подчеркнуто отражено именно светло-красной (розовой) пунктирной стрелкой, показывающей всего лишь возможность сейминско-турбинской миграции из Сибири в Индокитай в ~2000 г. до н.э.

Итак, потоковое событие 2000... Как было сказано в шестом этюде, следствием этого события стало исчезновение из инхронического будущего первого ВОП. Оно и понятно – после появления в инхроническом осевом будущем подключения оловянных запасов Юго-Восточной Азии ко второму ВОП (т.е. такое будущее подключение с ~2000 г. до н.э. становилось фатальным), сам первый ВОП уже и так во много уступивший второму ВОП, становился не то что не очень-то необходимым, но даже лишним, поскольку со всеми его функциями от трансцивилизационной, связывающей переднеазиатскую и восточноазиатскую цивилизации, до поставок олова в Переднюю Азию и в Северо-Западную Индию столь же успешно мог справиться и второй ВОП. Особенно после того как в ~2000 г. до н.э. окончательно определился будущий главный очаг восточноазиатской цивилизации не только в аридной инхроне, но и в осевой – в Северном Китае, а не в Южном, и обеим цивилизациям гораздо проще и быстрее было контактировать по более короткой северной трассе.

Тот факт, что цивилизация Хараппы в Северо-Западную Индию приходит в упадок только в ~1900 г. до н.э. с последующим ее полным исчезновением свидетельствует о том, что и сама трасса первого ВОП не исчезает точно так же целиком и полностью еще в ~2000 г. до н.э. – с этого времени в Хараппе только начинают наблюдаться первые признаки спада инхроэнергетики (см. в конце шестого этюда, в разделе “Хараппа”). Все это говорит о том, что некоторые участки прежней трассы первого ВОП, в том числе и проходящий через Северо-Западную Индию, в ~2000 г. до н.э. еще сохраняются, но уже как участки второго ВОП, так как один из двух главных конечных полюсов первого ВОП, а именно, индокитайский регион оловянных месторождений Юго-Восточной Азии, уже вошел в состав второго ВОП.

Наиболее вероятная новая конфигурация оловянных торговых путей, как действующих в 2000 г. до н.э., так и будущих инхронических, показана на Рис. 4.22.

Перенаправление индокитайского олова из хараппской Северо-Западной Индии именно в Гонур мотивируется давними торговыми связями этого региона со Средней Азией, расположенной на одном из важнейших участков второго ВОП, и тем, что, если в хараппской цивилизации уже с ~2000 г. до н.э. просматриваются некоторые признаки грядущего упадка, который наступит столетие спустя, то Гонур до ~1900 г. до н.э. продолжал в общем и целом все так же процветать и развиваться.

Вместе с тем в сложившейся в ~2000 г. до н.э. системе мировых путей торговли оловом второго ВОП наблюдается некоторая избыточность торговых связей, которая со временем могла бы стать источником серьезной неустойчивости всей торгово-обменной сети второго ВОП в целом. Избыточность заключалась в поступлении индокитайского олова на главную

трассу ВОП одновременно по двум в какой-то степени дублирующим друг друга путям: через Северный Китай на Алтай и через Северо-Западную Индию в Среднюю Азию.

Рис. 4.22

Ожидаемые в ~2000 г. до н.э. пути торговли оловом по второму ВОП, которые должны были сложиться в конце осевой инхрзоны

Сплошными светло-серыми стрелками обозначены предполагаемые пути торговли оловом, возможно, действующие в ~2000 г. до н.э. Все остальные обозначения – такие же как на Рис. 4.16 в шестом этюде.

В то время как достаточно близко расположенные друг к другу Алтай и Средняя Азия уже были связаны между собой главной магистралью второго ВОП. Столь избыточные торговые связи, как правило, не очень устойчивы, и могут существенно деформироваться даже при незначительных коррекциях торгово-обменной сети. Причинной же коррекции могло стать ожидающееся усиление товарооборота по алтае-уральской ветви, к тому же в инхроническом будущем уже доходившей до Донбасса и Средней Волги. Все это в совокупности способно было породить настолько серьезную системную неустойчивость, которая запросто развалила бы всю сеть торгово-обменных связей второго ВОП.

Основная причина удлинения и усиления алтае-уральской ответвления второго ВОП в общем-то понятна и достаточно прозрачна – это ожидаемый после ~2000 г. до н.э. будущий приток индокитайского олова на Алтай, значительная часть которого должна была уходить с Алтая по алтае-уральской ветви на Урал и в Восточную Европу, поскольку в Переднюю Азию это же олово поступало бы еще и по ветке Хараппа-Гонур. При этом не исключено, что такая избыточная логистика, порождавшая принципиальную нестабильность всей торгово-производственной системы, была вызвана к жизни действием некоего единого внешнего (или внутреннего – как посмотреть...) для второго ВОП фактора. Возможно, постоянно действовавшего фактора, давящего на конфигурацию путей второго ВОП с самого момента его зарождения...

Вот всеми этими вопросами, а также тем, чем данная коллизия завершилась в итоге, мы и займемся в следующих этюдах.

ОДИНАДЦАТЫЙ ЭТЮД: «Битва за Север V: Синташта»

Начнем с того, что в это же время – в ~2000 г. до н.э. исчезновения первого ВОП из инхронического будущего и подключения восточноазиатских запасов олова ко второму ВОП – на севере степной зоны Южного Зауралья появляется одна крайне любопытная культура, которую по главному эпонимному памятнику называют синташтинской, а порой достаточно условно, поэтично, образно и несколько напыщенно – “Страной городов”^[1], – когда городов там, разумеется, и в помине не было, только крохотные поселения, обнесенные то ли стеной, то ли плетнем... Если же быть совсем уж до неприличия точными, то по современной общепринятой радиоуглеродной хронологии “Страна городов” появляется в 2010 (2200) г. до н.э.^[2] (вне скобок приведена калибровка в одну сигму 68.2%, а в скобках – в две 95.4%). А так как создатели этой новой хронологической схемы для комплексов и культур Урала и юга Западной Сибири сами опираются в основном на калибровку в одну сигму, что вполне логично для более точных радиоуглеродных AMS датировок, то при нашем подходе округления дат и получается ~2000 г. до н.э. Кроме того, следует учитывать и то обстоятельство, что, как увидим далее, синташтинская культура не могла появиться ранее события исчезновения первого ВОП в инхроническом будущем, а только сразу после него, либо же одновременно с ним. Последнее, только при условии причинного приоритета события исчезновения первого ВОП (т.е. события ведущего потока) над ответными реакциями на изменения инхронического будущего, каковым как раз и являлось возникновение Синташты, причем сколь бы быстрыми те ответными реакции ни были... Таким образом, вместе с радиоуглеродной датировкой данный момент, собственно, и определяет искомый ~2000 г. до н.э.

От предыдущих энеолитических, ранне- и среднебронзовых уральских культурных сообществ Синташту отличало три наиболее ярких уникальных для региона момента:

1. Необычная для региона культурная рыхлость синташтинского образования, состоящего из нескольких не до конца сросшихся меж собой культурных компонентов, что позволило некоторым авторам употребить термин “транскультурный” применительно к синташтинским культурным явлениям^[3]. Одним из главных компонентов несомненно является абашевский корешок, в результате чего Синташту порой вообще объединяют с Абашево в одну абашево-синташтинскую археологическую общность^[4]. Отмечается и культурное влияние “некоей «протосрубной» культуры Юж-

^[1] С историографией вопроса, с особенностями синташтинской культуры, а также со многими дискуссионными моментами, с ней связанными, можно ознакомиться в двухтомном сборнике научных трудов: Д. Г. Зданович (ред.) “Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала. К 70-летию Геннадия Борисовича Здановича”, в 2-х ч., Челябинск: Издательство Челябинского государственного университета, 2010.

^[2] В. И. Молодин, А. В. Епимахов, Ж. В. Марченко “Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы”, Вестник НГУ, Серия: История, филология, Т. 13, Вып. 3: Археология и этнография, 2014, стр. 136–167, на стр. 140, Рис. 2.

^[3] Н. Б. Виноградов “Синташта как транскультурный феномен”, Поволжская археология, №1 (23), 2018, стр. 74–90.

^[4] Е. Н. Черных “Степной пояс Евразии: Феномен кочевых культур”, М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009, стр. 249–252.

ного Урала и квазиэнеолитических культур Южного Урала и Северного Казахстана”^[5]. Некоторые категории находок указывают на Кавказ и даже на Среднюю Азию^[6], просматриваются ближневосточные аналогии^[7], а в погребальной обрядности отчетливо наблюдаются катакомбные мотивы^[8], причем по совокупному влиянию на Синташту катакомбная линия приближается к абашевской^[9]. Такая вот солянка сборная,.. которую, конечно же, можно представить, и как объединение кланов горняков-металлургов-кузнецов-литейщиков нескольких соседних культур, функционировавшее сравнительно самостоятельно, т.е. вне или в условиях частичной юрисдикции элит упомянутых культур^[10], а можно и как-то иначе.

2. Вторым впечатляющим отличием выступают укрепленные поселения синташтинцев, т.е. наличие внешней стены практически у всех населенных пунктов Синташты^[11]. При том что подобная практика ни в уральском регионе, ни в Восточной Европе никогда ранее не применялась. Собственно, и политическая ситуация в южноуральских степях синташтинских времен также ни в коей мере не располагала к столь тотальной фортификации. Да, периодически могли возникать военные столкновения с сейминско-турбинцами, но и близкие синташтинцам абашевцы тоже ведь воевали с ними же и при этом никакой такой особой потребности в укреплениях почему-то не испытывали. В результате корни данной фортификационной особенности синташтинских поселений начинают искаться уже в Закавказье и в далеком насыщенном конфликтами сиро-анатолийском мире, где существование подобного рода укрепленных поселений издавна было делом самым что ни на есть рядовым и даже обыденным^[12]. Все верно... Только зачем же обязательно вот так прямо в лоб – передача архитектурной традиции именно миграцией из Анатолии и именно в синташтинское время? А не, скажем, лет этак на полторы-две тысячи лет раньше и не при помощи прямого непосредственного контакта, а опосредованно – из той же Анатолии и Закавказья по горно-степным дорогам, курганам и векам майкопско-лейлатепинской мегаобщности к столь же длительному и надежно сокрытому бытованию традиции в катакомбном и особенно в предкавказском посткатакомбном мире, и... Синташта. Почему нет? Здесь возможны очень даже интересные вариации на данную тему...

^[5] Н. Б. Виноградов “Синташта как транскультурный...”, стр. 77.

^[6] А. В. Епимахов, Н. А. Берсенева “Вариативность погребальной практики синташтинского населения (поиск объяснительных моделей)”, Вестник НГУ, Серия: История, филология, Т. 11, Вып. 3: Археология и этнография, 2012, стр. 148–170, на стр. 166.

^[7] С. А. Григорьев “Ближневосточные компоненты в формировании синташтинской культуры и её хронология” в сборнике Д. Г. Зданович (ред.) “Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала...”, Часть 2, стр. 32–48.

^[8] А. В. Епимахов, Н. А. Берсенева “Вариативность погребальной практики синташтинского...”, стр. 152, 166.

^[9] Об этом свидетельствует острая дискуссия, опубликованная в “Происхождение и хронология синташтинской культуры (материалы заседания круглого стола, г. Челябинск, сентябрь 2005 г.)” в сборнике Д. Г. Зданович (ред.) “Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала...”, Часть 2, стр. 133–184.

^[10] Н. Б. Виноградов “Синташта как транскультурный...”, стр. 77.

^[11] Н. Б. Виноградов “Степи Южного Урала и Казахстана в первые века II тыс. до н.э. (памятники синташтинского и петровского типа)”, Челябинск: Абрис, 2011, стр. 28–31.

^[12] С. А. Григорьев “Древние индоевропейцы”, Издание 2-е, доп., Челябинск: Цицеро, 2015, стр. 120, 130.

3. И, наконец, третье – боевые колесницы. Уже давно ведется спор, где впервые возникла эта смертоносная военная колесная техника – в развитых государствах Ближнего Востока или в евразийских степях^[13]? В предыдущих этюдах мы видели, как в индоевропейской среде Передней Азии впервые появился и постепенно совершенствовался колесный транспорт. И у индоевропейцев на то были свои особые причины, мотивы и выгоды – развитие эффективных торговых путей, по которым можно было бы наладить быстрое и надежное снабжение аридного стремительно цивилизирующегося сиро-месопотамского мира самым различным сырьем и изделиями, в которых остро нуждались предцивилизованные образования, появляющиеся в нем, как грибы под дождем. В результате индоевропейские племена широко расселились по северной степной Евразии, где колесный транспорт давал наибольшие преимущества, значительно сокращая тем самым длительность пути между степными и горными кавказскими племенами, а также между последними и переднеазиатскими государствами. И тем не менее не исключено, что первые *боевые* колесницы, скорее всего, появились именно в Сиро-Месопотамии по той простоте причине, что потребность в боевой технике в этом перенасыщенном военными действиями цивилизованном регионе была много выше, чем в более патриархальной степной Евразии. Правда, в лучшем случае это была всего лишь тяжелая неуклюжая телега с бортами на сплошных массивных деревянных колесах, запряженная дикими ослами, на которую взгромождались копейщики или метатели дротиков и вели оттуда бой^[14]. Настоящая легкая быстрая сверхманевренная боевая колесница на двух колесах со спицами, запряженная лошадьми, появляется только в первой половине II тыс. до н.э., причем почти одновременно в евразийских степях и государствах Ближнего Востока. Вот именно – почти... По многочисленным археологическим свидетельствам в степях легкие боевые конные колесницы находят довольно широкое применение в самом начале этого тысячелетия в XX в. до н.э. – так называемый археологический “колесничный горизонт”, который радиоуглеродными датировками надежно укладывается в период XX-XVIII вв. до н.э.^[15], а его наиболее ярким проявлением стала как раз синташтинская культура. Тогда как на Ближнем Востоке в это же время появляются лишь самые ранние единичные свидетельства знакомства с конной боевой колесницей, да и те в основном изображения на сирийских печатях и месопотамские модели^[16]. Широкое распространение боевой колесницы на колесах со спицами начнется здесь на несколько веков (в зависимости от выбранной системы исторической хронологии Ближнего Востока^[17]) позже с выходом на историческую арену гиксосов, хеттов и хурритов Митанни...

^[13] С проблематикой происхождения боевой колесницы на современном витке развития археологических знаний можно ознакомиться в А. В. Епимахов, И. В. Чечушков “«*Ex oriente lux*»? Генезис колесницы в свете новейших данных археологии”, Вестник Томского государственного университета, № 54, 2018, стр. 155–160.

^[14] И. М. Дьяконов (ред.) “История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации”, Часть первая “Месопотамия”, М.: Наука, 1983, стр. 184.

^[15] Р. А. Мимоход “Радиоуглеродная хронология блока посткатакомбных культурных образований”, КСИА, вып. 225, 2011, стр. 28–53, на стр. 38; Р. А. Мимоход “Глава 4. Культурно-хронологический комментарий к материалам кургана 2 Липецкого могильника” в “Липецкий курган – памятник элиты доно-волжской абашевской культуры”, Липецк, Воронеж: Полиграфическое предприятие «Новый взгляд», 2016, стр. 35–49, на стр. 47–48.

^[16] И. В. Чечушков “Колесницы евразийских степей эпохи бронзы”, Вестник археологии, антропологии и этнографии, № 2 (15), 2011, стр. 57–65, на стр. 63.

^[17] А. В. Епимахов, И. В. Чечушков “«*Ex oriente lux*»? Генезис колесницы...”, стр. 156–157.

Второй спорный вопрос в отношении боевых колесниц степной Евразии был поднят острой дискуссией о хронологическом приоритете внутри самого “колесничного горизонта”^[18], т.е. среди блока синхронных колесничных культурных образований Покровск – Потаповка – Синташта: где впервые появились легкие колесницы – на западе блока в абашевской среде, где с XX в. до н.э. начинают появляться памятники нового покровского колесничного типа, или на востоке в Синташте? Радиоуглеродная хронология на настоящий момент здесь тоже мало чем может помочь, лишь подтверждая синхронность культур колесничного блока^[19]. Таким образом, получается, что колесничный ответ, возникнув на западе ли, на востоке ли, стремительно, по археологическим меркам практически мгновенно, охватил территории от Дона до Южного Зауралья. Мало того, дело осложняется еще и тем, что часть исследователей отказывают Покровску в праве называться самостоятельной культурой, считая памятники покровского типа всего лишь переходной формой от абашевской культуры к срубной. При этом одни считают Покровск последней фазой Абашево, другие – началом срубной культуры, а третьи – что покровский тип “следует рассматривать как позднеабашевскую и одновременно как раннесрубную группу памятников”^[20].

И все же боевые колесницы Синташты были включены в настоящий перечень ее основных *уникальных* характерных культурных черт на том основании, что, как увидим ниже, синташтинские колесницы и укрепленные поселения выступают всего лишь в роли разных сторон одного и того же осевого ответа, а это в свою очередь уже дает нам некоторое право утверждать, что боевые колесницы вместе с укрепленными поселениями в равной мере присущи тому обществу, где ответ этот был представлен в наиболее полной ярко выраженной форме, т.е. Синташте.

Кто-то спросит: а как же металлургия, игравшая весьма и весьма заметную роль в синташтинском обществе? почему не вошла в данный перечень? Повторяю: перечень основных *уникальных* характерных культурных особенностей, присущих синташтинской культуре. В то время как корни синташтинской металлургии уходят в предыдущие ранне- и среднебронзовые производственные традиции Циркумпонтийской металлургической провинции (ЦМП) степных ямных и катакомбных племен Северного Причерноморья и Предкавказья, использовавших преимущественно низколегированные мышьяковые бронзы^[21]. То есть синташтинская металлургия представляет собой всего лишь новый виток развития предыдущей ямно-катакомбной металлургии Причерноморья и Предкавказья, вобравшей в себя еще и массу других сторонних влияний, а значит, не является специфично синташтинской культурной чертой, и, соответственно, не может в доста-

[18] Р. А. Мимоход “Глава 4. Культурно-хронологический комментарий к материалам кургана 2...”, ком. 47.

[19] Там же, стр. 47-48; Р. А. Мимоход “Радиоуглеродная хронология блока...”, Рис. 10.

[20] В. А. Лопатин “Памятники покровского типа: ключевые вопросы историографии (вторая половина XX — начало XXI вв.)”, Проблемы истории, филологии, культуры, 3 (41), 2013, стр. 100–113. Но см. также и в А. А. Припадчев “О хронологии памятников переходного абашевско-срубного (покровского) времени донской лесостепи и смежных территорий степной зоны”, Вестник ВГУ, Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, № 2, 2009, стр. 190–195.

[21] А. Д. Дегтярева “К проблеме генезиса металлообработки синташтинской и петровской культур Южного Зауралья”, Исторический журнал: научные исследования, № 6 (36), 2016, стр. 739–749.

точной (сравнительно с другими позициями перечня) мере характеризовать реализуемый Синташтой осевой ответ.

Кстати, по материалам погребальных памятников синташтинские металлурги не имели никакого такого уж особо выраженного социального статуса. Более того, похоже, что занятие металлургий в Синташте широко совмещалось с другого рода деятельностью: скотоводством, гончарством, плотничеством и пр., т.е. не выделялось в отдельное специализированное ремесло, причастные которому занимались бы исключительно им одним^[22]. В общем “обычное домашнее ремесло” как когда-то выразился С. А. Григорьев^[23]. Так что, ни о каких таких металлургических кланах (горняков-кузнечов-литейщиков) здесь, по всей видимости, говорить не приходится.

Несколько иначе обстоит дело с воинами, т.е. со специалистами по военному делу, “которое обычно уверенно соотносится с элитным комплексом”^[24], а еще точнее – с военной колесничной элитой. Но даже и здесь наблюдаемые признаки социальной иерархии довольно-таки слабы^[25]. Ввиду полного отсутствия противопоставляемой городу деревенской округи, недостаточно отчетливо выраженной социальной и имущественной дифференциации и еще многого чего другого С. А. Григорьев в свое время предложил не применять к Синташте такие понятия как “город” и “цивилизация” пусть даже с приставкой “прото”^[26]. Мало того, он отрицал и какое бы то ни было продвижение синташтинского общества в данном направлении. Но ведь по современной радиоуглеродной хронологии синташтинская культура существовала на протяжении всего лишь какой-то пары веков^[27]! И о каком таком *существенном* социальном развитии можно говорить за столь ничтожный по археологическим меркам промежуток времени? Особенно если ответ поздний (в отличии от Хараппы и БМАК), и возможно, что цивилизация здесь должна была начать складываться и проявлять себя зримыми формами даже не века спустя, а тысячелетия, т.е. ближе к концу осевой интхрозоны.

Но к счастью осевой ответ Синташты все же был не настолько поздним – об этом свидетельствуют те самые крохи опережающего развития^[28],

^[22] А. В. Епимахов, Н. А. Берсенева “Металлопроизводство и социальная идентичность по материалам погребальных памятников синташтинской культуры Южного Урала”, Археология, этнография и антропология Евразии, т. 44, № 1, 2016, стр. 65–71.

^[23] “Происхождение и хронология синташтинской культуры (материалы заседания круглого стола, г. Челябинск, сентябрь 2005 г.)” в сборнике Д. Г. Зданович (ред.) “Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала...”, Часть 2, стр. 133–184, ремарка С. А. Григорьева на стр. 178.

^[24] А. В. Епимахов, Н. А. Берсенева “Металлопроизводство и социальная идентичность...”, стр. 70.

^[25] Там же, стр. 68.

^[26] С. А. Григорьев “Древние индоевропейцы”, стр. 128-134.

^[27] В. И. Молодин, А. В. Епимахов, Ж. В. Марченко “Радиоуглеродная хронология...”, Рис. 2. Правда, С. А. Григорьев во многих своих работах, опираясь на европейские параллели и аналоги, пытается удревить начало Синташты как минимум до 2200 г. до н.э. Например, в недавней своей статье: С. А. Григорьев “Проблемы хронологии синташтинской культуры” в сборнике “Северная Евразия в эпоху бронзы. Культуры, эпохи, технологии. Сборник научных трудов к 80-летию Геннадия Борисовича Здановича”, Челябинск: Издательство Челябинского государственного университета, 2018, стр. 37–61. Но, на мой взгляд, как-то не очень уверенно, особенно в части возражений радиоуглеродным датировкам, хотя... Что касается Липецкого кургана, я бы тоже не отказался задать парочку вопросов по его датам и некоторым нюансам типологии.

^[28] “Однако уровень военизированности синташты избыточен для того, чтобы воевать с никому не известным населением” – из ремарки М. В. Халяпина в “Происхождение и хронология синташтинской культуры (материалы заседания...)” в сборнике Д. Г. Зданович

наличие которых не определяется ни какими-то явными причинными факторами, ни сколь-либо насущными потребностями в синташтинском настоящем, такие как: укрепленные поселения, боевые колесницы и даже наблюдающаяся в погребальных материалах весьма и весьма незначительная социальная дифференциация, тем не менее дающая право некоторым исследователям говорить об элите, точно так же совершенно не востребуемой ни социальными, ни хозяйственными процессами тех времен. А это уже признаки так называемого комплексного, т.е. социально-политически более сложного, чем обычные родоплеменные коллективы, общества, к которым, впрочем, С. А. Григорьев относится столь же скептически, считая сей термин малосодержательным^[29]. Ничего подобного, Станислав Аркадиевич, сам термин как раз-таки очень даже содержательный, просто содержание то необходимо вычленять и формулировать. Вот только употребляют его зачастую не к месту, сваливая в одну кучу и общество, постепенно и потихоньку движущуюся к протоцивилизации, в которой вся ее немалая социально-политическая сложность (но так и не доходящая до уровня цивилизации – принципиально) на всех этапах ее развития определяется одними лишь насущными настоящими задачами и проблемами (т.е. общество, развивающееся в отсутствие внутреннего социально-политического инхроимпульса), и разнообразные вождества, которое могут совершенно по разному соотноситься с опережающим время развитием, и такой внешне в общем-то невзрачные феномены как Синташта, где внутреннее опережающее цивилизационное развитие проявлено в своих самых простых зародышевых формах.

И прямо здесь и сейчас мы можем определить раннее комплексное общество, как инхроническое общество, в котором львиная доля его *совершенно малой (зародышевой)* социальной сложности в настоящем определяется потребностями будущих этапов реализации ответа на инхронику, который осуществляет данное общество, в намного более сложном иерархически устроенном обществе. При том что даже в самом отдаленном будущем эти ожидаемые этапы реализации ответа могут так и не наступить (разве что какие-то совершенно слабенькие их следы в каких-то совсем других культурах и социумах), а в настоящем, тем не менее, уже действуют, – и еще как действуют! – и вершат судьбы людей и целых обществ... О некоторых нюансах не такого уж нового для нас инхроническом явлении – феномена вероятной фатальности – еще раз более обстоятельно поговорим в Заключении данной хронографии.

Таким образом, поскольку никакие причинные факторы, определяющие появление таких присущих синташтинской культуре характерных признаков как укрепленные города и боевые колесницы в настоящем не просматриваются, и в то же время наблюдаются пусть даже и слабые признаки

(ред.) “Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала...”, Часть 2, на стр. 165-166. Под военизированнойностью здесь в первую очередь понимается как раз укрепленные поселения и боевые колесницы. В другой статье из той же части того же сборника (Д. В. Нелин “О роли военных факторов в формировании синташтинской культуры”, стр. 90–91) после краткого анализа высокого уровня военизации Синташты автор приходит к выводу, что необходимость в ней могла возникнуть только в результате столкновений с группами сейминско-турбинцев или каких-то внутренних конфликтов. При том что никаких других следов тотального конфликта в синташтинском обществе на манер гражданской войны не наблюдается, а всего лишь *возможные* военные столкновения с немногочисленными группами сейминско-турбинцев тоже как-то не очень тянут на роль причинного фактора настолько сильной военной мобилизации Синташты.

^[29] С. А. Григорьев “Древние индоевропейцы”, стр. 131.

социальной дифференциации, в степном Южном Зауралье в лице Синташты мы явно сталкиваемся с развитием, опережающим настоящие хозяйственно-экономические и иные потребности в нем данного общества. Другими словами, в рамках синташтинского общества прошел внутренний социально-политический инхроимпульс, в пределе (ближе к концу осевой инхрозоны) ведущий к цивилизации. Поэтому все наши неясности и странности, связанные с синташтинской культурой, может помочь прояснить только реализуемый синташтинским обществом осевой ответ, от будущих состояний которого, собственно, этот внутренний инхроимпульс и исходил.

Однако, прежде чем перейти к осевому ответу синташтинцев, не мешало бы лучше разобраться в этнокультурном окружении, в котором возникла Синташта, тем более что одним из глобальных характерных признаков синташтинской культуры (№1 в нашем перечне) фигурирует ее чрезмерная культурная рыхлость, а это в свою очередь означает, что в Синташте мы наблюдаем не саму культуру, но только первый самый ранний этап ее складывания, и применять к ней на данном этапе такие термины как “город” или “цивилизация” пусть даже с приставкой “прото” и в самом деле просто не имеет смысла

Итак, синташтинская культура формировалась преимущественно под воздействием двух культурных факторов: абашевского и катакомбного, причем следы катакомбного фактора в основном ведут в Предкавказье, а еще точнее – к предкавказским посткатакомбным культурам. Как помним, весь степной север посткатакомбного мира в 2200-2000 гг. до н.э. (этапы I-ПА ДДБК) был объят бабинской посткатакомбной культурой (см. Рис. 4.19 в начале восьмого этюда), вероятнее всего, сформированной мигрировавшими с Балкано-Карпатья постшнуровыми племенами. Это отнюдь не означает, что местное катакомбное население было целиком и полностью уничтожено, нет – часть могла мигрировать на север и восток, а другая часть приняла бабинскую культуру пришельцев, а значит и осевой ответ, который те реализовывали. Вернее, вначале в полном объеме переняли их осевой ответ, что и привело к тому, что бывшие катакомбники стали культурно почти неотличимы от балканских мигрантов, поскольку и последние перенимали некоторые местные культурные традиции. Но, судя по дальнейшему ходу событий на территориях восточнее Днепра, т.е. по довольно быстрому распространению здесь срубной культуры в XVIII до н.э., до полной ассимиляции и слияния обоих этнокультурных сообществ дело в этих местах так и не успело дойти. Далекое не дошло, а это уже свидетельствует о том, что бабинская идеология и культура насаждалась среди бывших катакомбников все больше насильственными методами, следы которых отчетливо всего проявились в Днепро-Днестровском междуречье. За пределом бабинского внимания в период экспансии этой культуры в 2200-2000 гг. до н.э. остались только поскатакомбные культурные образования Предкавказья – лонинская культура и кубанская культурная группа, – видимо, потому что ядра их ареалов лежали достаточно далеко от главной линии экспансии бабинцев, направленной от Донетчины к окончанию алтае-уральского ответвления второго ВОП в Волго-Уралье.

Так вот, во многих своих работах Р. А. Мимоходом не так давно были уточнены основные определяющие моменты одной из главных ветвей влияния на процесс складывания синташтинского общества, а именно – катакомбной. Более того, был определен источник данного влияния – предполагается (и в принципе вполне убедительно доказывается), что это постката-

комбная лолинская культура Предкавказья^[30]. И самое главное, достаточно подробно описывается культурно-климатический механизм, посредством которого осуществлялось влияние предкавказской посткатакомбной Лолы, а через нее еще и гинчинской и присулакской культур собственно Кавказа, на зарождение Синташты. Давайте-ка и мы вслед за Р. А. Мимоходом быстро пройдемся по звеньям цепочки его культурно-климатической модели и попытаемся через нее выйти на инхронические процессы, протекавшие в степных регионах.

В начале посткатакомбного периода в ~2200 г. до н.э. под действием резкого похолодания и опускания границы ледников начинается массовое проникновение групп носителей кавказских культур с южного склона Кавказа в степной предкавказский ареал восточноманычской катакомбной культуры, где в это время, несмотря на общую аридизацию климата, условия увлажнения в холодный период предоставляли вполне приемлемые условия для содержания мелкого рогатого скота, что в итоге и привело к складыванию в восточном Предкавказье посткатакомбной раннелолинской культуры. При этом смена в лолинской культуре главенства прежней катакомбной южной ориентации погребений и всего связанного с ней обрядово-инвентарного комплекса на северную кавказскую говорит о росте доминирования кавказцев в лолинском обществе^[31].

С этого же начала периода 2200-2000 гг. до н.э.^[32] часть ранних лолинцев начинает переселяться из предкавказской степи в северные степные районы, где, надо думать, более мягкий климат позволял легче находить пропитание крупному рогатому скоту, и там – в волго-уральских степях и на юге Среднего Поволжья – на основе этих лолинских переселенцев формируются так называемая волго-уральская посткатакомбная культурная группа^[33].

Таким образом, волго-уральские мигранты могли покинуть родные степи Восточного Предкавказья и уходить на северо-восток как по прямому воздействию климатического фактора (наступление в предкавказских степях засухи по данным палеопалинологии и палеопочвоведения^[34]), так и под давлением гинчинских и присулакских переселенцев, напиравших с юга в связи с похолоданием в горах Кавказа. В пользу последнего варианта свидетельствует и наблюдаемое доминирование прежней катакомбной ориентации погребений в южном направлении у волго-уральских посткатакомбни-

^[30] Р. А. Мимоход “О южном компоненте синташтинского культурогенеза” в сборнике Н. А. Макаров, Е. Н. Носов (ред.) “Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда”, Том I, СПб.-М.-Великий Новгород: Институт истории материальной культуры РАН, Том I, 2011, стр. 246–247; Р. А. Мимоход “Костяные и роговые пряжки финала средней – начала поздней бронзы в Восточной Европе и на Кавказе как хронологические индикаторы и свидетельства культурных контактов”, Археология Восточно-Европейской степи, Вып. 9, Саратов, 2012, стр. 23–44; Р. А. Мимоход “Лолинская культура. Северо-Западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века”, автореферат кандидатской диссертации, Москва, 2013; Р. А. Мимоход “Посткатакомбный период в Волго-Уральском регионе” в сборнике “XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г. И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И. Б. Васильева”, Самара: Издательство СГСПУ, 2018, стр. 140–144; Р. А. Мимоход “Теория оптимального кризиса: экология и адаптация”, Природа, №1, 2019, стр. 43–49; и др.

^[31] Р. А. Мимоход “Лолинская культура. Северо-Западный Прикаспий...”, стр. 19, 12; Р. А. Мимоход “Теория оптимального кризиса...”, стр. 46-48.

^[32] Р. А. Мимоход “Посткатакомбный период в Волго-Уральском...”, стр. 143.

^[33] Р. А. Мимоход “Костяные и роговые пряжки финала средней – начала поздней бронзы...”, стр. 33; Р. А. Мимоход “Посткатакомбный период в Волго-Уральском...”, Рис. 1.

^[34] Р. А. Мимоход “Теория оптимального кризиса...”, стр. 44.

ков, что можно интерпретировать как продолжение погребальных традиций катакомбных предков. Кроме того, в волго-уральском обряде появляется одно любопытное развитие раннелолинской традиции в виде следов огня в могилах – угли, зола и прочие результаты горения встречаются в погребениях волго-уральцев в 8 раз чаще, чем в раннелолинской культуре, от которой волго-уральская группа происходит^[35]. Но, скорее всего, процесс становления этого деривата Лолы в степях Волго-Уралья протекал под воздействием сразу обоих причинных факторов – и климата самого по себе, и демографического давления с кавказского юга. Инхронические факторы пока что опустим...

С ~2000 г. до н.э. кавказские и посткатакомбные предкавказские культурные признаки вдруг начинают наблюдаться в материалах внезапно, взрывоподобно, практически одновременно появившихся ранних памятниках культур колесничего блока (Синташта, Потаповка, Покровск), что Р. А. Мимоход, основываясь на археологических и краниологических данных, связывает с миграцией волго-уральских посткатакомбников лолинского происхождения на северо-восток (Синташта), еще дальше на север (Потаповка), и на запад (Покровск)^[36]. Тем не менее сам взрывообразный характер миграции то ли сразу во всех трех направлениях, то ли сначала в один регион, а оттуда уже в остальные, коренным образом отличался от предыдущих сравнительно более постепенных проникновений восточных кавказцев в предкавказскую катакомбную среду и последующих переселений ранних лолинцев в Волго-Уралье под воздействием климата и чужеродной демографии. И это само по себе уже настораживает, как бы подразумевая еще и какую-то чисто инхроническую реакцию у волго-уральских посткатакомбников в ~2000 г. до н.э., например, такую как распространение нового ответа на инхронику.

Вспомним, что весь катакомбный мир до ~2200 г. до н.э. развивался под действием осевого ответа, предполагавшего ожидание начала реализации дальней торговли оловом на продолжения первого ВОП в северном направлении. Такого же осевого ответа, по всей видимости, придерживались и кавказские племена на склонах Кавказского хребта: и северном, и южном, о чем может свидетельствовать разнообразные следы взаимодействия предкавказских посткатакомбников финала среднебронзового века с населением обоих склонов Кавказа^[37].

И когда с ~2200 г. до н.э. в инхроническом будущем устанавливаются сразу две конкурирующие Оси: первый ВОП и второй ВОП, весь степной север катакомбного мира подпадает под пришлый с постшнурового Балкано-Карпатья осевой ответ, ориентированный уже на второй ВОП. Следует полагать, что оставшиеся вне бабинского ареала южные предкавказские катакомбники и прилегавшие к ним с юга кавказские племена продолжили прежний катакомбный ответ (дождаться реализации первого ВОП), но с одной существенной поправкой – второй ВОП перекрыл продолжение первого ВОП на север, и следовало уже дожидаться не реализации второго или первого ВОП, но прежде всего, который из этих не просто конкурирующих, а альтернативных, мировых путей торговли оловом выйдет победителем в их глобальном геополитическом противостоянии, в чем, собственно, и заключалась суть посткатакомбного мира. Если, конечно, просто дожидаться

^[35] Р. А. Мимоход “Посткатакомбный период в Волго-Уральском...”, стр. 143.

^[36] Р. А. Мимоход “Лолинская культура. Северо-Западный Прикаспий...”, стр. 21-22.

^[37] Р. А. Мимоход “Костяные и роговые пряжки финала средней – начала поздней бронзы...”, стр. 30.

чего бы там ни было, как это делали южные посткатакомбники (лолинцы и кубанская группа), а не начинать уже совершать какие-то действия по движению навстречу выбранному ВОП, как это делали северные посткатакомбные приверженцы второго ВОП бабинцы. И, возможно, волго-уральцы... Ведь даже катакомбники не просто дожидались спонтанного продолжения первого ВОП к ним, а заняли соответствующие территории для полного контроля меридиональных торговых путей юг-север, а затем последовательно расширяли свой ареал в нужных направлениях.

Как видим, осевые ответы всех посткатакомбников, как и катакомбников, по всей совокупности имеющихся свидетельств были связаны с мировой торговлей оловом или в более общей формулировке – с дальней торговлей металлургическими ресурсами и продукцией. И поддержка южными посткатакомбниками тесных связей и с северными “пряжечными” (имеются в виду костяные и роговые пряжки конца средней бронзы) культурами, и с Южным Кавказом тому некоторое подтверждение^[38].

При таких вот геоинхронических раскладах в ~2000 г. до н.э., после того как оловянные запасы Юго-Восточной Азии оказались также подключены ко второму ВОП, первый ВОП исчезает с карты мира инхронического будущего, а второй ВОП паутиной своих торговых путей уже готов был опутать большую часть Старого Света (см. Рис. 4.22 в десятом этюде). И именно в это время в степях Восточной Европы и Волго-Уралья возникает блок колесничных культур, самые яркие признаки которых наиболее легко интерпретируются как раз-таки в свете дальней торговли. В самом деле, что такое боевые колесницы всех колесничных образований и укрепленные поселения Синташты при вполне очевидной малой нужде в них в имеющихся на тот момент военных конфликтах, таких как пограничные боевые столкновения криволукцев и абашевцев с бабинцами, а абашевцев еще и с сейминско-турбинцами? А вот в ожидаемом развитии дальней торговли оловом и бронзой, когда караваны могут проходить по территориям населения, недостаточно дружелюбно настроенного к торговцам, и боевые колесницы, и укрепленные поселения тотчас находят свое взаимоувязанное единственно уместное применение в будущих евразийских степях, как надежные средства охраны караванов от неорганизованных случайных нападений в пути, и как множество укрепленных пунктов-факторий (здесь как раз и окажутся нужны поселения точно таких размеров, каковые наблюдаются в Синташте), разбросанных по маршрутам дальнего следования торговых караванов.

Отсутствие укрепленных поселений в потаповской и покровской колесничных культурах точно так же легко объяснимо тем, что западнее Урала степные ответвления второго ВОП в далеком будущем должны были пройти по территориям именно этих колесничных сообществ в настоящем и их потомков и/или союзников в ближайшем уже вполне обозримом просматриваемом даже без инхроники будущем – в основном благодаря предыдущему осевому ответу абашевцев, направленному на взятие под свой контроль всех главных медных месторождений Восточной Европы от Днепра до Урала. Последним обстоятельством, собственно, и вызвано было быстрое принятие абашевцами нового осевого ответа волго-уральцев (дальняя торговля оловом, медью и бронзой по алтае-уральской ветви второго ВОП и ее продолжениям в Восточной Европе), отразившегося в столь же быстрый их трансформации в сообщества колесничной покровской культуры, а также беспре-

^[38] Там же.

пятственное слияние абашевцев и волго-уральцев в степях Южного Урала в ходе генезиса Синташты.

Таким образом, мы видим, что на западном отрезке второго ВОП в евразийских степях можно было обойтись одними лишь колесницами боевого сопровождения караванов. Что же касается синташтинских укрепленных поселений, то в степях Казахстана восточнее Южного Урала и далее на восток до Алтая, куда, скорее всего, в будущем была бы направлена дальняя торговая деятельность Синташты, на момент ее образования в настоящем не существовало такого же этнокультурного единства как Абашево на западе. Отсюда и потребность в небольших укрепленных торговых пунктах, в возведении которых синташтинцы начали “тренироваться” еще в своих родных южно-уральских степях. Разумеется, рассудочно и сознательно пока что используя их для удовлетворения каких-то совсем других своих порою немного надуманных “насуточных” потребностей. Например, в качестве сезонно обитаемых пунктов с загонами для скота да еще и с внешней стеной-плетнем или как культово-астрономические центры на манер Аркаима. Кстати, об астрономии... Аркаимские сооружение и планировка, зачастую связываемые с астрономической деятельностью обитателей этого поселения, также можно интерпретировать в ключе будущих нужд дальней торговли в точной навигации по степи.

Итак, с осевым ответом, реализуемым Синташтой и другими культурами блока колесничных образований, мы более или менее разобрались. Если исходить из миграционной гипотезы Р. А. Мимохода об участии в той или иной степени мигрантов волго-уральской посткатакомбной группы в формировании всех колесничных культур, то можно подумать, что сей осевой ответ был выработан в волго-уральской посткатакомбной среде в ~2000 г. до н.э., т.е. сразу после подключения индокитайского олова ко второму ВОП и исчезновения первого ВОП из инхронического будущего. Столь быстрая инхроническая реакция позволяет предположить, что волго-уральские посткатакомбники изначально, еще во время миграции из лолинского ареала, стали сторонниками второго ВОП. Об этом говорит время начала миграции – ~2200 г. до н.э., – т.е. тогда, когда второй ВОП только-только появился в инхроническом будущем, об этом же говорит и направление миграции на северо-восток, обусловленное к тому же еще и климатическим, и культурно-демографическим факторами. Таким образом, появляется третий причинный фактор, возможно, вызвавший миграцию лолинцев с юга в волго-уральские степи синхронно с миграцией бабинцев с запада из Балкано-Карпатья в Днепро-Донецкое междуречье. И такая временная и семантическая синхронность (навстречу второму ВОП) бабинцев и волго-уральцев склоняет к мысли, что непосредственной причиной переселения части лолинцев в волго-уральские степи, начиная как раз-таки с ~2200 г. до н.э., был все же выбор этими лолинцами второго ВОП в качестве основы своего осевого ответа. А вот сама необходимость в выборе именно второго ВОП да еще в столь раннее время – сразу после установления в осевом инхроническом будущем одновременно двух Осей – уже вполне могла быть продиктована климатом и кавказским демографическим давлением.

И тогда до явных проявлений нового осевого ответа (реализация *дальней* торговли оловом по алтае-уральской ветви второго ВОП и ее продолжениям в Восточной Европе) оставался всего один шаг – перейти от пассивного ожидания (катакомбный и южнопосткатакомбный подход) спонтанного становления этой ветви в будущем к ее активному построению методами, организацией и инфраструктурой дальней торговли. И этот шаг был

сделан в ~2000 г. до н.э. миграцией волго-уральцев, выводящей на ближай-шие степные трассы будущих торговых путей второго ВОП: на северо-восток в степи Южного Зауралья (Синташта), в южную лесостепь Среднего Заволжья (Потаповка), и в степи Волго-Донского междуречья (Покровск). Другими словами, казалось бы, только с этой взрывоподобной миграции начинается этап реализации нового для степи осевого ответа, вылившийся в одновременное появление всех культур колесничного блока с их боевыми колесницами, при том что наиболее полно выраженную форму новый ответ получил в Синташте, где в дополнение к колесницам стали возводить еще и укрепленные поселения.

Но что самое интересное, все это – от подключения индокитайского олова ко второму ВОП и исчезновения первого ВОП (потокое событие 2000) до начала реализации нового осевого ответа в степи в виде активного опережающего формирования культурами колесничного блока структур и средств дальней торговли оловом по алтае-уральской ветви второго ВОП и ее продолжениям в Восточной Европе – осуществилось за очень короткий интервал времени – 30 максимум 40 лет вблизи 2000 г. до н.э., который мы условно называем ~2000 г. до н.э., а точнее будет 2000±20 г. до н.э. Столь высокая оперативность реакции волго-уральских посткатакомбников явно должна была определяться не только инхронической стороной наблюдавшихся в их среде процессов, но еще и какими-то медленными чисто культурными сдвигами, протекавшими у них в предыдущий посткатакомбный период 2200-2000 гг. до н.э. А именно: развитие коневодства, благо климатические условия волго-уральских степей не препятствовали этому, и экспериментирование с колесным транспортом, в частности с двуколками. Археологические следы всего этого пока что не обнаружены, однако причиной тому может быть то обстоятельство, что “погребения волго-уральской группы отличаются ярко выраженной безынвентарностью даже на фоне других культур посткатакомбного блока, для которых крайне ограниченное помещение сопровождающих вещей в могилу является эпохальной чертой”^[39]. И все это протекало в рамках посткатакомбного осевого ответа волго-уральцев, т.е. в ожидании победы второго ВОП над первым ВОП в сочетании с продвижением навстречу алтае-уральской ветви второго ВОП.

Таким образом, если учесть приведенное только что соображение и все то, о чем говорилось ранее, то окончательная последовательность становления осевого ответа волго-уральцев уже выглядит следующим образом. Ответ в своем самом полном виде, скорее всего, был быстро сформирован еще в ~2200 г. до н.э., когда в инхроническом будущем только-только появился второй ВОП. После чего взявшие за основу своего осевого ответа второй ВОП (возможно, под давлением климатических сдвигов и нарастающей инородной демографии) будущие волго-уральцы сразу же приступили к его реализации миграцией ~2200 г. до н.э. из лолинских прикаспийских степей в степи Волго-Уралья – поближе у западной оконечности алтае-уральской ветви второго ВОП. Оказавшись на месте, они в процессе ожидания исхода геополитической схватки ВОП, что роднит их со всеми остальными посткатакомбными сообществами, начинают медленно и не спеша готовиться к следующему этапу реализации своего ответа – осваивают коневодство и экспериментируют с колесным транспортом. Следующий этап наступает в ~2000 г. до н.э. тотчас после окончательной победы второго ВОП над пер-

^[39] Р. А. Мимоход “Костяные и роговые пряжки финала средней – начала поздней бронзы...”, стр. 33.

вым, и сразу же – миграционный взрыв и культуры колесничного горизонта...

Примерно так с точки зрения инхронического подхода мог происходить переход от посткатакомбной Лолы к феномену Синташты и другим колесничным культурам, который со временем проявит себя еще и как более общий и значимый переход от кавказского очага культурирования в Восточной Европе к волго-уральскому очагу. Да, все это интересно и важно, и даже очень важно и очень интересно, однако не возникновение культур колесничного блока со своим чуть более продвинутым лидером Синташтой, ведущих активную подготовку как можно более быстрого начала функционирования дальней торговли оловом от Алтая до Днепра, возможно, и еще дальше, стало главным итогом посткатакомбной деятельности волго-уральцев и их осевого ответа, сформированного ими еще в самом начале посткатакомбного периода в ~2200 г. до н.э. Таким определяющим все и вся итогом, приведшим к падению БМАК и Хараппы, выступило очередное глобальное изменение структуры мировых путей торговли оловом, произошедшее в ~1900 г. до н.э. (потоковое событие 1900), в ответ на последовательную и весьма активную деятельность на протяжении аж целого века колесничных культур на стыке Европы и Азии, но, самое главное, в ответ на появление новых осевых реакций-ответов степных этносов, вызванных к жизни все тем же колесничным ответом.

Именно подобные глобальные последствия активности культур колесничного горизонта, а также их неожиданных наследников, ознаменовавшие начало перехода от среднего бронзового века к позднему бронзовому веку по всей Северной Евразии, и станут предметом нашего рассмотрения в следующем этюде.

ДВЕНАДЦАТЫЙ ЭТЮД: «Битва за Север VI: Третий ВОП»

В предыдущем этюде мы убедились, что сформированный волго-уральцами предкавказского лолинского происхождения в начале посткатакомбного периода (2200-2000 гг. до н.э.) осевой ответ торговлей оловом по степной Евразии (дальняя торговля оловом по алтае-уральской ветви второго ВОП и ее продолжениям в Восточной Европе), перешедший в стадию реализации после событий подключения индокитайского олова ко второму ВОП и исчезновения первого ВОП, мог принимать разные формы в зависимости от этнокультурного и ландшафтного окружения. Что, впрочем, не удивительно – ведь это свойство почти всех ответов на инхронику. Просто в данном конкретном случае наблюдаются некоторые любопытные, к тому же весьма показательные, привязки. Так, сравнительно более однородная этнокультурная среда в степях и лесостепях западнее Урала^[1], чем востоку от него, диктовала отказ от укрепленных поселений-факторий вдоль караванных маршрутов дальней торговли, в то время как восточнее Урала данные поселения были очень даже востребованы будущей дальней торговлей, что нашло отражение в синташтинской культуре степного Южного Зауралья, главной спецификой осевого ответа которой были как раз-таки укрепленные поселения.

Но это еще не все. Некоторые южно-уральские сообщества в том же ~2000 г. до н.э., когда население колесничных культур к западу и востоку от Южного Урала начали реализовывать осевой ответ дальней торговлей оловом, формируют свой собственный вариант осевого ответа дальней торговлей оловом, суть которого заключалась в еще большем увеличении однородности этнокультурного окружения по обе стороны Урала до такой степени, чтобы в будущем можно было обходиться не только без укрепленных поселений-факторий (во всяком случае, сильно снизить их роль в дальней торговле), но в идеале даже без боевых колесниц сопровождения торговых караванов. И в этом своем устремлении они в какой-то мере уже противостояли колесничной форме ответа дальней торговлей оловом... Речь идет о раннеалакульской культуре на территориях степного-лесостепного Южного Зауралья, появившейся здесь в 1900 г. до н.э., и о раннесрубной культуре в степном-лесостепном Южном Предуралье, где раннесрубная культура фик-

[1] Имеется в виду смесь абашевцев с бывшим катакомбным населением черноморско-азовских степей, под давлением бабинцев в 2200-2000 гг. до н.э. реализовавшего бабинский посткатакомбный осевой ответ, которая с 2000 гг. до н.э., когда абашевцы стали оттеснять бабинцев сперва за Дон, а затем за Днепр, начала сливаться в единое сообщество покровской культуры, переходной от абашевской культуры к срубной. Покровский переход в свою очередь можно интерпретировать, как рост доминирования освобождаемого от бабинского культурного давления местного посткатакомбного населения над абашевским, который завершился полным растворением абашевцев среди бывших катакомбников в рамках срубной культуры. Похожую эволюцию к срубной культуре, только на сей раз через памятники потаповского культурного типа, совершила и смесь абашевцев с катакомбниками (точнее, уже посткатакомбники), в свое время бежавшими от бабинцев на юг лесостепного Среднего Заволжья и здесь, скорее всего, смешавшимся с местным постполтавкинским населением. К тому же и в том и другом случае следует учитывать еще и общий пусть и небольшой, но весьма активный, посткатакомбный волго-уральский компонент, предкавказский по происхождению, катализировавший все эти этнические слияния и культурные переходы... В итоге после оттеснения бабинцев за Днепр вся эта единая быстро сливающаяся от Южного Предуралья до Днепра абашевско-катакомбная среда и переросла в срубную культуру, в полной мере реализовавшую этнокультурный осевой ответ (см. ниже) на западном участке продолжений в Восточной Европе алтае-уральской ветви торговли алтайским (восточно-казахстанским) и центрально-казахстанским оловом.

сируется с 1940 г. до н.э., можно сказать, почти одновременно с раннеалакульской. Или даже совсем одновременно, поскольку относительно даты 1940 г. до н.э. высказываются кое-какие сомнения – “имеются примеры противоречивых результатов исследования одних и тех же комплексов”. Данные противоречия снимаются использованием только AMS дат, т.е. радиоуглеродных дат, полученных с применением ускорительных технологий. И тогда период существования раннесрубной культуры совпадает с периодом петровской культуры (одной из разновидностей раннеалакульской культуры) – 1900-1740 гг. до н.э.^[2] Поэтому есть смысл далее рассматривать раннеалакульскую и раннесрубную культуры как полностью синхронные в интервале 1900-1740 гг. до н.э., после чего и та и другая культура так же синхронно и вместе начинают переходить в свои зрелые развитые формы. Впрочем, с раннеалакульскими датами связана другая куда более серьезная проблема, которой мы детально займемся ниже...

И тем не менее выше было сказано, что этот новый “этнокультурный” ответ был сформирован в ~2000 г. до н.э. Дело в том, что имелась еще одна культура – федоровская, – зародившаяся далеко на востоке, по всей видимости, на стыке Восточного Казахстана и Алтая как раз в ~2000 г. до н.э.^[3] одновременно с началом реализации колесничного ответа, результат развития которой был весьма схож с решением задач, невольно поставленных колесничным осевым ответом дальней торговлей оловом перед сообществами раннесрубной и раннеалакульской культур, т.е. повышение однородности этнокультурной среды в евразийских степях и прилегающих к ним лесостепях.

Так далеко на востоке тем более в ~2000 г. до н.э. этнокультурный вариант осевого ответа дальней торговлей оловом мог оказаться только в результате стремительной миграции с запада. А время миграции (~2000 г. до н.э.), когда произошла миграция волго-уральских посткатакомбников в будущие колесничные регионы, склоняет к мысли, что и здесь мы имеем дело с частью волго-уральцев, очень быстро воспринявших этнокультурный ответ от местных южно-уральских сообществ, многим из которых они в свою очередь передали колесничный ответ, и устремившихся к алтайским оловянным месторождения, чтобы с восточной стороны наводить общий этнокультурный “мост”. Тем более что имеются кое-какие свидетельства возможной посткатакомбной волго-уральской миграции в Восточный Казахстан^[4] ...

Но тогда возникает вполне закономерный вопрос: почему раннесрубная и раннеалакульская этнокультурные реакции запоздали на добрую сотню лет по сравнению с федоровской реакцией? Если сам этнокультурный осевой ответ, судя по всему, зародился именно в раннесрубных и раннеалакульских регионах, точнее, в одном из них, и затем со временем распространился из этого очагового района на остальные раннесрубные-раннеалакульские территории... Может, именно из-за большей близости этих территорий к блоку колесничных культур, чьему ответу этнокультур-

^[2] В. И. Молодин, А. В. Епимахов, Ж. В. Марченко “Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы”, Вестник НГУ, Серия: История, филология, Т. 13, Вып. 3: Археология и этнография, 2014, стр. 136–167, на стр. 142-143, Рис. 2.

^[3] Там же, Рис. 2.

^[4] Р. А. Мимоход “Костяные и роговые пряжки финала средней – начала поздней бронзы в Восточной Европе и на Кавказе как хронологические индикаторы и свидетельства культурных контактов”, Археология Восточно-Европейской степи, Вып. 9, Саратов, 2012, стр. 23–44, на стр. 33.

ный вариант, как было сказано, в той или иной степени противостоял? Почему бы и нет – ведь с подавлением одного ответа другим мы уже неоднократно сталкивались в предыдущих наших культурно-инхронических построениях. Тем более что раннесрубная культура развивалась под вполне очевидным влиянием колесничных культур в целом и синташтинской в частности^[5], а следы влияния Синташты легко просматриваются также и в материалах с раннеалакульских памятников, в число которых многими исследователями сегодня включаются и памятники петровской культуры, как ранней стадии алакульской (т.е. петровская культура рассматривается, как один из ранних вариантов алакульской), при том что раньше петровская культура безоговорочно выделялась в отдельную культуру, из которой выростала алакульская культура^[6]. Поэтому, чтобы излишне не углубляться в споры о таксономической позиции термина “петровский” и связанные с ними неоднозначности, далее под раннеалакульской культурой по умолчанию будут пониматься как памятники петровского типа, так и памятники собственно раннеалакульской культуры (т.е. памятники других ее вариантов, отличных от петровского), в случае необходимости специально оговаривая, что конкретно имеется в виду: петровские материалы или собственно алакульские.

В свете всего сказанного представляется особенно интересным и актуальным рассмотреть уже с позиций инхронического подхода проблемы, связанные с происхождением алакульской культуры, особо обратив внимание на появление в евразийской степной-лесостепной зоне еще одного осевого ответа, условно названного нами выше этнокультурным, действующего синхронно и параллельно с колесничным осевым ответом, и в то же время в достаточно серьезной степени альтернативного ему.

И в самом начале подобного разбора на фоне наших сегодняшних представлений по археологии Алакуля тотчас проступают две взаимоувязанные проблемные ситуации: первая была вызвана к жизни новой концепцией С. А. Григорьева, предполагающей одним из корней происхождения алакульской культуры полтавкинскую культуру среднебронзового века, а вторая – алакульскими радиоуглеродными датами^[7].

Начнем с первой проблемы. Не вдаваясь в археологические подробности (“уступчики, шнуровой орнамент, орнамент в виде «личинок» и «гу-

^[5] Л. В. Купцова “Ранние памятники срубной культуры в Оренбургском Предуралье: характеристика, проблема происхождения, данные изучения комплексным методом” в сборнике И. И. Бахшиев (ред.) “Историко-культурные процессы на Южном Урале в эпоху поздней бронзы: современные проблемы изучения и сохранения культурного наследия: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Н.Г. Рутто”, Уфа: Диалог, 2016, стр. 117–140, на стр. 122.

^[6] Все эти вопросы неплохо освещены в пяти статьях рубрики “Дискуссии” в Вестнике археологии, антропологии и этнографии, № 3 (34), 2016, стр. 44–85, а именно: С. А. Григорьев “Проблема хронологии и происхождения алакульской культуры в свете новых раскопок в Южном Зауралье”, стр. 44–53; Н. Б. Виноградов “О происхождении и хронологии «алакульской культуры Зауралья». Размышления о концепции С.А. Григорьева”, стр. 54–59; А. В. Епимахов “К вопросу о радиоуглеродной аргументации ранней датировки алакульских древностей”, стр. 60–67; В. В. Ткачев “Радиоуглеродная хронология кожумбердынской культурной группы на западной периферии алакульского ареала”, стр. 68–77; И. П. Алаева “Раннеалакульские памятники Урало-Казахстанского региона”, стр. 78–85. С вопросами же, связанными с разнобоям определением термина “петровский” в современной российской археологии, можно познакомиться в недавно вышедшей книге С. А. Григорьев и др. “Поселение Мочище и андроновская проблема”, Челябинск: Цицеро, 2018, стр. 135–137.

^[7] С. А. Григорьев “Проблема хронологии и происхождения алакульской...”; А. В. Епимахов “К вопросу о радиоуглеродной аргументации ранней датировки...”.

сениц»” и пр.^[8]), скажем только, что С. А. Григорьев обращает внимание на присутствие в алакульской керамике Зауралья культурных черт, свойственных полтавкинской культуре – позднеямной по определению Н. Л. Моргуновой, к тому же находившейся под значительным катакомбным культурным влиянием (даже говорится о ямно-катакомбном периоде ямной культуры в отношении ее позднего, т.е. полтавкинского, периода^[9]), ареал которой в позднеямные времена (2600–2300/2200 гг. до н.э.^[10]) располагался на территориях от юга Среднего Поволжья и севера Нижнего Поволжья на западе до Южного Урала и Казахстана на востоке.

На основе данного наблюдения, а также факта почти полного отсутствия в предалакульское времена петровских и синташтинских памятников на территориях лесостепного Зауралья (“для предалакульского времени мы имеем в зауральской лесостепи огромную почти «пустую» территорию”^[11], «пустую» в археологическом смысле, разумеется), С. А. Григорьев выдвигает тезис об участии в генезисе раннеалакульской культуры полтавкинских племен. Возражения его оппонентов по сути сводятся к двум серьезным пунктам: 1. данный тезис противоречит уже устоявшейся хронологической схеме Синташта → Петровка → Алакуль, почему-то не обращая внимания, что схема эта для многих исследователей уже несколько нарушена, превратившись в Синташта → ранний Алакуль → зрелый Алакуль, т.е. по сути в Синташта → Алакуль; 2. слишком уж велик хронологический зазор между Полтавкой и Алакулем – в 300-400 лет. И оба пункта сразу же подводят нас ко второй проблеме, связанной с происхождением алакульской культуры, – алакульские радиоуглеродные даты.

Проблема с радиоуглеродными датами Алакуля заключается в том, что общепринятая радиоуглеродная хронология алакульской культуры, по

что общепринятая радиоуглеродная хронология алакульской культуры, по

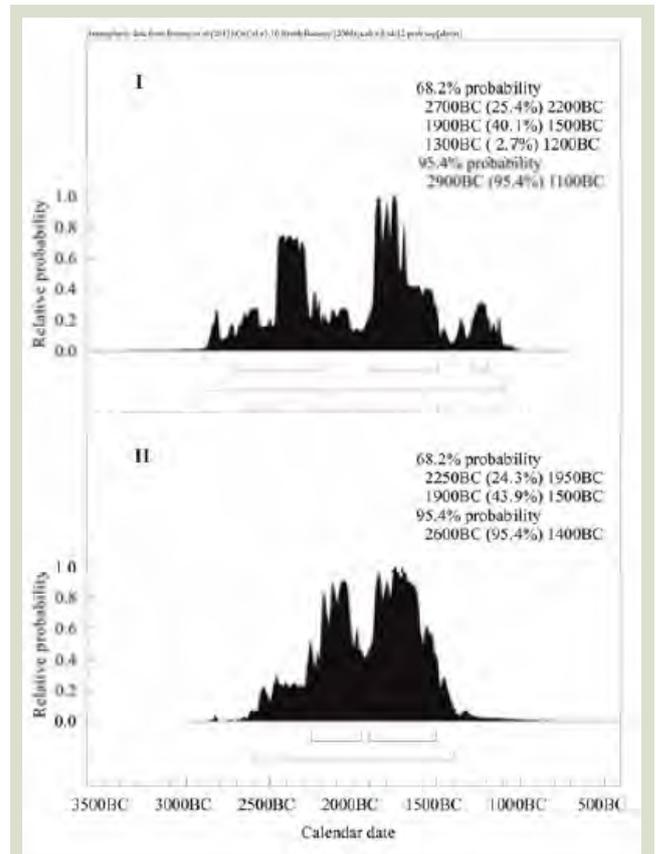

Рис. 4.23
Сумма вероятностей петровских и алакульских калиброванных датировок

I – петровские памятники;
II – собственно алакульские памятники.

(График взят из статьи А. В. Епимахов "К вопросу о радиоуглеродной аргументации ранней датировки...", Рис. 1)

^[8] С. А. Григорьев “Проблема хронологии и происхождения алакульской...”, стр. 46.

^[9] Н. Л. Моргунова “Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно-исторической области”, Оренбург: Издательство ОГПУ, 2-е испр. издание, 2014, стр. 207.

^[10] Н. Л. Моргунова “Радиоуглеродная хронология ямной культуры Волжско-Уральского междуречья”, КСИА, вып. 230, 2015, стр. 5–22.

^[11] С. А. Григорьев “Проблема хронологии и происхождения алакульской...”, стр. 45.

которой она появляется в Южном Зауралье в 1900 г. до н.э., не совсем соответствует действительности, вернее, похоже, что совсем не соответствует, поскольку более трети собственно алакульских радиоуглеродных дат приходится на интервал 2250-1950 гг. до н.э. и только менее двух третей из них относятся к общепринятому интервалу существования алакульской культуры 1900-1500 гг. до н.э. (вероятность одна сигма – 68.2%, см. Рис. 4.23).

С Петровкой же все обстоит еще хуже, но это уже хоть как-то объяснимо много меньшим количеством петровских дат по сравнению с собственно алакульскими^[12] – при меньшем количестве дат крайние из них, уходящие в середину III тыс. до н.э. или даже в первую половину данного тысячелетия, которые, скорее всего, обусловлены как раз-таки дефектами процедур датирования, приобретают больший статистический вес и тем самым расширяют доверительный интервал даже при одной сигма.

И еще один интересный факт: обе серии, и петровская и алакульская, имеют разрыв в районе 1900 г. до н.э., разбивающий их на два пика^[13].

Попытки просто взять и свести столь большой процент слишком ранних дат как в петровской, так и в алакульской, сериях к одним лишь эффектам и погрешностям радиоуглеродного датирования (старое дерево, резервуарный эффект, некорректности процедур в некоторых лабораториях и т.п.) тоже как-то не очень помогают, и только порождают внутренне противоречивые высказывания. Например, такие как:

“Причины столь прискорбной ситуации неясны, очевидно лишь, что анализ костей животных и человека в результате AMS-датирования дал хорошо согласованные результаты, которые укладываются в периодизационные схемы. Вряд ли стоит ссылаться на эффект старого дерева, особенно когда речь о серийном датировании одних и тех же комплексов или образцов”^[14].

Или:

“Остается вопрос о значительном числе ранних датировок в алакульской серии. Только часть из них относится к первым шагам отечественной школы радиоуглеродного датирования. Из очевидных наблюдений можно упомянуть только тот факт, что практически все результаты такого рода получены в одной лаборатории (СО РАН), в основном при анализе дерева”^[15].

Последней фразе можно возразить: в петровской серии, в которой наблюдается тот же самый эффект, датирование проводилось в разных лабораториях и на разных материалах образцов^[16].

В итоге ранние даты алакульской культуры так и остаются непонятыми и попросту нигде не учитываются. Причем аргументируется это тем, что они противоречат стратиграфии, поддерживающей общепринятую хронологическую схему Синташта → Петровка → Алакуль. Например, в более сдержанном виде:

“...поздняя часть суммарного интервала (1900–1500 гг. до н.э.) выглядит куда более реалистичной, чем ранняя, что подтверждается стратиграфическими фактами. Они ста-

^[12] А. В. Епимахов “К вопросу о радиоуглеродной аргументации ранней датировки...”, стр. 61-62, и Таблица на стр. 63-64.

^[13] Там же, ком. 5 на стр. 62.

^[14] Там же, стр. 61-62.

^[15] Там же, стр. 64.

^[16] Там же, Таблица на стр. 63-64. Более развернутые возражения см. в С. А. Григорьев и др. “Поселение Мочище и андроновская...”, ком.1 на стр. 164-165.

бильно демонстрируют более позднюю позицию алакульских слоев и объектов относительно синташтинских. Видимо, не удастся привести и типологические контраргументы»^[17].

Или, напротив, куда более категорично:

“...ни закрытые комплексы погребальных памятников, ни взаимовстречаемость типов керамики в них, ни стратиграфия масштабно и спокойно изученных поселений не дают повода для тезиса С.А. Григорьева о предшествовании алакульских памятников с керамикой с уступчатым плечом и двух-трехзонально распределенной орнаментацией петровским”^[18].

Так и хочется задать наивный вопрос: а что и в самом деле имеется надежная стратиграфия памятников и с синташтинскими и с алакульскими слоями и при этом с аномально ранними алакульскими или петровскими датами? Именно со слоями и/или погребениями, типологически вполне отчетливо относимыми к той или иной археологической культуре, а не с небольшой примесью слабо выраженного “синташтоидного” материала к петровскому и алакульскому, про которые не совсем понятно, что это: то ли синташтинское влияние на Алакуль-Петровку, то ли зародыш петровско-алакульского на более позднюю Синташту, или даже просто чье-то чисто субъективное мнение, особенно в спорах о культурогенезе, хронологии и происхождениях культур, что в общем-то нередко случается в археологии. Отчего археологи в свое время и вынуждены были обратиться к радиоуглеродным датировкам, которые при всех своих недостатках и недоработках, благодаря статистическим методам, стали островком надежности и стабильности в зыбком море типологических соответствий, параллелей, аналогий, схожестей, пристрастий, взглядов, штампов научных школ... и пр. и пр.

Однако прежде чем задавать подобные наивные вопросы и искать на них ответы, давайте-ка, для начала полностью определимся с терминологией. Разделение на ранний Алакуль (вместе с Петровкой для одних, а для других Петровка отдельно, особняком и синхронно раннему Алакулю) и зрелый Алакуль или просто Алакуль мы уже имеем. В таком случае алакульские памятники со слишком ранними датировками, уходящими в конец III тыс. до н.э. при калибровке с доверительным интервалом в одну сигма (68.2%), по аналогии с раннеалакульской фазой логично было бы назвать древнеалакульскими – чисто для пробы, чтобы далее не путаться в громоздких предложениях. Но при этом не забывать и одну вскользь брошенную фразу:

“Приведенные значения имеют те же изъяны, что и серия в целом, – разногласия достигают нескольких веков для однокультурного комплекса. На взгляд автора этих строк, в обширных материалах могильника трудно выделить раннюю серию”^[19].

Речь идет о Хрипуновском могильнике, с которого, наравне с Чистослебяжским могильником, получено большинство древнеалакульских дат. И тем не менее, думается, что при более тщательном анализе древнеалакульских-древнепетровских материалов все-таки удастся чисто типологически вычленив в них древнеалакульские-древнепетровские культурные признаки, отделив их таким образом от раннеалакульских-петровских.

^[17] Там же, стр. 64.

^[18] Н. Б. Виноградов “О происхождении и хронологии «алакульской культуры Зауралья»...”, стр. 55.

^[19] А. В. Епимахов “К вопросу о радиоуглеродной аргументации ранней датировки...”, стр. 64.

Да, большая часть дат получена с Хрипуновского и Чистолебяжского могильников, расположенных в северной части лесостепной зоны, точнее, в тюменской лесостепи, достаточно близко от подтаежной зоны, но не только с этих двух могильников. Полный список памятников с древнеалакульскими датами, принадлежащих собственно раннеалакульской культуре выглядит так:

могильник Хрипуновский (15 дат),
могильник Чистолебяжский (3 даты),
поселение Камышное II (1 дата),
поселение Коркино I (1 дата),
поселение Мочище (4 даты),
могильник Субботино (2 даты),

а ее петровскому варианту (или, иначе говоря, петровской культуре):

могильник Чистолебяжский (7 дат),
могильник Верхняя Алабуга (1 дата),
могильник Раскатиха (1 дата).
могильник Царев Курган (1 дата)^[20].

На карте Рис. 4.24 показано географическое расположение этих памятников вместе с памятниками синташтинской культуры. Как видим, только некоторые из них имеют еще и синташтинскую культурную составляющую, древнеалакульские и древнепетровские (назовем их так по аналогии с древнеалакульскими) значки которых накладываются на соответствующие черные кружки синташтинских памятников, а конкретно – четыре: это алакульские поселения Мочище и Камышное II и содержащие петровские погребения могильники Верхняя Алабуга и Царев Курган, с несколькими слишком ранними радиоуглеродными датировками, уходящими в III тыс. до н.э.

Больше всего таких дат среди указанных выше четырех поселений/могильников исходит от образцов с поселения Мочище (4 даты), раскопки которого были проведены в июле – октябре 2004 г. командой во главе с С. А. Григорьевым. Потому особенно интересно было бы выслушать мнение самого руководителя раскопок по поводу синташтинской принадлежности некоторых материалов, взятых с данного поселения:

“Синташтинские материалы встречены на Мочище и Шибаво: это фрагменты, фиксирующие синташтинское присутствие, но достаточно слабое. Прекрасно выраженные синташтинские комплексы распространяются до лесостепного Притоболья, где соответствующая керамика обнаружена на поселениях Камышное I, II, в могильниках Верхняя Алабуга и Убаган I [Потемкина, 1985, рис. 27.2; 38.7; 47; 77.4,5,12; 78.3; 106.78]. Это единичные включения, но они фиксируют синташтинское присутствие в разных районах этой зоны. Вероятно, на первых порах это были сезонные выпасы скота, но постепенно часть населения переселялась на эти территории для постоянного проживания. При этом где-то лучше сохранялась связь с метрополией, а где-то она была ограничена”^[21].

Здесь два ключевых слова: “слабое” и “единичные”, в полной мере отражающих степень синташтинского влияния на древнеалакульское и древнепетровское население лесостепной зоны Южного Зауралья, подразумевающие, что речь идет не о синташтинских поселениях и погребениях, а о

^[20] Списки получены отсюда же по Таблице на стр. 63-64.

^[21] С. А. Григорьев и др. "Поселение Мочище и андроновская...", стр. 186.

немногочисленных недостаточно проявленных “синташтоидных” артефактах, присутствие которых среди перечисленного древнеалакульского и древнепетровского материала можно трактовать, как угодно, и в какую угодно сторону. В вышеприведенной цитате перечислены 3 из 4 интересующих нас сейчас памятников: Мочище, Камышное II и Верхняя Алабуга. А стратиграфия могильника Царев Курган к тому же еще и опирается на материалы и

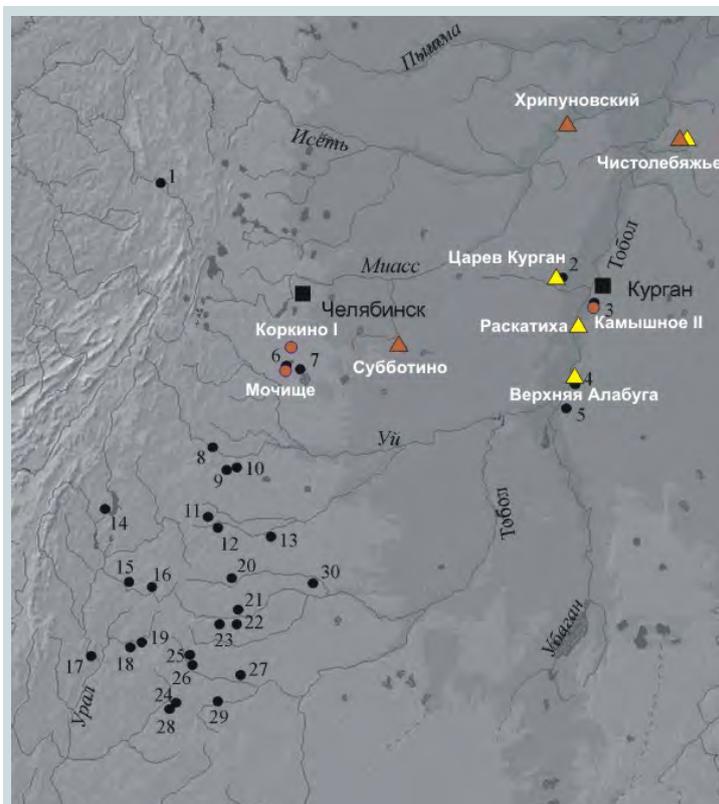

Рис. 4.24

Памятники с древнеалакульскими и древнепетровскими датами на фоне синташтинских памятников Южного Зауралья

Синташтинские памятники обозначены черными кружками, рядом с которыми находится номер памятника на карте.

Древнеалакульские памятники – коричневыми кружками (поселения) и треугольниками (могильники), рядом с которыми находится название памятника белым цветом.

Древнепетровские памятники – то же самое, только значки желтого цвета.

При нескольких культурных атрибуций одного и того же памятника одни значки немного накладываются на другие.

(Карта синташтинских памятников взята из С. А. Григорьев и др. "Поселение Мочище и андроновская...", Рис. 11.1. На нее нанесены древнепетровские и древнеалакульские памятники, локализация которых взята отсюда же с Рис. 11.2 и Рис. 11.3, а для определения культурной атрибуции использованы и данные из А. В. Епимахов "К вопросу о радиоуглеродной аргументации ранней датировки...", Таблица на стр. 63-64)

может стоять некий вполне реальный случай культурогенеза, ни в коей мере не противоречащий многочисленным стратиграфическим фактам предшествования ранних синташтинских слоев *петровским* и *раннеалакульским* слоям с датами, попадающими в поздний интервал петровско-алакульских радиоуглеродных дат.

отчеты раскопок, проводимых К. В. Сальниковым в 1959–1960 гг., после чего на месте раскопок проводились строительные работы по сооружению набережной, что привело “к значительным нарушениям целостности культурного слоя”^[22].

Таким образом, не существует никаких *серьезных, очевидных, несомненных и бесспорных стратиграфических* доводов в пользу утверждения, что *древнеалакульские* памятники точно так же, как и раннеалакульские, “стабильно демонстрируют более позднюю позицию алакульских слоев и объектов относительно синташтинских”. То же самое можно сказать и о хронологическом соотношении древнепетровской и синташтинской стратиграфии. А это в свою очередь означает, что за *древнеалакульскими и древнепетровскими* радиоуглеродными датами

^[22] И. К. Новиков, И. А. Спиридонов, М. С. Петров “Исследование могильника бронзового века «Курган» в лесостепном Притоболье в 2017 году” в сборнике “XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г. И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И. Б. Васильева”, Самара: Издательство СГСПУ, 2018, стр. 147–148.

И тем не менее С. А. Григорьев наносит поселение Мочище и другие подобные ему памятники, как синташтинские на одну из карт коллективной монографии, подытоживающей раскопки поселения^[23]... И его можно понять. Выше, в других этюдах, уже говорилось, что С. А. Григорьев является давним сторонником удревнения нижней даты синташтинской культуры лет примерно этак на 200, до начала посткатакомбного периода в 2200 г. до н.э. И древнеалакульские даты, полученные им на материале поселения Мочище, в сочетании с небольшим количеством слабовыраженной “синташтоидной” керамики в двух самых нижних алакульских слоях данного поселения, давали ему прекрасную возможность синхронизировать начало Алакуля-Петровки и начало Синташты, относя последнее к 2200 г. до н.э. Что вместе со следами полтавкинского культурного влияния в петровских и алакульских материалах и легло в основу концепции участия полтавкинского населения в культурогенезе Алакуля и Петровки, протекавшем в лесостепном Южном Зауралье вплоть до тюменского Притоболья. Основным же компонентом генезиса этих культур выступает расположенная южнее Синташта^[24]. В итоге все другие более чем возможные ситуации культурогенезиса в Зауралье того времени (2300/2200-2000 гг. до н.э.) прошли мимо внимания С. А. Григорьева...

Взять хотя бы один из примечательных доводов в пользу синташтинского влияния на алакульско-петровскую культуру с самого раннего этапа ее возникновения – тезис о наличии примеси талька в алакульско-петровской керамике. При том что чуть ли не единственным источником такой примеси к керамической массе в уральском регионе объявляется Синташта, и тем самым начисто игнорируется возможное местное уральское энеолитическое происхождение тальковой примеси, поскольку:

“Это достаточно типично для уральского энеолита. Но, во-первых, у нас нет реальных данных о том, что уральский энеолит внес столь существенный вклад в синташтинское керамическое производство, чтобы дать основу его ведущим рецептурам и формам”^[25].

А затем из Синташты корни данной гончарской традиции уже ищутся аж на Ближнем Востоке... Тогда как в энеолите и даже в неолите лесной зоны Среднего Зауралья тальковая примесь к керамической массе и впрямь была делом распространенным и обычным^[26], на что справедливо указывает и сам С. А. Григорьев. А лесное Среднее Зауралье, между прочим, граничит с северной зауральско-тюменской лесостепью^[27], т.е. практически с тем самым ареалом, где обнаружено наибольшее число древнеалакульских и древнепетровских дат на Хрипуновском и Чистолебяжском могильниках. Другими словами, вместе с древнеалакульскими-древнепетровскими радиоуглеродными датами появляются и те самые “реальные данные” – мост от энеолитической тальковой традиции уральских гончаров через алакульско-петровскую керамику к синташтинской гончарной технологии с применением талька. Так что, “следы контактов с местным энеолитическим населени-

^[23] С. А. Григорьев и др. "Поселение Мочище и андроновская...", Рис. 11.1.

^[24] С. А. Григорьев “Проблема хронологии и происхождения алакульской...”, стр. 50.

^[25] С. А. Григорьев и др. "Поселение Мочище и андроновская...", стр. 143.

^[26] И. Н. Васильева “О технологии изготовления керамики Кокшаровского холма”, Вопросы археологии Урала, Вып. 26, 2011, стр. 103–124.

^[27] А. Ф. Шорин, А. А. Шорина “Хроностратиграфия неолитических комплексов святилища Кокшаровский холм”, Археология, этнография и антропология Евразии, 3 (47), 2011, стр. 70–77, Рис.1.

ем на городищах”^[28] Синташты, все-таки присутствуют. А по этому мосту от Алакуль-Петровки в будущую Синташту могли пройти и другие “рецептуры и формы”, даже керамические орнаменты, но уже принадлежащие самой алакльско-петровской культуре, разумеется, появившейся раньше Синташты (ориентировочно где-то в 2300-2200 гг. до н.э. в зауральско-притобольской лесостепи), когда часть алакльско-петровских племен одной из основных составляющих в ~2000 г. до н.э. войдет в только-только формирующееся синташтинское степное сообщество.

Как бы там ни было, но при всех своих недостатках концепция С. А. Григорьева об участии полтавкинского населения в генезисе Алакуля-Петровки пока что остается единственной вразумительной попыткой осмысления многочисленных слишком ранних алакульско-петровских радиоуглеродных дат в лесостепях Южного Зауралья и Притоболья. Поэтому нам не остается ничего другого как опереться на концепцию С. А. Григорьева происхождения алакульско-петровских племен, по ходу дела корректируя и расширяя ее в свете наших культурно-инхронических представлений о происходивших на Южном Урале и в лесостепном Притоболье в конце III тыс. до н.э. культурных процессах.

Начнем с самого начала – с Полтавки. Как было сказано в предыдущих этюдах, с распадом пред-ЕАМП в XXIII в. до н.э., т.е. в 2300-2200 гг. до н.э., исчезает позднеямная культуры Волго-Уралья. Вместе с ней исчезают и ее главные носители – полтавкинские племена. Это по Н. Л. Моргуновой, считающей полтавкинскую культуру всего лишь поздним этапом ямной культуры. По данным же П. Ф. Кузнецова и О. Д. Мочалова, на которые опирается С. А. Григорьев в своей полтавкинской гипотезе, полтавкинская культура исчезает в XXI в до н.э. или в 2100-2000 гг. до н.э.^[29] Не вникая глубоко в эту культурно-хронологическую дискуссию, можно лишь заметить, что, по всей видимости, полтавкинская культура начинает распадаться с 2300-2200 гг. до н.э., и полностью этот процесс завершается где-то в 2000 г. до н.э. Ее носители и до того развивались под сильным катакомбным влиянием, а с началом распада культуры и самих сообществ в полтавкинских племенах явно должны были появиться какие-то инородные включения. И включения эти, скорее всего, были группами поздних катакомбников, чьи сообщества получили по дрейфу от полтавкинцев осевой ответ построения второго ВОП, который в свою очередь был получен полтавкинцами от своих достигших южной Средней Азии, Восточного Казахстана и Енисея восточных сородичей, активно участвовавших в самом процессе построения второго ВОП как на стадии формирования данного осевого ответа, так и на стадии его реализации. Что, собственно говоря, и развалило уральское пред-ЕАМП, положив начало процессам распада по принципу “падающих домино” тех восточноевропейских сообществ, которые так или иначе были связаны с этой еще только формируемой металлургической провинцией, или просто соседствовали с ней.

Все это более подробно описано в шестом этюде, но сейчас не в подробностях дело, а в том, что Н. Л. Моргунова считает культурные памятники полтавкинскими, если те обладают полным комплексом полтавкинских культурных признаков, – так сказать, “чистая” или классическая Полтавка, – а П. Ф. Кузнецов и О. Д. Мочалов при определении культурной атрибуции,

^[28] С. А. Григорьев и др. "Поселение Мочище и андроновская...", стр. 142.

^[29] П. Ф. Кузнецов, О. Д. Мочалов “Параметры времени культур бронзового века степей Восточной Европы: проблема отражения”, Известия Самарского научного центра РАН, т.17, №3, 2015, стр. 247–251, на стр. 248.

похоже, больше ориентировались на самые характерные полтавкинские маркеры, – назовем это “смешанной” Полтавкой, которая существовала в интервале распада полтавкинской культуры в 2300-2200 – 2000 гг. до н.э. Такое вот различие в определении культурной принадлежности как раз и могло вызвать указанный выше хронологический разнобой. Нас же сейчас интересует именно распадающаяся “смешанная” Полтавка...

В какой-то части полтавкинско-катакомбной смеси, возникшей вскоре после начала распада Полтавки в 2300-2200 г. до н.э., начинает формироваться некий совершенно новый осевой ответ, кардинально отличавшийся как от катакомбного ответа, заключавшегося в ожидании возникновения дальней торговли оловом по продолжению первого ВОП в Восточную Европу, так и от полтавкинского осевого ответа в виде формирования пред-ЕАМП. Думается, этот ответ формировался в некоем интервале в пределах первой половины XXIII в. до н.э., и примерно с середины столетия начинается этап реализации данного осевого ответа. Эти новые едва возникшие сообщества полтавкинских катакомбников (пока назовем их так, хотя к ним уже были совершенно неприменимы такие определения, как полтавкинские или катакомбные) сразу же устремляются из Южного Предуралья на северо-восток и вскоре где-то в той же середине XXIII в. до н.э. оказываются в тюменской притобольской лесостепи. Почему здесь? Если взглянуть на Рис. 4.24 и список полученных радиоуглеродных дат с древнеалакульских-древнепетровских памятников, то видно, что подавляющее число дат получено именно из этого лесостепного района с Хрипуновского и Чистолебяжского могильников. Невольно напрашивается мысль, что центр формирования древнеалакульско-древнепетровской культуры располагался именно здесь. А, может, и еще северо-восточнее на еще не раскопанных памятниках...

Да, и Алакуль, и Петровка возникли из этих уже полностью смешавшихся между собой полтавкинцев и катакомбников, которых далее уже будем называть алакуль-петровцами или алакульцами или петровцами – в зависимости от контекста. Эти культурные вариации единой древнеалакульско-древнепетровской культуры сообществ, реализовавших один и тот же осевой ответ, явно были вызваны небольшими различиями в данном едином ответе, связанными с некими нюансами его реализации, такими, например, как специализация на разных аспектах реализации ответа. Но чтобы разобраться с нюансами и аспектами реализации, для начала все-таки требуется выяснить: а в чем, собственно, заключался сам осевой ответ алакуль-петровцев?

Поскольку ответ в это время вблизи начала периода осевых метаморфоз в Волго-Уральском регионе, вероятнее всего, был осевым, то он должен был так или иначе касаться либо оловянно-бронзовой металлургии, либо же торговли оловом, а, скорее, и того и другого. И тут сразу возникает вопрос: тогда почему с появлением ответа второго ВОП и разрушением пред-ЕАМП алакуль-петровцы оставили степное Волго-Уралье и отправились так далеко на северо-восток, чуть ли не на границу с таежной зоной? Ведь второй ВОП предусматривал развитие урало-алтайской ветви торговли оловом, ведущей как раз-таки в полтавкинские земли, – единственный сохранившийся центральный кусочек пред-ЕАМП, – но алакуль-петровцы почему-то оставляют этот перспективнейший осевой регион и направляются бог весть куда... Может быть, потому что именно ответ второго ВОП и был тем самым главным виновником уничтожения особого, стоящего особняком от обоих ВОП, полтавкинского (т.е. позднеямного) осевого ответа формиро-

ванием пред-ЕАМП? Можно, конечно, предположить, что какие-то неосознанные негативные настроения полтавкинцев в отношении второго ВОП толкнули их на столь необдуманный шаг. Можно было бы, если бы не одно “но” – это люди, реализующие ответы на инхронику, поддаются тем или иным эмоциям, что, собственно говоря, и лежит в основе мотивационной сферы принятия инхроимпульсов и распространения инхроник, но только не социальные системы, социумы, эти ответы вырабатывающие. Нет, здесь явно должна сидеть какая-то прагматика, причем вполне определенная конкретная прагматика...

Если взглянуть на Рис. 4.16, а еще лучше на Рис. 4.18, нагляднее отражающий причинно-следственные связи, то виден один из путей торговли оловом, о котором мы пока что ничего не говорили – это обозначенный светло-серой стрелкой оловянный торговый путь, возможно, функционировавший в сер. XXII – нач. XXI вв. до н.э., надо полагать, и позже, который вел от мест добычи олова близ границы Алтая и Восточного Казахстана по Иртышу к его излучине у Тобольска, где Иртыш резко уходит на север, углубляясь в лесную зону. Этот торговый путь должен был возникнуть в сер. XXII в. до н.э., когда сейминско-турбинцы обосновались в своем главном центре в Западной Сибири рядом с Омском, километров в 15-ти от Иртыша, где археологами раскопан их могильник Ростовка (см. еще и Рис. 4.17 в седьмом этюде). Логика здесь простая – ведь сейминско-турбинцы должны были каким-то образом получать алтае-казахстанское олово для нужд своей оловянно-бронзовой металлургии, а расположение их главного западносибирского центра вблизи Иртыша, в верхнем течении которого в ареале елунической культуры в свою очередь добывалось это самое олово, само по себе говорит о многом. В частности о том, что Иртыш был отличной водно-сухопутной трассой, вдоль которой, или даже по которой, сейминско-турбинцы в Ростовке, да и по всей прилегающей Барабе, могли бесперебойно получать столь необходимое им олово от елуницев. И вряд ли выбор сейминско-турбинцами своего главного центра здесь на берегу реки Омь в непосредственной близости от ее впадения в Иртыш был случаен...

Однако на указанных выше картах этот гипотетический оловянный торговый путь продолжен от Омска до Тобольска, но не продолжен еще дальше. Почему? Продолжен в связи с сейминско-турбинской политикой вовлечения лесного энеолитического и даже неолитического населения Западной Сибири в орбиту оловянно-бронзовой металлургии с целью ослабления алтае-уральской ветви второго ВОП (о чем уже говорилось ранее, см. в седьмом этюде), что в будущем поддержало бы функционирование лесного оловянного пути и без сейминско-турбинского присутствия в этом регионе. А не продолжен дальше в лесную зону, потому что у западносибирских энеолитических и неолитических охотников и рыболовов не было никаких насущных потребностей в оловянно-бронзовой металлургии, т.е. эта потребность вносилась в лесной западносибирский регион сейминско-турбинскими миграциями больше искусственно, чем в соответствии с естественными требованиями хозяйства лесовиков. И как раз по этой же причине отсутствия настоящей серьезной заинтересованности лесных племен Западной Сибири в олове данный торговый путь так и не стал еще одной ветвью второго ВОП в инхроническом будущем, несмотря на все усилия сейминско-турбинцев.

Но при чем все эти оловянно-бронзовые передряги сейминско-турбинцев в лесной Западной Сибири в связи с миграцией алакульпетровцев в сер. XXIII в. до н.э. на северо-восток в тюменскую лесостепь,

если начались они, как минимум, на столетие позже миграции алакульпетровцев? Разумеется, ни при чем. Кроме одной “мелочи” – Иртыш. В данном рассмотрении мы все время упускаем один очень важный момент, а именно: кем были полтавкинцы еще до распада пред-ЕАМП. А были они и их ближайшие ямные предки теми самыми позднеямными племенами, которые в первой половине III тыс. до н.э. осуществляли последовательную тотальную миграцию на восток и юго-восток с целью построения оловянно-бронзовой торгово-металлургической пред-ЕАМП. И это их сородичи на юге Средней Азии, на Алтае и даже в Минусинской котловине во взаимодействии с тохаро-гутиями формировали, а затем и реализовывали, ответ по прокладыванию самого главного звена второго ВОП между алтае-восточноказахстанскими и среднеазиатскими залежами олова. Поэтому полтавкинцы, располагавшиеся в волго-уральском центре этой формируемой оловянной торгово-металлургической паутины, еще с середины III тыс. до н.э. должны были знать и хорошо представлять себе многие геолого-металлургические, географические и логистические подробности восточной окраины своей оловянной ойкумены, поскольку степь являлась прекраснейшей коммуникационной средой, особенно при наличии конного транспорта, для поддержки хотя бы периодических связей разведочных отрядов полтавкинских мигрантов со своей волго-уральской метрополией.

Как видим, полтавкинцы вполне могли располагать сведениями (скорее всего, в основном от минусинских отрядов, особо изучавших возможности северных связей Алтая и Урала) и о коммуникационно-транспортных возможностях иртышской водной артерии для организации торгово-металлургических контактов алтайской окраины Восточного Казахстана с лесостепным Зауральем и прилегающей к нему лесной зоной Западной Сибири. Вот на основе этих сведений полтавкинцев (трудно сказать, насколько осознанных людьми, насколько неосознаваемых ими, как бессознательная коллективная память общества) в сочетании с богатейшим опытом катакомбников, как помним ариев по происхождению, в деле создания самых разнообразных колесно-транспортных торгово-обменных коридоров, думается, и был сформирован алакульско-петровский осевой ответ.

Таким образом, алакуль-петровцы, перебравшись в Зауралье и даже немного восточнее, получали в свое распоряжение отдельный выделенный транспортный канал связи с алтае-казахстанскими месторождениями олова по Иртышу, не теряя при этом плотных торгово-металлургических контактов с меднорудными богатствами Южного Урала, вне зависимости от того, какой из ВОП, первый или второй, в итоге станет главной межцивилизационной и торгово-металлургической магистралью. Не исключено, что такой их неожиданный выбор был обусловлен еще и предчувствиями надвигающейся борьбы различных сообществ за обладание западной оконечностью степной алтае-уральской ветви второго ВОП. Но навряд ли алакуль-петровцы окончательно отказались от выгод получения олова по алтае-уральской ветви второго ВОП в будущем. Просто плюсом иртышского выбора было то, что транспортный канал по Иртышу можно было организовать достаточно быстро, в самом ближайшем будущем, практически в настоящем, а не в отдаленном инхроническом будущем.

Итак, если сложить все вместе, то видно, что осевой ответ алакуль-петровцев, являясь по сути ответом второго ВОП, заключался в следующем: 1) привязка к *будущему* потоку олова по алтае-уральской ветви второго ВОП, чья трасса проходила бы немного южнее, по степям за рекой Уй, притоком Тобола, не так уж и далеко от основного древнеалакульского-

древнепетровского лесостепного ареала; и как только начала бы функционировать торговля оловом по этой ветви, алакуль-петровцы имели бы все возможности тотчас подключиться к ней, прежде всего, за счет потребностей и продукции уже значительно более развитой, чем у других соседних социумов, оловянно-бронзовой металлургии; а вот столь быстрое развитие оловянно-бронзовой металлургии, опережающее всех остальных конкурентов алакуль-петровцев по эксплуатации западной оконечности алтае-уральской ветви, обеспечивалось за счет следующего пункта; и 2) до начала поступления олова по алтае-уральской ветви второго ВОП алакуль-петровцы рассчитывали на получение олова по иртышской оловянной трассе; готовы были даже на то, чтобы самим инициировать торговлю по этой трассе, однако так далеко осевые дела у них не зашли – большую часть работы в данном направлении за них проделали сейминско-турбинцы, неожиданно появившиеся на Среднем Иртыше в сер. XXII в. до н.э. Ответ этот выражался в раннеалакульско-петровской (пока что – так...) культурной атрибуции реализовывавших его сообществ, но только в древнеалакульско-древнепетровской хронологической фазе данного ответа.

Получается, что и алакуль-петровцы и сейминско-турбинцы совершенно независимо друг от друга и в разное время избрали Иртыш основой в настоящем своих столь различающихся осевых ответов. И в этом нет ничего удивительного – само положение Иртыша, связывающего Алтай с Зауральем и прилегающими к нему территориями Западной Сибири, было объективной реальностью, которая во все осевые времена так или иначе могла быть использована в осевых ответах любого населения, проживающего в данных регионах. И такое положение дел, сложившееся в XXII-XX вв. до н.э., полностью устраивало как алакуль-петровцев, так и сейминско-турбинцев, реализации осевых ответов которых только усиливали друг друга в настоящем доставкой алтайского олова по Иртышу на северо-запад – пример естественного симбиоза двух осевых обществ.

В то же время культурные особенности древнепетровцев и древнеалакульцев изначально несколько отличались друг от друга. Выше говорилось о некой специализации единого торгово-металлургического ответа этих двух осевых сообществ. Сейчас мы можем уточнить данную специализацию – судя по расположению древнепетровских и древнеалакульских памятников, “древние” алакульцы, расположенные несколько западнее, чем не менее “древние” петровцы (см. Рис. 4.24), были больше ориентированы на поддержку поступления меди из Южного Зауралья в древнеалакульско-древнепетровский регион, в то время как древнепетровцы больше занимались поставками олова от Иртыша по Нижнему Тоболу в тот же самый регион. Но, возможно, я и ошибаюсь, и олово древнепетровцы доставляли прямо из сейминско-турбинского центра у могильника Ростовка, до которого по прямой от того же алакуль-петровского Притоболья было не более 500 км.

И вот в эту алакульско-турбинскую (или сейминско-петровскую, если угодно) гармонию в ~2000 г. до н.э. вторгается событие, выше названное нами потоковым событием 2000, и разом ломает всю их симфонию, внося в нее какофонические нотки. Как помним, событием 2000 являлось подключение оловянных запасов Юго-Восточной Азии ко второму ВОП, вызванное одной из двух возможных причин: 1) непродуманной миграцией сейминско-турбинцев в Индокитай, пытавшихся направить будущие потки индокитайское олово к Алтаю, чтобы еще и таким образом^[30] компенсировать ожидае-

^[30] А еще и давно налаживаемой ими торгово-оловянной ветви с Алтая на Урал по северной лесной западносибирской трассе в обход степной южной. Кстати, и более длинный путь по

мый в будущем для Передней Азии большой отток олова второго ВОП по степной алтае-уральской ветви; и 2) ставшим фатальным с ~2000 г. до н.э. все более и более ускоренное движение к цивилизации, начиная с ~1900 г. до н.э. (в Эрлитоу), северокитайских сообществ в бассейне среднего течения Хуанхэ. Или же каким-то причудливым сочетанием этих двух причин, однако археологических данных недостаточно, к тому же они крайне противоречивы, чтобы можно было однозначно разобраться с причинными факторами, породившими событие 2000. О других же последствиях данного потокового события в Азии и Восточной Европе уже говорилось ранее.

Так вот... Дальнейший ход событий недвусмысленно показывает, что после события 2000 значительная часть подключенного ко второму ВОП индокитайского олова, вопреки ожиданиям сейминско-турбинцев, в будущем должна будет пройти как раз по той самой степной алтае-уральской ветви, которой они так рьяно противостояли. Надо полагать, вызвано это было все ускоряющимся ростом в предыдущем периоде медной и мышьяково-бронзовой металлургии в волго-уральском регионе и в Восточной Европе, прежде всего связанной с деятельностью абашевцев, но в еще большей степени – с будущим уже неизбежным становлением синташтинской металлургии и дальнейшим развитием оловянно-бронзовой металлургии алакульпетровцев.

На данный оловянный инхронический кульбит одними из первых, отреагировали наши “древние” алакльцы и петровцы, большая часть которых тотчас устремилась на степной юг, причем петровских мигрантов, более чутко реагировавших на олово и все пертурбации с оловянными торговыми потоками, явно было больше, чем алакульских. Интересно, чем же была вызвана их столь молниеносная реакция на неожиданные изменения в инхроническом будущем?

Во-первых, тем, что алакуль-петровцы были пионерами оловянно-бронзовой металлургии в уральском и восточноевропейском регионах. Во-вторых, еще и тем, что это сейминско-турбинцы отреагировали молниеносно, так как столь серьезное усиление степной алтае-уральской ветви второго ВОП в инхроническом будущем касалось их в первую очередь. Большая часть сейминско-турбинцев сразу снялась со своих насиженных мест в Барабе и в поисках новых месторождений олова направилась через Урал в Восточную Европу, чтобы хоть как-то выправить уже почти катастрофиче-

лесным менее проходимым северным территориям в обход ожидаемой степной алтае-уральской ветви и сравнительно меньший интерес западносибирских обитателей к оловянно-бронзовой металлургии, видимо, призваны были уменьшить товарооборот по этой трассе и меньший отток олова по сравнению с южной степной алтае-уральской ветвью второго ВОП. Плюс к этому уже тогда с самого начала миграции в Западную Сибирь сейминско-турбинцы явно планировали после обозначения данной северной лесной трассы перейти к поискам источников олова на севере Восточной Европы, чтобы и с этой стороны обеспечить растущие потребности Восточной Европы и Урале в олове и уменьшить отток олова второго ВОП от Передней Азии. Иначе все было бы зря, поскольку простое создание альтернативной северной трассы с малым товарооборотом просто не справилось бы с ликвидацией южной степной алтае-уральской ветви. Но даже мелкие месторождения олова в самой Восточной Европе в сочетании с не очень большим добавочным потоком олова от второго ВОП по северной лесной трассе, к тому же регулируемым сейминско-турбинцами, уже вполне могли решить стоящую перед ними задачу уничтожения торговли оловом по степной алтае-уральской ветви. Во всяком случае, на это, судя по их действиям, рассчитывали сами сейминско-турбинцы, надеясь и на севере Восточной Европы найти нечто похожее на мощные забайкальские запасы олова. И все же, несмотря на все их усилия, новая лесная оловянная трасса Алтай-Урал вдоль Иртыша, практически уже существующая в настоящем с сер. XXII, так и не появится в ожидаемом инхроническом будущем второго ВОП. А вот следующего ВОП, ужу в андроновское время... Но об этом уже поговорим чуть ниже.

скую для них ситуацию. Уход значительной части сейминско-турбинцев на запад не мог не ослабить товарооборот по северной лесной оловянной трассе по Иртышу или вдоль него (сравните Рис. 4.18 и Рис. 4.22). И только тогда, именно на это событие ослабления иртышской трассы в сочетании с ожидающимся в инхроническом будущем значительным усилением степной алтае-уральской ветви, обозначилась и быстрая реакция алакуль-петровцев.

В результате всего этого алакуль-петровские мигранты двинулись в степи Южного Зауралья, где вскоре (а может, и одновременно с алакуль-петровцами) появляются волго-уральские посткатакомбники со своим осевым колесничным ответом дальней торговлей оловом.

Неожиданно резкое уменьшение товарооборота по иртышской оловянной трассе в *настоящем* не могло не вызвать серьезной дисперсии осевой инроэнергетики в алакуль-петровской лесостепной среде. Самые слабые инхроники, как водится, остались в настоящем, т.е. рядом с иртышской трассой, а более сильные инхроники, т.е. участники миграции, ринулись на юг, к *будущим* потокам олова по степной алтае-уральской ветви второго ВОП, и при этом не теряли связи со своими северными сородичами – слабыми инхрониками, – от которых продолжали получать (пусть и в значительно меньших размерах) олово с иртышской трассы. Данная экспансия алакуль-петровцев значительно увеличила их ареал обитания, по которому олово двигалось с севера на юг. И все это уже чем-то напоминает тот самый этнокультурный ответ, описанный нами выше, когда товары (в том числе и олово) беспрепятственно и безопасно перемещаются в единой этнокультурной среде. Но это еще не этнокультурный ответ, поскольку это вообще не ответ, а стихийно самопроизвольно сложившаяся ситуация. Скажем так: пред-этнокультурная ситуация.

Как нам уже известно, у сильных инхроников столь же значительно возрастает и культурная пластичность, что как раз и способствовало максимально быстрому переключению большей части лесостепных мигрантов со своего природного алакуль-петровского ответа на осевой ответ дальней торговли оловом волго-уральские посткатакомбников, привлечший алакуль-петровцев тем, что ответ волго-уральцев мог сильно посодействовать скорейшему поступлению олова по степной алтае-уральской ветви в алакуль-петровский ареал. То есть даже вот так, “отступничеством”, они все же помогали быстрой реализации своего алакуль-петровского ответа. Примерно так и были запущены процессы этногенеза и культурного слияния мигрировавших с севера алакуль-петровцев с волго-уральцами посткатакомбного кавказского происхождения, и в итоге... – Синташта. И все же, как увидим далее, не все участники алакуль-петровской миграции сразу безоговорочно и безоглядно подержали синташтинский колесничный ответ. Возникли и другие варианты...

Кроме того, вливание волго-уральских посткатакомбников в уже размываемую алакуль-петровскую среду еще больше увеличило присутствие катакомбного культурного элементов в промежуточном продукте этого до конца еще незавершенного этногенеза, определив тем самым в целом арийский облик синташтинской культуры. И тем не менее множество алакульских, а особенно петровских, культурных признаков все же успело прочно войти в новую синташтинскую культуру. Да так прочно, что для многих современных археологов стали неотъемлемым признаком Синташты, и на алакульских и петровских памятниках воспринимаются уже как следы синташтинского влияния. И тем не менее после 2000 г. до н.э., а особенно после 1900 г. до н.э., следы *реального* влияния синташтинской культуры на остав-

шихся вне Синташты алакуль-петровцев и впрямь имеют место – после 1900 г. до н.э. наблюдаются и синташтинское культурное влияние и соответствующая стратиграфия и все остальное в полном соответствии с культурогенезной схемой Синташта → Ранний Алакуль (Петровка) → Алакуль. Вот только сам культурогенез и Синташты и Алакуля по этой схеме не совсем соответствует (совсем не соответствует, если быть точными) действительности, уходя своим нижним хронологическим рубежом в древнеалакульские-древнепетровские времена.

Кстати, обратим внимание на связку двух этих дат: 2000 г. до н.э. и 1900 г. до н.э. – связка, обозначенная еще в процессах предразвития и развития Эрлитоу, но сейчас не об этом. Сейчас же обратим еще раз внимание на графики калиброванных радиоуглеродных дат, полученных с алакуль-петровских памятников, и на зазор между двумя пиками этих графиков в районе 1900 г. до н.э. Если присмотреться лучше, то видно, что временной интервал зазора точнее определяется промежуткам 2000-1900 гг. до н.э. – особенно хорошо это просматривается на петровском графике, где зазор раза в три глубже алакульского зазора. Если интерпретировать эти даты в демографическом ключе, то можно сказать что численность населения алакуль-петровцев резко падает в интервале 2000-1900 гг. до н.э., причем падение численности населения петровцев раза в три превышает оную у алакульцев. И тогда первый пик радиоуглеродных дат (собственно древнеалакульские-древнепетровские даты) в общем и целом связываются с деятельностью алакуль-петровских сообществ по освоению иртышской торговой трассы и с сейминско-турбинцами, второй же пик – в начале периода с Синташтой, а далее – вообще с алтае-уральской ветвью второго ВОП, с которой алакуль-петровцы уже намертво связали свою судьбу. Что само по себе отлично вписывается в описанную выше картину участия крупных масс алакуль-петровского населения в синташтинском культурогенезе. Другими словами, ранняя Синташта в промежутке между двумя радиоуглеродными пиками (2000-1900 гг. до н.э.) как раз и поглотила все эти алакуль-петровские массы. Но не только она...

Выше уже говорилось, что этнокультурный осевой ответ дальней торговлей оловом как альтернатива колесничему осевому ответу той же дальней торговлей был сформирован в ~2000 г. до н.э. вскоре после появления волго-уральских посткатакомбников в степях Южного Зауралья. И что часть местных южно-уральских сообществ, в качестве которых на тот момент выступали как раз-таки алакуль-петровские мигранты из зауральской лесостепи, не поддержала синташтинский колесничный ответ. Это была гораздо меньшая часть в отличие от вошедших в Синташту, но все-таки и она также параллельно с началом реализации синташтинского колесничего ответа в процессах культурогенеза Синташты сформировала свою реакцию на возникшую культурно-инхроническую коллизию встречи и пересечения двух осевых ответов – синташтинского колесничего и алакуль-петровского. Суть их реакции заключалась в дальнейшем расширении и углублении самопроизвольно сложившейся перед этим пред-этнокультурной ситуации, когда олово с иртышской трассы без какой-либо охраны и помех со стороны поступало в южноуральскую степь по монолитному этнически однородному культурному массиву алакуль-петровцев. Таким образом, не вошедшие в Синташту алакуль-петровские мигранты, ни на гран не поступившись своим прежним алакуль-петровским (точнее будет, раннеалакульским (петровским)) ответом, готовились теперь уже целенаправленно расширять свой стихийно возникший имеющийся алакуль-петровский культурный массив

(от Нижнего Тобола до южноуральской степи) в направлении с запада на восток по степной алтае-уральской ветви второго ВОП – вначале в Северный Казахстан, затем в Центральный, – приближая тем самым алтайские месторождения олова к своим этнокультурным границам, и момент начала поступления олова к ним по этой ветви. А также выходя на центрально-казахстанские месторождения столь необходимого им уже в настоящем олова...

В то же время возникающая и расширяющаяся со временем данная этнокультурная конфигурация способствовала более легкому и быстрому прохождению торговых караванов по алакуль-петровскому участку пути, с одной стороны, содействуя стержневой идее синташтинского ответа по налаживанию дальних торговых караванных связей с алтайскими месторождениями олова, а с другой, противопоставляя себя синташтинским методам построения дальних торговых связей созданием цепочки укрепленных торговых пунктов-факторий вкуче с сопровождающей караваны охраной на боевых колесницах – просто нужда во всем этом отпадала сама собой на участках трассы, проходящих по этнокультурно однородным территориям, обитатели которых сами были кровно заинтересованы в бесперебойной оловянной торговле.

Именно эта возникшая в степи в районе 2000 г. до н.э. этнокультурная составляющая алакуль-петровского ответа и была выше названа нами этнокультурным осевым ответом, который сразу после своего возникновения был перенят от алакуль-петровцев некоторыми волго-уральскими посткатакомбниками, не успевшими или по той или иной причине не захотевшими втянуться в воронку синташтинского культурогенеза. Однако эти волго-уральцы творчески по-своему восприняли этнокультурную составляющую алакуль-петровского ответа и тут же устремились на восток, к олову на рубеже Казахстана и Алтая, увлекая за собой и небольшую часть алакуль-петровцев, колеблющихся между Синташтой и алакуль-петровским ответом, чтобы отсюда, с противоположного конца, начать реализацию полноценного этнокультурного осевого ответа как варианта ответа дальнейшей торговлей оловом, который внешне выразился в федоровской культуре.

Правда, при этом не исключено и даже более чем вероятно, что дело вовсе не в том, кто успел или не успел, и не в желании или нежелании части волго-уральцев участвовать в построении синташтинского общества, а просто быстрая миграция небольшой части волго-уральцев далеко на восток к алтайским месторождениям олова была изначально предусмотрена общим осевым ответом блока колесничных культур еще на волго-уральской стадии его формирования, чтобы иметь возможность вовремя взять под контроль алтае-восточноказахстанские запасы олова. Ну, а этнокультурная часть алакуль-петровского ответа просто оказалась им весьма кстати – подобной геополитикой они могли запросто взять под контроль не только сами месторождения олова, но и прилегающие к ним территории, т.е. все исходящие из и входящие в алтае-восточноказахстанский регион оловянные торговые пути, причем на довольно значительном их протяжении от месторождений. Появление же федоровцев в 1900 г. до н.э. на Среднем Енисее в Минусинской котловине^[31], почти в прямо противоположном направлении от степной алтае-уральской ветви второго ВОП, спустя всего век после распространения их общества от пограничных с Алтаем восточноказахстанских территорий до Верхнего Приобья, говорит как раз о такой проводимой федоровцами

^[31] В. И. Молодин и др. “Радиоуглеродная хронология...”, Рис. 2.

экспансионистской геополитике – ведь по всем нашим предыдущим прикидкам именно через эту котловину должен был в самом отдаленном инхроническом будущем пройти торговый путь от забайкальских месторождений олова к алтае-восточноказахстанским (см. Рис. 4.22).

Далее федоровцы распространялись не только вдоль этой (“забайкальской”) ветви второго ВОП и на запад по его степной алтае-уральской ветви, но и на северо-запад в лесостепную и подтаежную зону Зауралья и Западной Сибири – надо полагать, вдоль иртышской оловянной трассы, – и по участку второго ВОП, ведущего к среднеазиатским запасам олова в долине реки Саразм, и даже в сторону Китая – опять-таки вдоль соответствующей оловянной магистрали, пусть даже только ожидающейся в инхроническом будущем. Коротко говоря, во все стороны^[32]... А точнее, вдоль всех оловянных торговых путей, ведущих к алтае-восточноказахстанским месторождениям олова, и исходящих из этой области, причем как уже существующих, так и всего лишь ожидающихся в будущем.

Примерно так в свете наших культурно-инхронических построений должно выглядеть зарождение федоровской культуры на границе Восточного Казахстана и Алтая в ~2000 г. до н.э. и ее последующая экспансия. Здесь, в алтае-восточноказахстанских местностях, т.е. в Верхнем Прииртышье, к еще не слившейся смеси волго-уральских поскотакомбников и последовавших за ними алакуль-петровцев могла добавиться еще и местная пережиточная позднеямная составляющая, происходящая от полтавкинских мигрантов первой половины III тыс. до н.э., которые остались за бортом елунинского культурогенеза. Возможно, частично присоединились и сами соседние елуинцы, проживавшие в верхнем Обь-Иртышье, – ведь елуинская культура в ~2000 г. до н.э. входит в свой финальный (цыганковосопкинский) период и исчезает в нем на протяжении XIX-XVIII вв. до н.э. (см. пятый этюд).

По бронзовой хронологии Урала и юга Западной Сибири, принятой на сегодняшний день многими исследователями, федоровская культура появляется на Алтае в 2000 г. до н.э., а в Зауралье – в 1980 г. до н.э.^[33] Учитывая практически одновременное появление федоровской культуры как на западе, так и на востоке, можно, конечно предположить, что появившись на Урале федоровская культура мгновенно (по археологическим меркам) распространилась аж до Алтая, т.е. была миграция на Алтай на манер описанной выше, только уже *сложившихся* федоровских сообществ. Можно было бы, если бы сами авторы сводной хронологии не высказали сильных сомнений по поводу достоверности столь ранней даты появления федоровцев в Зауралье в 1980 г. до н.э.^[34] – “ввиду ничтожного количества” зауральских федоровских дат, а также потому что принятие имеющегося радиоуглеродного интервала существования федоровской культуры в Зауралье:

“...влечет за собой признание параллельного и очень длительного существования носителей алакульских и федоровских традиций. При этом следы их контактов (в виде синкретических памятников) возникают с очень большим опозданием”^[35]

Поэтому в нашей модели мы остановимся на гипотезе первоначального зарождения федоровской культуры на Алтае в ~2000 г. до н.э. по пред-

^[32] Н.А. Ткачёва, А.А. Ткачёв “Роль миграций в развитии андроновской общности”, Археология, этнография и антропология Евразии, 3 (35), 2008, стр. 88–96.

^[33] В. И. Молодин и др. “Радиоуглеродная хронология...”, Рис. 2.

^[34] Там же, стр. 144.

^[35] Там же.

ложенному выше сценарию, и ее последующим распространением на запад вплоть до Зауралья на момент появления здесь тех самых синкретических алакульско-федоровских памятников в 1780 г. до н.э.^[36] или округленно в ~1800 г. до н.э.

В том же XX в. до н.э., когда степном Южном Зауралье от этнокультурной составляющей осевого ответа алакульцев зарождается самостоятельный этнокультурный осевой ответ, к западу от Урала происходят схожие инхронические процессы, которые, тем не менее, выливаются в иные культурные формы, отличные от алакульских и федоровских. Речь идет о раннесрубной культуре, появившейся в Южном Предуралье, как уже говорилось в начале этюда, скорее всего, все-таки в 1900 г. до н.э. и, по всей видимости, в Западном Оренбуржье^[37]. Здесь и западнее в Заволжье на основе уже практически распавшихся полтавкинских племен (кстати, их на протяжении XXIII-XXI вв. до н.э. уже можно называть постполтавкинскими), южноуральского абашевского (баланбашского) населения и посткатакомбных криволукских групп почти синхронно формируются колесничная потаповская и раннесрубная культуры. Как и в Зауралье, еще одним компонентом, пожалуй, самым активным, и для потаповского и для раннесрубного культурогенезов выступили волго-уральские посткатакомбные племена лолинского предкавказского происхождения^[38]. Нас же сейчас интересует не потаповский культурогенез, а в первую очередь раннесрубный. Подчеркнем только, что волго-уральцы разделились, точно так же, как и в Зауралье, – часть из них участвовала в колесничном потаповском культурогенезе, а значит и поддержала соответствующий колесничный осевой ответ, а другая часть – опять-таки, как и будущие федоровцы, увлекая за собой небольшое число (совсем малое их количество) алакульских носителей этнокультурного ответа на запад в Предуралье, вошла неотъемлемой составляющей в сформированные ими раннесрубные сообщества Западного Оренбуржья. Из чего, а также из последующей деятельности раннесрубного, а затем и срубного населения, можно заключить, что раннесрубной и срубное население также реализовывало этнокультурный осевой ответ к западу от Урала, как к востоку от Урала это делало раннеалакульское и алакульское население, а еще дальше на востоке – федоровцы. Отличие алакульской этнокультурной реакции от срубного и федоровского этнокультурных ответов заключалась лишь в том, что алакульский этнокультурный компонент был только частью их более обширного алакульского ответа, к тому же зародившегося гораздо раньше, а срубники и федоровцы реализовывали один лишь полноценный этнокультурный осевой ответ. Из чего можно сделать еще один вывод – носители всех стадий срубной культуры реализовывали этнокультурный осевой ответ, полученный ими в самом начале XX в. до н.э. (или в более привычной для нас хронологической терминологии в ~2000 г. до н.э.), от волго-уральских посткатакомбных сторонников этнокультурного способа обеспечения безопасности караванов дальней торговли оловом. Но некоторые, особо важные элементы данного ответа, как увидим ниже, срубники все же восприняли напрямую от немногочисленных алакульцев, сопровождавших и эту часть волго-уральцев в их короткой миграции на запад.

Итак, суммируем. Как мы установили в начале этюда, раннесрубная и раннеалакульская культуры синхронно существуют в интервале 1900-1740 гг. до н.э. (раннеалакульская в своей последней “синташтинской” фазе после

^[36] Там же, Рис. 2.

^[37] Л. В. Купцова “Ранние памятники срубной культуры в Оренбургском Предуралье...”.

^[38] Там же, стр. 122-123, 125-130, ком. 1 на стр.126.

длительного развития в рамках древнеалакульской “сейминско-турбинской” фазы) в Предуралье и Зауралье, соответственно, и развиваются в этом интервале под значительным культурным воздействием культур колесничного блока, которые в свою очередь по радиоуглеродным датировкам надежно укладываются в период XX-XVIII вв. до н.э.^[39] А после исчезновения колесничных культур в XVIII в. до н.э. данные культуры переходят в 1740 г. до н.э. (или в сер. XVIII в. до н.э., или в нашей терминологии в ~1750 г. до н.э.) в свои более развитые зрелые формы, которые так и называются – срубная и алакульская культуры, без добавления префикса “ранне”.

И если на востоке после исчезновения Синташты раннеалакульская культура просто переходит в зрелую алакульскую стадию, то на западе колесничного мира раннесрубная культура проникает к покровским племенам и начинает чуть ли не самого начала своего возникновения в 1900 г. до н.э. плавно замещать их колесничную культуру на срубную – процесс, который завершается в то же время, что и переход на востоке от Синташты и раннеалакульской культуры к зрелой алакульской культуре, т.е. в ~1750 г. до н.э. Динамика взаимодействия населения потаповского культурного типа с раннесрубной культурой в лесостепном Среднем Заволжье, скорее всего, носила некий промежуточный характер от скачкообразной динамики синташтинско-алакульского перехода до плавностей покровско-срубного перетекания. Ничего более определенного пока сказать нельзя ввиду размытости самого потаповского типа между Синташтой и Покровском.

С точки зрения инхронического подхода понятно, что к потаповцам и покровцам проникала не сама раннесрубная культура, а дрейфовал сформировавшийся ее еще в Западном Оренбуржье срубный этнокультурный осевой ответ со всей своей культурной спецификой, которая выливалась в соответствующие внешние срубные культурные формы. Что в какой-то степени подразумевает общие абашевско-катакомбные этнокультурные корни у оренбургских ранних срубников и зрелых срубников Восточной Европы, но, наверное, все-таки больше катакомбно-посткатакомбные корни, судя по весьма вероятной арийской принадлежности более позднего степного восточноевропейского населения. А вот дрейфу данного ответа, скорее всего, способствовала постепенная миграция срубных племен из Предуралья в Восточную Европу, поскольку, как уже говорилось, некоторые элементы ответа не могли дрейфовать без теснейшего контакта его носителей с населением принимающей стороны (см. ниже).

Таким образом, имеем:

В XX в. до н.э. срубные и алакульские племена при уже сформированном этнокультурном осевом ответе развивались под сильным культурным влиянием соседних колесничных культур. Другими словами, этнокультурный осевой ответ на этом этапе в той или иной степени подавлялся колесничным ответом. Оно в принципе и понятно – оба альтернативных ответа были ответами организованной дальней торговлей оловом и отличались только тем, какими мерами должна была обеспечиваться безопасность торговых караванов – колесничной охраной (а в Синташте еще и укрепленными фортами-факториями) или коллективно всеми сообществами, по территориям которых пролегли бы торговые маршруты. В таких условиях колеснич-

^[39] Р. А. Мимоход “Радиоуглеродная хронология блока посткатакомбных культурных образований”, КСИА, вып. 225, 2011, стр. 28–53, на стр. 38; Р. А. Мимоход “Глава 4. Культурно-хронологический комментарий к материалам кургана 2 Липецкого могильника” в “Липецкий курган – памятник элиты доно-волжской абашевской культуры”, Липецк, Воронеж: Полиграфическое предприятие «Новый взгляд», 2016, стр. 35–49, на стр. 47-48.

ный ответ лидировал, везде и всюду подавляя этнокультурный ответ (за исключением, разве что, федоровских сообществ на далеком Алтае), возможно, всего лишь за счет того что был более простым, ясным и понятным, т.е. чисто по причинам лучшего подсознательного понимания ответа. Минусом же колесничного ответа был неизбежный рост социальной дифференциации общества, что и позволяло этнокультурному ответу выживать при явном преимуществе колесничного ответа и не исчезнуть окончательно в нарастающих (правда, очень медленно, а это уже, наверное, эффект обратного влияния этнокультурного ответа на колесничный) цивилизационных процессах.

Однако вдруг, совершенно неожиданно в 1900 г. до н.э. все меняется самым кардинальнейшим образом. Этнокультурный осевой ответ в зоне колесничных культур без каких-либо видимых причин переходит в стадию реализации, и рядом с этими колесничными образованиями возникают сообщества раннесрубной и раннеалакульской культур. Мало того, к западу от Волги у населения покровской колесничной культуры начинается постепенный переход на срубную культуру. То есть мы наглядно видим, как этнокультурный ответ, вырвавшись из цепких объятий колесничного ответа, начинает теснить последний, что особенно зримо проявляется на западе. Процесс завершается где-то в XVIII в. до н.э. исчезновением колесничных культур, и в середине этого столетия срубная и алакульская культуры переходят в свои зрелые стадии. При этом на некоторых поселениях раннесрубная культура еще какое-то время сохраняется и после сер. XVIII в. до н.э. параллельно с развитием зрелой срубной культуры – полный переход завершается лишь век спустя^[40]. На востоке в степном Южном Зауралье переход от колесничного ответа к этнокультурному ответу происходит более ступенчато, баз западных проникновений и плавностей – в той же середине XVIII в. до н.э. (точнее, в 1770 г. до н.э.^[41]) исчезает колесничная синташтинская культура, и вскоре, но опять-таки все еще в пределах сер. XVIII в. до н.э., зрелая алакульская культура замещает как синташтинскую, так и раннеалакульскую, культуры.

1900 г. до н.э. – нам и раньше не раз попадался на глаза этот год, но что конкретно могло вызвать ослабление колесничного осевого ответа в евразийских степях и/или усиление этнокультурного ответа там же? Помнится даже, что-то говорилось о “событии 1900”... В ~1900 г. до н.э. на Среднем Хуанхэ появляется общество Эрлитоу, социально-экономически значительно более развитое, чем предыдущие сообщества на территории Китая. Однако это событие, как и вызванное им подключение индокитайских запасов олова ко второму ВОП в осевом инхроническом будущем еще в ~2000 г. до н.э., ввиду установившейся в ~2000 г. до н.э. фатальности некоторых природно-ландшафтных событий, отозвалось в восточноевропейских и урало-казахстанских степях значительным усилением товарооборота, ожидаемого в инхроническом будущем по алтае-уральской ветви второго ВОП, со всеми вытекающими отсюда последовавшими постэффектами и афтершоками – см. в десятом и одиннадцатом этюдах. Так что, не то...

Событием 1900 в конце шестого этюда было названо потоковое событие, которое в ~1900 г. до н.э. стало причиной исчезновения из осевого инхронического будущего возникшего в ~2000 г. до н.э. (после потокового события 2000 – исчезновения первого ВОП из ожидаемого осевого инхро-

^[40] В. И. Молодин и др. “Радиоуглеродная хронология...”, Рис. 2.

^[41] Там же.

нического будущего) оловянного притока второго ВОП из Южного Китая и Юго-Восточной Азии в Среднюю Азию через Индию. А вот это уже...

Следствием события 1900 стало катастрофическое углубление упадка цивилизации Хараппы, по территориям которой в будущем должен был пройти оловянный приток второго ВОП из Юго-Восточной Азии, с последующим ее исчезновением. Но не только это – с того же ~1900 г. до н.э. начинается упадок цивилизации БМАК (скорее всего, еще не до конца установившейся цивилизации) в Средней Азии с дальнейшей ее деградацией и исчезновением, как и Хараппы. А это в свою очередь означает, что за потоковым событием 1900 стояло не только исчезновение ожидаемого в будущем среднеазиатского оловянного притока второго ВОП из Юго-Восточной Азии – ведь такое событие никак не могло привести к глубочайшему упадку расположенной на перекрестке торговых путей второго ВОП цивилизации БМАК, которая вполне себе благополучно существовала и стремительно развивалась в 2200-2000 гг. до н.э. задолго до появления в инхроническом будущем притока в Среднюю Азию индокитайского олова из Индии. К падению БМАК могло привести лишь исчезновение из того же осевого будущего главного участка центральной магистрали второго ВОП с Алтая в Переднюю Азию, без которой само существование второго ВОП становилось бессмысленным, т.е., в сущности, исчезновение самого второго ВОП, самой второй по счету Оси.

Таким образом, получается, что за потоковым событием 1900 на самом деле стояло исчезновение второго ВОП из ожидаемого осевого инхронического будущего. Но почему?! Просуществовав в инхроническом будущем всего каких-то 300 лет – с 2200 по 1900 г. до н.э., из них 200 лет в паре с первым ВОП... По каким-то неведомым причинам? Ведь, казалось бы, второй ВОП стоит незыблемым и уже практически вечным столпом оловянно-бронзовой торговли по все Евразии, при этом связывая между собой уже не две, как первый, а целых три цивилизации: восточноазиатскую, переднеазиатскую и европейскую. И что должно было возникнуть вместо него? Ведь почти весь евразийский мир уже давно развивался под действием осевой инхроники (еще и аридной, конечно, но подходя к концу своей инхрозоны, она уже со второй половины III тыс. до н.э. все больше и больше сдавала позиции осевой инхронике), при том что до начала конца осевой инхрозоны (возникновение торгового пути, связывающего восточноазиатскую и переднеазиатскую цивилизации в конце II в. до н.э. – в ~120 г. до н.э., – каковым со временем выступит Великий шелковый путь – ВШП, – окончательно же инхроза завершается лишь в начале III в. н.э. – в ~220 г. н.э., – но об этом поговорим в следующей хронографии) было еще около двух тысяч лет, а без Оси в инхроническом будущем на протяжении всего этого времени осевой мир существовать никак не мог – максимум век-другой-третий по инерции, и то уже распадаясь...

И эти два вопроса: почему? и что возникло вместо второго ВОП? – неразрывно связаны друг с другом. Начнем со второго.

Поскольку по всем историческим и археологическим данным в ~1900 г. до н.э. с исчезновением второго ВОП из осевого инхронического будущего ни оловянно-бронзовой металлургии, ни торговле в глобальном масштабе никакого такого уж катастрофического ущерба нанесено не было, наоборот, II тыс. до н.э. считается пиком развития оловянно-бронзового мира, то приходим к выводу, что вместе с исчезновением второго ВОП из осевого инхронического будущего в этом же будущем спонтанном развитии ведущего потока мировых торговых путей, уже на момент ~1900 г. до н.э. ставшим

настолько фатальным^[42], что можно было безболезненно для торговли сменить второй ВОП, тотчас устанавливается новая оловянно-цивилизационная Ось, которую уместно будет назвать третьим ВОП. И вновь остается ответить на два вопроса: почему? и чем таким особенным отличался третий ВОП от второго, какие преимущества имел перед ним и по каким территориям проходил? И опять-таки начнем с каскада второго вопроса – ответ на вопрос “почему?” всегда приходит в самую последнюю очередь, хотя иногда частично прорывается уже в ответах на предыдущие правильно поставленные вопросы...

Если третий ВОП, соединяющий Переднюю Азию с Восточной Азией, проходил не через Индию (падение Хараппы) и не через Среднюю Азию (падение БМАК), то остается только один приемлемый вариант – евразийский степной коридор. Тем более что здесь еще с ~2000 г. до н.э. начинается медленное социальное усложнение общества в культурах колесничного круга, опережающее нужды текущих хозяйственных задач и проблем. А, как мы знаем, подобное опережающее социально-политическо-экономическое развитие, неважно, медленное ли и постепенное или быстрое стремительным скачком, означает движение по пути построения цивилизованного общества. Правда тогда получается, что смена второго ВОП третьим стала фатальным уже в ~2000 г. до н.э. Но этот вывод категорически противоречит факту синхронного упадка Хараппы и БМАК только в ~1900 г. до н.э. Да, с ~2000 г. до н.э. наблюдаются некоторые слабые признаки временной деградации в обществе Хараппы (см. в конце шестого этюда), однако эти признаки достаточно убедительно объясняются падением первого ВОП и переключением инхронических ожиданий хараппского населения на новую только что возникшую индокитайско-среднеазиатскую ветвь второго ВОП. В таком случае движение к цивилизации Синташты и иже с ней в евразийских степях могло быть вызвано лишь довольно значительным усилением будущего товарооборота алтае-уральской ветви второго ВОП, ожидаемым уже с ~2000 г. до н.э., но при чем здесь третий ВОП?

А что если, наоборот, само это опережающее движение к цивилизации колесничных обществ в евразийских степях спустя столетие подобного движения как раз и спровоцировало возникновение третьего ВОП в осевом инхроническом будущем, который должен был пройти как раз по данным евразийским территориям и тем самым заменить собой второй ВОП?

Интересное предположение, но – нет, к сожалению, и здесь есть что сказать, есть чему возразить. Разумеется, расцвет колесничных культур в Восточной Европе и на Урале внес какую-то свою весьма немаловажную лепту в дело смены второго ВОП третьим ВОП, но определяющую и самую главную роль в этом деле, наверное, все-таки сыграл не колесничный ответ, а этнокультурный. Иначе не наблюдался бы взлет реализующих этнокультурный ответ срубных и алакульских племен, начавшийся с ~1900 г. до н.э. вместе с появлением третьего ВОП в инхроническом будущем взамен второго ВОП, экспансия и простая хозяйственная деятельность которых в итоге привели к полному исчезновению культур колесничного блока в центрально-северной Евразии, прервав их движение к цивилизации. Да, наработки цивилизационного развития никогда не исчезают бесследно и со временем проявляются в совсем других культурах и народах, и даже в других регио-

^[42] Понимаю, что просматривается невольная аллюзия, отсылающая к “слегка беременна”, но за сим корявым оборотом скрывается вполне определенная вероятностная конкретика, к которой мы уже не раз обращались на этих страницах, когда исследовали причинность культурно-исторических процессов при переключении Оси. Подробнее – в Заключении.

нах. И тем не менее в степях от Дона до Урала только-только зародившееся предцивилизированное общество исчезает именно что бесследно и на очень долгие времена, уступив место существенно более эгалитарным расширяющимся сообществам скотоводов-металлургов алакульских и срубных племен, а навстречу им, да и не только навстречу, в это же время с востока распространялись родственные федоровские племена...

И что же в этнокультурном ответе алтае-казахстанского и уральско-восточноевропейского скотоводческого населения было такое особенное, что могло начисто перекроить все геополитические предпочтения мировых торговых путей? Ведь подобные сообщества подвижных скотоводов-металлургов в это же время в немалых количествах присутствовали и на Ближнем Востоке, и в Иране, Афганистане и в Средней Азии, а спонтанное развитие мировых торговых путей почему-то выбрало именно североазиатских скотоводов-металлургов. Видимо, здесь важна не только специфика их хозяйственной деятельности, но немалое значение имеет еще и вмещающий эту деятельность ландшафт. И здесь свое веское слово наверняка сказали необъятные в большинстве своем равнинные пространства евразийского степного и лесостепного регионов, на которые распространялись этнокультурно однородные, т.е. в той или иной мере родственные друг другу, срубные, алакульские и федоровские племена.

Дело в том, что при определенном уровне демографической насыщенности и осуществлении скотоводами-металлургами еще и торгового обмена с часто и быстро сменяемыми при перекочевках соседями, что в общем-то дело обычное и привычное для подвижных скотоводов везде и всюду, эти огромные территории почти автоматически превращались в естественный “проводник” самых разных товаров, в том числе и олова с бронзой, причем “проводящий” эти товары с довольно приличной скоростью (не такой, конечно, с какой перемещались товары караванами дальше торговли, но и не намного меньшей) в любых мыслимых и немыслимых направлениях по любым кривым и прямым маршрутам, лишь бы на один край “проводника” этот товар поступал, а на другом или даже множестве других краев этот же товар был востребован. А если скотоводы-металлурги и сами были заинтересованы в товаре (например, в меди и олове и/или в продуктах отдаленных от них оловянно-бронзовых производств и/или в сельхозпродуктах и т.д. и т.п.), да еще были оснащены колесным транспортом, то скорость перемещения товаров уже сравнивалась с караванной, а объемы перемещаемых товаров при этом многократно превосходили таковые караванной торговли, если учитывать, что товары могли перемещаться из точка А в точку Б сразу несколькими (а то и многими) параллельными потоками – была бы только заинтересованность в столь большом их количестве в точке Б и достаточное количество в точке А.

Все вышеописанное весьма схоже с колесно-транспортными торговыми коридорами, реализуемыми несколько тысяч лет назад армяно-арийскими лейлатепинцами в Закавказье и палеобалканскими племенами на севере Восточной Анатолии, а затем ариями – новосвободненцами и новоторовцами – в причерноморских степях (см. в третьем этюде). Отличие заключалось в двух моментах: 1) колесно-транспортные торговые коридоры ариев были их аридным ответом, увязанным с нижнемесопотамской торговлей, а евразийская колесно-транспортная скотоводческая торговая среда возникла совершенно спонтанно в ходе реализации этнокультурного осевого ответа скотоводами-металлургами для обеспечения большей безопасности будущей дальней караванной торговли, которая реализовывалась бы,

надо полагать, населением колесничных культур; и 2) колесно-транспортные коридоры ариев имели выделенное направление, вдоль которого перемещались товары как в одну, так и в другую сторону, а евразийская колесно-транспортная торговая среда выделенных направлений не имела, в равной степени перемещая товары во всех необходимых направлениях, определяемых лишь текущим спросом и предложением, ну еще и в какой-то степени нуждами скотоводческого хозяйства, например, сезонными перекочевками и откочевками.

Таким образом, в ходе дрейфа срубного этнокультурного осевого ответа из Заволжья на запад, а алакульского на восток и юго-восток, распространяемого соответствующей экспансией этих племен, точно так же как и распространяемого федоровскими племенами такого же ответа с Алтая во все стороны по маршрутам уже исчезнувшего второго ВОП, устанавливается единая этнокультурно сравнительно однородная среда скотоводов-металлургов от Днепра до Енисея, в которой при определенном уровне демографической насыщенности начинают стихийно самопроизвольно складываться колесно-транспортные торговые отношения между ситуативно соседними подвижными сообществами, делая дальнюю караванную торговлю в этой среде делом совершенно бессмысленным и бесперспективным ввиду ее малой конкурентоспособности. Возникновение же такой среды стало фатальным как раз в ~1900 г. до н.э., надо думать, из-за начавшейся экспансии не сдерживаемых колесничным ответом федоровцев (их проникновение в Минусинскую котловину, возможно, привязанное к возникновению общества Эрлитоу – важнейшего звена будущего притока восточазиатского олова на Алтай) на ее восточном фланге, что перекроило все будущие мировые торговые пути и тем самым нанесло смертельный удар по всем цивилизованным обществам на трассах второго ВОП, как уже достигших уровня цивилизации, на манер Хараппы, так и уже стоящим на самом ее пороге, как БМАК, а также еще только становившихся на путь цивилизационного развития, как культуры колесничного блока Восточной Европы и Урала.

Вот так, этнокультурный ответ, возникший в помощь будущей дальней караванной торговли оловом, сам же, своими неуправляемыми спонтанными последствиями (колесно-транспортная торговая среда), и ликвидирует ее. Таким образом, ответив на вопрос, чем третий ВОП отличался от второго, мы заодно ответили и на главный вопрос – почему мировые торговые пути покатались именно по маршруту третьего ВОП, оставив за бортом центральную, казалось бы, столь важную часть второго ВОП.

Добавим еще, что достижение необходимого уровня численности населения (демографической насыщенности) в подобной колесно-транспортной среде скотоводов-металлургов евразийской степной-лесостепной зоны становится фатальным и неизбежным после появления одних лишь предпосылок к самому ее возникновению, ввиду того что рост стихийных торговых потоков в этой среде вел к увеличению численности населения в связи с появлением новых источников пропитания торгового происхождения, а увеличение численности населения в свою очередь повышало торговую эффективность колесно-транспортной среды. Оба эти процесса сходились на каком-то оптимальном товарообороте в ней при оптимальной численности населения, определяемых равновесием, с одной стороны, спроса-предложения, а с другой – природными ресурсами пропитания в ней (пастбища и т.п.).

На карте Рис. 4.25 я попробовал отобразить третий ВОП в той же манере, что и карты, связанные с предыдущими ВОП.

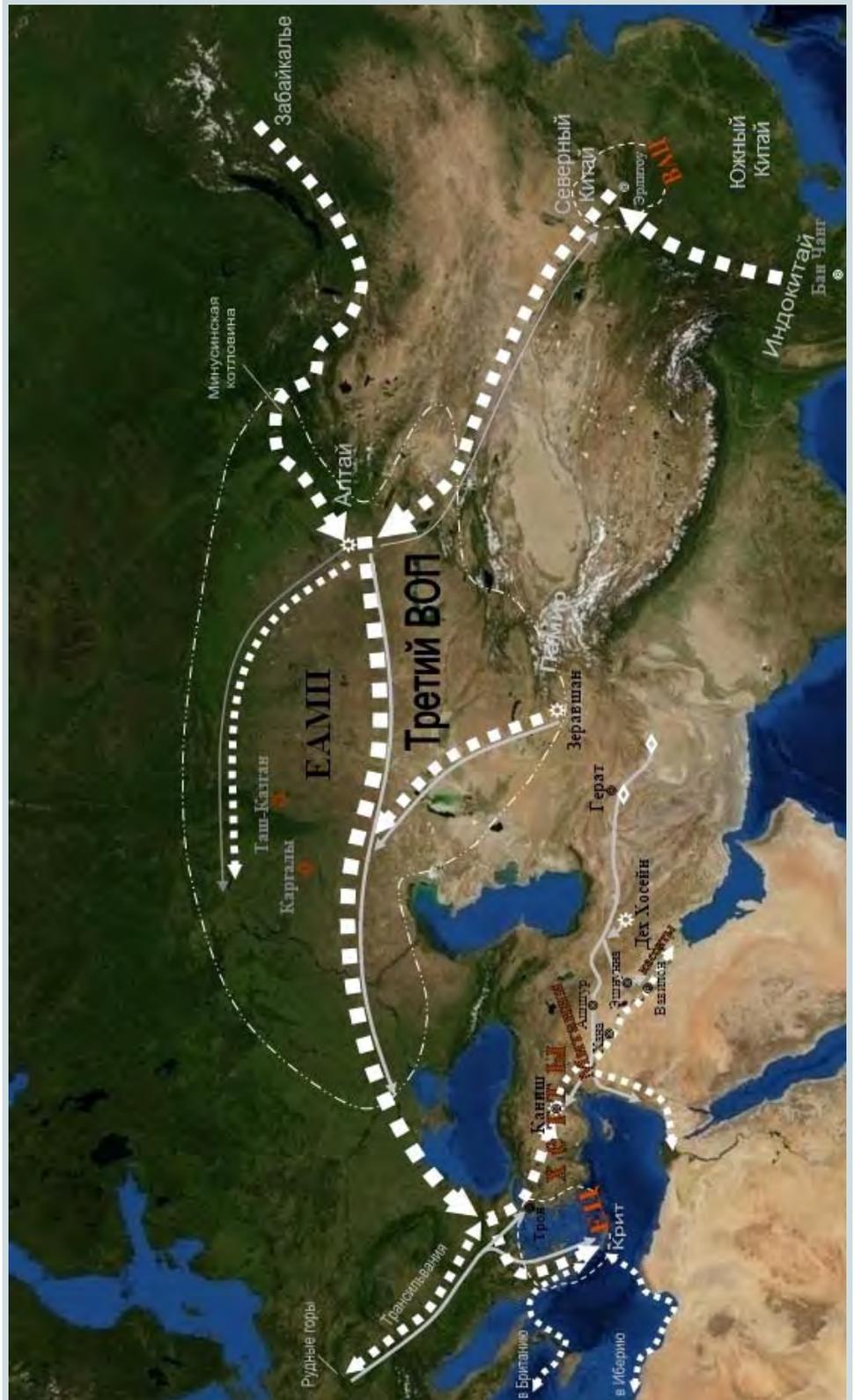

Рис. 4.25

Третий ВОП: ожидаемые с ~1900 г. до н.э. пути торговли оловом по третьему ВОП, которые должны были сложиться к концу осевой инхрозоны

Сплошными светло-серыми стрелками обозначены предполагаемые пути торговли оловом, возможно, в разные времена действующие во II тыс. до н.э. после ~1900 г. до н.э. Все остальные обозначения – такие же, как на предыдущих картах ВОП. Штрих-пунктирной линией отмечены приблизительные границы ЕАМП – Евразийской металлургической провинции.

Если же представить центральную степную-лесостепную часть третьего ВОП, которая как раз и является той самой колесно-транспортной средой, и которую обычно именуют ЕАМП (Евразийская металлургическая провинция), в ее истинном виде, то это был бы хаос прямых и чудовищно искривленных маленьких тоненьких пунктирных линий, сплетающихся и расплетающихся, так и этак пересекающихся и расходящихся... Короче – один лишь графический бедлам и вакханалия. И тем не менее в этом бедламе чувствовался бы некий едва уловимый порядок, некая самопроизвольная организация хаоса, зачастую уже на грани восприятия наблюдались бы какие-то сгущения линий-молекул и их разряженные участки, волны и завихрения... Вот эти слабо просматриваемые сгущения вдоль наиболее товаро-емких маршрутов третьего ВОП и изображены на карте в прежней манере, будто это его четко прочерченные по степям и лесостепям магистрали и трассы.

Напоследок хотелось бы коснуться и этнической стороны некоторых обозначенных в этом и предыдущих этюдах культурных процессов, однако комплексом всех этих вопросов мы займемся уже в следующем этюде.

ТРИНАДЦАТЫЙ ЭТЮД: «Неоконченный полуфинал»

Сегодня мало кто сомневается в арийской принадлежности как синташтинского населения, так и срубных, алакульско-петровских и даже федоровских племен, хотя с последними все не так однозначно^[1]. С другой стороны, ранее нами декларировалась арийская принадлежность катакомбной культуры, а с третьей стороны, мы уже имели возможность убедиться, насколько сильны были катакомбные и посткатакомбные позиции в генезисе всех перечисленных выше культур. Таким образом, рассматривая с этнической точки зрения катакомбную культуру – наследницу новотиторовской и новосвободненской культур и лейлатепинских мигрантов на Северный Кавказ – как общеарийскую общность, попробуем определиться с ее индоарийской и иранской составляющими.

Для начала заметим, что следует различать термины “общеарийский” и “индоиранский”, поскольку общеарийская языковая общность по современным лингвистическим данным состоит не только из индоарийской и иранской групп. Еще до вычленения из нее индоариев и иранцев из общности выделяется нуристанская языковая группа (еще ее называют кафирской), представители которой сейчас проживают в горах Гиндукуша в Афганистане. До конца неясна также и позиция дардских языков – то ли часть индоарийской, то ли самостоятельная группа. К тому же следует учитывать и возможность существования в древности не дошедших до нас языков^[2].

Однако сейчас для нас прежде всего важна выделившаяся раньше всех нуристанская группа. Если принять, что распад общеарийской катакомбной общности к 2000-1900 гг. до н.э. уже состоялся, а об этом говорит образование столь разных племен почти несомненной арийской принадлежности, таких как, скажем, синташтинские и срубные, то для раннего выделения нуристанской группы лучше всего подходит первая половина III тыс. до н.э., т.е. эпоха раннего катакомбного общества. В это время позднейшие (полтавкинские) племена в поисках оловянных месторождений как раз приступили к своей экспансии на восток и юго-восток, и периферийные катакомбные племена с более слабой инхроэнергетикой катакомбного осевого ответа (например, из-за соседства с формируемой полтавкинцами пред-ЕАМП), граничившие с полтавкинским ареалом, могли быть подхвачены этой позднейшей волной и увлечены ею вплоть до Бактрии, т.е. практически до Гиндукуша. А от афганской провинции Нуристана, где впоследствии обосновались кафиры-нуристанцы, до провинции Кандагар, с ее южноафганскими запасами олова близ поселения Мундигак, было практически рукой подать – кстати, обе провинции расположены на южных склонах Гиндукуша.

Итак, если принять, что нуристанская группа, скорее всего, выделилась в первой половине III тыс. до н.э., а разделение оставшейся индоиранской позднекатакомбной общности на иранцев и индоариев (возможно, с дардской группой, а может быть, выделившиеся в это же время дардские

^[1] Например, предлагается и древнеевропейская этническая атрибуция федоровских племен (С. А. Григорьев “Древние индоевропейцы”, Издание 2-е, доп., Челябинск: Цицеро, 2015, стр. 282–288), и даже угорская (М. Ф. Косарев “Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда”, М.: Наука, 1991, стр. 12).

^[2] Д. И. Эдельман “Некоторые проблемы сравнительно-исторического иранского языкознания”, Вопросы языкового родства, 1, 2009, стр. 81–94, на стр. 87–88, Схема 1; Д. И. Эдельман (ред.) “Языки мира. Дардские и нуристанские языки”, М.: Индик, 1999, стр. 98–101.

племена составили независимое этнокультурное языковое образование, поэтому мы их в наших построениях учитывать не будем ввиду неоднозначности лингвистической информации) уже состоялось к ~2000 г. до н.э., то в рамках нашей культурно-инхронической модели очевидно, что распад индоиранской (т.е. без нуристанцев) общности произошел в период осевых метаморфоз и состояния двухосья ведущего в осевой инхронизации потока мировых торговых путей в 2200-2000 гг. до н.э., причем самое начало распада могло прийтись на времена даже чуть более ранние, чем данный судьбоносный период.

Как помним, в XXIII в. до н.э., скорее всего, близ середины это столетия, часть племен катакомбной общности, граничивших с ямным ареалом, уже начинают постепенно распадаться и расползаться вслед за “смешанной” позднеямной Полтавкой, вследствие полученного от нее по дрейфу ответа второго ВОП, формируемого в это время далеко на юге Средней Азии тохарами и теми полтавкинскими племенами, которые прибыли сюда еще в первой половине III тыс. до н.э., вероятно, вместе с катакомбниками-нуристанцами. И эта часть уже распадающихся катакомбников в очередной раз объединяется с поздними ямниками (первый раз при выделении нуристанцев), в данном случае – с полтавкинцами, и вместе они вырабатывают новый осевой ответ второго ВОП, приведший к образованию нового алакульского сообщества, – вначале существующего в некоем смешанном, но постепенно сливающимся, виде, а затем полностью слитном цельном алакульском образе, с совершенно новыми культурными чертами и обликом, за исключением двух “малостей”: остаточное полтавскинское влияние в керамике и некоторые культурные элементы катакомбного происхождения – в частности арийский язык алакульцев, если исходить из общепринятой среди археологов арийской этнокультурной атрибуции алакульской культуры в более поздние времена.

Вскоре после этого в периоде 2200-2000 гг. до н.э. катакомбный мир был разделен на две части бабинской экспансией на северные территории катакомбного ареала, в то время как южные предкавказские катакомбные земли остались вне этого тотального бабинского влияния, и вошли в посткатакомбную стадию своего существования. Таким образом, из попавшей под бабинцев индоиранской катакомбной-посткатакомбной языковой общности оказались исключены: вначале в сер. XXIII в. до н.э. направившиеся в лесостепное Зауралье и Притоболье алакульцы, затем с 2200 г. до н.э. южные предкавказские посткатакомбники, в частности лолинцы, частью оставшиеся на своих предкавказских местах, частью мигрировавшие в волго-уральские степи. И кто из них индоарии, а кто иранцы?

По-моему, ответ достаточно очевиден, если взглянуть на появившиеся следы культуры. Синташта и другие евразийские колесничные культуры явно ближе строго иерархическому обществу варн индоариев Ригведы, в то время как алакульская культура и ее срубные и федоровские дериваты скорее соответствуют существенно более эгалитарному миру Гат – самой древней части Авесты. А поскольку в основе колесничных культур стоят лолинские волго-уральцы со своим колесничным ответом, то приходим к выводу, что протоиндоарийская общность сформировалась в 2200-2000 гг. до н.э. в рамках южных посткатакомбных культур, прежде всего лолинской и ее волго-уральского деривата, а протоиранская общность была сформирована алакульским обществом в основном на базе уже распадающихся северных позднекатакомбных племен с некоторым участием других этнокультурных образований северного катакомбного региона и прилегающих территорий, в

частности постполтавкинского, в периоде сер. XXIII в. до н.э.-2000 г. до н.э. в степном Зауралье и Притоболье.

В результате всего этого и уже имеющихся к тому времени осевых ответов – волго-уральского колесничного и алакульского этнокультурного – последовавшее затем в 2000 г. до н.э. столкновение протоиранских алакульцев с волго-уральскими протоиндоариями в степях Юного Зауралья породило два культурных и языковых феномена: индоарийский блок колесничных культур, реализовывавших колесничный осевой ответ, среди которых доминировал индоарийский (скорее, общеиндоарийский) язык, выросший из протоиндоарийского лолинцев и волго-уральцев; и срубно-алакульско-федоровскую среда, в которой осуществлялся этнокультурный осевой ответ, где доминировал иранский (общеиранский) язык, выросший из протоиранского алакульцев, точнее, древнеалакульцев в нашей терминологии.

Здесь, наверное, самое время пояснить, почему и как в миграции волго-уральцев на восток к Алтаю, положившей начало федоровской культуре, а также в их короткой миграции на запад в Предуралье с основанием там не только колесничной потаповской культуры, но и этнокультурной срубной, требовалось обязательное участие пусть и небольшого числа алакульцев. Дело в том что при дрейфе ответов на инхронику, даже если в дрейфе участвуют не принимающие ответ промежуточные социумы, могут передаваться почти все культурные признаки-характеристики, неразрывно связанные с реализацией данного ответа, в том числе и детали сложнейших технологий (другое дело, что эти детали при передаче по дрейфу могут существенно огрубляться и упрощаться за неимением необходимой практики и опыта у принимающей ответ стороны, но сейчас не про это...), за исключением одной культурной характеристики – языка, который, как и антропологические признаки, может передаваться по дрейфу только прямыми контактами его носителей с принимающим ответ населением. С другой стороны, языковое единство, пусть и сравнительно относительное, среды, в которой можно было бы эффективно решать вопросы безопасности караванов дальней торговли и обеспечивать тем самым еще и их максимальную скорость и товароёмкость (а уж тем более осуществлять возникшее позднее в ходе самоорганизации колесно-транспортное торговое взаимодействие скотоводов-металлургов с ближайшими соседними общинами), было, если не непременным требованием реализации этнокультурного ответа, то, во всяком случае, ее очень и очень желательным условием. И, надо полагать, что те волго-уральцы, которые вместе со своими алакульскими сторонниками распространяли воспринятый от последних этнокультурный ответ на западе и на востоке, в очень скором времени сами переходили со своего протоиндоарийского языка на алакульский протоиранский, не говоря уже о местном населении, также включающемся в этно- и культурогенез.

Вот почему участие алакульцев во всех этих миграциях было практически обязательным условием их осуществления, чтобы в итоге сложилась не только и не просто культурно однородная среда, но и среда, однородная в плане языкового единства.

Далее этнокультурный ответ и протоиранский язык, который с возникновением срубной и федоровской культур становится иранским (общеиранским) с соответствующими диалектами, распространялись уже иранцами-срубниками на западе и иранцами-федоровцами на востоке. А алакульский протоиранский, скорее всего, постепенно исчезает в новом возникшем иранском языке, надо полагать, в ходе возникновения смешанных срубно-алакульских и алакульско-федоровских поселений в Зауралье, т.е. алакуль-

цы перенимают один из иранских диалектов – федоровский или срубный. Судя по существованию алакульско-федоровской андроновской культурной общности^[3], протоиранские алакульцы, скорее всего, перешли на федоровский иранский диалект.

Трудно сказать, какой из этих иранских диалектов (федоровский или срубный) соответствует восточноиранской группе иранских языков, а какой – западноиранской. Исходя из географии, логично предположить, что от федоровского иранского впоследствии произошли восточноиранские языки, а от срубного – западноиранские языки.

Еще раз напомним ход событий, но уже в этноязыковом контексте:

Протоиранцы в Предуралье и протоиндоарии в Предкавказье, выделившись примерно в одно время в 2250-2200 гг. до н.э. из позднекатакомбной индоиранской общности каждые по своим совершенно разным причинам, общей среди которых было разве что возникновение второго ВОП, сформировали свои столь же разные осевые ответвы второго ВОП и мигрировали каждые в свои регионы: протоиранцы в лесостепное Зауралье и Приоболжье, часть же протоиндоариев (другая часть осталась в предкавказской Лоле) – в волго-уральские степи. Прибыв в Зауралье, протоиранцы приступили к реализации своего алакульского ответа, в настоящем привязанного к иртышской оловянной трассе, а протоиндоарии в степном Волго-Уралье – своего колесничного ответа дальней торговлей оловом по алтае-уральской ветви второго ВОП. И даже когда в 2000 г. до н.э. судьба вновь свела их вместе в степях Южного Зауралья, и часть алакульских протоиранцев под влиянием протоиндоарийского колесничного ответа (другая часть просто целиком и полностью переняла колесничный ответ вместо своего родного алакульского, а вместе с ответом, надо полагать, переняла и протоиндоарийский язык) выработала этнокультурную составляющую в своем алакульском ответе, реализация которой могла бы обеспечить безопасность торговых караванов безо всякой колесничной охраны и укрепленных поселений-факторий, то сразу возникло противостояние иранского этнокультурного ответа колесничному ответу волго-уральских протоиндоариев. Однако без каких-либо конфликтов и столкновений между алакульскими уже иранцами и синташтинскими уже индоариями, а лишь конкуренция между ответами, в ходе которой около века колесничный ответ на Южном Урале подавлял этнокультурный. И до самого конца Синташты алакульцы так и пребывали под существенным культурным влиянием синташтинцев, которые, собственно, и поставили перед собой и частично перед алакульцами серьезную задачу *быстрого* налаживания *широкомасштабной* дальней торговли оловом и оловянно-бронзовыми изделиями по алтае-уральской ветви второго ВОП. Такое миролюбие, наверное, можно объяснить общей целью обоих

^[3] Сегодня ряд исследователей уже сомневаются в целесообразности выделения андроновской культурно-исторической общности, мотивируя это отсутствием генетической связи между алакульской и федоровской культурами (В. В. Бобров “Характеристика андроновской культуры Кузнецко-Салаирской горной области”, Известия Иркутского государственного университета, Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология, №2 (3), 2013, стр. 84–92, на стр. 90; В. В. Бобров “Особенности андроновского погребального обряда в восточных районах ареала культуры” в сборнике В. И. Молодин, А. В. Епимахов (ред.) “Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях. Сборник памяти Е. Е. Кузьминой”, Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014, стр. 268–278, на стр. 272–277; С. А. Григорьев и др. “Поселение Мочище и андроновская проблема”, Челябинск: Цицеро, 2018, стр. 195–196). И тем не менее большинство археологов продолжают придерживаться понятия андроновской (т.е. алакульско-федоровской) общности в своих работах, в случае необходимости уточняя с какой именно частью андроновской общности имеют дело – алакульской или федоровской.

ответов – безопасность и эффективность дальней торговли оловом, – которая при всей альтернативности ответов в способах достижения данной безопасности сглаживала бы все возникавшие острые углы во взаимоотношениях обеих сторон.

Вернемся к индоариям... Остается еще один связанный с ними интересный вопрос – следы языкового и культурного индоарийского влияния на хурритское население возникшего не позднее XVII в. до н.э.^[4], государства Митанни, расцвет которого на территории Верхней Месопотамии и сопредельных областей историки относят примерно к середине II тыс. до н.э.^[5]:

“Наиболее ранние лингвистические древнеиндийские данные, засвидетельствованные в Малой и Передней Азии, датируются началом II тысячелетия до н.э. и представляют собой ряд собственных имен богов, царей и коневодческих терминов в «митаннийском арийском»»^[6].

Далее в продолжении цитаты говорится о “митаннийском арийском” как о диалекте индоарийского, отличном от ведийского индоарийского. То есть, ни один из этих языков не выводится из другого, не является его генетическим предком, а оба они являются наследниками третьего индоарийского или даже протоиндоарийского языка.

В другой своей работе Т. Я. Елизаренкова добавляет:

“По мнению большинства ученых, здесь, видимо, имеет место две разные волны миграции. Более раннюю представляют те арии, которые стали правителями государств на территории современных Сирии и Палестины. Они появились здесь до 1500 г. до н.э. и ис-

^[4] И. М. Дьяконов (ред.) “История древнего мира”, Книга 1 “Ранняя древность”, Издание 3-е исправленное и дополненное, М.: Наука, 1989, стр. 185.

^[5] Б. М. Бонгард-Левин (ред.) “История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации”, Часть вторая “Передняя Азия. Египет”, М.: Наука, 1988, стр. 71–73. Впрочем, уже появляются и больше ориентированное на археологическую стратиграфию мнения о более позднем и коротком интервале существования государства Митанни в ~1500 – ~1350 гг. до н.э., которые, правда, опираются на материал довольно ограниченного числа археологических памятников: M. Novák “Mittani Empire and the Question of Absolute Chronology: Some Archaeological Considerations” in M. Bietak, E. Czerny (eds.) “The Synchronisation of Civilisations in the Eastern Mediterranean in the Second Millennium B.C. III. Proceedings of the SCIEEM 2000 – 2nd EuroConference Vienna, 28th of May – 1st of June 2003”, Vienna, 2007, pp. 389-401, Fig. 11. И хотя для исторических дат, взятых из письменных источников по древней истории Месопотамии обсуждаемого периода, имеется аж целых пять хронологических шкал, расхождение между которыми может составить более двухсот лет (А. В. Епимахов, И. В. Чечушков “«Ex oriente lux»? Генезис колесницы в свете новейших данных археологии”, Вестник Томского государственного университета, № 54, 2018, стр. 155–160, на стр. 156), здесь и далее в этом этюде для сравнения исторических дат с радиоуглеродными датировками мы будем использовать наиболее популярные и общепринятые в научных кругах исторические даты, как прошедшие проверку временем. В свою очередь калиброванные радиоуглеродные датировки зачастую также существенно отличаются от традиционных исторических дат, так, египетские радиоуглеродные даты на те же сакраментальные двести лет старше исторических (С. А. Григорьев и др. “Поселение Мочище и андроновская...”, стр. 175). И тем не менее, когда радиоуглеродные даты, особенно полученные из нецивилизованных бесписьменных регионов, в общем и целом совпадают с историческими датами письменных источников цивилизованных государств, и такая синхронность не противоречит логике и ходу рассуждений интерпретирующей культурно-исторической модели, то подобные совпадения вполне могут быть расценены как косвенные свидетельства истинности обеих датировок, используемых в данном контексте.

^[6] Т. Я. Елизаренкова “Ведийский язык”, М.: «Наука», 1987, стр. 9.

чезли через несколько веков. Ригведийские арии должны были появиться на исторической арене позже»^[7]

И еще уточняет время появления языковых следов пребывания ариев в Малой и Передней Азии – вместо “начало II тыс. до н.э.” и “до 1500 г. до н.э.” чуть более конкретная датировка “в конце первой половины II тыс. до н.э.”^[8]. Похожего интервала придерживаются и некоторые другие лингвисты, сужая его до XVIII–XVII вв. до н.э.^[9]

И все-таки – почему обязательно две разные волны миграции? А не, скажем, два разных маршрута одной миграции, исходящих из одного и того же региона в одно и то же время? Две судьбы? В некоторых вполне определенных этнокультурных ситуациях и условиях на маршрутах миграции результат был бы примерно такой же, как и при двух разнесенных во времени волнах... Попробуем, опираясь только на нашу культурно-инхроническую модель, а не на какие-то лингвистические особенности (но при этом не упуская их из виду), набросать возможный сценарий подобного исхода индоариев из южнозуральских степей.

Плавный переход к срубной культуре в XIX–XVIII вв. до н.э. индоарийского колесничного населения к западу от Урала, вызванный столь же плавной экспансией иранских срубных племен на запад, как бы подразумевает массового отсутствие оттока индоариев из этого региона посредством дальних миграций – одна лишь постепенная этнокультурная и языковая их ассимиляция срубниками-иранцами. И тогда резкое исчезновение Синташты в сер. XVIII в. до н.э., одновременно с переходом срубной и алакульской культур в свои зрелые фазы, наоборот, может означать именно дальнюю миграцию всего индарийского синташтинского населения... Куда? Надо полагать, чтобы хоть в каком-то виде сохранить свой колесничный ответ дальней торговлей оловом, им прежде всего надо было отказаться от основы данного ответа, т.е. от участка третьего ВОП от Алтая до Днепра, который в роли колесничной основы в 1900 г. до н.э. сменил алтае-уральскую ветвь второго ВОП. Мало того, им вообще надо было выйти за пределы тех территорий, которые уже в ближайшем будущем будут охвачены средой массовой ближней колесно-транспортной торговли оловом, реализуемой мелкими иранскими скотоводческо-металлургическими сообществами не только от Алтая до Днепра, но и в меридиональном направлении от юга Средней Азии до Урала.

Уходить на север особого смысла не было, разве что далеко на восток – к забайкальским оловянным истокам третьего ВОП, которые будут задействованы только в очень далеком будущем. Но, судя по всему, синташтинские индоарии выбрали другой путь... Новый синташтинский колесничный ответ был сформирован где-то в первой половине XVIII в. до н.э., и в середине этого столетия синташтинцы дружно снимаются с насиженных мест и

^[7] Т. Я. Елизаренкова “«Ригведа» – великое начало индийской литературы и культуры” в “Ригведа. Мандалы I–IV”, Издание второе, исправленное, М.: Наука, 1999, стр. 426–543, на стр. 431.

^[8] Там же, стр. 429.

^[9] См., например, в Л. А. Гиндин “Пространственно-хронологические аспекты индоевропейской проблемы и «Карта предполагаемых прародин шести ностратических языков» В.М. Иллич-Свитыча”, Вопросы языкознания, № 6, 1992, стр. 54–65, на стр. 55, где за подробным обоснованием данной датировки Л. А. Гиндин отсылает к своей более ранней работе: Л. А. Гиндин “Некоторые ареальные характеристики хеттского, I” в ежегоднике “Этимология”, том “1970”, М.: Наука, 1972, стр. 272–321, сама датировка (как конец XVIII – начало XVII вв. до н.э.) приводится на стр. 314.

отправляются на юг. И почти сразу их единый поток распадается на два потока: одни синташтинцы направляются на юго-запад и, двигаясь вдоль северного и западного побережья Каспийского моря, оказываются на предкавказской лолинской прародине индоариев, другие, стремясь на своих конных повозках и боевых колесницах максимально быстро пересечь уже осваиваемые этнокультурным ответом казахстанские и среднеазиатские степи, ускоренным темпом движутся на юго-восток и в скором времени упираются в “стену” Гиндукуша.

Здесь у подножья Гиндукуша, вначале северного, затем западного и южного, синташтинские индоарии не могли не задержаться, причем на достаточно долгий срок – до полувека, а то и на век-другой. Причина задержки заключалась в западноафганских и/или южноафганских залежах олова, в свое время привлечших и их нуристанских арийских сородичей. Видимо, где-то здесь в Афганистане и произошло разделение юго-восточного индоарийского потока на ведийских ариев и дардские племена, ввиду того что последние – как слабые инхроники их нового ответа – решили навсегда остаться вблизи уже найденных источников олова, откуда оно в те далекие времена, возможно, поставлялось на запад переднеазиатским государствам. Не исключено, что ведийские арии даже попробовали принять участие в этой торговле, но то ли у них, как говорится, что-то не срослось, то ли долго не могли определиться – это те самые месторождения олова, к которым они стремились, или нет. В результате ведийские арии, скорее всего, где-то в интервале 1700-1550 гг. до н.э., т.е. в XVII-XVI вв. до н.э., но, главное, как минимум, за несколько десятилетий до ~1500 г. до н.э., направляются из Южного или Западного Афганистана в Северо-Западную Индию.

Зачем же в Северо-Западную Индию? Ответ на этот заковыристый вопрос мы получим, только после того как до конца проследим судьбу другого, юго-западного, потока синташтинцев. Ответим также и на вопрос, почему именно до ~1500 г. до н.э.

Синташтинцы западной ветви миграции на юг, наверняка, тоже должны были задержаться в Лоле, но не более чем на пару десятков лет – вполне достаточное время, для того чтобы обучить лолинцев искусству колесничного коневодства и боя, передав им таким способом свой новый вариант колесничного ответа, а главное, для того чтобы слиться с ними – родственными протоиндоариями – в одно сообщество. И где-то около середины XVIII в. до н.э. Лола исчезает, впрочем как и другие посткатакомбные культуры, практически одновременно с культурами колесничного блока^[10].

Как только такое сообщество сложилось, или только начало складываться (зависит от скорости данного конкретного этно- и культурогенеза), синташтинцы... нет, уже не синташтинцы, а арии западной ветви синташтинской миграции, через Кавказ (скорее всего, по Дербентскому проходу) устремляются на юг – в Закавказье и еще дальше на территорию Восточной Анатолии и/или Северо-Западного Ирана (в район оз. Урмия). Последний вариант предпочтительнее, если исходить из маршрута миграции этих ариев, степняков по происхождению. Здесь они оседают среди хурритских пле-

[10] Р. А. Мимоход “Радиоуглеродная хронология блока...”, стр. 49. Такая тотальная синхронность культурных процессов (оттеснение бабинцев покровско-срубными племенами за Днепр на севере посткатакомбного ареала, одновременное исчезновение колесничных и посткатакомбных культур, в том числе и лолинцев на юге того же ареала), внешне вроде бы определяемая разными факторами, на самом деле была вызвана одним причинным синхронизатором – экспансией иранских срубно-андроновских племен и укреплением и распространением в понто-каспийских и алтае-уральских степях их этнокультурного осевого ответа третьего ВОП.

мен, и, передавая им свой новый осевой ответ третьего ВОП, также начинают усиленно обучать их колесничному делу (а не завоевывать их, как почему-то принято считать), частично сливаясь с ними, по крайней мере в среде уже появившейся знати как у тех, так и у других. Спустя некоторое время уже в начале XVII в. до н.э. хурриты, возможно, под водительством ариев, может, просто в союзе с ними как некой привилегированной прослойкой в своем обществе, устремляются на запад, по пути создавая государство, которое в более поздних документах сопредельных и дальних государств будет называться по-разному, сами же хурриты именовали его Митанни...

Так, в чем же все-таки заключался новый осевой ответ бывших синташтинцев и нынешних митаннийских ариев? Наверное, точнее было бы сказать – митаннийских индоариев, – но Индия здесь уже совершенно ни при чем.

По мере того как синташтинцы теряли будущий торговый контроль над центральным степным участком третьего ВОП от Алтая до Урала вследствие становления условий, ведущих к масштабному развитию ближней колесно-транспортной торговли в евразийских степях, и распространения соответствующей ей разновидности этнокультурного осевого ответа третьего ВОП, в их среде начал зарождаться новый колесничный осевой ответ, имеющий сразу две ипостаси. Смысл первой разновидности данного ответа, взятой на вооружение синташтинскими предками митаннийских ариев, заключался в намерении еще в настоящем установить свой полный торговый и политический контроль над самой западной ближайшей к южноуральским степям оконечностью третьего ВОП, ведущей не в Европу, а в Переднюю Азию, которая располагалась в центральной Малой Азии – по сути, над будущими оловянными воротами всего переднеазиатского мира. И уже оттуда, кто знает, может, даже попытаться распространить свой контроль и на западную оконечность самой главной степной магистрали третьего ВОП, местоположение которой предполагается близ устья Дуная (см. Рис. 4.25 в предыдущем этюде), откуда потоки оловянной торговли должны были расходиться по всей Европе и Передней Азии. Как видим, амбиций митаннийским ариям и их предками было не занимать...

Эти амбиции не учитывали одного – не только они вынашивали подобные ответы и планы, но и хетты вкупе с родственными им анатолийскими индоевропейскими племенами, чьи территории в Северо-Западной Анатолии еще со времен второго ВОП выполняли похожую роль будущих оловянных ворот, только не в Переднюю Азию, а из Передней Азии в Европу. После установления в 1900 г. до н.э. третьего ВОП вместо второго ВОП в осевом будущем их роль изменилась не так уж и сильно, инвертировалось только направление движения олова – не с востока на запад, а с запада на восток. И хетты со своими анатолийскими союзниками лишь стали распространяться по всей Западной Анатолии и далее на восток вдоль малоазиатского участка третьего ВОП вплоть до Центральной Анатолии и Каниша, чтобы сполна воспользоваться всеми выгодами будущей дальней транзитной торговли и своим положением оловянного хаба для остальной Передней Азии. Что, вне всякого сомнения, подстегнуло их уже и без того идущее цивилизационное развитие, тем более среди цивилизованных хаттов Центральной Анатолии, чтобы в будущем успешнее справляться с весьма немалым товарооборотом широкомасштабной торговли третьего ВОП.

В этой ситуации осевой колесничный ответ митаннийски ариев имел все возможности быстро дрейфовать по сплошной хурритской среде до не так давно поселившихся рядом с хурритами центрально-анатолийских хет-

тов, которые не замедлили его принять и даже поднять на щит вместе с легкими боевыми колесницами, которые они довольно быстро переориентировали с караванно-охранной деятельности на их полноценное боевое применение в хеттской армии, поскольку войны и военные столкновения уже давно стали делом самым что ни на есть обычным для всего Переднеазиатского мира. В результате хеттское государство возникло несколько раньше хурритско-арийского государства Митанни, и в очень скором времени превратилось в мощную империю от побережья Западной Анатолии до гор Восточной, и от Черного моря до Северного Леванта. Митанниские арии просто опоздали с реализацией своего амбициозного ответа, из-за того что хетты изначально имели лучшие геополитические позиции и успели продвигаться значительно дальше и хурритов и ариев по пути цивилизационного развития.

В результате хуррито-ариям и оставалось разве что развивать экспансию Митанни вдоль юго-восточной и южной границы хеттской империи в направлении Северного Леванта – может, для того чтобы попытаться хотя бы в настоящем взять под контроль торговые пути доставки олова и других товаров из Ашшура в Каниш и обратно? Может быть, конечно, но не только это... – как увидим ниже, с 1600 г. до н.э. осевые приоритеты, устремления, цели и мотивации многих Переднеазиатских социумов, да и не только Переднеазиатских, в очередной раз кардинально меняются, и митаннийцы не были исключением в этом ряду. Так что митаннийская экспансия в сторону Северного Леванта, вернее, к гаваням и торговым городам средиземноморского побережья Северного Леванта, явно уже больше отвечала этим новым веяниям, чем нуждам оловянно-бронзовой торговли, как будущей, так и настоящей.

По всей видимости, к тому же кругу явлений, вызванных распространением митаннийского колесничного осевого ответа третьего ВОП, можно отнести и образование где-то в глубинах Леванта и сопредельных с ним территорий этнически разношерстного племенного союза гиксосов, как их называют более поздние источники, которые на рубеже XVIII и XVII вв. до н.э. обрушиваются на Египет всеми своими до того невиданными египтянами боевыми конными колесницами, и, обосновавшись в Восточной Дельте, начинают совершать набеги на более южные районы, проникая все дальше и дальше на юг страны, тем самым постепенно завоевывая ее, по крайней мере, в части Нижнего Египта^[11].

Это по одной версии. По другой – на протяжении XVII в. до н.э. племенные группы гиксосов (скорее семитские в своей массе, чем хурритские) из Палестины *просачиваются* в дельту Нила, откуда их колесничные отряды постепенно захватывают власть в важнейших египетских областях, а вожди начинают принимать титулы фараонов – надо полагать, где-то в середине этого столетия^[12].

В принципе обе версии не так уж и сильно отличаются друг от друга, но, как бы там ни было, и в Египте наблюдаются те же самые процессы, что и на севере Передней Азии среди хурритов и хеттов. А именно – мы видим, как то тут, то там нецивилизованные пока еще племена и народы пытаются взять под контроль расположенные в цивилизованных областях и странах оконечности тех или иных ветвей третьего ВОП различной степени важности. В случае с гиксосами они пытались установить свой контроль над око-

[11] И. М. Дьяконов (ред.) “История древнего мира”, Книга 1 “Ранняя...”, стр. 270.

[12] Б. М. Бонгард-Левин (ред.) “История Древнего Востока. Зарождение...”, Часть вторая “Передняя Азия. Египет”, стр. 229.

нечностью одного из двух важнейших для Ближнего Востока оловянных торговых маршрутов будущего третьего ВОП, завершающегося в Египте (см. Рис. 4.25). Таким образом, и здесь в гиксосском Египте, мы также видим проявления колесничного ответа митаннийских ариев, бывших синташтинцев.

Казалось бы, нечто похожее примерно в эти же времена (но в целом все-таки несколько позже, особенно на последних этапах) происходило и со второй ближневосточной торгово-оловянной ветвью третьего ВОП, которая оканчивалась в Нижней Месопотамии. Касситские племена, проживающие в верховьях р. Диялы, левого загросского притока Тигра, постоянно совершали набеги на Месопотамию по долине этой реки. Одна из касситских групп так далеко продвинулась в Верхнюю Месопотамию, что еще в XVIII в. до н.э. обосновалась здесь, а потом и захватила власть в аккадско-аморейском царстве Хана на Среднем Евфрате у устья его притока Хабура. Отсюда касситы небольшими группами проникали в Нижнюю Месопотамию, где занимались на сезонные работы и поступали на войсковую службу. После того как хеттский царь Мурсили I в своем большом походе на юго-восток в 1595 г. до н.э. разгромил вавилонскую армию, ханейским касситам, наконец-то, предоставилась возможность захватить Вавилонию, где они и продержались более 400 лет^[13]. И тем не менее все это происходило после 1600 г. до н.э. (об этой сакраментальной дате – чуть ниже), поэтому к оловянно-бронзовой торговле касситская экспансия в Нижнюю Месопотамию, скорее всего, никакого отношения не имела, отчего их династии и продержалась так долго у власти в Вавилонии, в отличие от изгнанных из Египта в первой половине XVI в. до н.э. гиксосов.

Только сейчас, после того как с инхронических позиций были рассмотрены вопросы, связанные с миграцией митаннийских ариев и культурно-инхроническими процессами, запущенными их осевым ответом на Ближнем Востоке, мы, наконец, можем ответить и на вопросы, связанные с миграцией другой ветви индоариев – ведийских ариев. Для этого достаточно посмотреть на маршрут их миграции: степи Южного Урала, горы Гиндукуша, Северо-Западная Индия... Спустя некоторое время индоарии оказываются уже значительно восточнее – в центральной части Северной Индии, в так называемой “Срединной области” (*Мадхьядеша*), ограниченной на севере Гималаями, на юге горами Виндхья, на западе ведийской рекой Сарасвати и на востоке местом слияния рек Джамны (Ямуны) и Ганга^[14], где впоследствии и возникла индуистская цивилизация, распространившаяся затем еще дальше на восток по долине Ганга. Исходя из мотивов, которыми руководствовались митаннийские арии, и их целей, можно предположить, что ведийские арии, реализуя единый синташтинский индоарийский ответ, также продвигались в направлении одной из оконечностей третьего ВОП, а именно – к важнейшей, если не самой важной и главной, и в то же время самой восточной (не считая труднодостижимой забайкальской оконечности на северо-востоке) его оконечности в Юго-Восточной Азии, т.е. к огромным, но пока что неразрабатываемым, индокитайским запасам олова.

Таким образом, мы уже можем пролить свет на суть единого синташтинского индоарийского осевого ответа третьего ВОП, которая заключалась в следующем. После того как колесничный осевой ответ индоариев в степях Евразии, т.е. на центральном и главном степном участке третьего ВОП, по-

[13] И. М. Дьяконов (ред.) “История древнего мира”, Книга 1 “Ранняя...”, стр. 110, 198.

[14] А. В. Седов (ред.) “История Древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй”, М.: Восточная литература, 2004, стр. 109-110.

терпел сокрушительное инхроническое поражение от этнокультурного ответа иранцев еще только формируемой срубно-андроновской этнокультурной области, индоарии синташтинского ареала принялись формировать совершенно новый осевой ответ, также связанный с будущей дальней торговлей оловом, но при этом опирающийся на совсем другие целевые геополитические и логистические ориентиры, основой которого было намерение взять под торгово-политический контроль не центр третьего ВОП, а его самые крайние периферийные участки: потребляющие олово центры бронзовой металлургии в Малой Азии, в перспективе, может, и в Юго-Восточной Европе (митаннийская ветвь индоариев), а с другой стороны – основной оловянный исток третьего ВОП в Юго-Восточной Азии вместе с прилегающими к нему территориями (ведийская ветвь индоариев).

Однако и ведийские арии, как и их митаннийские собратья, не достигли своей конечной цели – оловянных месторождений Юго-Восточной Азии. Почему не достигли, то отдельная проблема, которой мы займемся уже в следующей хронографии, в ее первом этюде. Сейчас же лишь попробуем прояснить странную, если не сказать загадочную, дату появления индоариев в Индии – до ~1500 г. до н.э.

Дело в том, что в некоторых социумах около середины II тыс. до н.э., точнее, в интервале 1600-1400 гг. до н.э. наблюдается ряд культурных и политических сдвигов, которые в рамках нашего инхронического моделирования можно интерпретировать, как резкие перепады уровня инхроэнергетики: иногда резкий спад, ведущий к распаду общества (исчезновение срубной, алакульской и федоровской культур в 1500-1400 гг. до н.э.), в другом случае – спад инхроэнергетики у одной части населения при ее столь же резком росте у другой части (изгнание гиксосов из Египта в первой половине XVI в. до н.э. со спадом инхроэнергетики у гиксосов и ее ростом у египтян), или спад, а затем скачок инхроэнергетики у всего сообщества (во время перехода от Древнехеттского царства к Новохеттской империи в 1500-1400 гг. до н.э.), или же один лишь скачок без каких-либо предварительных спадов инхроэнергетики, ведущий к резкому усложнению общества и переходу к цивилизации (появление микенской культуры в Греции и культуры Эрлиган-Шан в Китае в 1600-1400 гг. до н.э.). А такие синхронные скачки и спады инхроэнергетики, как мы уже понимаем, что-то да означают...

Все это очень напоминает картину, которую мы наблюдали в периоде осевых метаморфоз в 2200-2000 гг. до н.э., когда в осевом инхроническом будущем появился второй ВОП и 200 лет сосуществовал в нем наряду с первым ВОП – так называемый период “двухосья”, в котором часть социумов сразу переориентировала свои ответы на второй ВОП, а часть – продолжала придерживаться первого ВОП. Однако трудно представить, что какой-либо другой маршрут движения олова по Евразии в 1600-1400 гг. до н.э. смог бы успешно конкурировать с описанной выше скотоводческой торговой колесно-транспортной средой и ее главным металлургическим центром на Южном Урале. Разрушение же этого мощнейшего скотоводческо-металлургического торгового канала по каким-то неведомым внешним причинам, например, климатическим, как обычно принято считать, когда истинные причины неизвестны, или демографическим (перенаселение или наоборот катастрофическая убыль населения в результате эпидемии) тоже не находит подтверждения в фактах. И в то же время нам известно, что осевая инхроза завершается налаживанием торговых связей по всей главной магистрали Великого шелкового пути (ВШП) в конце II в. до н.э., точнее, в периоде ~120 г. до н.э. ÷ ~220 г. н.э., поскольку такое событие, как появление

главного мирового торгового пути, причем не в осевом будущем, а уже в самом что ни на есть настоящем, вряд ли могло быть одномоментным событием, а, скорее, должно было растянуться во времени на некоторый протяженный интервал. Хотя, как увидим в Заключении, и здесь возможны варианты... И главным товаром на ВШП было отнюдь не олово.

В итоге мы вынуждены прийти к выводу, что уже в 1600 г. до н.э. в осевом будущем устанавливается именно ВШП, который в периоде 1600-1400 гг. до н.э. в качестве второй Оси сосуществует с третьим ВОП. При этом третий ВОП по-прежнему выступает в качестве главной оловянно-бронзовой торговой Оси, а ВШП – как универсальная торговая магистраль с межцивилизационными коммуникационными функциями. И в 1400 г. до н.э. третий ВОП окончательно исчезает из осевого будущего, а синхронно и вместе с ним исчезают и евразийские культуры, своим этнокультурным оловянно-бронзовым торгово-металлургическим осевым ответом реализующие построение третьего ВОП в евразийских степях: федоровская в 1500 г. до н.э. в Зауралье, Барабинской лесостепи и Минусинской котловине; алакульская в 1450 г. до н.э. в Зауралье; и срубная в 1400 г. до н.э. в Предуралье^[15].

Приведенные даты указывают на то, что третий ВОП в первой половине второго периода “двухосных” метаморфоз, т.е. в 1600-1500 гг. до н.э., еще в какой-то мере сохранял свои геополитические позиции, но после 1500 г. до н.э. начал шаг за шагом сдавать их ВШП. И синхронно с этим процессом после 1500 г. до н.э. одна за другой в евразийских степях исчезали реализующие этнокультурный осевой ответ третьего ВОП скотоводческо-металлургические культуры...

Эта же дата начала “сдачи” третьего ВОП в 1500 г. до н.э. определяет и верхнюю границу появления ведийских ариев в Северо-Западной Индии, а также последовавшую вскоре их миграцию в Северо-Восточную Индию. Просто после начала ослабления позиций третьего ВОП в инхроническом будущем большинство осевых ответов третьего ВОП теряли львиную долю своего смысла, в том числе и синташтинско-ведийский ответ по установлению торгово-политического контроля над индокитайскими источниками, или даже особенно синташтинско-ведийский ответ. А значит, теряла смысл и сама миграция в Индию и дальнейшее продвижение на восток к Гангу и по Гангу. Поэтому индоарии должны были появиться в Индии ранее 1500 г. до н.э., причем, скорее всего, лет на 30-50 раньше.

Прикинем один из возможных сценариев того, как и что могло происходить среди ведийских ариев. Одна их часть почти немедленно продолжила свой путь на восток, а другая осела в Северо-Западной Индии – то ли под очарованием постхарапского общества, все еще сохранявшего многие духовные богатства харапской цивилизации, то ли уже рассматривая возможные варианты осевого ответа на появление ВШП в осевом инхроническом будущем, впрочем, одно другому не помеха. И начало отступления третьего ВОП из инхронического будущего в 1500 г. до н.э. надолго разделила две эти группы индоариев, замедлив при этом продвижение первой группы на восток по долине Ганга, и еще сильнее привязав вторую группу к постхарапской Северо-Западной Индии, откуда открывались лучшие перспективы взаимодействия с будущим ВШП из Индии. Вот этой второй группой индоариев и был создан первый свод своих собственных религиоз-

^[15] В. И. Молодин, А. В. Епимахов, Ж. В. Марченко “Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы”, Вестник НГУ, Серия: История, филология, Т. 13, Вып. 3: Археология и этнография, 2014, стр. 136–167, Рис. 2.

ных представлений, песнопений и ритуалов – Ригведа, – возможно, под влиянием все еще бытующей у местного населения богатой хараппской мифологии.

Далее в ход культурно-инхронических процессов в среде ведийских ариев вмешались совсем другие явления, под влиянием которых “хараппские” индоарии двинулись по следам первой группы индоариев – вначале в “Срединную области” Мадхьядешу, а затем оттуда постепенно продвигались все дальше и дальше на восток, но не далее устья Ганга, где, возможно, первая группа прекратила свой восточный вояж после 1500 г. до н.э. Как видим, опять на восток, однако в данном случае никакие окончечности и оловянные истоки уже не играли ни малейшей роли, поскольку экспансия шла всего-навсего в сторону территорий, уже занятых индоариями – первой группы, – которых настоятельно требовалось ассимилировать в духе этих новых “других явлений” (подробнее будет изложено в следующей хронографии). А может, и само движение на восток “хараппские” индоариев определялись уже не столько вышеуказанной осевой в своей основе причиной (“по следам первой группы индоариев”), сколько именно этими самыми “другими явлениями”, и только ими.

Итак, “другие явления”. Два-три века спустя после исчезновения третьего ВОП из осевого инхронического будущего в 1500 г. до н.э., т.е. в XII-XI вв. до н.э., наблюдаются *взрывоподобные* по форме явления на обоих краях инхронически уже не существующего третьего ВОП: нашествие так называемых “народов моря” на цивилизованные страны Ближнего Востока на западном конце и чжоусских племен на первое и пока что единственное в Китае государство Шан на восточном. Что позволяет предположить либо начало реализации нового осевого ответа, успевшего за это время распространиться по трассе третьего ВОП на запад и восток, либо же прохождение инхроимпульса новой инхроники и распространение ответа (ответов) уже на нее.

Что касается просто новых осевых ответов, то тогда не совсем понятно откуда, зачем и почему в осевом будущем мог появиться ни оловянный, ни бронзовый ВШП, да еще так рано. Если же предположить, что в данном случае наблюдаются следствия прохождения новой инхроники, то многое, если не все, сразу становится понятным. Во-первых, ясно, что новая инхроника входит в непримиримое противоречие с оловянно-бронзовой торговлей, а возможно, и со всем оловянно-бронзовым производством в целом, – иначе ВШП не сменил бы ВОП. Во-вторых, новая инхроника чем-то родственна осевой инхронике, как-то связана с ней, может, осевая инхроника является частью новой инхроники, или же всего лишь так или иначе пересекается с ней – иначе как бы прохождение инхроимпульса новой инхроники или какие-то сторонние пусковые события, инициировавшие в 1600 г. до н.э. данное прохождение, смогли бы сменить осевое инхроническое будущее? В-третьих, сразу можно сказать, что инхроимпульс новой инхроники прошел в самом начале второго “двухосного” периода метаморфоз, т.е. в 1600 г. до н.э., что тотчас (в историческом масштабе времени) установило в осевом инхроническом будущем ВШП. И что инхроимпульс, возможно, прошел где-то близ середины степной трассы третьего ВОП, может, чуть ближе к Европе, что объяснило бы почти синхронное появление охваченных этой инхроникой народов на границах переднеазиатской и восточноазиатской цивилизаций в XII-XI вв. до н.э.

Однако все это пока что эскизно, шатко, многое еще может меняться, что-то уйдет, что-то добавится... Более полные и точные характеристики

новой инхроники будут выявлены в первом этюде следующей хронографии, когда мы определимся с ведущим процессом новой инхроники, а сейчас... Сейчас мы можем лишь констатировать, что все дальнейшие культурно-исторические события, явления и процессы уже протекали под знаком аж целых трех инхроник: осевой, новой, плюс еще и аридной инхроники до конца аридной инхрозоны в ~1000 г. до н.э. Поэтому к полноценному и продуктивному их исследованию можно будет приступить только в следующей хронографии.

И пока что не поздно добавить еще один штрих – о том образовании, которое обычно именуют Евразийской металлургической провинцией (ЕАМП), в полном смысле данного понятия можно говорить только после начала исчезновения третьего ВОП из осевого инхронического будущего в ~1500 г. до н.э., когда главный центральный евразийский участок третьего ВОП от Днепра до Алтая начинает замыкаться в своих ресурсно-природных границах (см. Рис 4.25), и только среднеазиатский очаг оловянно-бронзовой металлургии в долине реки Зеравшан продолжает поддерживать некоторую связь с внешним миром и будущим ВШП. Параллельно и синхронно со становлением ЕАМП с ~1500 г. до н.э. замыкаются и соседние участки исчезающего третьего ВОП, постепенно превращаясь в соответствующие металлургические провинции: Восточноазиатскую на востоке и Европейскую на западе.

Заключение

До сих пор в предыдущих частях настоящего исследования мы ставились исключительно с ведущими потоками природного происхождения: вымирание плейстоценовой мегафауны в экологической инхроне, подъем вод мирового океана в неолитической инхроне и глобальный рост засушливости климата, приведший к наступлению пустынь на плодородные земли по всей планете, в аридной инхроне. И если в первой экологической инхроне в роли ведущего потока выступал непосредственно сам процесс вымирания мегафауны, за которым, правда, также стоял природно-климатический процесс значительных стадийных колебаний климата в периодах MIS 4 и MIS 3, то в неолитической и аридной инхроне в качестве, так сказать, *внешнего* ведущего потока мы уже видели процесс роста демографического напряжения в некоторых конкретных геоландшафтных и геоклиматических зонах, который в свою очередь определялся соответствующими природными процессами: подъемом вод мирового океана в неолите и засухой с наступлением пустынь в аридной инхроне.

Было предположено, что такое замещение истинных ведущих природных потоков их социально-популяционными проявлениями, т.е. неблагоприятной демографией, вызвано было большей склонностью архетипического подсознания людей к мотивациям социального или биологического происхождения, нежели природно-климатического, ввиду большей близости первых к нуждам и потребностям людей, к их обыденной хозяйственной деятельности, а в результате – лучшего коллективного подсознательного понимания происходящего в далеком инхроническом будущем. В конце концов, скажем, у такого явления как эпохальная засуха имелось множество планетарных последствий, однако людей больше всего волновали мало-предсказуемые угрозы роста демографического напряжения, т.е., попросту говоря, нехватка пищевых и иных ресурсов (но прежде всего все-таки пищевых, поскольку потребности в остальных ресурсах в основном тоже сводились к потребностям в пище – в настоящем или в будущем) на душу населения, особенно в результате влияния каких-то внешних сторонних факторов, особенно в регионах непосредственно самой засухой незатронутых или слабо затронутых. И только ближе к концу инхроны, когда первые ответы на инхронику уже несколько порастратили совокупную инхроэнергетику общества, в ответах социумов начинает все больше и больше проскальзывать их зависимость от истинных природных ведущих потоков данной инхроны, во всяком случае, в плане синхронизации уже и с ними. Но отнюдь не в связи с ростом непосредственного влияния природы на людей, хозяйство, общество, а ввиду роста ее прямого воздействия на ход реализации ответов на инхронику – не будь этих ответов, население некоторых регионов, возможно, вообще не очень-то заметило бы данные природные катаклизмы или хотя бы не столь остро реагировало бы на различные колебания климата, извержения, наводнения и пр.

Однако в осевой инхроне все переменялось самым коренным образом – истинным ведущим потоком в ней выступил вполне себе социально-экономический, а не природный, как раньше, процесс развития мировых торговых путей, принадлежащий общечеловеческой системе, которая обрала все без исключения социумы на планете, включая таким образом их в себя. Можно было бы подумать, что на момент прохождения осевого инхроимпульса в ~3200 г. до н.э. люди в результате развития в предыдущих инхроне, таких как переход к производящему хозяйству в неолите и ста-

новление металлургии и ирригации в аридной инхроне, уже не так уж и сильно зависели от природных катаклизмов сама разного типа, чтобы будущие угрозы природного происхождения вызывали бы прохождение инхроимпульсов к их сообществам. И это, конечно, тоже... Но не только. Прохождение осевого инхроимпульса совпадает по времени с появлением первых цивилизованных обществ на Ближнем Востоке – в Египте и Месопотамии. При этом очевидно, что осевая инхроника никак не могла быть причиной зарождения первой цивилизации в Передней Азии: во-первых, потому что, как мы видели, осевая инхроника появляется в этом регионе несколько позже – в или после ~3000 г. до н.э.; во-вторых, как было показано, все предыдущее аридное социально-экономическое и политическое развитие переднеазиатского населения неумолимо вело к зарождению ирригационной цивилизации вдоль участков крупных ближневосточных рек (Нила, Евфрата и Тира), попадавших в аридную ландшафтно-климатическую зону, которая со временем все более и более аридизировалась.

И тем не менее прохождение осевого инхроимпульса было каким-то загадочным образом увязано с появлением феномена цивилизации, поскольку, кроме синхронности момента прохождения инхроимпульса появлению цивилизации в Египте и Двуречье, на несколько сот лет раньше в результате проникновения в ~3500 г. до н.э. аридной инхроники в Китай становится неизбежным зарождение самостоятельной восточноазиатской цивилизации, независимой от переднеазиатской, а основным посылом и смыслом осевой инхроники, собственно говоря, и было установление в весьма отдаленном будущем торговых связей между двумя этими цивилизациями (см. в первом этюде настоящей хронографии и в восьмом этюде предыдущей Хронографии №3). Плюс ко всему этому само прохождение инхроимпульса к сообществам Северо-Западной Индии порождает здесь феномен Индской цивилизации, как зачастую называют Хараппу.

Таким образом, констатируем, что появление инхроники с социальным, а не природным, ведущим процессом стало возможным только после зарождения в общечеловеческой системе феномена цивилизации. Да и само превращение хаотического конгломерата слабовзаимодействующих друг с другом родовых общин и племен именно в систему – общечеловеческую социальную систему, – скорее всего, стало возможным в принципе и произошло только после появления первой самой ранней переднеазиатской цивилизации, а не с установлением разветвленной сети стабильных (я даже сказал бы: статичных) торговых маршрутов Великого шелкового пути (ВШП), как можно было бы подумать. ВШП – это всего лишь следствие и внешнее проявление общечеловеческой системы, которая начала складываться на 3000 лет раньше него.

И тогда имеем: прохождение социального инхроимпульса было вызвано, с одной стороны, ослаблением зависимости человеческих коллективов от природных процессов и катаклизмов, а с другой – зарождением общечеловеческой социальной системы, в свою очередь обусловленное появлением первых цивилизованных сообществ в Передней Азии. Столь важная системообразующая роль цивилизации могла быть вызвана только одним уникальным ее свойством – способностью одних процессов цивилизованных сообществ получать инхроимпульсы от других процессов *этого же* сообщества, названных нами внутренними инхроимпульсами, поскольку вместе с цивилизацией сообщество получало возможность одной своей частью получать инхроимпульсы от будущих состояний других своих частей, т.е. у цивилизованного сообщества появляется принципиальная возможность по-

лучения инхроимпульсов от своих *собственных* будущих внутренних состояний, чего ранее не наблюдалось ни у одной социальной системы. И инхроника эта внутренняя, исходя из будущего одной части-процесса социальной системы, была сугубо социальной, т.е. обладала ведущим процессом социального происхождения. Что, собственно говоря, сразу как только возникла цивилизация в Египте и Нижней Месопотамии, и сформировало общечеловеческую систему, обладающую той же самой способностью получения одними своими частями социальных инхроимпульсов и соответствующей социальной инхроники от будущего других своих частей. Да, на тот момент общечеловеческая система была цивилизацией лишь одной чрезвычайно малой своей ближневосточной частью, но она тотчас после этого уже фатально стала цивилизованной практически в планетарном масштабе в весьма отдаленном будущем, причем даже не осевом инхроническом будущем, а в выходящем далеко за границы осевой инхрозоны. И это сокрытое во мраке грядущих эпох будущее на ничтожно краткий миг сошлось с ее куцем цивилизованным ближневосточным настоящим в ~3200 г. до н.э., и...

И в только-только возникшей или даже в еще только нарождающейся общечеловеческой системе незамедлительно запускается процесс прохождения первого социального инхроимпульса – осевого – от будущих состояний процесса развития мировых (т.е. общечеловеческих) торговых путей. Но что примечательно, осевой инхроимпульс пришел не к появившимся первыми египетским и месопотамским цивилизованным сообществам, а к халколитическому (т.е. во многом еще неолитическому) населению Булуджистана и Северо-Западной Индии.

В связи с чем обратим внимание на еще одну особенность внутренних инхроимпульсов цивилизованных сообществ, а именно – на способность получения внутреннего инхроимпульса от будущих состояний одного внутреннего ведущего социального процесса (чаще всего это ответ на внешнюю инхронику, такую как осевая, аридная и т.п.) сразу несколькими внутренними процессами, например, такими как развитие социальной организации, хозяйственной деятельности или даже политического устройства общества. Образцы чего неоднократно приводились на предыдущих страницах настоящего исследования, но обычно для краткости мы объединяли несколько внутренних процессов-приемников под одним названием: социально-политический, социально-экономический и т.д. И почему бы тогда не допустить, что и процессы общечеловеческой системы уже тогда, на заре планетарной цивилизации, также обладали тем же асимметричным свойством прохождения инхроимпульсов – от одного к нескольким?

В таком случае можно смело выдвигать еще одно предположение о том, что осевой инхроимпульс вполне мог пройти не только к некому одному конкретному индийскому или белуджистанскому социуму, но еще и к какому-то другому социуму или даже социумам в каких-то других довольно отдаленных от Индии географических местоположениях. Однако рассмотренное во всех предыдущих этюдах данной хронографии распространение осевой инхроник ни в коей мере не нуждается в таких дополнительных механизмах и при этом неплохо ложится на имеющийся на настоящий день археологический материал. Правда, при этом мы планомерно упускали из виду один особый случай – американский континент, – который на момент прохождения осевого инхроимпульса в ~3200 г. до н.э. и даже тысячелетиями позже обладал практически нулевой связностью с остальным миром – совсем уж гипотетические или даже откровенно полуфантастические предположения о столь ранних возможных контактах населения Старого Света с

обитателями Нового Света мы обсуждать не будем, поскольку у нас и без того уже перебор с чересчур смелыми гипотезами. И тем не менее с того же ~3200 г. до н.э., совершенно синхронно с прохождением осевого инхроимпульса в Индию, у некоторых американских сообществ уже наблюдаются кое-какие следы деятельности, опережающей текущие нужды общества (краткий предварительный обзор проблемы см. в Заключение предыдущей Хронографии №3).

Таким образом, сочетание данной синхронности с элементами опережающего развития общества не оставляет нам ничего иного, как предположить, что одновременно с населением Северо-Западной Индии осевой инхроимпульс, был получен, надо полагать, еще и населением тихоокеанского побережья севера-запада Южной Америки (Перу), где как раз с ~3200 – ~3000 гг. до н.э. наблюдаются первые следы опережающего развития^[1], что и положило начало движению к цивилизации на американском континенте. Один любопытный штрих, с которым не знаю даже, что и делать, – Америка, меду прочим, была открыта европейцами при поисках морских путей в ту же самую Индию, и до сих пор наименования “индеец” и “индиец” перекликаются друг с другом...

Синхронное прохождение двух осевых инхроимпульсов и стало тем самым решающим фактором, который связал обе существенно разъединенные до того части – обитателей Старого и Нового Света – в единую общечеловеческую систему, обладающую, как и цивилизации, механизмом прохождения внутренних инхроимпульсов даже между пока еще нецивилизованными своими частями-процессами. Да, еще не в инхроническую систему, такую как, скажем, родовая община или государство, которые, наверное, уже впору называть не просто системами, а организмами, где связь между настоящим и будущим осуществляется не одними лишь единичными инхроимпульсами, но носит куда более фундаментальный тотальный и постоянный характер^[2], и тем не менее – в систему.

Все это – прохождение инхроимпульсов и формирование общечеловеческой системы – происходило вместе и сразу, одновременно, синхронно и слитно, ни одна из ветвей хода событий не имела причинного или какого-либо иного приоритета перед другой, поскольку ни система не могла быть образована без этих инхроимпульсов, ни инхроимпульсы не могли пройти без общечеловеческой системы. Казалось бы, тупик, взаимная блокировка или дедлок (deadlock), как говорят программисты... Но, нет – так это выглядит только внешне, так сказать, на макроуровне, а на микроуровне конкретных маленьких шагов, шажков, обе ветви шаг за шагом, плотно переплетаясь друг с другом, действовали кооперативно, ни в коей мере не противореча одна другой ни на едином из этих шагов, так как обе они определялись одним и тем же фактором, а именно – осевым инхроническим будущим, которое стало фатальным и неизбежным с появлением переднеазиатской цивилизации. А сочетание обоих осевых инхроимпульсов в таком случае можно считать самой первой, самой глубинной Осью, но не между переднеазиат-

^[1] J. Haas, W. Creamer, A. Ruiz “Dating the Late Archaic occupation of the Norte Chico Region in Peru”, *Nature*, 432, 2004, pp. 1020–1023; C. C. Mann “Oldest Civilization in the Americas Revealed”, *Science*, 307, 2005, pp. 34–35; D. H. Sandweiss et al. “Chapter 2. Mid-Holocene climate and culture change in coastal Peru” in D. G. Anderson, K. A. Maasch, D. H. Sandweiss (eds.) “Climate Change and Cultural Dynamics: A Global Perspective on Mid-Holocene Transitions”, 2007, pp. 25–50.

^[2] Наверное, на страницах настоящего исследования все-таки не совсем уместно касаться подобных явлений глубинной организации материи, тем более что с ними можно подробно ознакомиться в другой моей работе “Ступени иерархии”.

ской и восточноазиатской цивилизациями (это всего лишь лик данной глубинной Оси, обращенный к Старому Свету), а между Старым и Новым Светом.

И с этой точки зрения любопытно было бы взглянуть на второй – американский – ее лик, чтобы выяснить, в чем же тогда заключался интерес индейского населения Америки к осевому инхроническому будущему? Иначе говоря, чем определялась мотивационная сфера индейцев, способствующая приему осевого инхроимпульса? Однако вопрос этот непростой к тому же весьма специфичный и выходит далеко за рамки одной лишь осевой инхрозоны, так что, в двух заключительных словах на него не ответить. Поэтому вернемся к нему в следующей хронографии – может быть... – когда разговор пойдет, скажем, о завоевании Америки испанцами, или, когда будем изучать причины и мотивы морских экспедиций китайцев империи Мин на их огромных кораблях в Индию и Восточную Африку в начале XV в. до н.э. и последовавшее вскоре неожиданное, казалось бы, совершенно беспричинное свертывание столь дальней экспансии минцев, а может, и того ранее – при обсуждении причин заселения островной Юго-Восточной Азии австронезийскими племенами, а затем экспансии их потомков полинезийцев на острова Тихого океана... Заметим, что все эти процессы выходят далеко за верхнюю границу осевой инхрозоны, по крайней мере, хотя бы одной своей частью, поэтому займемся ими в следующей хронографии, но только в том случае, если в ней найдется место для всех этих рассуждений. Пока же можно лишь предположить: а что если верхние границы осевых инхрозон в Старом и Новом Свете не совпадали друг с другом? Такое, наверное, в принципе возможно, но только в том случае, если верхняя граница осевой инхрозоны не являлась достаточно фатальным элементом осевой инхроники.

Кстати, тяготение самых ранних центров монументальной архитектуры в Америки именно к тихоокеанскому побережью в контексте осевой инхроники может свидетельствовать об инхронических ожиданиях первого осевого индейского населения подключения американского континента к мировой всепланетной торговой Оси со стороны запада, т.е. из Восточной Азии, а не с востока, из Европы и Атлантики, как это произошло в действительности много тысячелетий спустя...

Но, похоже, мы несколько увлеклись, чрезмерно углубляясь в слишком уж гипотетические и пока что голословные дебри, зато насчет степени фатальности и тем более неизбежности других элементов осевого инхронического будущего в его старосветском исполнении стоило бы поговорить прямо сейчас.

В предыдущих инхрознах мы уже сталкивались с различными неожиданными инхроникой сторонними воздействиями на ведущий процесс как в глобальном планетарном масштабе, так и в региональных его проявлениях. Например, такие как катастрофические спад уровня разливов Нила в Египте в ~2200 г. до н.э. Однако, благодаря вполне определенной инерционности природных процессов и их повышенной устойчивости, со временем последствия этих сторонних вмешательств в ведущий процесс нивелировались, природно-социальная среда постепенно входила в свою прежнюю колею и социумы продолжали реализацию своих прежних ответов на инхронику, может быть, с небольшими коррекциями.

Совсем иное дело осевая инхроза, в которой инхроника впервые была получена не от протекания некоего природного ведущего процесса, а от ведущего социального процесса мировых торговых путей общечеловеческой системы, процессы которой ввиду много большей ее сложности по

сравнению с чисто природной средой были куда более чувствительны к различным сторонним воздействиям как природного происхождения, так и социального. Этой же намного большей сложностью общечеловеческой системы и настолько же меньшей, чем у природных процессов с их весьма протяженной временной шкалой, инерционностью социальных процессов определяются и существенно более значимые последствия сторонних воздействий на ведущий процесс и на природно-социальную среду, в которой осуществляется реализация ответов на инхронику социального происхождения.

Если, скажем, принято считать, что взмах крыльев бабочки в атмосфере в принципе способен породить тайфун или торнадо в противоположном полушарии планеты, то это исключительные чрезвычайно маловероятные случаи, которые ответы на инхронику, естественно, никоим образом не учитывают да и не могут учесть из-за отсутствия каких-либо инхронических сведений о подобных происшествиях, имеющих совершенно мизерную вероятность проявления в реальности. В социальной же среде схожие мало-значительные события и явления с намного большей вероятностью могут приводить к превращению, условно говоря, “взмаха крыльев бабочки” в “тайфун” (вспомним хотя бы известную английскую песенку “Гвоздь и подкова”^[3]), т.е. к довольно серьезным последствиям. Или, выражаясь языком катастрофистов: сверхсложные социальные системы легче впадают в состояние бифуркации, чем менее сложные природные системы.

В нашей культурно-инхронической модели осевой инхрозоны мы не раз сталкивались с подобными бифуркациями. Например, когда по нашей гипотезе Саргон начал военно-административными средствами направлять почти все малоазиатское олово в Нижнюю Месопотамию, то это совершенно незначительное с точки зрения всемирно-исторического процесса событие привело к замещению первого ВОП вторым ВОП, распространению оловянно-бронзовых литейных технологий в Северной Евразии, затем еще и к смене второго ВОП третьим ВОП, в конце концов замещенным выбивающимся из общей колеи ВШП. Мало того, все это сопровождалось гибелью множества культур, стран, народов почти по всей Евразии и появлением вместо них совсем других этнокультурных образований. Такая вот “тайфунная бабочка”...

В итоге столь высокая сложность общечеловеческой социальной системы ведет к значительному понижению фатальности протекающих в ней процессов. И инхроническая информация от будущего события-источника ведущего потока начинает нести в себе уже не только и даже не столько сведения о об этом фатальном и неизбежном в том или ином виде событии (как минимум, всегда остается какой-нибудь пусть даже и слабовыраженный его след), но все больше о наиболее вероятных на момент приема ин-

^[3] В переводе С. Маршака:

Не было гвоздя -
Подкова пропала.
Не было подковы -
Лошадь захромала.
Лошадь захромала -
Командир убит.
Конница разбита -
Армия бежит.
Враг вступает в город,
Пленных не щадя,
Оттого, что в кузнице
Не было гвоздя.

хроимпульса контекстах реализации данного фатального события в будущем – где, когда, в каком направлении, каким маршрутом, в каких объемах и т.п. Элементы такого вероятностного контекстуального обрамления события-источника можно назвать условно фатальными, поскольку они фатальны лишь про соблюдении неких вполне определенных конкретных условий, о которых инхроника, впрочем, не несет никакой информации.

И ответы социумов на инхронику, на будущее вполне фатальное событие-источник в ведущем процессе в условиях дефицита полностью фатальных атрибутов данного события-источника начинают ориентироваться на условно фатальную, но при этом довольно вероятную, атрибутику события-источника. И если эти весьма вероятные условно фатальные атрибуты в результате какого-нибудь, возможно, незначительного стороннего воздействия на ведущий поток и/или среду реализации ответа все же вдруг исчезают из инхронического будущего, то мы и наблюдаем ту самую чехарду сменяющих друг друга ВОП, разрушение ответов, распад и исчезновение стабильных до того культурно-исторических сообществ и прочие “прелести” социальной бифуркации.

К слову сказать – похоже на то, что даже верхняя граница осевой инхрозоны была условно фатальной, поскольку момент осевого события-источника (появление ВШП в конце II в. до н.э.) во времени слишком далеко отстоит от момента установления ВШП в осевом инхроническом будущем в ~1600 г. до н.э. Скорее всего, первоначально во времена приема и распространения осевой инхроники и даже потом при черед смен ВОП осевая инхроника должна была завершиться где-то вблизи окончания аридной инхрозоны в ~1000 г. до н.э., что в общем-то неудивительно поскольку сама осевая инхроника была запущена чисто аридными процессами, а именно, развитием нижнемесопотамского торгово-металлургического аридного ответа. И завершиться, надо полагать, окончательным построением третьего ВОП со всеми его продолжениями и ответвлениями в Европе и в Азии, в том числе и с подключением самых дальних от него забайкальских источников олова. Однако прохождение инхроимпульса новой инхроники сломало все эти осевые оловянно-бронзовые ответы и построения и отодвинуло событие-источник осевой инхроники аж на тысячу лет позже в конец II в. до н.э., когда на свет божий только-только появился принципиально не бронзовый ВШП. Все это в итоге привело к глубочайшему спаду осевой инхроэнергетики в большинстве осевых сообществ от Европы до Китая на подходе к концу аридной инхрозоны и сразу после ее окончания в ~1000 г. до н.э., продолжавшимся несколько веков – так называемые “темные века”. К тому же, не исключено, что и растяжение момента наступления события-источника в конце II в. до н.э. до периода становления ВШП с конца II в. до н.э. по начало III в. н.э. тоже дело рук новой инхроники.

Таким образом, человечество вместе с осевой инхроникой выходит из длительной эпохи устойчивых природных ведущих процессов и входит в неведомые мутные воды социальной инхроники, к тому же еще и во многом условно фатальной. И уже можно не сомневаться, что и все следующие за ней инхрозоны по типу ведущего процесса также окажутся социальными, а не природными...

Литература

Н. А. Аванесова "Святылище ранних номадов Зеравшана" в Н. Ф. Степанова (ред.) "Афанасьевский сборник 2", Барнаул: Азбука, 2012, стр. 8–27.

В. И. Авдиев "История Древнего Востока", издание третье, М.: «Высшая школа», 1970.

И. П. Алаева "Раннеалакульские памятники Урало-Казахстанского региона", Вестник археологии, антропологии и этнографии, № 3 (34), 2016, стр. 78–85.

Ю. В. Андреев "От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III—начало I тыс. до н. э.)", СПб.: «Дмитрий Буланин», 2002.

Е. В. Антонова "Обряды и верования первобытных земледельцев Востока", М.: Наука, 1990.

В. В. Бобров "Характеристика андроновской культуры Кузнецко-Салаирской горной области", Известия Иркутского государственного университета, Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология, №2 (3), 2013, стр. 84–92.

В. В. Бобров "Особенности андроновского погребального обряда в восточных районах ареала культуры" в сборнике В. И. Молодин, А. В. Епимахов (ред.) "Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях. Сборник памяти Е. Е. Кузьминой", Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014, стр. 268–278.

Н. Ф. Богословская "К проблеме сложения халафской культуры", Советская археология, № 2, 1972.

С. В. Большов "Лесная полоса Среднего Поволжья в эпоху средней бронзы (проблемы культурогенеза первой половины II тысячелетия до н.э.)", автореферат докторской диссертации, Казань, 2011.

Б. М. Бонгард-Левин (ред.) "История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации", Часть вторая "Передняя Азия. Египет", М.: Наука, 1988.

Г. М. Бонгард-Левин (ред.) "Древние цивилизации", М.: Мысль, 1989.

Г. М. Бонгард-Левин "Древняя Индия. История и культура", СПб.: Алетейя, 2001.

И. Н. Васильева "О технологии изготовления керамики Кокшаровского холма", Вопросы археологии Урала, Вып. 26, 2011, стр. 103–124.

Н. Б. Виноградов “Степи Южного Урала и Казахстана в первые века II тыс. до н.э. (памятники синташтинского и петровского типа)”, Челябинск: Абрис, 2011.

Н. Б. Виноградов “О происхождении и хронологии «алакульской культуры Зауралья». Размышления о концепции С.А. Григорьева”, Вестник археологии, антропологии и этнографии, № 3 (34), 2016, стр. 54–59.

Н. Б. Виноградов “Синташта как транскультурный феномен”, Поволжская археология, №1 (23), 2018, стр. 74–90.

Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов “Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры”, Тбилиси: Издательство Тбилисского университета, 1984.

Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов “Первые индоевропейцы в истории: предки тохар в древней Передней Азии”, Вестник древней истории, № 1, 1989, стр. 14–39.

Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов “Индоевропейская прародина и расселение индоевропейцев: полвека исследований и обсуждений”, Вопросы языкового родства, 9, 2013, стр. 110–136.

А. Н. Гей “Новотитаровская культура (предварительная характеристика)”, Советская археология, №1, 1991, стр. 54–71.

А. Н. Гей “Новотитаровская культура”, М.: ТОО «Старый сад», 2000.

А. Н. Гей “Спорные вопросы и перспективы изучения катакомбной культурно-исторической общности”, КСИА, вып. 225, 2011, стр. 3–10.

Л. А. Гиндин “Некоторые ареальные характеристики хеттского, I” в ежегоднике “Этимология”, том “1970”, М.: Наука, 1972, стр. 272–321.

Л. А. Гиндин “Пространственно-хронологические аспекты индоевропейской проблемы и «Карта предполагаемых прародин шести ностратических языков» В.М. Иллич-Свитыча”, Вопросы языкознания, № 6, 1992, стр. 54–65.

Ю. В. Горбунов “Металлопроизводственная деятельность племен уральской абашевской культуры в Южном Приуралье”, автореферат кандидатской диссертации, Казань, 2008.

О. И. Горюнова, А. Г. Новиков, А. П. Секерин “Нефрит из археологических объектов Приольхонья”, Известия Лаборатории древних технологий, Вып. 5, 2007, стр. 138–145.

С. А. Григорьев “Ближневосточные компоненты в формировании синташтинской культуры и её хронология” в сборнике Д. Г. Зданович

(ред.) “Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала... ”, Часть 2, стр. 32–48.

С. А. Григорьев “Металлургическое производство в Северной Евразии в эпоху бронзы”, Челябинск: Цицеро, 2013.

С. А. Григорьев “Древние индоевропейцы”, Издание 2-е, доп., Челябинск: Цицеро, 2015.

С. А. Григорьев “Проблема хронологии и происхождения алакульской культуры в свете новых раскопок в Южном Зауралье”, Вестник археологии, антропологии и этнографии, № 3 (34), 2016, стр. 44–53.

С. А. Григорьев “Проблемы хронологии синташтинской культуры” в сборнике “Северная Евразия в эпоху бронзы. Культуры, эпохи, технологии. Сборник научных трудов к 80-летию Геннадия Борисовича Здановича”, Челябинск: Издательство Челябинского государственного университета, 2018, стр. 37–61.

С. А. Григорьев, Петрова Л. Ю., Плешанов М. Л., Гущина Е. В., Васина Ю. В. “Поселение Мочище и андроновская проблема”, Челябинск: Цицеро, 2018.

С. П. Грушин “Культура жизнеобеспечения и производства населения степного и лесостепного Обь-Иртышья во второй половине III - первой четверти II тыс. до н.э.”, автореферат докторской диссертации, Барнаул, 2013.

А. Д. Дегтярева “К проблеме генезиса металлообработки синташтинской и петровской культур Южного Зауралья”, Исторический журнал: научные исследования, № 6 (36), 2016, стр. 739–749.

А. Д. Дегтярева, С. П. Грушин, В. М. Шайхутдинов “МЕТАЛЛООБРАБОТКА НАСЕЛЕНИЯ ЕЛУНИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВЕРХНЕЙ ОБИ (предварительные результаты металлографического исследования)”, Вестник археологии, антропологии и этнографии, №2 (13), 2010, стр. 27–35.

И. М. Дьяконов “Языки древней Передней Азии”, М.: «Наука», 1967.

И. М. Дьяконов (ред.) “История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации”, Часть первая “Месопотамия”, М.: Наука, 1983

И. М. Дьяконов (ред.) “История древнего мира”, Книга 1 “Ранняя древность”, Издание 3-е исправленное и дополненное, М.: Наука, 1989.

Т. Я. Елизаренкова “«Ригведа» – великое начало индийской литературы и культуры” в “Ригведа. Мандалы I–IV”, Издание второе, исправленное, М.: Наука, 1999, стр. 426–543.

- Т. Я. Елизаренкова “Ведийский язык”, М.: «Наука», 1987.
- А. В. Епимахов, Н. А. Берсенева “Вариативность погребальной практики синташтинского населения (поиск объяснительных моделей)”, Вестник НГУ, Серия: История, филология, Т. 11, Вып. 3: Археология и этнография, 2012, стр. 148–170.
- В. Епимахов “К вопросу о радиоуглеродной аргументации ранней датировки алакульских древностей”, Вестник археологии, антропологии и этнографии, № 3 (34), 2016, стр. 60–67.
- А. В. Епимахов, Н. А. Берсенева “Металлопроизводство и социальная идентичность по материалам погребальных памятников синташтинской культуры Южного Урала”, Археология, этнография и антропология Евразии, т. 44, № 1, 2016, стр. 65–71
- А. В. Епимахов, И. В. Чечушков “«*Ex oriente lux*»? Генезис колесницы в свете новейших данных археологии”, Вестник Томского государственного университета, № 54, 2018, стр. 155–160.
- Д. Г. Зданович (ред.) “Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала. К 70-летию Геннадия Борисовича Здановича”, в 2-х частях, Челябинск: Издательство Челябинского государственного университета, 2010.
- Ю. Г. Екимов “Протоабашевский керамический комплекс поселения Мельгуново-3 (к вопросу об истоках абашевских древностей)” в сборнике “Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы международной научной конференции”, Чебоксары, 2003, стр. 198–204.
- Г. И. Зайцева, Н. А. Дубова, А. А. Семенцов, П. Реймар, Дж. Мэллори, Х. Юнгнер “Радиоуглеродная хронология памятника Гонур Деде” в В. И. Сариниди и др. (ред.) “Труды Маргианской археологической экспедиции, Том 2”, М.: Старый сад, 2008, стр. 166–179.
- В. В. Иванов “Двадцать лет спустя. О доводах в пользу расселения носителей индоевропейских языков из древнего Ближнего Востока” в Косарев М. Ф. и др. (ред.) “У истоков цивилизации. Сборник статей к 75-летию Виктора Ивановича Сариниди”, М.: «Старый сад», 2004, стр. 41–67.
- М. В. Ивашов “Памятники катакомбного времени на Верхнем Дону”, кандидатская диссертация, Липецк, 2014.
- Э. Кайзер “Проблемы абсолютного датирования катакомбной культуры Северного Причерноморья”, КСИА, вып. 225, 2011, стр. 15–27.
- Ю. Ф. Кирюшин, С. П. Грушин, А. А. Тишкин “Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи”, Том II, Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2011.

А. В. Кияшко “Культурогенез на востоке катакомбного мира”, Волгоград, 2002.

А. В. Кияшко “К вопросу о катакомбно-абашевском взаимодействии” в сборнике “Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы международной научной конференции”, Чебоксары, 2003, стр. 103–106.

А. В. Кияшко, Е. П. Сухорукова “О волго-донском варианте полтав-кинской культуры”, КСИА, вып. 225, 2011, стр. 54–69.

Л. С. Клейн “Древние миграции и происхождение индоевропейских народов”, рукопись неизданной книги: СПб., 2007.

Л. С. Клейн “Время кентавров: степная прародина греков и Ариев”. СПб.: Евразия, 2010.

А. А. Ковалев “Древнейшая миграция из Загроса в Китай и проблема прародины тохаров” в “Археолог: детектив и мыслитель. Сборник статей, посвященный 77-летию Л.С. Клейна”, СПб.: Издательство СПб. университета, 2004, стр. 249–292.

А. А. Ковалев (ред.) “Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемур-чекский культурный феномен”, в двух частях, СПб.: ЛЕМА, МИСР, 2014-2015.

А. Г. Козинцев, В. И. Селезнева “Вторая волна миграции европеоидов в Южную Сибирь и Центральную Азию (к вопросу об индоиранском компоненте в окуневской культуре)” в “Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2014 г.”, СПб.: 2015, стр. 418–429.

С. Н. Корневский “ФЕНОМЕН БОЛЬШИХ МАЙКОПСКИХ КУРГАНОВ: СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВОЙ И КУЛЬТОВЫЙ АСПЕКТЫ СТРОИТЕЛЬСТВА”, КСИА, вып. 224, 2010, стр. 149–170.

С. Н. Корневский “Рождение кургана (погребальные памятники энеолитического времени Предкавказья и Волго-Донского междуречья)”, М.: «ТАУС», 2012.

С. Н. Корневский “Проблемные ситуации «пост-убейдского периода» в Предкавказье (4500—3500 лет до н. э.)”, *Stratum plus*, №2, 2016, стр. 37–62.

Т. И. Корниенко “Первые храмы Месопотамии. Формирование традиции культового строительства на территории Месопотамии в дописьменную эпоху”, СПб.: Алетейя, 2006.

М. Ф. Косарев “Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда”, М.: Наука, 1991.

Д. А. Крайнов “Древнейшая история Волго-Окского междуречья”, М.: «Наука», 1972.

Д. П. Кравец, С. И. Татаринов. “К вопросу о металлургии племен донецкой катакомбной культуры” в сборнике “Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит - бронзовый век): Материалы международной конференции”, Ч. 1, Донецк, 1996, стр. 51–54.

Н. А. Кренке “Москворецкие памятники фатьяновской культуры”, Российская археология, № 4, 2014, стр. 5–18.

П. Ф. Кузнецов, О. Д. Мочалов “Параметры времени культур бронзового века степей Восточной Европы: проблема отражения”, Известия Самарского научного центра РАН, т.17, №3, 2015, стр. 247–251.

Е. Е. Кузьмина “Арии – путь на юг”, М.: Летний сад, 2008.

О. В. Кузьмина “Глава III. Абашевская культура в Самарском Поволжье” в “История Самарского Поволжья с древнейших времён до наших дней. Бронзовый век”, Самара: Издательство Самарского научного центра РАН, 2000, стр. 85–121.

С. В. Кузьминых “Сейминско-турбинская проблема: новые материалы”, КСИА, вып. 225, 2011, стр. 240–253.

С. В. Кузьминых, Р. А. Мимоход “Радиоуглеродные даты Пепкинского кургана и некоторые вопросы хронологии средневожской абашевской культуры” в сборнике “Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н. э.). Круглый стол, посвященный 80-летию со дня рождения С. Н. Братченко (Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2016 г.): Материалы”, СПб., 2016, стр. 39–44.

С. В. Кузьминых, В. Ю. Луньков, Л. Б. Орловская “О металле культового памятника эпохи бронзы на Шайтанском озере (Средний Урал)”, КСИА, вып. 241, 2015, стр. 89–94.

Л. В. Купцова “Ранние памятники срубной культуры в Оренбургском Предуралье: характеристика, проблема происхождения, данные изучения комплексным методом” в сборнике И. И. Бахшиев (ред.) “Историко-культурные процессы на Южном Урале в эпоху поздней бронзы: современные проблемы изучения и сохранения культурного наследия: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Н.Г. Рутто”, Уфа: Диалог, 2016, стр. 117–140.

Ю. Г. Кутимов “Происхождение и пути распространения катакомбного обряда погребения в Средней Азии (по материалам могильников бронзового века)”, кандидатская диссертация, Санкт-Петербург, 2009.

Д. П. Куштан "Трансъевразийский «оловянный» путь эпохи поздней бронзы", Российский археологический ежегодник, № 2, 2012, стр. 246–262.

И. П. Лазаретов "Окуневские могильники в долине реки Уйбат" в Д. Г. Савинов, М. Л. Подольский (ред.) "Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология", СПб., 1997, стр. 19–64.

И. П. Лазаретов "Окуневские личины джойского типа – маркеры древних путей" в "Наскальное искусство в современном обществе (к 290-летию научного открытия Томской писаницы). Материалы международной научной конференции", Том 2, Труды САИПИ, Вып. VIII, Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011, стр. 59–64.

И. П. Лазаретов, А. В. Поляков, Ю. Н. Есин, Н. И. Лазаретова "Новые данные по формированию окуневского культурного феномена" в А. П. Депеняко, А. Б. Куделин, В. А. Тишков (ред.) "Истрико-культурное наследие и духовные ценности России", М.: Российская политическая энциклопедия, 2012, стр. 130–136.

И. П. Лазаретов, А. В. Поляков "Могильник Красный Камень – погребально-ритуальный комплекс ранней бронзы", в сборнике "Теория и практика археологических исследований", №2 (22), Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2018, стр. 21–46.

Р. А. Литвиненко "Культурный круг Бабино (по материалам погребальных памятников)", автореферат докторской диссертации, Киев, 2009.

Р. О. Литвиненко "Бабинсько-криволуцьке порубіжжя" в Р. О. Литвиненко (ред.) Донецький археологічний збірник, № 15, Донецьк: Видавництво Донецького університету, 2012, стр. 47–76.

В. А. Лопатин "Памятники покровского типа: ключевые вопросы историографии (вторая половина XX — начало XXI вв.)", Проблемы истории, филологии, культуры, 3 (41), 2013, стр. 100–113.

В. И. Мельник "Проблема уровней общности катакомбного культурного круга", КСИА, вып. 225, 2011, стр. 10–15.

И. В. Мерц "Керамика раннего бронзового века поселения Шидертинское 2 и могильника Шидерты 10", Вестник археологии, антропологии и этнографии, №2 (29), 2015, стр. 28–37.

И. В. Мерц, С. В. Святко "Радиоуглеродная хронология памятников раннего бронзового века Северо-Восточного и Восточного Казахстана. Первый опыт", Теория и практика археологических исследований, Барнаул: Издательство Алтайского университета, №1 (13), 2016, стр. 126–150.

А. Ю. Милитарев, С. А. Старостин “Общая афразийско-севернокавказская культурная лексика” в С. А. Старостин “Труды по...”, стр. 256–264.

Р. А. Мимоход “Радиоуглеродная хронология блока посткатакомбных культурных образований”, КСИА, вып. 225, 2011, стр. 28–53.

Р. А. Мимоход “О южном компоненте синташтинского культурогенеза” в сборнике Н. А. Макаров, Е. Н. Носов (ред.) “Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда”, Том I, СПб.-М.-Великий Новгород: Институт истории материальной культуры РАН, Том I, 2011, стр. 246–247.

Р. А. Мимоход “Костяные и роговые пряжки финала средней – начала поздней бронзы в Восточной Европе и на Кавказе как хронологические индикаторы и свидетельства культурных контактов”, Археология Восточно-Европейской степи, Вып. 9, Саратов, 2012, стр. 23–44.

Р. А. Мимоход “Полинская культура. Северо-Западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века”, автореферат кандидатской диссертации, Москва, 2013.

Р. А. Мимоход “Посткатакомбный период в Нижнем Поволжье: от криволукской культурной группы к волго-донской бабинской культуре”, КСИА, вып. 232, 2014, стр. 100–119.

Р. А. Мимоход “Глава 4. Культурно-хронологический комментарий к материалам кургана 2 Липецкого могильника” в “Липецкий курган – памятник элиты доно-волжской абашевской культуры”, Липецк, Воронеж: Полиграфическое предприятие «Новый взгляд», 2016, стр. 35–49.

Р. А. Мимоход “Посткатакомбный период в Волго-Уральском регионе” в сборнике “XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г. И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И. Б. Васильева”, Самара: Издательство СГСПУ, 2018, стр. 140–144.

Р. А. Мимоход “Теория оптимального кризиса: экология и адаптация”, Природа, №1, 2019, стр. 43–49.

А. В. Моисеев “Соотношение средневолжских и доно-волжских абашевских древностей (к историографии вопроса)” в сборнике “Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы международной научной конференции”, Чебоксары, 2003, стр. 70–75.

А. В. Моисеев “Изучение абашевских древностей бассейна Дона в отечественной археологии”, Вестник ВГУ, Серия: История, политология, социология, №2, 2006, стр. 48–56.

В. И. Молодин, А. В. Епимахов, Ж. В. Марченко “Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы”, Вестник НГУ, Серия: История, филология, Т. 13, вып. 3: Археология и этнография, 2014, стр. 136–167.

Н. Л. Моргунова “Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно-исторической области”, Оренбург: Издательство ОГПУ, 2-е испр. издание, 2014.

Н. Л. Моргунова “Радиоуглеродная хронология ямной культуры Волжско-Уральского междуречья”, КСИА, вып. 230, 2015, стр. 5–22.

В. В. Напольских “Введение в историческую уралоистику”, Ижевск: Удмурдский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1997.

“Недра Бурятии. Инвестиционные предложения. Моховое месторождение (Sn)”, Республиканский бизнес-центр «Восточные ворота», Улан-Удэ.

Д. В. Нелин “О роли военных факторов в формировании синташтинской культуры” в “Происхождение и хронология синташтинской культуры (материалы заседания...” в сборнике Д. Г. Зданович (ред.) “Аркаиим – Синташта: древнее наследие Южного Урала...”, Часть 2, на стр. 90–91.

И. К. Новиков, И. А. Спиридонов, М. С. Петров “Исследование могильника бронзового века “Курган” в лесостепном Притоболье в 2017 году” в сборнике “XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г. И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И. Б. Васильева”, Самара: Издательство СГСПУ, 2018, стр. 147–148.

В. А. Новоженев “Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии”, М.: Таус, 2012.

Ю. В. Откупщиков “Догреческий субстрат. У истоков европейской цивилизации”, Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1988.

Д. А. Петроченков “Новые аспекты комплексной обработки месторождений олова”, Горный информационно-аналитический бюллетень, № 8, 2007, стр. 214–218.

А. В. Поляков “Радиоуглеродные даты окуневской культуры”, Записки ИИМК РАН, №16, 2017, стр. 52–74.

А. А. Припадчев “О хронологии памятников переходного абашевско-срубного (покровского) времени донской лесостепи и смежных территорий степной зоны”, Вестник ВГУ, Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, № 2, 2009, стр. 190–195.

“Происхождение и хронология синташтинской культуры (материалы заседания круглого стола, г. Челябинск, сентябрь 2005 г.)” в сборнике Д. Г. Зданович (ред.) “Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала...”, Часть 2, стр. 133–184.

А. Д. Пряхин “Погребальные абашевские памятники”, Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1977.

И. В. Пьянков “К вопросу об этнической ситуации в степях Евразии в бронзовом и раннежелезном веках” в сборнике В. И. Молодин, А. В. Епимахов (ред.). “Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях. Сборник памяти Елены Ефимовны Кузьминой”. Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2014, стр. 147–151.

А. Д. Резепкин “Типология мегалитических гробниц Западного Кавказа”, Вопросы археологии Адыгеи, Майкоп, 1988, стр. 156–161.

А. Д. Резепкин “Новосвободненская культура (на основе материалов могильника Клады)”, СПб.: Нестор-История, 2012.

Н. В. Рындина, И. Г. Равич “О металлопроизводстве майкопских племен Северного Кавказа (по данным химико-технологических исследований)”, Вестник археологии, антропологии и этнографии, №2(17), 2012, стр. 4–20.

В. И. Сарияниди “Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб”, Ашхабад: TÜRK MENDÖWLETHABARLARY, 2002.

В. И. Сарияниди “Гонур-депе. Город царей и богов”, Ашхабад: MIRAS, 2005.

В. И. Сарияниди “Маргуш. Тайна и правда великой культуры”, Ашхабад: TÜRK MENDÖWLETHABARLARY, 2008.

Л. М. Сверчков “Тохары. Древние индоевропейцы в Центральной Азии”, Ташкент: SMI-ASIA, 2011.

А. В. Седов (ред.) “История Древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй”, М.: Восточная литература, 2004.

А. Т. Синюк “О хронологическом соотношении культур эпохи бронзы лесостепного Дона” в “Археологические памятники лесостепного Подонья”, Вып. 1, Липецк, 1996, стр. 87–94 (ссылки на данную работу приводятся по изданию А. Т. Синюк “Избранные труды”, Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2014, стр. 531–536).

К. Н. Солодовников “Население Горного и лесостепного Алтая эпохи ранней и развитой бронзы по данным палеоантропологии”, автореферат кандидатской диссертации, Барнаул, 2006.

Л. А. Соколова “Типология погребальных сооружений окуневской культуры” в Д. Г. Савинов, М. Л. Подольский, А. Наглер, К. В. Чугунов (ред.) “Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение”, СПб., 2006, стр. 251–259.

С. А. Старостин “Труды по языкознанию”, М.: Языки славянской культуры, 2007.

С. А. Старостин “Индоевропейско-северокавказские изоглоссы” в С. А. Старостин “Труды по...”, стр. 312–358.

С. А. Старостин “Indo-European glottochronology and homeland” в С. А. Старостин “Труды по...”, стр. 821–826.

В. В. Ткачев “Радиоуглеродная хронология кожумбердынской культурной группы на западной периферии алакульского ареала”, Вестник археологии, антропологии и этнографии, № 3 (34), 2016, стр. 68–77.

Н.А. Ткачёва, А.А. Ткачёв “Роль миграций в развитии андроновской общности”, Археология, этнография и антропология Евразии, 3 (35), 2008, стр. 88–96.

В. А. Трифонов “«Царские» гробницы Арслантепе и Новосвободной: некоторые аспекты сравнительного анализа” в сборнике материалов конференции “Проблемы археологии Нижнего Поволжья”, Волгоград, 2004, стр.56–61.

В. А. Трифонов “Западные пределы распространения майкопской культуры”, Известия Самарского научного центра Российской академии наук, т. 16, №3, 2014, стр. 276–284.

Г. В. Туркин, А. В. Харинский “Могильник Шаманка II: к вопросу о хронологии и культурной принадлежности погребальных комплексов неолита – бронзового века на Южном Байкале”, Известия лаборатории древних технологий, Вып. 2, 2004, стр. 124–158.

С. В. Хаврин “Металлические изделия окуневской культуры” в Д. Г. Савинов, М. Л. Подольский, А. Наглер, К. В. Чугунов (ред.) “Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение”, СПб., 2006, стр. 242–244.

Р. А. Хазов “Геологические особенности оловянного оруденения Северного Приладожья”, Л.: «Наука», 1973.

И. Н. Хлопин “Могильник Пархай II (некоторые итоги исследования)”, Советская археология, 1989, № 3, стр. 113–130.

А. Ф. Шорин, А. А. Шорина “Хроностратиграфия неолитических комплексов святилища Кокшаровский холм”, Археология, этнография и антропология Евразии, 3 (47), 2011, стр. 70–77.

Е. Н. Черных "Формирование евразийского «степного пояса» скотоводческих культур: взгляд сквозь призму археометаллургии и радиоуглеродной хронологии", Археология, этнография и антропология Евразии, 3 (35), 2008, стр. 36–53.

Е. Н. Черных "Степной пояс Евразии: Феномен кочевых культур", М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009.

Е. Н. Черных "Культуры номадов в мегаструктуре Евразийского мира", Том 1, М.: Языки славянской культуры, 2013.

Е. Н. Черных, С. В. Кузьминых "Древняя металлургия Северной Евразии", 1989, М.: «Наука».

И. В. Чечушков "Колесницы евразийских степей эпохи бронзы", Вестник археологии, антропологии и этнографии, № 2 (15), 2011, стр. 57–65.

И. В. Чечушков "Распространение колесного транспорта в свете данных радиоуглеродной хронологии" в А. В. Епимахов (ред.) "Таинство этнической истории древнейших номадов степной Евразии", Алматы: Научно-реставрационная лаборатория «Остров Крым», 2014, стр. 274–283.

Д. И. Эдельман (ред.) "Языки мира. Дардские и нуристанские языки", М.: Индрик, 1999, стр. 98-101.

Д. И. Эдельман "Некоторые проблемы сравнительно-исторического иранского языкознания", Вопросы языкового родства, 1, 2009, стр. 81–94.

References

- K. M. Ahmed "The beginnings of ancient Kurdistan (c. 2500-1500 BC): A historical and cultural synthesis", doctoral dissertation, Leiden University, 2012.
- J. Álvarez-Mon "Elam: Iran's First Empire" in D. T. Potts (ed.) "A companion to the archaeology...", pp. 740–757.
- D. W. Anthony, D. Ringe "The Indo-European Homeland from Linguistic and Archaeological Perspectives", *Annual Review of Linguistics*, 1, 2015, pp. 199–219.
- F. Balossi-Restelli "The beginning of the Late Chalcolithic occupation at Arslantepe" in C. Marro (ed.) "AFTER THE UBAID: INTERPRETING CHANGE FROM THE CAUCASUS TO MESOPOTAMIA AT THE DAWN OF URBAN CIVILIZATION (4500-3500 BC)", Paris, 2012, pp. 235–259.
- H. Basafa, M. H. Rezaei "A Comparative Study of Chlorite Vessels Iconography, Discovered from HalilRud Basin", *Sociology and Anthropology*, 2(5), 2014, pp. 196–200.
- A. Belfer-Cohen, A. N. Goring-Morris "Becoming Farmers: The Inside Story", *Current Anthropology*, Volume 52(S4), 2011, pp. S209–S220.
- P. Bellwood "An Son and the Neolithic of Southern Vietnam", *Asian Perspectives*, Vol. 50, No. 1 & 2, 2013, 144–175.
- J. Bernbeck, O. P. Nieuwenhuys "Established paradigms, current disputes and emerging themes: the state of research on the Late Neolithic in Upper Mesopotamia" in O. P. Nieuwenhuys, R. Bernbeck, P. Akkermans, J. Rogasch (eds.) "Interpreting the Late Neolithic of Upper Mesopotamia", *Publications on Archaeology of the Leiden Museum of Archaeology*, Turnhout (Belgium): Brepols, 2013, pp. 17–37.
- P. Bikouli "Neolithic Houses and Households in Central Anatolia in multi-regional perspective", *vis-à-vis: Explorations in Anthropology*, Vol. 12, No. 1, 2013, pp. 31–53.
- C. Bonsall, M. G. Macklin, A. Boroneanț, C. Pickard, L. Bartosiewicz, G. T. Cook, T. F. G. Higham "Holocene climate change and prehistoric settlement in the lower Danube valley", *Quaternary International*, vol. 378, 2015, pp. 14–21.
- N. Brooks "Beyond collapse: climate change and causality during the Middle Holocene Climatic Transition, 6400-5000 years before present", *Geografisk Tidsskrift – Danish Journal of Geography*, 112 (2), 2013, pp. 93–104.
- T. Bryce "The Kingdom of the Hittites", Oxford University Press, 2005.

N. Çalışkan Kılıç, S. Kılıç, H. Çalışkan Akgül "An archaeometric study of provenance and firing technology of Halaf Pottery from Tilkitepe (Eastern Turkey)", *Mediterranean Archaeology and Archaeometry*, Vol. 17, No 2, 2017, pp. 35–48.

T. Carter "Networks and Neolithisation: sourcing obsidian from Körtik Tepe (SE Anatolia)", *Journal of Archaeological Science*, 40, 2013.

E. Cortesi, M. Tosi, A. Lazzari, M. Vidale "Cultural Relationships beyond the Iranian Plateau: The Helmand Civilization, Baluchistan and the Indus Valley in the 3rd Millennium BCE", *Paléorient*, vol. 34, n°2, 2008, pp. 5–35.

A. Courcier "Ancient Metallurgy in the Caucasus From the Sixth to the Third Millennium BCE" in B. W. Roberts, C. P. Thornton (eds.) "Archaeometallurgy in Global Perspective: Methods and Syntheses", Springer Science, N. Y., 2014, pp. 579–664.

H. Crawford (ed.) "The Sumerian World", N.Y.: Routledge, 2013.

W. Cruells "The Proto-Halaf: Origins, definition, regional framework and chronology" in J. M. Córdoba, M. Molist, M. C. Pérez, I. Rubio, S. Martínez (eds.) "Proceedings of the 5th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East (Madrid, 3–8 April 2006 (Vol. III))", Madrid, 2008, pp. 671–689.

I. De Ryck, A. Adriaens, F. Adams "An overview of Mesopotamian bronze metallurgy during the 3rd millennium BC", *Journal of Cultural Heritage*, 6, 2005, pp. 261–268.

A. Dolgopolsky "Nostratic Dictionary" Third Edition, Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, 2012.

R. P. Evershed, S. Payne, A. G. Sherratt, M. S. Copley, J. Coolidge, D. Urem-Kotsu, K. Kotsakis, M. Özdoğan, Aslı E. Özdoğan, O. Nieuwenhuyse, P. M. M. G. Akkermans, D. Bailey, R.-R. Andeescu, S. Campbell, S. Farid, I. Hodder, N. Yalman, M. Özbaşaran, E. Bıçakçı, Y. Garfinkel, T. Levy, M. M. Burton "Earliest date for milk use in the Near East and south-eastern Europe linked to cattle herding", *Nature*, Vol. 455, 2008, pp. 528–531.

D. Fleitmann, M. Mudelsee, S. J. Burns, R. S. Bradley, J. Kramers, A. Matter "Evidence for a widespread climatic anomaly at around 9.2 ka before present", *Paleoceanography*, 23, Issue 1, 2008, doi:10.1029/2007PA001519.

M. Frangipane "Fourth millennium Arslantepe: the development of a centralised society without urbanisation", *ORIGINI*, XXXIV, 2012, pp. 19–40.

A. Frînculeasa, B. Preda, V. Heyd "Pit-Graves, Yamnaya and Kurgans along the Lower Danube: Disentangling IVth and IIIrd Millennium BC Bur-

ial Customs, Equipment and Chronology”, *Praehistorische Zeitschrift*, 90(1–2), 2015, pp. 45–113.

C. J. Gadd Chapter XIX “The dynasty of Agade and the Gutian invasion” in I. E. S. Edwards, C. J. Gadd, N. G. L. Hammond (eds.) “Early history of the Middle East”, *THE CAMBRIDGE ANCIENT HISTORY*, third edition, Volume I, Part 2, Cambridge University Press, 2008, pp. 417–463.

J. Garner “Bronze Age tin mines in central Asia” in A. Hauptmann, D. Mo-darressi-Tehrani (eds.) “Archaeometallurgy in Europe III. Proceedings of the 3rd International Conference Deutsches Bergbau-Museum Bochum June 29 – July 1, 2011”, Bochum, 2015, pp. 135–143.

A. N. Goring-Morris, A. Belfer-Cohen “Houses and Households: a Near Eastern Perspective” in D. Hofmann, J. Smyth (eds.) “Tracking the Neolithic House in Europe: Sedentism, Architecture and Practice”, 2013.

S. A. Grigoriev “Social Processes in Ancient Eurasia and Development of Types of Alloys in Metallurgical Production”, *Archaeoastronomy and Ancient Technologies*, 5(2), 2017, pp. 17–41.

B. Gurdil “Exploring Social Organizational Aspects of the Ubaid Communi-ties: A Case Study of Değirmen-tepe in Eastern Turkey” in R. A. Carter, G. Philip (eds.) “Beyond the Ubaid: Transformation and Integration in the Late Prehistoric Societies of the Middle East”, Chicago: Oriental Institute of the University of Chicago, 2010, pp. 361–375.

W. Haak, I. Lazaridis, N. Patterson, N. Rohland, S. Mallick, B. Llamas, G. Brandt, S. Nordenfelt, E. Harney, K. Stewardson, Q. Fu, A. Mitnik, E. Bánffy, C. Economou, M. Francken, S. Friederich, R. G. Pena, F. Hallgren, V. Khartanovich, A. Khokhlov, M. Kunst, P. Kuznetsov, H. Meller, O. Mochalov, V. Moiseyev, N. Nicklisch, S. L. Pichler, R. Risch, M. A. Rojo Guerra, C. Roth, A. Szécsényi-Nagy, J. Wahl, M. Meyer, J. Krause, D. Brown, D. Anthony, A. Cooper, K. W. Alt, D. Reich “Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe”, *Nature*, 522, 2015, pp. 207–211.

J. Haas, W. Creamer, A. Ruiz “Dating the Late Archaic occupation of the Norte Chico Region in Peru”, *Nature*, 432, 2004, pp. 1020–1023.

B. K. Hanks, A. V. Epimakhov, A. C. Renfrew “Towards a refined chronol-ogy for the Bronze Age of the southern Urals, Russia”, *Antiquity*, 81, 2007, pp. 353–367.

B. Helwing “The rise and fall of Bronze Age centers around the Central Iranian Desert – a comparison of Tappe Hesār II and Arismān” in *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*, Band XXXVIII, 2006, pp. 35–48.

B. Helwing “Rethinking the tin mountains: Patterns of usage and circula-tion of tin in Greater Iran from the 4th to the 1st millennium BC”, *Tuba-Ar*, 12, 2009, pp. 209–221.

B. Helwing "The Iranian Plateau" in D. T. Potts (ed.) "A companion to the archaeology... ", pp. 501–511.

W. B. Henning "The First Indo-Europeans in History" in G. L. Ulmen (ed.) "Society and History. Essays in Honor of Karl August Wittfogel", The Hague-Paris-New York, 1978, pp. 215–230.

C. Higham, T. Higham, R. Ciarla, K. Douka, A. Kijngam, F. Rispoli "The Origins of the Bronze Age of Southeast Asia", *Journal of World Prehistory*, 24, 2011, pp. 227–274

C. F. W. Higham "Debating a great site: Ban Non Wat and the wider pre-history of Southeast Asia", *Antiquity*, 89(347), 2015, pp. 1211–1220.

C. F. W. Higham, K. Douka, T. F. G. Higham "A New Chronology for the Bronze Age of Northeastern Thailand and Its Implications for Southeast Asian Prehistory", *PLoS ONE* 10(9): e0137542. doi:10.1371/journal.pone.0137542, 2015.

C. F. W. Higham "Reply to responses", *Antiquity*, 89(347), 2015, pp. 1233–1237
J. C. White "Changing paradigms in Southeast Asian archaeology", *Journal of Indo-Pacific archaeology*, 41, 2017, pp. 66–77.

He Huang "The Route of Lapis Lazuli: Lapis Lazuli Trade From Afghanistan to Egypt During Mid-Late Bronze Age", *Advances in Social Science, Education and Humanities Research (ASSEHR)*, volume 183, 2018, pp. 391–399.

J. Huehnergard "Proto-Semitic and Proto-Akkadian" in G. Deutscher, N. J. C. Kouwenberg "The Akkadian language in its Semitic context", Leiden: Nederlands Instituut voor het Nabije Oosten, 2006, pp. 1–18.

C. Iasiello "Using agent based modeling to replicate origins of social complexity: the case of limited evidence in the late Longshan cultures and early Erlitou culture" in *Proceedings of the 2017 Winter Simulation Conference (Las Vegas, Nevada, USA 3-6 December 2017)*, IEEE, IEEE Catalog Number: CFP17WSC-POD, 2017, pp. 4372–4383.

K. Kaniuth "The Metallurgy of the Late Bronze Age Sapalli Culture Southern Uzbekistan and its Implications for the «Tin Question»", *Iranica Antiqua*, vol. XLII, 2007, pp. 23–40.

A. Kassian "Lexical Matches between Sumerian and Hurro-Urartian: Possible Historical Scenarios", *Cuneiform Digital Library Journal*, 4, 2014, pp. 1–23.

A. Kitchen, C. Ehret, S. Assefa, C. J. Mulligan "Bayesian phylogenetic analysis of Semitic languages identifies an Early Bronze Age origin of Semitic in the Near East", *Proceedings of the Royal Society B*, 276, 2009, pp. 2703–2710.

- P. Kohl "The Making of Bronze Age Eurasia", Cambridge University Press, 2007.
- C. C. Lamberg-Karlovsky "The Oxus Civilization", *CuPAUAM*, T. 39, 2013, pp. 21–63.
- C. de Lamberterie "Grec, phrygien, arménien: des anciens aux modernes", *Journal des savants*, 2013, n°1, pp. 3–69.
- R. Law "Evaluating Potential Lapis Lazuli Sources for Ancient South Asia Using Sulfur Isotope Analysis" in C. C. Lamberg-Karlovsky, B. Genito (eds.) "«My Life is like the Summer Rose» Maurizio Tosi e l'Archeologia come modo di vivere. Papers in honour of Maurizio Tosi for his 70th birthday", Oxford: Archaeopress, 2014, pp. 419–429.
- Li Liu "State emergence in early China", *Annual Review of Anthropology*, 38, 2009, pp. 217–232.
- B. Lyonnet "Another Possible Interpretation of the Bactro-Margiana Culture (BMAC) of Central Asia: The Tin Trade" in C. Jarrige, V. Lefevre (eds.) "South Asian Archaeology 2001", Volume 1 Prehistory, Paris: Editions Recherche sur les Civilisations, 2005, pp. 191–200.
- Y. Majidzadeh "Lapis lazuli and the Great Khorasan Road", *Paléorient*, vol. 8, n°1, 1982, pp. 59–69.
- C. C. Mann "Oldest Civilization in the Americas Revealed", *Science*, 307, 2005, pp. 34–35.
- K. Manning, A. Timpson "The demographic response to Holocene climate change in the Sahara", *Quaternary Science Reviews*, 101, 2014, pp. 28–35.
- Z. V. Marchenko, S. V. Svyatko, V. I. Molodin, A. E. Grishin, M. P. Rykun "Radiocarbon chronology of complexes with Seima-Turbino type objects (Bronze Age) in Southwestern Siberia", *Radiocarbon*, Vol 59, Nr 5, 2017, pp. 1381–1397.
- C. Marro "Where did Late Chalcolithic Chaff-Faced Ware originate? Cultural Dynamics in Anatolia and Transcaucasia at the Dawn of Urban Civilization (ca 4500-3500 BC)", *Paléorient*, 36.2, 2010, pp. 35–55.
- C. Marro, V. Bakhshaliyev, R. Berthon "On the Genesis of the Kura-Araxes phenomenon: New evidence from Nakhchivan (Azerbaijan)", *Paléorient*, 40.2, 2014, pp. 131–154.
- I. Mathieson, I. Lazaridis, N. Rohland, S. Mallick, N. Patterson, S. A. Roodenberg, E. Harney, K. Stewardson, D. Fernandes, M. Novak, K. Sirak, C. Gamba, E. R. Jones, B. Llamas, S. Dryomov, J. Pickrel, J. L. Arsuaga, J. M. Bermudez de Castro, E. Carbonell, F. Gerritsen, A. Khokhlov, P. Kuznetsov, M. Lozano, H. Meller, O. Mochalov, V. Moiseyev, M. A. R. Guerra, J. Roodenberg, J. M. Verges, J. Krause, A. Cooper, K. W. Alt, D.

Brown, D. Anthony, C. Lalueza-Fox, W. Haak, R. Pinhasi, D. Reich "Genome-wide patterns of selection in 230 ancient Eurasians", *Nature*, 528(7583), 2015, pp. 499–503.

J. R. McIntosh "The ancient Indus Valley: new perspectives", Santa Barbara: ABC-CLIO, 2008.

Mei Jianjun, Xu Jianwei, Chen Kunlong, Shen Lu, Wang Hui "Recent Research on Early Bronze Metallurgy in Northwest China" in P. Jett (ed.) "Scientific Research on Ancient Asian Metallurgy", Washington, 2012, pp. 37–46.

Jianjun Mei, Yongbin Yu, Kunlong Chen, Lu Wang "The Appropriation of Early Bronze Technology in China" in P. W. Stockhammer, J. Maran (eds.) "Appropriating Innovations Entangled Knowledge in Eurasia, 5000-1500 BCE", Oxford: OXBOW BOOKS, 2017, pp. 231-240.

A. Militarev "Proto-Afrasian Lexicon Confirming West Asian Homeland: Pastoralism", *Вопросы языкового родства*, 1, 2009, pp. 95–106.

Y. Miyake "Excavations at Salat Cami Yanı 2004-2006. A Pottery Neolithic Sites in the Turkish Tigris Valley" in P. Matthiae at al. (eds.) "Proceedings of the 6th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East", Volume 2, Wiesbaden, 2010, pp. 417–429.

N. Nezafati, E. Pernicka, M. Momenzadeh "Introduction of the Deh Hosein ancient tin-copper mine, Western Iran: evidence from geology, archaeology, geochemistry and lead isotope data", *TÜBA-Ar*, 12, 2009, pp. 223–236.

L. Nikolova "Paradigm as a Buried Method in the 21st Century (Pseudoscience in «Massive Migration from the Steppe was a Source for Indo-European Languages in Europe»)", Publication of the International Institute of Anthropology, Salt Lake City: International Institute of Anthropology, 2015.

Y. Nishiaki, M. Le Mièrè "The oldest pottery Neolithic of Upper Mesopotamia: New evidence from Tell Seker al-Aheimar, the Khabur, northeast Syria", *Paléorient*, Vol. 31, №2, 2005, pp. 55–68.

Y. Nishiaki, F. Guliyev, S. Kadowaki "Chronological Contexts of the Earliest Pottery Neolithic in the South Caucasus: Radiocarbon Dates for Göytepe and Hacı Elamxanlı Tepe, Azerbaijan", *American Journal of Archaeology*, 119(3), 2015, pp. 279–294.

M. Novák "Mittani Empire and the Question of Absolute Chronology: Some Archaeological Considerations" in M. Bietak, E. Czerny (eds.) "The Synchronisation of Civilisations in the Eastern Mediterranean in the Second Millennium B.C. III. Proceedings of the SCIEM 2000 – 2nd EuroConference Vienna, 28th of May – 1st of June 2003", Vienna, 2007, pp. 389–401.

J. Oates, "Ur and Eridu, the Prehistory", *Iraq*, 22, 1960, pp. 32–50.

T. Odaka "Neolithic pottery in the northern Levant and its relations to the east" in Y. Nishiaki, K. Kashima, M. Verhoeven (eds.) "Neolithic Archaeology in the Khabur Valley, Upper Mesopotamia and Beyond", *Studies in Early Near Eastern Production, Subsistence, and Environment* 15, Berlin: *ex oriente*, 2013, pp. 205–217.

H. Özbal, A. Adriaens, B. Earl "Hacınebi metal production and exchange", *Paléorient*, 25/1, 2000, pp. 57–65.

M. Özdoğan "Earliest Use of Pottery in Anatolia" in D. Gheorghiu (ed.) "Early Farmers, Late Foragers, and Ceramic Traditions: On the Beginning of Pottery in the Near East and Europe", Cambridge Scholars Publishing, 2009, pp. 22–43.

G. Palumbi "THE ARSLANTEPE ROYAL TOMB AND THE «MANIPULATION» OF THE KURGAN IDEOLOGY IN EASTERN ANATOLIA AT THE BEGINNING OF THE THIRD MILLENNIUM" in "Ancestral Landscapes", TMO 61, Maison de l'Orient et de la Méditerranée, Lyon, 2011, pp. 47–59.

G. Palumbi "The Chalcolithic of Eastern Anatolia" in S. R. Steadman, G. McMahon (eds.) "The Oxford Handbook of Ancient Anatolia 10.000-323 B.C.E.", Oxford University Press, 2011, pp. 205–226.

P. Pavúk, "Minyan or not? The second millennium Grey Ware in western Anatolia and its relation to Mainland Greece" in A. Philippa-Touchais, G. Touchais, S. Voutsaki, J. Wright (eds.) "MESOHELLADIKI. The Greek Mainland in the Middle Bronze Age", *BULLETIN DE CORRESPONDANCE HELLENIQUE*, Supplément 52, 2010, pp. 931–943.

D. T. Potts (ed.) "A companion to the archaeology of the ancient Near East", Wiley-Blackwell, Chichester, 2012.

D. T. Potts (ed.) "The Oxford Handbook of Ancient Iran", Oxford University Press, 2013.

C. Renfrew "Archaeology and Language: The Puzzle of Indo-European Origins", London: Jonathan Cape, 1987.

M. Roaf "Cultural Atlas of Mesopotamia and the Ancient Near East", Oxford: Andromeda, 1996.

M. Rosenberg, R. Nesbitt, R. W. Redding, B. L. Peasnell "Hallan Çemi, pig husbandry, and post-Pleistocene adaptations along the Taurus-Zagros Arc (Turkey)", *Paléorient*, Vol. 24 №1, 1998, pp. 25–41.

A. Russell "Retracing the Steppes: a Zooarchaeological Analysis of Changing Subsistence Patterns in the Late Neolithic at Tell Sabi Abyad, Northern Syria, c. 6900 to 5900 BC", PhD thesis, Leiden University, Leiden, 2010.

A. D. Rubin “The Subgrouping of the Semitic Languages”, *Language and Linguistics Compass*, 2/1, 2008, pp. 61–84.

S. Salvatori, M. Tosi “Shahr-i Sokhta Revised Sequence” in C. Jarrige, V. Lefevre (eds.) “South Asian Archaeology 2001”, Paris: ERC, 2005, pp. 281–292.

A. Sagona “The Archaeology of the Caucasus: From Earliest Settlements to the Iron Age”, Cambridge University Press, 2018.

S. Salvatori “Cultural variability in the Bronze Age Oxus civilisation and its relations with the surrounding regions of central Asia and Iran” in S. Salvatori, M. Tosi (eds.) “Lowlands: Facts and Methodological Proposal for a Redefinition of the Research Strategies”, Oxford, 2008, pp. 75–98.

S. Salvatori “The Margiana Settlement Pattern from the Middle Bronze Age to the Parthian-Sasanian Period: a Contribution to the Study of Complexity” in S. Salvatori, M. Tosi (eds.) “Lowlands: Facts and Methodological Proposal for a Redefinition of the Research Strategies”, Oxford, 2008, pp. 57–74.

S. Salvatori “Bactria-Margiana Archaeological Complex: How Terminology Hides Historical Processes” в Н. А. Дубова и др. (ред.) “Труды Маргианской археологической экспедиции, Том 6, Памяти Виктора Ивановича Сарианиди”, М.: Старый сад, 2016, стр. 449–460.

S. Salvatori, M. Tosi “Some reflection on Shahdad and its place in the Bronze Age Middle Asia” in A. Hakemi “Shahdad. Archaeological excavations of a Bronze Age center in Iran”, *IsMEO Reports and Memoirs*, Vol. XXVII, Rome, 1997, pp. 121–132.

D. H. Sandweiss, K. A. Maasch, C. F. T. Andrus, E. J. Reitz, M. Riedinger-Whitmore, J. B. Richardson III, H. B. Rollins “Chapter 2. Mid-Holocene climate and culture change in coastal Peru” in D. G. Anderson, K. A. Maasch, D. H. Sandweiss (eds.) “Climate Change and Cultural Dynamics: A Global Perspective on Mid-Holocene Transitions”, 2007, pp. 25–50.

G. Shelach, Y. Jaffe “The Earliest States in China: A Long-term Trajectory Approach”, *Journal of Archaeological Research*, 22, 2014, pp. 327–364.

P. Steinkeller “The Role of Iran in the Inter-Regional Exchange of Metals: Tin, Copper, Silver and Gold in the Second Half of the Third Millennium BC” in K. Maekawa (ed.) “Ancient Iran. New Perspectives from Archaeology and Cuneiform Studies. Proceedings of the International Colloquium held at the Center for Eurasian Cultural Studies, Kyoto University, December 6-7, 2014”, *Ancient Text Studies in the National Museum*, Vol. 2, 2016, pp. 127–150.

T. Stöllner, Z. Samashev, S. Berdenov, J. Cierny, M. Doll, J. Garner, A. Gontscharov, A. Gorelik, A. Hauptmann, R. Herd, G. A. Kusch, V. Merz, T. Riese, B. Sikorski, B. Zickgraf “Tin from Kazakhstan – Steppe Tin for the

West?" in Ü. Yalçın (ed.) "Anatolian Metal V", Bochum, 2011, pp. 231–251.

V. Svyatko, I. V. Mertz, P. J. Reimer "Freshwater Reservoir Effect on Redating of Eurasian Steppe Cultures: First Results for Eneolithic and Early Bronze Age Northeast Kazakhstan", *Radiocarbon*, Vol. 57, Nr 4, 2015, pp. 625–644.

H. Tekin "New discoveries concerning the relationship between the upper Tigris region and Syro-Cilicia in the Late Neolithic", *Anatolian Studies*, 57, 2007, pp. 161–169.

C. P. Thornton "Iran" in D. T. Potts (ed.) "A companion to the archaeology...", pp. 596–606.

A. W. Weber, R. Bettinger "Middle Holocene hunter-gatherers of Cis-Baikal, Siberia: An overview for the new century", *Journal of Anthropological Archaeology*, 29, 2010, pp. 491–506.

A. W. Weber, R. J. Schulting, C. B. Ramsey, V. I. Bazaliiskii, O. I. Goriunova, N. E. Berdnikova "Chronology of middle Holocene hunter-gatherers in the Cis-Baikal region of Siberia: Corrections based on examination of the freshwater reservoir effect", *Quaternary International*, Vol. 419, 2016, pp. 74–98.

J. C. White, E. G. Hamilton "The Transmission of Early Bronze Technology to Thailand: New Perspectives", *Journal of World Prehistory*, 22, 2009, pp. 357–397.

J. White "Comment on 'Debating a great site: Ban Non Wat and the wider prehistory of Southeast Asia'", *Antiquity*, 89(347), 2015, pp. 1230–1232.

R. Woodhouse "An overview of research on Phrygian from the nineteenth century to the present day", *Studia Linguistica*, vol. 126, 2009, pp. 167–188.

Qinglong Wu, Zhijun Zhao, D. E. Granger, Hui Wang, D. J. Cohen, Xiaohong Wu, Maolin Ye, O. Bar-Yosef, Bin Lu, Jin Zhang, Peizhen Zhang, Daoyang Yuan, Wuyun Qi, Linhai Cai, Shibiao Bai "Outburst flood at 1920 BCE supports historicity of China's Great Flood and the Xia dynasty", *Science*, 353, 2016, pp. 579–582.

K. A. Yener, F. Kulakoğlu, E. Yazgan, R. Kontani, Y. S. Hayakawa, J. W. Lehner, G. Dardeniz, G. Öztürk, M. Johnson, E. Kaptan, A. Hacı "New tin mines and production sites near Kultepe in Turkey: a third-millennium BC highland production model", *Antiquity*, 89 (345), 2015, pp. 596–612.